UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322678 4

СЕСТРЫ

ХРОНИКА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ РОМАНАХЪ

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

СЕСТРЫ

ХРОНИКА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ РОМАНАХЪ

РОМАНЪ ПЕРВЫЙ: — ГНѢЗДО
РОМАНЪ ВТОРОЙ: — НЕПОСѢДА
РОМАНЪ ТРЕТІЙ: — СУПРУГЪ
РОМАНЪ ЧЕТВЕРТЫЙ: — ПРИМАДОННА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАНИ“ БЕРЛИНЪ

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

Amfiteatrov, Aleksandr Valentinovich

Sestry

ГНѢЗДО

РОМАНЪ

ЛЭ 1930г. I, 116: „Портретъ фи... Предпол. что Собин-ли инте... литературныхъ общественно-модныхъ ... кружкахъ"

Владимиръ, Сч-342; Шурыгина

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАНИ" БЕРЛИНЪ

Зар... Страх...

PG
3451
A7S3
1922
t. 1

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S. 14, DRESDNERSTRASSE 82-83

ОТЪ АВТОРА.

Романъ-хроника «Сестры» основанъ на подлинныхъ запискахъ русской артистки, оперной пѣвицы, названной въ романѣ именемъ Марьи Павловны Урошичъ. Подъ этимъ именемъ мы и будемъ ее знать. Записки свои она передала мнѣ вмѣстѣ съ пояснительною частью своего семейнаго архива, разрѣшивъ воспользоваться ими по усмотрѣнію. Запискамъ, по множеству затронутыхъ въ нихъ живыхъ лицъ всякаго званія, сословія и состоянія — отъ рубища до короны, — врядъ ли суждено увидѣть свѣтъ раньше будущихъ тридцатыхъ, а то и сороковыхъ годовъ. Ожидающему ихъ систематизатору онѣ дадутъ много хлопотъ, такъ какъ представляютъ собою груду бумажныхъ клочковъ, исписанныхъ безпорядочными отрывками на трехъ языкахъ — русскомъ, французскомъ и итальянскомъ — съ одинаково произвольною орѳографіей, которую сама артистка имѣетъ обыкновеніе опредѣлять весьма юмористически, и, часто, съ убійственны-

ми сокращеніями словъ и фразъ[1]). Цѣлыя страницы покрыты іероглифами блѣдной карандашной скорописи, значеніе которыхъ иногда исчезло уже изъ памяти самой мемуаристки и, слѣдовательно, теперь врядъ ли расшифруетъ ихъ даже профессоръ Никольскій, такъ хорошо разбирающій каменныя рукописанія древнихъ обитателей страны Урарту.

Записки распадаются на три части. Изъ нихъ первая, обнимающая юные годы М. П. Урошичъ до ея замужества, послужила мнѣ матеріаломъ для «Сестеръ». Вторая содержитъ исторію не совсѣмъ счастливаго супружества Марьи Павловны и ухода ея изъ семьи на сцену. Третья — самая обширная — посвящена ея театральнымъ воспоминаніямъ.

Первая глава «Сестеръ» — «Медвѣжій Уголъ» — изложена настолько близко къ разсказу М. П. Урошичъ, что при первомъ печатаніи этого отрывка, въ

---

[1]) Напримѣръ, — даже съ выправленною уже орѳографіей и со словами, раздѣленными для ясности точками:

„Дядя Нефт. К под. див. прят. К) с. кр. Тка на м. пох. под. ключ. лаз. ящ. Со м. Ст. усп. сгв. Без. него. прп. Сдр. но сдѣл. Евг. взб. крч. переметна сума. Усп. ост. сл. пр. проч. комп. подсуд. Всѣх. над. Щедр. Іуд. Евл. Хар. взял. восп. птом. люб.“... И т. д.

Что, по расшифровкѣ, сообразной другимъ, болѣе яснымъ страницамъ, должно обозначать:

„Дядя Неофитъ. Какъ подъ диванъ прятался. Консисторская крыса. Тетка на маминыхъ похоронахъ подобрала ключи, лазила въ ящики. Соломонида Степановна успѣла (съ дядей) сговориться. Безъ нея пропали бы. Содралъ, но сдѣлалъ. Евгенія взбѣсилась, кричала (на дядю): „переметная сума“. Успѣлъ оставить службу прежде, чѣмъ прочую компанію (отдали) подъ судъ. Всѣхъ надулъ. Щедринскій Іудушка. Евлампію, Харитину взялъ (на) воспитаніе, (а) потомъ (въ) любовницы“... И т. д.

сокращенномъ видѣ, я далъ ему подзаголовокъ: — «Человѣческій документъ». И, дѣйствительно, мнѣ въ «Медвѣжьемъ углѣ» принадлежатъ только: группировка эпизодовъ и заполненіе проваловъ между ними логическою и хронологическою связью, расширеніе нѣкоторыхъ бытовыхъ подробностей и драматизація, т.-е. обращеніе кое-гдѣ повѣствованія въ дѣйствіе и разсужденій a parte, до которыхъ М. П. Урошичъ большая охотница, въ діалоги и сцены. То же самое я могъ бы сказать и о всѣхъ остальныхъ главахъ, но въ нихъ готовый лѣтописный матеріалъ былъ гораздо скуднѣе по количеству и почти совсѣмъ уже не обработанъ, а потому романъ получилъ болѣе свободы и чаще беретъ верхъ надъ хроникою. Къ вымыслу въ точномъ значеніи этого слова мнѣ и не хотѣлось, и не пришлось прибѣгать. Но я считалъ себя въ правѣ, когда мнѣ казалось умѣстнымъ, обращаться къ тому привычному мнѣ собирательному методу, которымъ характеризуются «Викторія Павловна», «Восьмидесятники» и, вообще, мои сочиненія въ беллетристической формѣ. То есть — если я видѣлъ намекъ на интересный типъ въ разсказѣ М. П. Урошичъ, я дополнялъ и выяснялъ его чертами изъ аналогичныхъ «человѣческихъ документовъ», буде они имѣлись у меня лично или я могъ найти ихъ въ соотвѣтственной достовѣрной литературѣ. Какъ примѣръ, укажу на главу «Сестра Елена», гдѣ я использовалъ, для декораціи, обстановку и бытъ одного парижскаго дома, принадлежавшаго и, кажется, еще принадлежащаго особѣ, украшенной громкимъ аристократическимъ именемъ, которая не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ Еленою

Костенецкой, кромѣ приверженности къ мистическому эстетизму и экзотикѣ. Такъ, въ третьей главѣ «Разгонъ» къ разсказу М. П. Урошичъ объ играхъ и забавахъ въ женской мастерской я добавилъ народную игру въ «Мадамъ Мавруху», записанную мною въ Казани, лѣтъ 30 тому назадъ. Такъ, Павлу Петровичу Крѣпышеву я подарилъ хрустальнаго пѣтуха, принадлежавшаго въ дѣйствительности нѣкоему Ртищеву, богатому помѣщику Лихвинскаго уѣзда, Калужской губерніи, а по смерти его унаслѣдованнаго моимъ дѣдомъ, протоіереемъ Иваномъ Филипповичемъ Чупровымъ. И много другого, что, такъ сказать, удлиняетъ или утолщаетъ «линію», выявляя ее въ рельефъ.

Трехъязычность записокъ, ихъ конспективный характеръ и полная беззаботность мемуаристки о связности разсказа заставили меня отказаться, за немногими исключеніями, отъ общей «стилизаціи» ея повѣствованія въ свойственный ей стенографически скачущій слогъ. А, въ то же время, не хотѣлось мнѣ придавать хроникѣ окончательно характеръ романа манерою искусственнаго разсказа въ третьемъ лицѣ. Поэтому я избралъ для «Сестеръ» тотъ типъ и тонъ полуисторической, полухудожественной лѣтописи, которымъ отличены, напримѣръ, весьма любимыя мною Теккереевы «Записки Барри Линдона»: бытовой разсказъ, въ характерѣ личной исповѣди, ведомой отъ имени ирландскаго джентельмена XVIII вѣка. Вѣдь, какъ въ «Запискахъ Барри Линдона» дѣло, по существу, совсѣмъ не въ самомъ Барри Линдонѣ, а въ удивительной средѣ его удивительныхъ похожденій, такъ

и въ «Сестрахъ», собственно говоря, дѣло совсѣмъ не въ М. П. Урошичъ, а въ томъ, чего она вокругъ себя смолоду насмотрѣлась, натерпѣлась и о чемъ, натерпѣвшись и насмотрѣвшись, надумалась написать.

Въ «Сестрахъ» иногда встрѣчаются имена современныхъ или недавно сошедшихъ съ житейской сцены дѣятелей и писателей, упоминаются Бальмонтъ, Брюсовъ, гр. Ал. Н. Толстой, Лохвицкая и др., романъ даже прямо начинается — вродѣ эпиграфа — колкою фразою покойнаго Д. В. Григоровича. Жду за это обычно дѣлаемаго мнѣ упрека, что я жертвую художественностью «фельетонизму». Но на этотъ разъ не беру на себя вины, потому что М. П. Урошичъ, — подобно большинству начитанныхъ русскихъ женщинъ, да еще при томъ обладая хорошею памятью и широкимъ и разнообразнымъ кругомъ интеллигентнаго знакомства, накоплявшагося около сорока лѣтъ, — любитъ отражать излюбленныя имена въ своей мысли и словѣ: съ кѣмъ поспоритъ, на кого сошлется, кого кстати помянетъ добромъ, кого лихомъ. Послѣднихъ случаевъ я, впрочемъ, очень избѣгалъ — и, ужъ если никакъ нельзя было обойтись безъ нихъ по ходу разсказа, то оставлялъ только иниціалы, а если и они оказывались неудобно прозрачными, подставлялъ далеко уводящій отъ догадокъ псевдонимъ. Если бы я не убралъ, по крайней мѣрѣ, двухъ третей этого разнообразно-именного бисера, то, по обилію его, иныя страницы М. П. Урошичъ напоминали бы полемическія статьи Г. В. Плеханова: извѣстно, что болѣе усерднаго, искуснаго и точнаго цитатора кстати нѣтъ въ русской литературѣ.

Кое о чемъ еще слѣдовало бы предварить читателя, но, такъ какъ это кое-что въ гораздо большей мѣрѣ относится ко второму тому «Сестеръ», то и откладываю разговоръ — тѣмъ болѣе, что говорятъ, длинное предисловіе — злѣйшій врагъ книги, а я уже написалъ довольно таки длинное.

Александръ Амфитеатровъ.

Roma.
1915. IV 23.

ОТЪ АВТОРА — КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Между первымъ изданіемъ «Гнѣзда», увидѣвшимъ свѣтъ почти въ самый канунъ революціи 1917 г., и настоящимъ вторымъ легла полоса великой исторической катастрофы. Въ ужасахъ ея русская литература замолкла и обмерла. Рабство, голодъ, холодъ, тюрьмы, разстрѣлы оцѣпенили ее, запуганную и измученную, долгимъ летаргическимъ сномъ. Понемногу просыпаясь теперь, подобно сказочной царевнѣ, отъ безглагольнаго омертвѣнія, она видитъ себя перенесенной на чужую сторону и въ условіяхъ жизни, перевернутой вверхъ дномъ. Мы ушли отъ недавняго прошлаго столь рѣшительно и далеко, что едва ли не всѣ наши дореволюціонныя бытописанія принимаютъ теперь характеръ и значеніе «историческихъ романовъ». Къ моей хроникѣ «Сестры» это значеніе приходитъ тѣмъ естественнѣе, что она, построенная на подлинныхъ мемуарахъ, никогда и не имѣла иной цѣли, какъ запечатлѣть въ широкой и подробной бытовой картинѣ нѣкоторую часть отжитаго русскаго времени. Къ сожалѣнію, она, часть эта, — гораздо менѣе давняя, чѣмъ, казалось бы, позволялъ думать ея угрюмый колоритъ, въ сопоставленіи съ внѣшнимъ блескомъ нашей еще вчерашней, но сегодня уже разрушенной культуры. Благосклонный критикъ покойныхъ «Русскихъ Вѣдомостей», рецензируя «Гнѣздо», нашелъ, что во многихъ бытовыхъ

подробностяхъ романъ даетъ болѣе жуткія впечатлѣнія чѣмъ даже «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова. Я не смѣю и думать о сравненіи своихъ произведеній съ мощнымъ творчествомъ великаго писателя, котораго отъ юности привыкъ почитать главнымъ своимъ учителемъ. Но есть въ «Гнѣздѣ» одно обстоятельство, дѣйствительно, болѣе жуткое для современнаго читателя. Вѣдь эпоха моего романа гораздо позже эпохи «Господъ Головлевыхъ», — частію дѣтей, частію непосредственныхъ сосѣдей и наслѣдниковъ крѣпостного права. Вѣдь моя повѣствовательница, М. П. Урошичъ, вошла въ сознательную жизнь, когда періодъ крестьянской реформы даже модный тогдашній романистъ-реакціонеръ В. Маркевичъ опредѣлялъ уже датою «Четверть вѣка назадъ». Вѣдь бытъ и дѣйствіе «Гнѣзда» развивались и наслоялись уже въ Россіи, почитавшей себя свободною и просвѣщенною, а отчасти соприкасаются даже съ Россіей, начинавшей почитать себя «утонченною».

Военно-революціонное семилѣтіе 1914 — 1921 гг. загромоздило нашу память почти непроглядною тьмою новыхъ впечатлѣній. За ними какъ бы спряталась отъ насъ все, что мы дѣлали, что думали до роковыхъ рубежей 19 іюля 1914 года, 27 февраля и 25 октября 1917-го. Пересматривая свой романъ для настоящаго изданія, я имѣлъ совершенно новую, оригинальную для автора возможность — прочитать его заброшенныя страницы съ критическимъ любопытствомъ, словно не свое, а чужое произведеніе. И вотъ, при этомъ-то вглядываніи какъ бы со стороны, я съ особеной силой ощутилъ ту хронологическую жуткость, о которой я толь-

ко что говорилъ. Потому что бытовое безобразіе «Гнѣзда» представилось мнѣ, пережившему соціально-политическое безобразіе русской коммуны, уже не болѣзненнымъ наростомъ, не историческимъ увѣчьемъ, какъ почти безсознательное крѣпостническое безобразіе «Головлевыхъ», но — едва ли не органическимъ тяготѣніемъ къ грязи, жестокости и распутству извѣчной и неизбывной азіатчины. Молніи октябрьской революціи освѣтили намъ, какъ былъ тонокъ, жидокъ и непроченъ, столь блистательный съ поверхности, слой нашей русской культуры, и какъ мало дорожили имъ бездонныя народныя глубины. Равнодушно, безъ малѣйшаго спора и сожалѣнія, передали онѣ его на растерзаніе шайкѣ насильниковъ-разрушителей и сами, съ величайшимъ наслажденіемъ, приняли участіе въ ломкѣ, попятившей наше отечество на три вѣка назадъ, къ дѣяніямъ и нравамъ Смутнаго Времени. Включительно до голода съ людоѣдствомъ, какъ при Борисѣ Годуновѣ, включительно до обращенія брака въ случайное схожденіе двуногихъ самцовъ и самокъ, какъ въ станѣ Болотникова. Кто винитъ въ томъ народъ, кто интеллигенцію. Я далекъ сейчасъ отъ мысли не только рѣшать сейчасъ этотъ споръ, но даже въ него вмѣшиваться. Но перечитывая въ «Гнѣздѣ» страницы, напоминающія, какія черныя и лживыя бездны таились подъ слоемъ русской образованности и какъ близко отъ его поверхности онѣ уже открывались, я думалъ, что разсказы М. П. Урошичъ явятся теперь, хотя отдаленнымъ, но не лишнимъ историко-бытовымъ комментаріемъ къ загадкѣ: почему такъ легко и беззащитно рухнула повсемѣстно старая русская культура? Почему

ея уничтоженіе приняло такой бѣшенный темпъ и—мало сказать — звѣрскій, — радостно-скотскій характеръ? Почему ея искренніе жрецы, представители и борцы не нашли въ хаосѣ родной страны, обращенной въ какую-то огненную трясину, ни одной твердой точки опоры, и вотъ, въ концѣ концовъ — о, позоръ и горе! — холодная, умная, трезвая мачеха Европа оказывается для нихъ болѣе отечествомъ, чѣмъ весьма пылкая, но совершенно одурѣвшая въ пьянствѣ кровью и грязью, мать Россія...

Въ настоящемъ изданіи я повторяю «Гнѣздо» нарочно безъ всякихъ перемѣнъ противъ перваго, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, гдѣ измѣнившіяся цензурныя условія позволяютъ теперь большую откровенность въ именахъ, титулахъ и фактахъ, чѣмъ возможно было въ 1915—1917 годахъ.

Александръ Амфитеатровъ.

Прага.
1922. II. 1.

I.

МЕДВѢЖІЙ УГОЛЪ.

Вотъ, говорятъ, въ русской жизни нѣтъ ничего необыкновеннаго, если не считать приключеній политическихъ и революціонныхъ. Покойный пріятель мой, Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, такъ, бывало, и говорилъ мнѣ сколько разъ:

— Душа моя, русскій романъ приключеній умеръ съ крѣпостнымъ правомъ и покореніемъ Кавказа. Съ нынѣшней полиціей и мировыми судами никакихъ романическихъ происшествій и Аммалатъ Бековъ въ Россіи быть не можетъ, а могутъ быть только скандалы, а, послѣ скандаловъ, протоколы, а, послѣ протоколовъ, репортерскія замѣтки въ городской хроникѣ.

Я родилась послѣ освобожденія крестьянъ. Когда — не скажу, чтобы читатель не могъ сдѣлать поправки въ энциклопедическихъ словаряхъ, дѣлающихъ мнѣ честь отмѣчать скромную мою дѣятельность и существованіе, — и тѣмъ обидѣть женщину, еще не желающую считать себя старухою. Однако въ жизни моей было много необыкновеннаго и романическаго. И

вокругъ меня, съ самаго ранняго моего дѣтства, были необыкновенные и романическіе люди. Необыкновенны были мои родители Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ и супруга — а, можетъ быть, и не супруга — его, а, можетъ быть, и не его, — Марья Михайловна, урожденная Урошичъ. Необыкновенна судьба большинства изъ многочисленныхъ сестеръ моихъ. Словно вихремъ разбросало ихъ по бѣлому свѣту такъ причудливо, что, если бы мнѣ случилось попасть на необитаемый островъ, моею первою мыслью было бы:

— А которая-то Павловна изъ насъ, сестеръ Крѣпышевыхъ-Урошичъ здѣсь гдѣ-нибудь ютится?

Потому что есть у меня сестры, которыя бываютъ въ царскихъ и королевскихъ дворцахъ на балахъ и раутахъ, и есть сестры, которыя только съ того живутъ, что имъ и мужьямъ ихъ даютъ собственноручно возлѣлываемые поля и огороды. Есть у меня сестра, аристократка, теософка въ Парижѣ, покойной Блаватской другъ, фантастическая всемірная путешественница. И была у меня сестра, всю свою жизнь не выѣзжавшая изъ большого села, въ которое отдана она была, дѣвочкой, недостигшею даже узаконенныхъ шестнадцати лѣтъ, замужъ за мѣщанина Ивана Ѳедотовича Копылова, державшаго до введенія винной монополіи питейный домъ, а послѣ введенія винной монополіи тоже питейный домъ, только съ прозваніемъ чайной. И, что всего удивительнѣе, эта сестра, Соня, просидѣвшая весь вѣкъ около мужа кабатчика, несчетно рожая ему дѣтей, была изъ насъ самая живая, бойкая, подвижная. Мы ее такъ и звали въ домашней кличкѣ — «блоха». А та, Елена, которой суждено

было, невѣсть зачѣмъ, обскакать весь міръ, и даже не однажды, была флегма и недвига, холодная безмужница, разводка послѣ двухъ лѣтъ брака, разрушеннаго ея отвращеніемъ къ супружеской жизни, бездѣтная и всю жизнь не имѣвшая, кажется, другихъ истинныхъ привязанностей, кромѣ собачекъ, обезьянокъ и попугаевъ, которыхъ она возила за собою цѣлый звѣринецъ.

Въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ русскихъ встрѣтила я однажды двухъ сестеръ своихъ такъ, что одна, Евгенія, была губернаторша, а другая, Евванѳія, политическая ссыльная, присланная подъ надзоръ полиціи, замужемъ за рабочимъ, тоже поднадзорнымъ. И обѣ другъ о дружкѣ слышать не хотѣли, говорили съ пѣною у рта и считали каждая каждую самою позорною тварью на свѣтѣ. А когда я гастролировала въ Брюссельскомъ La Monnaie, то однажды получила неожиданный визитъ отъ нѣкой госпожи Агаты Томсонъ, которая оказалась любимою сестрою моею, Агаѳьей Павловной, сбѣжавшей изъ дома въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, и съ тѣхъ поръ о ней двадцать же лѣтъ слишкомъ не было ни слуха, ни духа. По-русски госпожа Томсонъ едва уже говорила, а профессію имѣла—держала два ресторана, одинъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, другой въ городѣ. Супругъ же ея, мистеръ Генри Авраамъ Вашингтонъ Томсонъ, оказался чернымъ-пречернымъ, въ сажень роста, негромъ, чэмпіономъ бокса, который долженъ былъ бѣжать изъ Америки, потому что уходилъ страшными своими кулачищами бѣлаго противника. И хотя сразу разбогатѣлъ отъ поставленныхъ за него пари, но жизнь

его съ того времени обратилась въ вѣчное ожиданіе револьвернаго выстрѣла изъ-за угла, чашки кофе съ стрихниномъ, либо нападенія цѣлой вооруженной толпы, которая рано или поздно его линчуетъ... Вотъ ужъ жизнь этой моей сестры Агаши, первой между нами красавицы, — такой романъ съ приключеніями, точно Богъ заказалъ сочинить судьбу ея Александру Дюма или Понсонъ дю Террайлю.

Вы спросите:

— Да это цѣлый календарь. Сколько же, наконецъ, всѣхъ-то васъ было?

А вотъ сейчасъ — объ этомъ.

Мать мою, Марью Михайловну Крѣпышеву, урожденную Урошичъ, я вспоминаю, какъ безусловно самую красивую и величественную женщину, которую я видѣла въ жизни своей, даромъ что исколесила всѣ части свѣта, а Европу и Америку — смѣю похвалиться — даже во всѣхъ направленіяхъ. Такія Юноны или Цереры рѣдко сходятъ съ небесъ на землю, особенно, въ наши сѣверные края, подъ сѣрое небо, въ холода и слякоть.

Ужъ во истину была женщина-богатырь! Когда пожилые годы принесли мнѣ ту досадную полноту, которая рано или поздно настигаетъ почти каждую пѣвицу, какъ неумолимый губитель-врагъ, журналы часто острили надъ крупностью моей фигуры, особенно, бывало, если приходилось выступать въ какой-нибудь оперѣ, имѣя партнеромъ малорослаго тенора или баритона. Посмотрѣли бы эти остряки родительницу мою! Я, сравнительно съ нею, — какъ дѣвочка. Ботъ была бы Брунгильда для Вагнеровой «Валькі-

ріи»! Куда до нея Феліи Литвинъ! Только, что пришлось бы одѣвать парикъ, потому что Брунгильду принято изображать златокудрою, а у мамы чудные волосы ея были темные: еще немножко сгустить тѣнь — и брюнетка. Впечатлѣнія брюнетки она, однако, не производила. Южно-славянская кровь предковъ, сербовъ Урошичей, сказывалась въ мягкой яркости карихъ очей и страстной прелести рта, вооруженнаго алыми губками въ чуть замѣтной темной опушкѣ, полными такого властнаго соблазна, что за удовольствіе цѣловать ихъ не мало мужчинъ рады были погубить свои буйныя головы. И первый между ними — родитель нашъ, кому настоящій, кому — по имени, Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ. Такою запечатлѣлась мама въ моей памяти и встаетъ передо мною — стоитъ лишь зажмурить глаза — какъ живая. А вѣдь я начинаю помнить ее женщиною уже въ лѣтахъ, послѣ, по крайней мѣрѣ, дюжины родовъ.

Вышла замужъ она восемнадцати лѣтъ, въ супружествѣ пробыла тридцать лѣтъ и наплодила потомство въ двадцать одну душу. Я — ея двѣнадцатый ребенокъ. Исчислю ужъ календарь-то этотъ, чтобы послѣ не объяснять каждую сестру въ отдѣльности, какъ и откуда она вдругъ въ разсказѣ моемъ является. Передо мною были: Евлалія, Дмитрій, Евгенія, Елена, Петръ, Андрей, Юлія, Елизавета, Дарья, Наталья, Агаѳья; послѣ меня: Софья, Павелъ, Антонина, Акилина, Евванѳія, Ольга, Евлампія, Харитина, Ксенія. Послѣдняя, когда маменька умерла, осталась двухмѣсячною и, конечно, быстро отправилась за покойницею. Мальчики всѣ, кромѣ Петра, перемерли въ раннемъ

возрастѣ и по тому, каковъ вышелъ Петръ, боюсь, что, — хоть и грѣшно такъ говорить, — не приходится жалѣть о нихъ. Изъ дѣвочекъ, наоборотъ, маленькими умерли только три: Юлія, Ольга и Ксенія. Остальныя всѣ достигли зрѣлаго возраста и, какъ я раньше говорила уже, имѣли чрезвычайно разнообразную женскую судьбу. Сравнительно рано умерли только Соня, вышедшая замужъ слишкомъ рано и быстро истощенная слишкомъ частыми родами, да Лиза, имѣвшая несчастіе быть выданною замужъ за негодяя, который погубилъ ее, заразивъ дурною болѣзнью, что привело за собою чахотку, быстро сломившую ея богатырскую натуру... Съ сестрою Лизою мы были такъ похожи лицомъ, что насъ едва различали, — она лишь чуть-чуть была выше и шире меня и волосами посвѣтлѣе... Вотъ люди находили, что у меня былъ голосъ хорошъ, и сдѣлала я имъ себѣ карьеру, нажила славу и состояніе... А — между тѣмъ — чего же стоилъ мой голосъ противъ Лизина! У нея въ груди былъ колоколъ серебряный, неслыханной красоты. А способности къ музыкѣ имѣла такія, что, не зная нотъ, по слуху, запоминала, — только наиграть или напѣть ей, — цѣлыя аріи... А чувства-то сколько было! А темпераментъ! А экспрессія! Я не имѣю причинъ жаловаться на свою артистическую карьеру, но, если-бы на моемъ мѣстѣ была Лиза, я увѣрена, она покорила-бы себѣ міръ, какъ Шаляпинъ, Карузо, а изъ женскихъ современныхъ знаменитостей я даже и не знаю, кого назвать, ей равную по природнымъ средствамъ... Вмѣсто того, эта богато одаренная женщина сгнила — въ самомъ буквальномъ смыслѣ — заживо сгнила въ за-

холустьи, замужемъ за дряннымъ сифилитикомъ-землемѣромъ... Когда я видѣла сестру Лизу въ послѣдній разъ, она, въ двадцать два года, казалась шестидесятилѣтнею старухою и изъ горла ея, вмѣсто недавняго дивнаго голоса-колокола, слышалось шипѣніе подколодной змѣи... Какъ ни жаль было Лизу, а приходилось радоваться, что она умерла, смертью избавившись отъ своихъ позорныхъ страданій. Но досадно было, что мерзавецъ, ее погубившій своимъ предательствомъ, не только пережилъ ее, но еще и успѣлъ найти другую жалкую дурочку, которую точно такъ-же отравилъ и разложилъ своимъ ядомъ... Неужели такія вещи будутъ еще долго дѣлаться на землѣ и медицина не получитъ права слѣдить за браками людей, представляющихъ собою ходячіе пузырьки смертельной отравы? неужели государства, къ стыду и вреду своему, будутъ терпѣть этотъ злѣйшій видъ обманнаго медленнаго убійства?

Итакъ, вотъ сколько было дѣтей у Павла Петровича Крѣпышева и Марьи Михайловны Урошичъ, — Крѣпышевыхъ-Урошичъ, какъ насъ стали звать впослѣдствіи въ отличіе отъ просто Крѣпышевыхъ. А иныя изъ насъ, я, напримѣръ, предпочли впослѣдствіи остаться съ одною материнскою фамиліей, совсѣмъ отбросивъ имя Крѣпышевыхъ. Оно осталось — у тѣхъ, которыя сохранили на него право, — только въ документахъ да для оффиціальныхъ сношеній. Я это имя искренне не люблю и, когда читатель узнаетъ, почему, — я думаю, онъ согласится, что я на то имѣю право.

Исчисливъ произведенія брака, разскажу происхожденіе, бытъ и судьбы производителей.

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія весьма блестящій гвардеецъ аристократическаго кавалерійскаго полка, ротмистръ Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ, имѣлъ, спьяну и сдуру, несчастіе усумниться за карточнымъ столомъ въ чистотѣ игры одного изъ великихъ князей. Когда этотъ господинъ въ отвѣтъ на дерзкое сомнѣніе, бросилъ ротмистру карты въ лицо, ротмистръ не могъ ни вызвать обидчика на дуэль, ни, вообще, получить удовлетвореніе въ какой-либо такой формѣ, чтобы затѣмъ можно было остаться въ полку. Великолѣпному гвардейцу пришлось, ни за что, ни про что, снять мундиръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предаться въ когти кредиторовъ, которые его, какъ человѣка съ безнадежно разрушенною карьерою, растерзали бы, если-бы не пришло неожиданное избавленіе. Въ одинъ прекрасный день, чрезъ нѣкоторую весьма знатную даму, имѣвшую репутацію свахи и посредницы романическихъ интригъ въ самыхъ, что ни есть, высокихъ сферахъ, Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ получилъ предложеніе жениться. Невѣстою предлагали прелестнѣйшую семнадцатилѣтнюю красавицу, слегка нѣмецкаго происхожденія, только что окончившую курсъ въ самомъ аристократическомъ изъ нашихъ институтовъ, съ прекраснымъ приданымъ и съ очень хорошимъ именемъ, громкимъ въ военной исторіи Николаева времени. Назовемъ эту петербургскую сильфиду хоть Маргаритою Карловною фонъ-Рейнъ. Весьма изумленный такою неожиданною благодатью, Павелъ Петровичъ могъ только отвѣчать, что

честь подобнаго союза превышаетъ всѣ его мечты и надежды. Но съ какихъ же поръ жареные рябчики сами летятъ людямъ въ ротъ? Чему онъ обязанъ? Вѣдь съ предлагаемою невѣстою онъ даже не знакомъ... Тогда ему объяснено было съ достаточною откровенностью, что бракъ этотъ затѣянъ особою, еще болѣе высокопоставленною, чѣмъ та, которая такъ жестоко разбила его карьеру, — именно затѣмъ, чтобы хоть отчасти вознаградить Павла Петровича за понесенное оскорбленіе. Эта вторая, еще болѣе высокопоставленная, особа принимаетъ въ будущей невѣстѣ ротмистра Крѣпышева большое участіе, которое злые языки и даже заграничная пресса толкуютъ, къ сожалѣнію, въ совсѣмъ нежелательную сторону. Дурные слухи и толки чрезвычайно волнуютъ отца и мать дѣвушки, людей, какъ извѣстно Павлу Петровичу, болѣе, чѣмъ почтенныхъ. И, вотъ, родители и высокопоставленный покровитель пришли къ соглашенію, что дѣвушку надо выдать замужъ...

— И выбрали въ женихи нищаго офицера съ битымъ лицомъ, но съ хорошей фамиліей, — подумалъ Павелъ Петровичъ. — Недурную роль мнѣ предлагаютъ.

И безъ церемоніи спросилъ — въ упоръ:

— А она на которомъ мѣсяцѣ?

Старую сваху эта кавалерійская откровенность нисколько не покоробила. Съ совершеннымъ спокойствіемъ объяснила она, что дѣло еще не зашло настолько далеко, чтобы уже считать мѣсяцы, а такъ лишь... существуетъ маленькое подозрѣньице. Очень можетъ быть даже, что и вовсе нѣтъ ничего, и хитрая

дѣвочка, которая очень и очень неглупа и имѣетъ преумную мать, только симулируетъ свое положеніе, въ расчетѣ крѣпче привязать къ себѣ высокопоставленнаго покровителя. А онъ въ ней души не чаетъ, и его семья боится, чтобы, съ появленіемъ плода любви, связь эта не стала опасною для фамильнаго союза. Супругу свою, весьма добродѣтельную, но и столько же некрасивую и скучную нѣмку, высокопоставленный покровитель нисколько не любитъ и — чего добраго, не развелся бы съ нею, если дѣвочка того потребуетъ. А такая опасность грозитъ не только скандаломъ ряду репутацій, которыхъ не должно касаться даже подозрѣніе, но чуть-ли не катастрофой политическому равновѣсію Европы. Такъ вотъ, бракомъ, который предлагается Павлу Петровичу Крѣпышеву, высокопоставленная семья намѣрена убить — однимъ выстрѣломъ — нѣсколько зайцевъ.

Во-первыхъ, дать юной дѣвицѣ семейное положеніе и прекратить соблазнъ черезчуръ откровеннаго романа, прежде чѣмъ родитель, старый генералъ былого вѣка, который, покуда, еще истины не подозрѣваетъ, успѣетъ вломиться въ амбицію и натворить, въ отмщеніе за оскорбленную честь дома, какихъ-нибудь грубыхъ скандаловъ.

Во-вторыхъ, устроить Павлу Петровичу нѣкоторый, хотя бы лишь матеріальный, реваншъ за понесенную обиду.

Въ-третьихъ — лишить честолюбивую дѣвицу возможности обратить высокопоставленнаго своего покровителя изъ любовника въ законнаго, хотя бы и въ тайномъ бракѣ, супруга.

Въ-четвертыхъ — сохранить худой миръ лучше доброй ссоры съ родною семьей, законной супругой покровителя — нѣмцами сверхъ-знатными, чванными, ломливыми и... очень нужными!

— Нечего сказать, недурную роль мнѣ предлагаютъ! — опять воскликнулъ мысленно — и имѣлъ полное право воскликнуть — бѣдный Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ.

Но и вознагражденіе предложили недурное и въ такой приличной формѣ, что, ужъ если, вообще, помириться съ зазорностью предлагаемаго брака, то принять обѣщаемое нисколько зазорно не было. Кромѣ крупной приданой суммы, которою Павелъ Петровичъ съ излишкомъ покрылъ всѣ свои долги и еще для дней грядущихъ сохранилъ капиталецъ, ему разрѣшено было купить, по какой-то баснословно дешевой цѣнѣ, огромный участокъ инородческой земли въ одной изъ восточныхъ губерній, по близости знаменитыхъ аксаковскихъ мѣстъ, въ уѣздѣ, который я назову — ну, хоть, Никифоровскимъ. Чуть не цѣлое герцогство: и предгорье съ дивными лѣсами и возможностью рудныхъ богатствъ, и степь черноземная, и озера рыбныя, и плавная могучая рѣка Стрыя. Не знаю, сколько въ точности Павелъ Петровичъ заплатилъ за эту благодать, но помню разсказы, что однимъ сплавомъ лѣса онъ въ первый же годъ вернулъ свою затрату. А лѣсъ былъ такой, что — рубили, рубили его, десятилѣтіями истребляли безъ всякаго порядка и жалости, а онъ все стоялъ какъ-будто еще непочатый и не тронутый. Уѣхала я изъ своихъ мѣстъ двадцатилѣтнею, значитъ, тридцать пять лѣтъ спустя послѣ того,

какъ застучали первые топоры въ крѣпышевскихъ дебряхъ, и только вотъ въ это время хищническое хозяйство начало уже болѣе или менѣе сказываться порѣдѣніемъ рощъ и обозначившимися кое-гдѣ лысинами пустырей. Но — какіе еще дубы вершинами къ облакамъ тянулись! Какой орѣшникъ, калина, малина по оврагамъ и балкамъ непроходимо росли! Какіе ручьи подъ ихъ сѣнью булькали и журчали! Что дичи было! На озерахъ и лебеди кричали, и гуси, и гагара выла. Еще на моей памяти убитъ былъ медвѣдь всего въ полуверстѣ отъ нашей усадьбы. Рысь не рѣдка была, россомаху, хоть не часто, а видали. Примѣтить за сѣннымъ стогомъ на лѣсной прогалинѣ разлапые рога лося было почти обыкновенно. Маринованная лосиная губа, любимая мѣстная закуска, не сходила у насъ со стола. Птичники приходилось строить, какъ маленькія крѣпостцы, съ дубовымъ частоколомъ, даже окапывали ихъ особенно, зарывая на аршинъ и глубже битое стекло. И тѣмъ не менѣе, мѣсяца не проходило безъ того, чтобы лисицы не пробрались къ курамъ и не учинили имъ рѣзню. Зимою по ночамъ волки приходили къ заборамъ сада и бранились съ нашими собаками заунывнымъ лѣснымъ воемъ, подъ который — смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, — я, маленькая, очень любила засыпать, чувствуя себя — къ бѣднымъ звѣрямъ этимъ — въ такомъ-то ли ужъ счастливомъ контрастѣ тепла, сытости и безопасности... Лѣтъ десять тому назадъ, расчувствовалась я воспоминаніями, сорокалѣтняя, сентиментальная баба, и совершила нарочное паломничество, — посѣтила родныя мѣста. Едва признала. Такъ оголили мѣстность. До самаго го-

ризонта — гладкая желтая плѣшь полей, рѣдко-рѣдко гдѣ чернѣетъ пятнышко рощи при далекой усадьбѣ или монастырѣ... Вмѣсто прелестной синей Стрыи, еще въ мое время возбуждавшей сосѣдскіе споры, годится ли она для правильнаго судоходства, — и одинъ упрямый новаторъ таки завелъ было маленькій пароходикъ, хотя и прогорѣлъ же бѣдняга на немъ, — громадно стелется сухое русло, засыпанное галькою, среди которой журчитъ водяная полоса сажени полторы въ ширину и рѣдко гдѣ до аршина въ глубину. На мѣстѣ нашего сада винная монополія построила заводъ, а, гдѣ домъ былъ, теперь полустанокъ желѣзной дороги. Мы съ сестрою Наташею и одною женщиною изъ прежней нашей прислуги разсчитали, стоя на платформѣ, что поѣздъ сейчасъ проходитъ какъ разъ по тому самому мѣсту, гдѣ были наши дѣвичьи спаленки. Такъ-то ушло въ вѣчность прошлое. Прежде сказали бы: быльемъ поросло, а теперь говорить надо: желѣзомъ затянуло.

Все это богатство Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ получилъ подъ обязательство не только выдать супругѣ своей отдѣльный видъ на жительство съ правомъ выѣзда за границу, но и, затѣмъ, въ теченіе жизни своей, по возможности, не попадаться на глаза ни ей, ни ея высокопоставленному покровителю. Словомъ, ему предложили, подъ видомъ помѣстья, ссыльный уголъ, гдѣ онъ можетъ устроить себѣ превосходную берлогу и залечь въ ней богатымъ медвѣдемъ, скрывая отъ людей облѣпившій его стыдъ. А стыда было много, мучилъ онъ Павла Петровича жестоко, въ Петербургѣ каждый любопытный взглядъ кололъ его ножами кале-

ными, такъ что въ предложенную берлогу онъ спрятался очень охотно.

Попалъ онъ въ мѣста дикія, малолюдныя, едва тронутыя культурою. Рѣдки яркіе солнечные дни въ нашемъ лѣсномъ царствѣ. Низко и хмуро виситъ надъ нимъ сѣрое небо, испятнанное темными тучами, ползущими съ дальнихъ горъ, чтобы разсѣдаться въ предгорьи съ марта по октябрь дождями, то проливными и короткими, то капающими день-деньской и словно сквозь мелкое сито, — а съ октября по мартъ ровнять мѣстность подъ бѣлую пелену, засыпая людскія жила и дороги, лѣсъ и поле, холмы и овраги непроходимымъ снѣгомъ. Въ суровомъ краю этомъ, подъ навѣсомъ сѣрыхъ тучъ, въ стѣнахъ вѣковыхъ лѣсовъ, жило населеніе рѣдкое, богатое и самостоятельное. Почти сплошь оно состояло изъ давно обрусѣвшихъ инородцевъ, которыхъ смѣшеніе съ русскими посельщиками создало племя нѣсколько узкоглазое и, пожалуй, слишкомъ скуластое и плосконосое, но рослое, сильное, смѣлое и, по своему, очень красивое. Особенно хороши — здоровьемъ и бодрою силою — женщины, въ дни моей юности еще одѣвавшіяся по-русски. А во многихъ деревняхъ, гдѣ инородческія преданія были свѣжѣе, сохранился еще и живописный мѣстный костюмъ: пестрое шитье по холсту рубахъ и кожѣ полушубковъ, подолы съ причудливымъ азіатскимъ орнаментомъ, ярко раздѣланнымъ красною и желтою шерстью, цвѣтные коты или лапти изъ пестрыхъ покромокъ и — предметъ особыхъ заботъ мѣстныхъ красавицъ — громадные бинты бѣлоснѣжныхъ холщевыхъ онучъ, искусно намотанныхъ вокругъ икръ до самаго

колѣна, чтобы ноги казались толще. Это у инородцевъ нашихъ мѣстъ почитается самою привлекательною женскою прелестью. «Женщина познается по тому, какъ крѣпко она стоитъ на ногахъ», — говоритъ ихняя пословица. А въ пѣсняхъ и сказкахъ всѣ царевны и красавицы — ужъ непремѣнно съ ногами, «толстыми, какъ бревна». Въ мое время мѣстный языкъ былъ еще въ обращеніи, хотя уже въ густой смѣси съ русскимъ, пожалуй, даже съ преобладаніемъ послѣдняго, — однако, еще достаточно, чтобы даже мы, русскіе, имъ заражались, и множество обиходныхъ словъ въ нашей рѣчи было заимствовано у инородцевъ, особенно для хозяйственнаго оборота. То же самое было и съ религіей, обычаями, нравами. Не знаю, сохранились ли въ лѣсныхъ инородческихъ поселахъ прямые остатки древняго ихъ язычества, — наши инородцы всѣ были уже лѣтъ сто христіане. Ходили легенды о какихъ-то закоснѣлыхъ лѣсныхъ фанатикахъ, которые, будто бы, нѣкогда сбѣжали отъ миссіонеровъ и поповъ въ невѣдомыя глуби и дебри лѣсовъ своихъ и живутъ гдѣ-то за непроходимымъ поясомъ болотъ, свирѣпымъ дикарскимъ бытомъ, вокругъ кровожадныхъ идоловъ своего бѣса-бога Кереметя. Няньки пугали насъ, чтобы мы не слишкомъ-то удирали отъ двора въ лѣсъ: «вотъ попадешься лѣсной татарвѣ, — они тебя уведутъ, да и замолятъ». Я вспомнила эти праздныя угрозы, когда по всей Россіи шумѣло громкое дѣло о Мултанскомъ жертвоприношеніи, такъ прославившее благороднаго В. Г. Короленко. Для меня уже тогда было очевидно, что оно возникло именно изъ такой вотъ миѳической бабьей болтовни, подхваченной полицейскимъ усерді-

емъ. Въ нашихъ мѣстахъ я никогда не слыхала о подобномъ ритуалѣ — даже въ видѣ легендъ: сохранилось только пустословное старое пугало. Но за то оно, это старое язычество, спрятавшись, въ летаргіи своей, подъ маски обычаевъ, пропитало своимъ духомъ рѣшительно всю жизнь нашихъ мѣстъ, причемъ въ быту русскихъ сказывалось теперь, пожалуй, не меньше, а скорѣе больше, чѣмъ даже въ инородческомъ. Мать моя, поповна родомъ и очень набожная женщина, чрезвычайно оскорбилась бы, если бы ей кто замѣтилъ, что она привержена къ языческимъ обрядамъ. А, между тѣмъ — вотъ: ежегодно, на праздникъ Ильи Пророка, въ оградѣ нашей приходской церкви, въ селѣ Никольскомъ, совершалось, при огромномъ стеченіи народа, самое настоящее языческое жертвоприношеніе. Перваго барана рѣзалъ непремѣнно самъ священникъ, дѣдъ мой, отецъ Михаилъ Урошичъ. За нимъ принимались усердствовать клиръ и прихожане, и кровь зарѣзаннаго скота буквально заливала погостъ. Не принять участіе въ этой священной бойнѣ мать моя почла бы величайшимъ грѣхомъ и нечестіемъ, способнымъ накликать бѣду на домъ. Такъ что каждый годъ Илья похищалъ у насъ нѣсколько лучшихъ барановъ, и, ужъ конечно, въ праздникъ его, на обѣдъ готовились бараньи головки, потому что такъ прямо и гласитъ мѣстная поговорка-примѣта: «Илья — баранью голову на столъ». На св. Степана (2 августа) мать лично наблюдала, чтобы кучеръ напоилъ лошадей черезъ серебро — то-есть изъ шапки, съ брошеннымъ въ нее новенькимъ двугривеннымъ, который затѣмъ тайно зарывался въ конюшнѣ подъ яслями, въ даръ дѣ-

душкѣ-домовому. Мы, барышни, уже не вѣрили въ чертей, домовыхъ и лѣшихъ, однако, ни одна изъ насъ не рѣшилась бы произнести ихъ имена, находясь въ лѣсу, на водѣ или въ банѣ, потому что — а кто его знаетъ? ну, какъ вдругъ выскочитъ?.. Мать же, хотя и не любила въ томъ признаваться, вѣрила и въ бытіе, и въ проказы нечистой силы безусловно. Въ Никольскомъ одна дѣвушка, пропавъ изъ родительскаго дома около Иванова дня, все лѣто была въ безвѣстной отлучкѣ, возвратилась поздно осенью очень странно: найдена была совершенно голою и безчувственною на крышѣ своей избы, — и оказалась беременною. Истинный сообщникъ ея похожденія не былъ узнанъ, а сама дѣвица все сваливала на лѣшаго. Онъ де ее ночнымъ вихремъ унесъ и все лѣто держалъ за жену въ шалашѣ, на невѣдомомъ болотѣ, гдѣ — ни входа, ни выхода. И только съ наступленіемъ холодовъ, когда лѣшая порода обмираетъ, сжалился — возвратилъ красавицу, опять вихремъ ночнымъ, къ отцу-матери. Иначе было бы ей погибнуть въ зимніе морозы. Разсказы бѣглянки казались подозрительны даже и суевѣрнымъ людямъ, но имѣли и не малую партію пылкихъ защитниковъ, а въ особенности, защитницъ, и въ ихъ числѣ, если не во главѣ, мою мать. Она отстаивала, что «бываетъ», съ такой настойчивостью, словно сама испытала что-либо подобное, приняла дѣвушку подъ свое покровительство и дала ей возможность уѣхать на дальніе заработки, чтобы въ родныхъ мѣстахъ ее не затравили за лѣшій грѣхъ.

Самымъ большимъ праздникомъ въ году, послѣ Рождества, Пасхи и Николы, былъ у насъ въ Барышѣ

Михайловъ день — 8 ноября. Но, прааво, не знаю, — кому въ этотъ день больше праздновали: архангелу Михаилу или домовому, котораго ублажали дарами и льстивыми обрядами, чтобы не осердился онъ и, воспользовавшись послѣдними оттепелями, не ушелъ со двора. А не то:

— Уйдетъ добрый — пришлетъ лихого!

И даже тѣ, которые уже почитали себя выше подобныхъ повѣрій и предразсудковъ, лишь подмѣняли ихъ другими, увѣряя, будто на Михайловъ день «батюшка Огонь именинникъ»: когда, молъ, дьяволъ бунтовалъ противъ Господа, Михаилъ Архангелъ возжегъ огонь отъ зѣницы Божіей и всѣхъ бѣсовъ попалилъ, — съ того самаго и огонь взялся въ мірѣ...

Сейчасъ мнѣ не къ дѣлу подробно останавливаться на этой сторонѣ мѣстнаго быта, которая просачивалась вліятельной струей и въ нашу усадебную жизнь, внося въ нее мистическую закваску, затѣмъ оказавшуюся во многихъ изъ насъ неискоренимою навсегда, а инымъ, какъ Еленѣ и отчасти Агашѣ, даже опредѣлившую всю ихъ житейскую долю. Но край былъ изъ ряду вонъ темный и суевѣрный. Безъ вѣдуновъ, вѣдуній, докъ, знахарей, знахарокъ не стояло ни одно окрестное селеніе. Въ самомъ Барышѣ, только не въ усадьбѣ, а на деревнѣ, обитала колдовская знаменитость мѣстной округи, — до ужаса безобразная, полуумная старуха, слывшая подъ страннымъ нѣмецкимъ прозвищемъ по батюшкѣ: Карловна. А другая звѣзда того же порядка, черемиска Чуча изъ Воздвиженскаго, была у насъ въ домѣ своимъ человѣкомъ, въ самомъ интим-

номъ смыслѣ слова. Мать у нея и лѣчилась, и на повой ее звала, и въ дѣлахъ съ нею совѣтовалась. Правда, и умна же была старая сморщенная вѣдьма-обезьяна! О ней еще много рѣчи будетъ впереди. Обращаться къ докамъ за медицинскою помощью не брезговали даже священники. Огненный змѣй леталъ надъ уѣздомъ такъ часто, что слухи о посѣщеніи имъ той или другой женщины, въ особенности вдовы, принимались безъ всякаго скептицизма и рѣшительно никого не удивляли. Еще разсказывали, будто гдѣ-то въ дремучей глубинѣ лѣса, въ вѣчныхъ сумеркахъ подъ вѣковыми елями, есть зыбучее болото, а посреди болота провалена яма, а въ ямѣ лежатъ и спятъ какіе-то особенные бѣлые змѣи, громадные и толстые, какъ доброе бревно. Отъ сна они пробуждаются только на короткое время весною и тогда выползаютъ въ лѣсъ и ищутъ человѣка. Если встрѣтятъ мужчину, то убьютъ и съѣдятъ. Если женщину, то уносятъ ее въ свое логовище и живутъ съ нею, а, чтобы не ушла, когда для нихъ настанетъ срокъ спячки, даютъ ей сосать «спячій вырь-корень», повергающій ее тоже въ сонъ до будущей весны. Уйти отъ бѣлыхъ змѣевъ можно, потому что они очень довѣрчивы и не умѣютъ отличать сна притворнаго отъ настоящаго, и иныя плѣнницы, будто бы, уходили. Но на ушедшую слѣдующею весною нападаетъ лютая тоска, неизлѣчимая и безъисходная: отецъ съ матерью ей не милы, родные противны, на подружекъ не глядѣла бы. И бѣдняга либо руки на себя наложитъ, либо сбѣжитъ отъ людей обратно въ лѣсъ — искать приворожившую ее змѣиную яму, хотя и знаетъ, что змѣи бѣгля-

нокъ не милуютъ, но казнятъ мучительною смертью. Въ дикихъ лѣсныхъ нравахъ, человѣкъ еще помнилъ, какъ древле томился сосѣдствомъ съ звѣремъ въ мало чѣмъ отличномъ отъ звѣринаго быту, и со звѣремъ никифоровцы, до сихъ поръ, считались, какъ почти что съ ровнею, а, въ иныхъ случаяхъ, какъ съ существомъ, едва ли даже не высшимъ человѣка. Медвѣдя, напримѣръ, было неприлично и почти грѣшно называть его собственнымъ именемъ; величали: — «онъ, самъ, хозяинъ, звѣрь». Встрѣчу съ нимъ въ лѣсу почитали опасною, но счастливою; а если онъ задиралъ человѣка, видѣли въ томъ Божье попущеніе: самъ «звѣрь», своею волею, никогда, дескать, не тронетъ человѣка, — нападаетъ только на того, кого ему Богъ укажетъ. Въ Введенскомъ о бобылѣ Епифанѣ Бобкѣ, мужчинѣ колоссальнаго роста и чудовищной силы, заросшемъ черными волосами, усищами, бородищею такъ, что еле поблескивали изъ дремучей дубравы этой искры маленькихъ глазокъ и чуть торчалъ краснымъ мухоморомъ крошечный носъ, — положительно утверждали, будто мать родила его отъ медвѣдя, который осилилъ ее въ малинникахъ, и едва ли самъ Епифанъ тому не вѣрилъ.

Но еще въ гораздо большей степени, чѣмъ такими вотъ миѳологическими пережитками, обнаруживалась языческо-инородческая смѣсь, просто, въ нравахъ и всемъ житейскомъ укладѣ народа. Люди были добрые, великодушные, но вспыльчивые и буйные. Полюбилъ тебя — послѣднюю рубашку съ себя отдастъ, возненавидѣлъ — готовъ изъ тебя кишки черезъ горло вытя-

нуть. Пили, вообще-то, не слишкомъ много, скорѣе трезвая была сторона. Но на большихъ праздникахъ перепивались всѣ, до послѣдняго, точно по священному какому долгу, и тогда дрались между собою смертнымъ боемъ,—ломами, сошниками, подворотнями, оглоблями. Никола, Илья, Успенье и очень чтимый въ нашей сторонѣ Михайловъ день рѣдко обходились безъ покойниковъ. До суда изъ подобныхъ убойныхъ дѣлъ доходила, однако, сравнительно малая часть,—едва ли не только тѣ, которыхъ міру ужъ никакъ нельзя было скрыть отъ властей, а властямъ покрыть полюбовнымъ съ міромъ молчаніемъ. Вообще же, міръ предпочиталъ управляться самъ собою и въ гражданскихъ дѣлахъ, и въ уголовныхъ, сводя ихъ тоже на мировую по семейному соглашенію, либо по мірскому настоянію. Концы прятались буквально въ воду. Болота въ нашей сторонѣ зыбучія, «окна» въ нихъ бездонныя: ухнетъ въ «окно» бездыханное тѣло человѣческое—только его и видѣли до Страшнаго Суда Христова! За Воздвиженскимъ было озерко-болото, которое такъ и слыло въ народѣ «Навьимъ», то-есть покойницкимъ, потому что, почти каждый базаръ, принимало оно какую-нибудь случайную жертву площадной или кабацкой драки, а базарныхъ дней-то въ году пятьдесятъ! Самосудъ процвѣталъ. Конокрадовъ истребляли всѣмъ завѣдомо, почти не скрываясь, и я не помню, чтобы хоть одна подобная расправа повела за собою слѣдствіе и судъ. Полиція, конечно, живилась, уѣздъ слылъ въ ея міркѣ золотымъ дномъ, взятки и произволъ свирѣпствовали, будто въ дореформенныя времена. Но и совершенно

добросовѣстные администраторы, попадавшіе иной разъ въ нашу дѣвственную глушь, скоро опускали руки предъ ея безпросвѣтною громадою, — неприступною, непроходимою, непоколебимо-косною самобытностью. Примется новая метла чисто мести, и—съ поразительной быстротой старѣетъ, теряетъ свои прутья, обращается въ голикъ... Потому что—ничего нельзя подѣлать: и природа, и бытъ человѣческій точно въ союзѣ и въ заговорѣ, — стѣна! Глухая лѣсная стѣна, — и отъ нея, именно какъ отъ стѣны горохъ, отскакиваютъ одинаково и законъ, и угроза, и реформы, и культура. Одинъ губернаторъ, ревизуя Никифоровскій уѣздъ, бранилъ исправника за нерадѣніе. А тотъ ему :

— Ваше превосходительство ! У меня обыватель, можетъ быть, самый несносный въ Россіи. Никакихъ съ нимъ способовъ нѣтъ.

— Должны найти способы : на то вы исправникъ.

— Единственно, что, ваше превосходительство, разрѣшите мнѣ съ ними —какъ съ Шамилемъ.

— То-есть ?

— Повелите просѣки рубить и лѣса ихъ лишить. Ежели свести древо, то на голомъ мѣстѣ, можетъ, и обтешутся въ людей. Но, покуда за лѣсомъ, это, ваше превосходительство, не народъ, а черкесъ.

Разрѣшенія усмирять никифоровцевъ, какъ Шамиля, губернаторъ исправнику, конечно, дать не могъ. Но, чего не сдѣлали губернаторы и исправники, осуществили время, промышленность и желѣзныя дороги. Онѣ именно «свели древо», и, на «голомъ мѣстѣ», лишенные лѣсного прикрытія и промысловъ, мои буйные

и свободолюбивые богачи-никифоровцы цивилизовались къ XX вѣку въ очень смирныхъ и, пожалуй, даже нѣсколько запуганныхъ мужиковъ—увы!—очень обнищалыхъ и сильно страдающихъ отъ періодическихъ недородовъ.

Женщины и, въ особенности, дѣвушки жили чрезвычайно свободно. Вольные союзы процвѣтали, пользуясь полнымъ признаніемъ по обычаю. Тѣмъ болѣе, что въ краю нашемъ много старовѣровъ-безпоповцевъ, а для нихъ иного брака оффиціально и не существовало до самаго послѣдняго времени: законъ ихъ свадебъ не признавалъ. Когда я выходила замужъ за перваго моего мужа, Дмитрія Аѳанасьевича Эриванскаго, нѣкоторыя старухи на деревнѣ, любившія меня, съ искреннимъ сокрушеніемъ жалѣли, какъ это дурацки ведется у господъ —выдаютъ хорошую дѣвку за новаго въ краю, незнаемаго человѣка, не испробовавъ, сживутся ли: пожили бы годъ-другой такъ, —тогда и закабаляйся подъ вѣнецъ на весь вѣкъ! А то—что? Только самимъ несчастнымъ быть и несчастныхъ плодить... Когда въ довольно скоромъ послѣдствіи неудачный бракъ мой съ Д. А. Эриванскимъ разрушился острымъ разрывомъ, я не разъ вспоминала лѣсную старушечью логику — признаюсь, не безъ сочувствія...

Уѣздный городъ нашъ Никифоровъ, —въ которомъ теперь, «на голомъ мѣстѣ», высятся трехъ-этажные дома и есть два даже пяти-этажныхъ, имѣется постоянное театральное зданіе, ходитъ трамвай, заведено электрическое освѣщеніе, дымятъ фабричныя трубы, свистятъ поѣзда двухъ перекрестныхъ желѣзныхъ до-

рогъ, — еще на моей памяти имѣлъ только два каменныя строенія: соборъ да острогъ. Воображаю, какою трущобою былъ онъ въ пятидесятыхъ годахъ! Земли, столь выгодно пріобрѣтенныя Павломъ Петровичемъ, лежали отъ Никифорова глубоко въ лѣсъ, грунтовыми дорогами, верстъ до двадцати пяти. Объѣхалъ отставной гвардеецъ свои вліянія, и, вдругъ, они ему необычайно понравились: словно, вотъ до сего времени вся жизнь его не стоила мѣднаго гроша (положимъ, оно и впрямь такъ было) и единственно для того хранила его судьба, чтобы поселить въ здѣшнемъ лѣсномъ привольѣ. Впечатлѣніе на сосѣдей онъ произвелъ огромное, потому что передъ нимъ бѣжала молва о великихъ его петербургскихъ связяхъ. А въ народѣ даже прошелъ было слухъ, что Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ — совсѣмъ не Крѣпышевъ, а ссыльный великій князь, который устроилъ въ Петербургѣ какой-то неподобный кутежъ, такъ государь Александръ Николаевичъ разгнѣвался и приказалъ ему жить въ никифоровскихъ глухихъ палестинахъ. Подобострастные людишки, одержимые суевѣріемъ знатности, когда бывали удостоены бесѣды Павла Петровича, ввертывали въ разговоръ съ нимъ — «ваше сіятельство», «вашу свѣтлость», что Павелъ Петровичъ принималъ довольно снисходительно, и оборвалъ только одного, перестаравшагося уже до того, что брякнулъ — «ваше высочество». Это Павелъ Петровичъ принялъ за насмѣшливый намекъ на не весьма благовидный бракъ свой и осердился. Строиться на новыхъ мѣстахъ Павелъ Петровичъ отложилъ на будущее время, а

покуда купилъ почти прилегавшую къ его владѣньямъ усадьбу одного прогорѣвшаго откупщика, съ стариннымъ барскимъ домомъ временъ, въ самомъ дѣлѣ, чуть не аксаковскихъ. Называлась эта усадьба выразительнымъ именемъ Барышъ. Павлу Петровичу понравилось. Онъ подумалъ и — не безъ цинизма — прибавилъ лишь: «Крѣпышевскій». Это названіе было закрѣплено оффиціально, и теперь красуется на желѣзнодорожной станціи, пожравшей нашъ домъ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы, кажется, ее переименовали не то въ Коковцево, не то въ Столыпино,— по имени кого-то изъ проѣзжавшихъ нашими мѣстами премьеръ-министровъ. Павелъ Петровичъ былъ человѣкъ мало подвижный, мѣшковатый. Пріобрѣтая Барышъ, онъ смотрѣлъ на эту почтенную древность, какъ на временное помѣщеніе, до новыхъ хоромъ, а вмѣсто того, такъ и прожилъ въ ней всю свою остальную жизнь, то-есть лѣтъ тридцать съ хвостикомъ, — въ ней и умеръ. Только въ девяностыхъ годахъ разрушенъ былъ старый домъ, въ которомъ всѣ мы, дѣти супруговъ Крѣпышевыхъ, родились и выросли. И сестра Наташа, бывшая свидѣтельницей разрушенія, говорила мнѣ, что, если-бы не принесло старому дому смерти желѣзнодорожное отчужденіе, такъ онъ еще полъ-вѣка стоялъ-бы. Когда ломали его, то плотники диву давались на бревна стараго лѣса. Не рѣдкость хорошее дерево въ нашей сторонѣ, но—о такомъ даже у насъ однѣ легенды остались. Несокрушимѣе желѣза, ровнѣе и глаже мраморныхъ колоннъ. Инженеръ Лабеусъ, строитель дороги, пришелъ въ такой восторгъ,

что одно изъ развaленныхъ бревенъ, распиливъ на обрубки, разослалъ по музеямъ своей спеціальности. Въ нашемъ никифоровскомъ земскомъ музеѣ-складѣ тоже хранится одинъ такой обрубокъ. Со страннымъ чувствомъ смотрѣла я на него, въ ту мою сентиментальную поѣздку. Только и осталось отъ всего нашего крѣпышевскаго житья-бытья, что, вотъ, чурбанъ круглый, черный, въ мелкихъ-мелкихъ дырочкахъ червоточины... Да дерево-то, вонъ, съ червями еще хоть борется, а людей-то черви давно съѣли, либо скоро ѣсть будутъ... брр! противно, нехорошо...

Вотъ, въ послѣдніе годы появился въ Россіи писатель, графъ Алексѣй Николаевичъ Толстой, который все пишетъ о провинціальныхъ дворянахъ и, по-моему, очень хорошо и вѣрно пишетъ. А случалось мнѣ читать на него критики, въ которыхъ его упрекали, будто онъ пишетъ заднимъ числомъ, что такихъ нравовъ и людей на Руси давно нигдѣ нѣтъ, и что всѣ подобныя безобразія, размахъ и произволъ широкихъ дворянскихъ натуръ, остались въ крѣпостномъ правѣ. Не знаю, конечно, захолустной жизни нынѣшняго времени: я порвала связи съ деревнею въ двадцать лѣтъ и остальной свой вѣкъ прожила горожанкою, кочуя по большимъ культурнымъ центрамъ. Но то, что сохранила мнѣ память о нашей усадебной жизни въ мою молодость, сходится съ разсказами графа Алексѣя Толстого въ стройный, жаль только, что не веселый, аккордъ. А много я могу къ нимъ прибавить такого, предъ чѣмъ перо измыслителя остановилось-бы, какъ передъ небылицею, невѣроятною не то, что для Россіи

послѣ крестьянской свободы, а и вообще, казалось-бы, для XIX вѣка. Я и сама не повѣрила-бы инымъ чудесамъ тогдашняго нашего быта и семейнаго устройства, если-бы узнала о подобныхъ дѣлахъ со стороны, вчужѣ, а не лично переживала ихъ, не была ихъ свидѣтельницею, иногда участницею, часто жертвою.

Читатель вспомнитъ, что я назвала себя дочерью Павла Петровича Крѣпышева и законной супруги его Марьи Михайловны, урожденной Урошичъ. Между тѣмъ, законную супругу, съ которой родитель мой такъ неожиданно и такъ выгодно повѣнчался въ Петербургѣ, звали Маргаритою Карловною, и не думайте, чтобы онъ женился на моей матери по смерти этой Маргариты Карловны, либо получивъ отъ нея разводъ. Напротивъ, великолѣпная госпожа эта пережила своего фиктивнаго супруга на много лѣтъ и скончалась, если не ошибаюсь, только въ прошломъ году, успѣвъ таки ворваться на страницы Готскаго альманаха, хотя уже и не чрезъ то лицо, которое смолоду ей покровительствовало. Не знаю, какая она была женщина, но знаю, что бракъ съ Павломъ Петровичемъ, на который она неосторожно согласилась въ неопытной юности, впослѣдствіи сталъ для нея тяжелою веригою и камнемъ преткновенія легъ на пути ея честолюбія, такъ что стыдъ, принятый на себя Павломъ Петровичемъ, былъ отомщенъ вполнѣ. Изъ цѣлей брака, о которыхъ я говорила выше, особенно усердно и прочно преслѣдовалась его устроителями третья: уберечь высокопоставленнаго влюбленнаго отъ возможности законнаго союза съ очаровательницей. Уже утративъ и позабывъ

всѣ свои связи съ Петербургомъ, Павелъ Петровичъ, въ деревенской жизни своей, нѣсколько разъ, перепуганный и смущенный, принималъ тайныхъ гонцовъ, пріѣзжавшихъ подъ видомъ гостей, съ суровымъ напоминаніемъ, что — въ случаѣ, если-бы госпожа Крѣпышева потребовала у него развода, онъ долженъ отвѣчать категорическимъ отказомъ, отъ переговоровъ уклоняться, повѣреннымъ съ подобными предложеніями указывать дверь. Запретъ этотъ былъ Павлу Петровичу нисколько не слаще, чѣмъ Маргаритѣ Карловнѣ. Такъ или иначе развязавшись съ цѣпью своего фиктивнаго брака, онъ могъ-бы выйти изъ положенія не только двусмысленнаго, но и преступнаго, въ которомъ прожилъ слишкомъ тридцать лѣтъ, испортивъ жизнь и себѣ, и всему своему потомству.

Очутившись въ дикихъ мѣстахъ, Павелъ Петровичъ повелъ въ нихъ соотвѣтственную жизнь дикаго богача-вельможи. О чудесахъ, которыя онъ творилъ на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Никифоровскомъ уѣздѣ, до сихъ поръ легенды ходятъ, и пахнетъ отъ нихъ, повторяю, не то, что крѣпостнымъ временемъ, а прямо таки XVIII вѣкомъ. Всего было: и чуть не разбойная компанія, и дворня изъ пришлыхъ случайныхъ людей, и приживательство трепещущее, и пьянство гомерическое, и насильство всяческое, и гаремъ. Разница со старыми временами была только та, что, при крѣпостномъ правѣ, это строилось на личномъ обязательствѣ, а теперь покупалось, — и недешевою цѣною. Можно сказать, что свое, огромное по доходамъ, состояніе Павелъ Петровичъ прожилъ

исключительно на самодурство. Заставъ своимъ сознательнымъ возрастомъ остатокъ крѣпышевскаго величія и, если не состоянія, то, все-тки, полной чаши, я, однако, не могу вспомнить въ громадномъ и людномъ домѣ нашемъ не то, что настоящей роскоши, а хотя бы слѣдовъ, что она была когда-нибудь. И я думаю, что ея, дѣйствительно, никогда не было. Если въ обстановкѣ нашего пепелища попадалась хорошая, цѣнная вещь, можно было съ увѣренностью утверждать, что это чей-либо подарокъ или куплено по случаю, за безцѣнокъ. Безчисленныя комнаты, каморки, чуланчики, кладовки стараго дома были набиты дрянною рыночною мебелью, которая покупалась на время, до настоящей обстановки. Но настоящая обстановка никогда не была сдѣлана, а рыночная дрянь такъ и простояла полъ-вѣка, вѣчно ломаясь, вѣчно чинясь, безобразная, неуклюжая и въ самомъ безтолковомъ количествѣ. Когда я впослѣдствіи читала въ «Мертвыхъ Душахъ», какъ жили супруги Маниловы, я нашла, что это—словно про насъ писано, хотя папенька нашъ былъ куда ужъ не Маниловъ, да и маменька — не сахарнаго темперамента. У насъ, напримѣръ, почему-то едва-ли не въ каждой комнатѣ висѣли стѣнные часы, безобразные, но дорогіе. Изъ нихъ, впрочемъ, кажется, только одни ходили — въ папашиномъ кабинетѣ. А кроватей недоставало въ домѣ не только дѣтямъ, но даже взрослымъ. Я лишь въ семнадцать лѣтъ удостоилась получить такую роскошь, какъ желѣзная кровать, а раньше спала въ парусинной койкѣ, укрѣпленной на раздвижныхъ козлахъ, дѣвочкою же, до десятилѣтняго возраста, просто

на нянькиномъ сундукѣ. Съ пружиннымъ матрасомъ я познакомилась только по выходѣ замужъ, въ домѣ моего перваго супруга, Дмитрія Аѳанасьевича Эриванскаго. Въ дѣвичьихъ и въ людскихъ прислуга спала въ повалку на нарахъ. Зеркалъ — хоть обглядись, а на всѣхъ насъ, барышень, былъ одинъ умывальникъ, съ испорченной педалью, которой все некому или некогда было починить. И, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять подрядъ, мы бѣгали мыться —кто на людское крыльцо, кто въ кухню, кто въ прачечную, гдѣ болтались на веревкахъ мѣдные заплѣсневѣлые или глиняные муравленные рукомойники, пріобрѣтенные прислугою для собственнаго употребленія и, по большей части, за собственный же счетъ. Весь нашъ домъ простоялъ три десятилѣтія въ безпорядочномъ видѣ какого-то постояло двора, занятаго проходящимъ таборомъ, который прикурнулъ здѣсь на ночь, на другую, какъ-нибудь, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, а настоящее-то житье ждетъ его гдѣ-то впереди.

И такъ—во всемъ. Плохо были обставлены, плохо ѣли, очень скромно, а впослѣдствіи даже болѣе, чѣмъ скромно, одѣвались, не имѣли никакихъ развлеченій, никуда не выѣзжали,—жили, словомъ, скупо, чуть не бѣдно, грубо, грязно. Не хочется дерзкимъ словомъ помянуть прошлое, но правда требуетъ произнести его: извините — «по-свински жили». И, однако, на этомъ «свинскомъ» житьѣ, все-таки, умудрились разориться.

Въ лѣсномъ привольѣ, у Павла Петровича развилась страсть разыгрывать изъ себя какого-то владѣтельнаго герцога, живущаго натуральнымъ хозяйствомъ... кажет-

ся, такъ это называется? Чтобы все въ домѣ было свое, а главное, всѣ люди—свои, и людей было бы много-много. Нельзя вообразить семьи, болѣе способной обростать людьми, чѣмъ была наша. Я только что сказала, что, считаясь богачами и, дѣйствительно, владѣя огромными и дорогими землями, мы ѣли, какъ бѣдняки. И это совсѣмъ не отъ скаредности, а иначе не было средствъ кормить весь таборъ нашего дома: семью, родню и несчетную прислугу обоего пола, ютившуюся по людскимъ и дѣвичьимъ не въ меньшемъ количествѣ и не съ лучшимъ устройствомъ жизни, чѣмъ у магнатовъ-помѣщиковъ въ крѣпостныя времена. Какъ накоплялся этотъ народъ? А вотъ какъ. Это ужъ на моей памяти. Потерялъ папенька ключъ отъ даренаго заграничнаго бюро. А тамъ лежали нужныя по спѣшному дѣлу бумаги. Ломать хорошую вещь папенька не захотѣлъ. Пришлось выписать ученаго слесаря изъ губернскаго города. Тотъ пріѣхалъ, работу свою сдѣлалъ, а у папеньки—не случилось денегъ, чтобы заплатить ему за дорогу туда и обратно. Деньги ожидаются въ Никифоровъ завтра, послѣ-завтра, а пока, чтобы прилично задержать слесаря до уплаты, подыскиваютъ ему въ домѣ новую работу. Въ такой безтолковой развалинѣ, какъ наша обитель, конечно, слесарной работы оказалось видимо-невидимо. Слесарь самъ не замѣтилъ, какъ пробылъ у насъ цѣлый мѣсяцъ, стуча, сверля, визжа сталью и желѣзомъ, а, тѣмъ временемъ, успѣлъ влюбиться въ одну изъ дворовыхъ дѣвицъ, женился и... пріѣхавъ къ намъ для двухчасовой работы, остался у насъ на всю жизнь. И это я привожу при-

мѣръ не исключительный, а типическій. Въ такомъ родѣ прилипаній къ нашему дому-пластырю было много. Но такъ прилипали, по крайней мѣрѣ, люди небезполезные—рабочіе и получавшіе болѣе или менѣе опредѣленное занятіе въ домѣ. А что приживало при Павлѣ Петровичѣ съ Марьей Михайловной совершенно праздная люда изъ разряда бѣдныхъ родственниковъ и прогорѣлыхъ сосѣдей! А, впослѣдствіи, когда маменька, придя къ возрасту, въ которомъ оглядка назадъ пугаетъ грѣхами, а взглядъ впередъ пугаетъ приближающеюся старостью, начала приханживать, — сколько странниковъ, странницъ, монаховъ и монахинь прошло чрезъ нашъ «заѣзжій дворъ»! Впрочемъ, и рабочей-то части нашего «населенія», если судить по чистой совѣсти, приходилось выдать, за очень немногими исключеніями, почти ту же аттестацію дармоѣдства и праздности, что и нерабочей. Настоящій хорошій работникъ, очутившись въ нашемъ захолустьи, могъ похоронить въ немъ свои золотыя руки развѣ лишь по какому-либо особому неблагопріятному случаю. Жалованья Павелъ Петровичъ почти никому не платилъ, по самой простой причинѣ: платить было нечѣмъ. Деньги въ Барышѣ были рѣдки и дороги, по крайней мѣрѣ, на моей памяти, когда Павелъ Петровичъ похоронилъ уже, вмѣстѣ съ буйною своею молодостью, и остатки капитала, полученнаго за бракъ съ Маргаритою Карловною фонъ-Рейнъ. Когда Павелъ Петровичъ оказывался при деньгахъ, на семью и на услужающій людъ сыпались подарки, неразборчиво щедрые, подачки — съ закрытыми глазами и отверстою ладонью. Но,

если денежная скудость затягивалась, то «людямъ» приходилось, буквально, мѣсяцами жить только за одинъ кормъ. Какому же порядочному ремесленнику это выгодно? И, вотъ, въ концѣ концовъ, — какъ результатъ того, что принять къ себѣ въ услуженіе родители мои почти никогда никому не отказывали, а уживаться у нихъ дѣльному работнику не было расчета, — домъ наполнился удивительнымъ подборомъ лѣнтяевъ, неряхъ, неумѣйниковъ и неумѣйницъ, пьяницъ, оскандаленныхъ дѣвицъ, которыхъ больше никуда не принимали, воришекъ, пойманныхъ и не пойманныхъ, и даже просто таки укрывающихся отъ правосудія субъектовъ — темныхъ личностей съ темнымъ прошлымъ. Мой первый мужъ, Дмитрій Аѳанасьевичъ Эриановскій, звалъ эту необузданную мужскую и женскую ораву, кормившуюся при нашей усадьбѣ, «музеемъ семи смертныхъ грѣховъ». Однако, характеристика эта годилась только для моральной стороны нашей дворни. Съ физической, наоборотъ, и мужчины были молодецъ къ молодцу, и о женщинахъ ни объ одной нельзя было сказать, что — дурна, какъ смертный грѣхъ, а, напримѣръ, моя горничная Маша, прачки Катя и Паша могли назваться даже красавицами. Сами очень красивые люди, супруги Крѣпышевы любили и окружать себя красивымъ, сильнымъ, здоровымъ народомъ. За хорошій ростъ, широкія плечи, красивое лицо, полный бюстъ у насъ удивительно легко примирялись, въ самомъ дѣлѣ, чуть ли не со всѣми смертными грѣхами. Въ холостое время Павла Петровича это его пристрастіе создало въ домѣ гаремную атмосферу. Она,

говоря правду, никогда не выдыхалась совершенно и впослѣдствіи. А послѣ кончины моей матери, развилась и заполнила домъ съ такою силою, что, кромѣ нея, ничего властнаго и сильнаго въ домѣ не осталось, и разогнала она насъ, дочерей, ужъ именно куда глаза глядятъ, лишь бы вонъ изъ родительскаго гнѣзда, ставшаго вертепомъ. Но не буду забѣгать впередъ.

Впервые ощутилъ Павелъ Петровичъ тяжесть отдаленныхъ и незримыхъ брачныхъ узъ своихъ, когда, въ одномъ изъ удалыхъ своихъ охотничьихъ наѣздовъ, случилось ему заночевать по близости, въ селѣ Никольскомъ, у богатаго священника, о. Михаила Урошича, и увидалъ онъ красавицу-поповну, Марью Михайловну Урошичъ.

Я не знаю, почему, но въ нашихъ мѣстахъ довольно много духовенства съ югославянскими фамиліями: Милорадовичи, Любибратичи, Урошичи, Миловановичи. Кто-то объяснялъ мнѣ, будто это потому, что мѣста наши нѣкогда были во владѣніи Потемкина и, чрезъ то, находились въ постоянномъ общеніи съ новороссійскими поселками славянъ, которые свѣтлѣйшій организовалъ, и изъ которыхъ иныхъ посельщиковъ, понравившихся ему, онъ переманилъ въ свою личную службу. А другіе говорили, что, хотя всѣ наши «ичи», дѣйствительно, происходятъ отъ тѣхъ екатеринославскихъ посельщиковъ, но предки ихъ были присланы на сѣверъ за какой-то бунтъ, учиненный ими вскорѣ по уходѣ изъ Турціи, изъ-за недовольства русскою комиссіей по надѣленію ихъ землею.

Югославянская кровь сквозила въ роднѣ моей ма-

тери очень ярко. Дѣдъ ея, котораго она помнила столѣтнимъ старикомъ, еще едва умѣлъ говорить по-русски, однако женатъ былъ уже на русской, мѣстной поповнѣ. Съ нею Никольскій приходъ попалъ въ наслѣдство Урошичамъ и, кажется, по сію пору за ними остается, точно какой-нибудь княжескій удѣлъ. Родитель моей мамы, а мой, значитъ, дѣдъ, о. Михаилъ Урошичъ напоминалъ о происхожденіи своемъ только громаднымъ ростомъ, красивыми чертами лица, жгучими пытливыми глазами, которые на нашемъ сѣверѣ рѣдкіе гости съ южной чужбины, и необычайною волосатостью: грива черныхъ кудрей, усищи, бородища, брови косматыя, — все это говорило скорѣе о средневѣковомъ варварѣ-воителѣ какомъ-нибудь, чѣмъ о мирномъ захолустномъ священникѣ. Я его помню очень хорошо, хотя уже глубокимъ старикомъ и сильно сѣдымъ,—сивымъ, какъ говорятъ въ Малороссіи. Съ молоду, говорятъ, о. Михаилъ напоминалъ бураго медвѣдя, вставшаго на заднія лапы, но я знала его медвѣдемъ уже бѣлымъ. Силы онъ былъ, воистину, чудовищной,—можетъ быть, даже преувеличенной легендами. Въ нихъ онъ является только что не Ильею Муромцемъ или Добрынею Никитичемъ современнымъ. Но, напримѣръ, помню постоянную нашу забаву: когда, бывало, познаемъ, что сегодня дѣдушка будетъ къ намъ въ гости, мы всюду по перегородкамъ, гдѣ только можно, въ самое крѣпкое дерево забиваемъ гвозди по головку, а потомъ притворяемся, будто мама приказала намъ эти гвозди повыдергать, а мы не знаемъ, что дѣлать, потому что клещи куда-то задѣвались... Дѣдъ

подойдетъ—хвать-хвать пальцами,—глядь, въ одну минуту всѣ и повыдергалъ. А намъ радость,—хохочемъ. Онъ съ нами, внучками, не былъ суровъ, хотя, вообще то, слылъ по уѣзду человѣкомъ крутонравнымъ и — если войдетъ въ злобу—даже способнымъ на звѣрство.

Этотъ медвѣдь въ рясѣ могъ попасть въ священники только по недоразумѣнію. Ему бы арміей командовать, либо министерствомъ какимъ-нибудь ворочать, въ особенности, министерствомъ финансовъ. Съ наружности неуклюжій и наивный, ловко притворяющійся простакомъ, онъ былъ уменъ, какъ бѣсъ, хитеръ, какъ индѣецъ, подстерегающій добычу, и, въ равной степени, отваженъ, неразборчивъ въ средствахъ и безжалостенъ къ людямъ, когда дѣло касалось его выгоды. Священствомъ своимъ онъ очень тяготился и отдавалъ ему времени и труда мало, какъ только могъ. Даже служилъ рѣдко, имѣя для требъ наемнаго замѣстителя, — дальняго своего родственника, вдоваго, безприходнаго попика, очень смирнаго характеромъ и болѣе, чѣмъ недалекаго умомъ. Этими своими отрицательными качествами о. Алексѣй Миротворцевъ сыгралъ весьма положительную роль въ исторіи странной семьи Павла Петровича Крѣпышева, въ которой онъ и вѣнчалъ, и крестилъ, и хоронилъ, — и многое, по неразумѣнію своему, саномъ своимъ покрылъ такого, съ чѣмъ примириться священникъ, болѣе сознательный и умный, не согласился бы ни за какія деньги. Самъ же о. Михаилъ на хуторѣ своемъ Звонаревкѣ, подлѣ села Никольскаго, верстахъ въ двѣнадцати отъ нашей усадьбы, жилъ скорѣе, какъ помѣщикъ или богатый купецъ, — энергическій земельный хозяинъ и лютый кулакъ. Въ

уѣздѣ его очень уважали, очень боялись и почти всѣ были ему должны.

Когда Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ прибылъ въ никифоровскія палестины, о. Михаилъ уже вдовѣлъ, довольно откровенно, впрочемъ, сожительствуя съ одной изъ своихъ дальнихъ родственницъ, продувною вдовицею ему подъ пару. Потомство свое отъ покойной супруги онъ уже выростилъ и устроилъ. Сыновья служили. Одинъ—въ губерніи на хорошемъ консисторскомъ мѣстѣ, — и, даже въ этой, невзыскательной и всякіе виды видавшей, средѣ, слылъ безпримѣрнымъ грабителемъ съ живого и мертваго. Другой въ Москвѣ управлялъ дѣлами какого-то очень важнаго лица, которое держалъ въ рукахъ, какъ безпомощнаго младенца, и — что хотѣлъ, то и дѣлалъ, наживаясь съ быстротою атамана разбойничьей шайки и строя, одинъ за другимъ, доходные дома въ самыхъ бойкихъ центрахъ столицы. Дочери, кромѣ младшей, Машеньки, всѣ были уже замужемъ, и, что любопытно, изъ четырехъ—ни одна за духовнымъ лицомъ. О. Михаилъ и самъ своего сословія не любилъ, и дѣтямъ его не желалъ. Любопытно также, что, за исключеніемъ великолѣпной Машеньки, все остальное потомство о. Михаила было малорослo, некрасиво и казалось просто каррикатурами какими-то на великана-отца. Могущественную натуру свою, вмѣстѣ съ множествомъ душевныхъ качествъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ, о. Михаилъ передалъ только Машенькѣ. Зато она и была его любимицею. Зятья о. Михаила — тоже все пройдоха на пройдохѣ: консисторскій чиновникъ въ губерніи, стряп-

чій въ Никифоровѣ и исправникъ смежнаго съ нашимъ Никифоровскимъ, Салотопскаго уѣзда,—образовали, въ союзѣ съ тестемъ и шуриномъ, удивительное сообщество сутягъ-аферистовъ, державшее въ своихъ дѣловыхъ сѣтяхъ чуть не всю губернію. Когда впослѣдствіи я познакомилась съ неаполитанскою камморрою, ея организація не произвела на меня большого впечатлѣнія: у насъ, въ Никифоровскихъ трущобахъ, была своя, почище! Замѣчательно, что всѣ эти домороценные каморристы были преданы о. Михаилу, какъ патріарху своему, либо, что-ли, атаману въ камилавкѣ, не только за страхъ, но и за совѣсть. А боялись его, какъ школьники суроваго наставника, который — что съ него возьмешь?—если останется недоволенъ своими мальчишками, такъ мало, что нотаціями душу высосетъ, а не побрезгуетъ и поколотить дружка любезнаго изъ собственныхъ іерейскихъ рукъ.

Влюбившись въ Машеньку Урошичъ по первому взгляду, Павелъ Петровичъ повелъ себя въ этомъ романѣ своемъ, совсѣмъ ужъ не какъ современный герой, съ разсудительною влюбленностью, осторожно выбирающею средства и пути, что можно, чего нельзя, а—точно средневѣковый рыцарь отчаянный или мавръ какой-нибудь сумасшедшій: не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, все объ одномъ думалъ,—хоть живу не быть, а свою красавицу добыть. Машенька принимала ухаживанія влюбленнаго магната весьма благосклонно, но Павелъ Петровичъ хорошо видѣлъ, что дѣвушка—не изъ тѣхъ, которыхъ берутъ въ любовницы, а, какъ, бывало, я во «Вражьей Силѣ» пѣвала:

Молъ женись, молъ женись,
А то лучше отвяжись...

Да и страшенъ былъ о. Михаилъ, съ его сербскимъ бѣшенымъ нравомъ и медвѣжьей силой, и пугала чуткая, опасная, сутяжная родня... И, дѣйствительно, насколько любезна была къ Павлу Петровичу красавица-поповна, настолько-же косо поглядывали на него поповичи и самъ попъ... Но Павелъ Петровичъ кое-что надумалъ, куда-то съѣздилъ, что-то настроилъ и оборудовалъ — и, возвратясь послѣ довольно долгой отлучки, принялся ухаживать за Машенькою еще пристальнѣе, такъ что пошелъ уже и говоръ въ околоткѣ. Тогда, въ одинъ сердитый день, о. Михаилъ рѣшительно заявилъ Павлу Петровичу, что ему, какъ человѣку женатому, около Машеньки кружиться безцѣльно и неприлично, и проситъ онъ, попъ, его, Павла Петровича, эту непріятную и обидную для чести Урошичей интригу прекратить...

— Помилуйте, о. Михаилъ!—возопилъ Павелъ Петровичъ съ видомъ глубочайшаго изумленія, — откуда вы взяли, что я женатъ?

Тутъ ужъ настала очередь ошеломиться о. Михаилу:

— Слухомъ земля полнится, — сказалъ онъ, — ваша свадьба не изъ тѣхъ, которыя скрыть возможно... Нашумѣло дѣльце на всю Европу.

Павелъ Петровичъ, съ разстроеннымъ видомъ, взялся за голову:

— Ахъ, эта вѣчная, общая ошибка! — застоналъ онъ.—Сколько же и до какихъ поръ мнѣ еще страдать отъ нея?.. Чего только я не терплю изъ-за этой сплетни? И вотъ — даже теперь, когда дѣло идетъ о счастьѣ

всей моей жизни, она выползаетъ, чтобы змѣею лечь между мною и любимою дѣвушкою... Ну, нѣтъ! довольно!.. Знайте же, о. Михаилъ, что на извѣстной вамъ петербургской госпожѣ женатъ, дѣйствительно, Крѣпышевъ, и, дѣйствительно, тоже Павелъ Петровичъ, какъ я, и тоже ротмистръ въ отставкѣ, какъ я, — только онъ былъ Куришгафскаго кавалерійскаго лейбъ-гвардіи полка, а я — Фридрихсгамскаго.

Онъ назвалъ полкъ тоже изъ хорошихъ, но далеко не столь блестящій, какъ бывшій свой... Лицо озадаченнаго попа прояснилось.

— Вотъ оно что? — протяжно произнесъ онъ, — такъ вы, значитъ, Крѣпышевъ, да не тотъ? Ну, это дѣло десятое. Но какъ же вы до сихъ поръ-то?.. Вѣдь, дѣйствительно, мнѣніе о васъ человѣческое...

— Самъ я виноватъ, о. Михаилъ! — съ сокрушеніемъ перебилъ Павелъ Петровичъ. — И жаловаться не на кого: одинъ, самъ кругомъ виноватъ я въ собственной своей бѣдѣ... Интересничалъ на первыхъ порахъ въ новыхъ мѣстахъ предъ новою публикою. Нравилось, что всѣ на меня смотрятъ съ любопытствомъ, какъ на героя громкой петербургской исторіи, въ которой замѣшаны дворъ и великіе князья, и вообще, пережившаго этакій эффектный романъ, — ну, и не препятствовалъ людямъ принимать меня за того, пресловутаго Крѣпышева... Зато теперь и казнюсь!

— Слѣдовательно, вы холосты? — допытывался ставшій внимательнымъ попъ.

— Нѣтъ, вдовъ, — невозмутимо возразилъ Павелъ Петровичъ. — Супруга моя, Агриппина Николаевна, урожденная Юшкина, скончалась въ 185* году въ го-

родѣ Воронежѣ . . . Да не угодно-ли вамъ, батюшка, вообще, ознакомиться съ моими документами? Изъ нихъ вы все ясно увидите, — они къ вашимъ услугамъ . . . Когда прикажете, тогда и привезу . . .

О. Михаилъ произвелъ предложенный ему осмотръ и окончательно возликовалъ: бумаги оказались въ превосходнѣйшемъ порядкѣ и несомнѣнной подлинности. Единственнымъ смущающимъ пунктомъ оставалось, что, по указу объ отставкѣ, Павелъ Петровичъ оказывался значительно старше возрастомъ и службою, чѣмъ казался на видъ.

— Это ужъ наше фамильное счастье, — объяснялъ онъ. — Отецъ мой умеръ восьмидесяти лѣтъ, а ему никто и шестидесяти не давалъ: такой былъ молодчина... Безъ единаго сѣдого волоса въ гробъ легъ. Вотъ, если вы согласитесь осчастливить меня — отдадите мнѣ руку Марьи Михайловны, то на свадьбу пріѣдутъ мои дяди . . . увидите: герои!

Отказывать такому жениху, со стороны о. Михаила,—при всемъ своемъ богатствѣ и вліяніи, все-таки, не болѣе, какъ сельскаго и даже довольно захолустнаго попа, — было-бы смѣшно и дерзко. Онъ благословилъ дочь. Свадьбу сыграли — и, вопреки желанію жениха, но по усиленному настоянію о. Михаила, весьма пышно, съ громкою огласкою и шикомъ на весь уѣздъ.

Такимъ-то образомъ Марья Михайловна Урошичъ стала госпожею Крѣпышевою, а Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ оказался двоеженцемъ, да еще можно сказать безпримѣрнымъ. Потому что въ этой дерзкой партіи игралъ онъ почти въ открытую и могъ быть ежеминутно изобличенъ десятками людей, отлично знав-

шихъ его исторію. Начиная съ губернатора, которому предписанъ былъ за нимъ тайный надзоръ и котораго, конечно, нельзя было бы одурачить документами ротмистра Фридрихсгамскаго полка. Какъ Павла Петровича вынесло изъ этой исторіи безъ немедленнаго скандала,—не понимаю и никогда понять не могла. Два великихъ шанса было за него: мѣстная консисторія, съ двумя вліятельными воротилами-родственниками — учениками и послушниками о. Михаила, и таковая же полицейская, въ двухъ уѣздахъ, каморра. Ну, а главное, сколько же за все это платилось! На крѣпышевскомъ секретѣ люди не то, что дома себѣ построили, — имѣнія въ Крыму покупали. Десятки піявокъ обсасывали Барышъ, цѣлыя стаи шакаловъ обгладывали... и онъ таялъ, таялъ, пока совсѣмъ не растаялъ.

На сколько искренно было убѣжденіе самого о. Михаила въ томъ, что новый зять его — Крѣпышевъ, да не тотъ, — исторія умалчиваетъ. Злые языки впослѣдствіи, когда исторія раскрылась нѣсколько и поползла дурными слухами по уѣзду, увѣряли, будто совсѣмъ не Павелъ Петровичъ обошелъ своею хитростью о. Михаила (подумаешь, невинная овечка какая! первый жуликъ на всю губернію!) — а напротивъ, о. Михаилъ и консисторскій сынъ его придумали дерзкій фортель съ двумя Крѣпышевыми, обмѣннымъ и настоящимъ, чтобы приличнѣе продать Машеньку обезумѣвшему отъ влюбленности магнату. А послѣдній, дѣйствительно, заплатилъ за невѣсту, совсѣмъ будто мѣстный инородческій батырь, калымъ неслыханный, отписавъ на тестя половину — и притомъ лучшую — своихъ лѣсныхъ владѣній...

Слухъ о странной свадьбѣ, конечно, не могъ не достигнуть Петербурга. Оттуда присланъ былъ грозный посолъ съ запросомъ: что это значитъ? Но Павелъ Петровичъ, по обыкновенію, получилъ о послѣ вѣсти загодя и, прежде всего, распорядился услать Марью Михайловну на богомолье въ дальній монастырь — такъ, чтобы посолъ ни въ коемъ случаѣ съ нею не встрѣтился. А когда посолъ прибылъ, Павелъ Петровичъ весьма спокойно и самоувѣренно объяснилъ ему, что въ толкахъ все перепутано и наврано. Женился на Марьѣ Михайловнѣ совсѣмъ не онъ, а его двоюродный дядя, о чемъ свидѣтельствуютъ вотъ прилагаемые документы. Своихъ близкихъ отношеній къ Марьѣ Михайловнѣ онъ не отрицаетъ и не скрываетъ, но это — интимное дѣло, которое никого не касается, кромѣ ея супруга, а послѣдній никакихъ претензій не изъявляетъ. Онъ же, Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ, не считаетъ себя лишеннымъ права имѣть сожительницу и хозяйку въ домѣ. Если онъ называетъ Марью Михайловну своею женою и требуетъ, чтобы всѣ его домашніе и знакомые относились къ ней не иначе, какъ къ его женѣ, — это опять-таки его хозяйское право, въ своемъ дому онъ властенъ предписывать порядокъ, какой ему угодно.

— Да, — возразилъ посолъ, — но намъ донесено, будто вы вѣнчались съ нею церковнымъ порядкомъ?

— Ничего подобнаго, — смѣло отрекся Павелъ Петровичъ. — Вотъ — документы . . . Вѣнчался не я, но дядя, а мы, дѣйствительно, когда сошлись, отпѣли въ своей приходской церкви молебенъ и устроили для сосѣдей новоселье съ пирушкою . . . Не скрываю, что это устроено было для того, чтобы утвердить сосѣдей во

мнѣніи, что Марья Михайловна — дѣйствительно, моя жена. Но этотъ невинный обманъ врядъ кто-нибудь рѣшится поставить мнѣ въ вину. Онъ не нарушилъ ничьихъ правъ, а — если я стараюсь облегчить любимой женщинѣ ложное положеніе, въ которомъ ей приходится существовать, то едва ли заслуживаю за то упрека . . . .

Въ концѣ концовъ, онъ, осмѣлѣвъ и найдя почву подъ ногами, указалъ не безъ язвительности, что ведетъ себя въ этомъ своемъ романѣ безъ малѣйшей разницы отъ высокопоставленнаго лица, открыто сожительствующаго съ его супругою, Маргаритою Карловною Крѣпышевою, имѣя свою законную супругу, съ которою оно, лицо, однако, не живетъ, — такъ-же, какъ онъ, Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ, не живетъ со своею законною супругою, Маргаритою Карловною. И — болѣе того: у высокопоставленнаго лица и Маргариты Карловны имѣются дѣти, которыхъ онъ, Крѣпышевъ, обязанъ покрывать своимъ именемъ, — совершенно такъ-же, какъ вотъ онъ, Крѣпышевъ, теперь принимаетъ ту-же любезность отъ добраго своего стараго дяди . . .

Дерзость этой аналогіи озадачила посланнаго, а съ рыцарствомъ поведенія Павла Петровича въ отношеніи Марьи Михайловны онъ согласился. Значительная сумма денегъ, которою за это согласіе поплатился ему Павелъ Петровичъ, подъ видомъ проигрыша въ карты, и наличность оправдательныхъ документовъ вполнѣ убѣдили его, что съ оффиціальной стороны все стоитъ благополучно и нерушимо. Разъ оно въ томъ-же положеніи и впредь останется, то гораздо лучше смотрѣть

на любовный капризъ господина Крѣпышева сквозь пальцы, чѣмъ обращать его въ шумный скандалъ, за который не замедлитъ схватиться обѣими руками столь жадно чающая развода, хотя и за тридевять земель живущая, Маргарита Карловна. Поэтому, преподавъ совѣты какъ можно большей тишины и осторожности, посолъ благополучно отбылъ, а Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ остался въ дебряхъ своихъ несомнѣнно самымъ счастливымъ и благоустроеннымъ двоеженцемъ въ мірѣ.

Не надо думать, чтобы и въ дебряхъ всѣ были обмануты хитростью Павла Петровича и его тестя. Многіе, — не исключая нашихъ дворовыхъ людей, — нисколько не сомнѣвались въ томъ, что ротмистръ Крѣпышевъ повѣнчался съ Машенькою Урошичъ плутовскимъ манеромъ, и бракъ ихъ не только не имѣетъ законной силы, но скрываетъ подъ собою явное преступленіе двоеженства. Но въ то же время наглая открытость, съ какою все это беззаконіе было продѣлано, и ловко пущенная по губерніи молва подчинили и скептиковъ убѣжденію, что — «Крѣпышеву сверху дозволено» — не въ примѣръ прочимъ, въ особомъ жалованномъ порядкѣ.

Что касается второго Павла Петровича Крѣпышева, чьими бумагами воспользовался для женитьбы на Машенькѣ женатый нашъ женихъ, онъ не былъ миѳомъ, равно какъ и бумаги его были не фиктивныя или поддѣльныя какія-нибудь, а самыя настоящія, хорошія бумаги. Я уже не помню, не застала, да и никто изъ сестеръ не помнитъ, но отъ нянекъ и другихъ дворовыхъ женщинъ слыхала я, что въ первые годы, по бракѣ

моихъ родителей, жилъ у насъ въ усадьбѣ смирный пожилой человѣкъ, изъ отставныхъ военныхъ, безмолвный, больной, хилый, вѣчно съ лѣкарствами, компрессами и растираніями... Дворовые насмѣшники, знавшіе или подозрѣвавшіе двоеженство своего господина, дали этому приживальщику курьезную кличку — «перетятька». Смыслъ ея тотъ — что бѣдный и больной человѣкъ этотъ, приходившійся Павлу Петровичу двоюроднымъ дядею и полнымъ тезкою, то-есть Павломъ Петровичемъ Крѣпышевымъ, былъ нанятъ какъ бы въ отцы, въ «тятьки», будущему потомству Марьи Михайловны: значился документальнымъ супругомъ моей матери, — чего послѣдняя, однако, никакъ не подозрѣвала, — и документальнымъ родителемъ старшихъ ея дѣтей: Евлаліи, Дмитрія, Евгеніи, Елены и Петра. Женатъ былъ племянникъ, а законнымъ мужемъ по бумагамъ числился дядя, производилъ потомство племянникъ, а въ метрики оно вносилось на имя дяди.

Насколько эта плутня была извѣстна о. Михаилу и когда она ему стала извѣстна, повторяю, говорятъ надвое. Но отъ матери моей — это знаю навѣрное и утверждаю несомнѣнно — она была скрываема очень долго и тщательно и мужемъ, и отцомъ, и всѣми ихъ сообщниками и соучастниками. Почти десять лѣтъ брака Марья Михайловна провела въ твердой увѣренности, что она, дѣйствительно, замужемъ за Павломъ Петровичемъ Крѣпышевымъ, и дѣти ея — его законныя дѣти, настоящіе и настоящія Крѣпышевы. И, когда повязка печальной и постыдной тайны пала съ глазъ ея и обнаружилась истина, роковое открытіе потрясло бѣдную женщину глубоко и тяжко. Это горькое время всю

ее переродило и круто повернуло путь и складъ ея жизни — къ сожалѣнію — далеко не въ лучшую сторону.

Люди, знавшіе мать мою до горестнаго переворота, говорятъ, что была она женщина-сокровище: мужа любила нѣжно и вѣрно; болѣе внимательной и старательной матери, энергической и хлопотливой хозяйки, умной и дѣльной домовладычицы — и не вообразить было; вина въ ротъ не брала, о какой-либо любовной шалости на сторонѣ сочла-бы самую мысль преступленіемъ.

Открыло тайну и вызвало переворотъ событіе самое простое и естественное, которое легко было предвидѣть, а, быть можетъ, и противъ послѣдствій его мѣры принять, но, въ свое время, онѣ приняты не были, а когда грянула бѣда, принимать было уже поздно. Въ одно угрюмое утро тихо умеръ отъ апоплексическаго удара въ флигелечкѣ своемъ бѣдный нашъ «перетятька», Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ-дядя, старшій, ротмистръ Фридрихсгамскаго полка. Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ-племянникъ, младшій, ротмистръ Куришгафскаго полка, былъ въ отсутствіи, хлопоталъ въ губернскомъ городѣ о какомъ-то лѣсномъ подрядѣ. На бѣду не случилось и о. Михаила: гостилъ у московскаго своего сына. Хоронить умершаго «перетятьку» выпало на долю одинокой Марьи Михайловны, что она и исполнила честь-честью, отнюдь не подозрѣвая, что, въ лицѣ этого покойника, погребаетъ своего мужа и отнынѣ остается на бѣломъ свѣтѣ горе-горькою вдовою. Смерть «перетятьки» произвела такъ мало сенсаціи въ нашей усадьбѣ и уѣздѣ, что маменька не нашла даже нужнымъ извѣстить о ней находившагося въ губернскомъ городѣ,

живого Павла Петровича. Вернется, молъ, такъ и самъ узнаетъ. Вернулся онъ на девятый день — какъ разъ къ поминальному обѣду и, когда услыхалъ новость, то—чуть не хватилъ и его апоплексическій ударъ. Полетѣла отчаянная эстафета въ Москву къ о. Михаилу. Тотъ также, едва эстафету получилъ, бросилъ всѣ свои столичныя дѣла и помчался вихремъ въ родныя палестины, чтобы сдержать угрожающую катастрофу и, какою бы то ни было цѣною, «спасти положеніе».

Но спасать было и рано, и поздно. Рано, потому что Крѣпышевъ-«перетятька» безшумностью смерти своей покуда ни въ комъ не вызвалъ интереса къ повѣркѣ крѣпышевскихъ семейныхъ отношеній, и не было еще, и неоткуда было ждать доноса. Поздно, потому что документы «перетятьки», умершіе съ нимъ вмѣстѣ, уже не годились къ дальнѣйшему использованію, по крайней мѣрѣ, безъ новаго преступленія и подлога— записывать будущихъ дѣтей Крѣпышева дѣтьми давно зарытаго въ землю покойника... Павелъ Петровичъ шелъ на это плутовство, но о. Михаилъ отказался наотрѣзъ :

— Хотя я рясу свою и не весьма люблю, но совсѣмъ не хочу, чтобы ее съ меня сняли по синодскому постановленію, и, хотя мы на границѣ съ Сибирью живемъ, но въ самую Сибирь быть сосланнымъ на старости лѣтъ — не желаю.

— Какъ же быть-то ? — въ тоскѣ вопрошалъ Павелъ Петровичъ.—Ты самъ посуди, отецъ : вѣдь насъ совсѣмъ въ тупикъ загнало... Мы съ Машенькой люди

молодые, живемъ любовно... Продолжитъ она еще рожать—чьи же дѣти будутъ?

— А чьи?—угрюмо возразилъ о. Михаилъ,—вдовы гвардіи ротмистра въ отставкѣ, Марьи Михайловой Крѣпышевой, отецъ неизвѣстенъ,—вотъ чьи... Прекратите-ка производство-то... нечего ужъ, побаловались — и будетъ... Довольно съ Марьи четверыхъ законныхъ дѣтей... Теперь—либо не рожать, либо будутъ незаконныя...

— Отъ вѣнчаннаго мужа да незаконныя?

— То-то вотъ, что ты вѣнчаться-то ужъ больно охочъ.

— Что было, то было,—прошлымъ, батюшка, меня нечего корить. Вмѣстѣ виноваты. Ты лучше придумай, да посовѣтуй, какъ дальше-то жить?

— А что тутъ присовѣтуешь? Одно: живи, какъ жилъ, пока никто тебя не трогаетъ. Старайся, чтобы потрафлять людямъ, какъ лучше—потиху да посмирну, незамѣтно, не шебарша, — авось, временемъ перемелется, мука будетъ...

— А если?

— Ну, если,—тогда, конечно, дѣло наше худо... Да съ чего бы? Кому ты больно нуженъ-то? Вражды вокругъ тебя никакой нѣтъ, скорѣе тебя даже любятъ... Молчи, знай, и не суетись: проживешь...

— Да, вѣдь, даже и въ такомъ случаѣ, дѣти, въ концѣ-концовъ, безъ правъ останутся? Съ капиталомъ то — какъ быть? съ имуществомъ? съ землями?

— Ну, это мы полегоньку, да потихоньку поправимъ запродажами...

— Всего продать мнѣ не позволятъ изъ Петербурга... та-то, заграничная моя, слѣдитъ... по закону нельзя...

— Что же дѣлать, братъ? Какой-нибудь клокъ похуже выбросимъ и ей, яко жертву благопотребную... — И, наконецъ, не все же въ имуществѣ... а семья-то моя какъ же? родъ? фамилія?

— Э! съ тобою не сговоришь, Павелъ Петровичъ! Тебѣ—коли медъ, такъ и ложку! Говорю же тебѣ: теперь не до чести, а не быть бы въ части...

Одну минуту Павелъ Петровичъ рѣшился было на отчаянную штуку: онъ думалъ, продолжая комедію съ обмѣномъ документовъ, оффиціально похоронить самого себя и оставаться жить по бумагамъ «перетятьки»... Но это было невозможно уже по той причинѣ, что всѣ его дѣловыя и коммерческія отношенія велись, конечно, на настоящее имя и званіе. И, притомъ — куда же тогда дѣвался бы бракъ его съ Маргаритою Карловною фонъ-Рейнъ, эти золотые кандалы, которые были единовременно и опорою его благосостоянія и кредита, и главнымъ стыдомъ, страхомъ, мукой всей его жизни? Фиктивная смерть его не только выпустила бы Маргариту Карловну на свободу, чего такъ не желали въ Петербургѣ, но — болѣе того: женщина эта, по громаднымъ тратамъ своимъ вѣчно нуждавшаяся въ средствахъ, могла наброситься на его «наслѣдство» во имя охраны интересовъ его законныхъ дѣтей, которыхъ онъ никогда не производилъ и въ глаза не видалъ... Словомъ, получилась каша невообразимая:

Двоеженецъ безъ единой жены.

Отецъ дѣтей, ему не принадлежащихъ.

Не отецъ дѣтей, ему принадлежащихъ.

Послѣ долгихъ сомнѣній, колебаній, шушуканій, рѣшилъ онъ держаться тактики, рекомендуемой тестемъ:

— Дѣлать видъ, будто все обстоитъ въ томъ же порядкѣ, какъ было, — а, главное, никакъ не обнаруживаться предъ Марьей Михайловной . . .

Потому что Марьи Михайловны они оба—сильные, хитрые мужчины—вдругъ странно забоялись, будто только впервые разглядѣли эту женщину и догадались, что она совсѣмъ не такой человѣкъ, чтобы можно было безнаказанно играть ея честью и потомствомъ...

— Ты Марью ублажай, береги,—смущенно совѣтовалъ зятю о. Михаилъ, и глаза его на заросшемъ волосами лицѣ бѣгали и прыгали, словно испуганные зайцы въ кустахъ.—Если Марья не надуритъ, все обойдется хорошо. Увидишь : засохнетъ, какъ на собакѣ !

Прошелъ годъ, другой... Предсказанія о. Михаила сбывались . . . Волненія чуть не провалившихся было хитрецовъ давно улеглись и даже начали уже забываться. За это время Павелъ Петровичъ весьма значительную часть своихъ земель укрѣпилъ за Марьей Михайловной такимъ путемъ, что продавалъ ихъ о. Михаилу, а тотъ перепродавалъ дочери, которая того и не подозрѣвала, такъ какъ покупку производилъ опять-таки Павелъ Петровичъ, по силѣ полной довѣренности, взятой имъ отъ Марьи Михайловны еще при жизни спасительнаго «перетятьки». Какія при этомъ потери на пошлинахъ получались, легко себѣ представить. Чтобы избѣжать ихъ, Павелъ Петровичъ указывалъ

о. Михаилу, что, вѣдь, онъ могъ бы, сохраняя имущество пожизненно, потомъ передать его Марьѣ Михайловнѣ въ завѣщательномъ порядкѣ... Но старый дѣлецъ лишь вздохнулъ сокрушенно и признался:

— Сыновей и зятьевъ боюсь. Семья у меня, прямо тебѣ скажу, Павелъ Петровичъ, волчья. Страхомъ держится. Покуда я живъ, за моей спиной отъ нихъ ничего не бойся. Ну, а помру,—сдержать будетъ некому, отъ достоянія Машенькина, если теперь не закрѣпить его за нею безупречно, только клочья полетятъ . . .

И не только онъ боялся алчности волчьей семьи своей, но уже подкупалъ ее: съ каждой такой продажи что-нибудь да прилипало къ рукамъ зятьевъ и консисторскаго сына,—и крѣпышевское состояніе таяло, да таяло понемногу, какъ ледъ на солнцѣ, еще не жаркомъ, но уже начавшемъ свою разрушительную работу.

Такими жертвами приходилось имъ окупать страхъ свой предъ Марьей Михайловной—чтобы спрятать отъ нея злую истину, что предъ лицомъ закона она теперь не болѣе, какъ вдова, да еще и находящаяся во внѣбрачномъ сожительствѣ... Родились на свѣтъ братъ Андрей и сестра Юлія... Но, — можетъ быть, къ благополучію своему, — не долго обременяли собою этотъ свѣтъ: Андрюша не дожилъ года, Юля умерла отъ скарлатины по третьему годку... Къ сроку, какъ имъ рожаться, о. Михаилъ прехитро каждый разъ заболѣвалъ—и крестить малютокъ возили къ нему въ Никольское. Это дѣлалось для того, чтобы мама не могла ознакомиться съ метрическою записью. Конечно, под-

бирались для того нарочно и кумовья потемнѣе и посѣрѣе, либо изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. До поры до времени все сходило гладко. Надо сказать, что мама моя, будучи отъ природы одарена большимъ и очень сообразительнымъ умомъ, отличною памятью и рѣшительнымъ твердымъ характеромъ, была, однако, совершенно лишена образованія и, обученная на мѣдныя деньги, даже грамоту знала плохо... Оффиціальныя фразы и иностранныя слова звучали для нея непроходимою трудностью. Поэтому,—служилъ ли ея мужъ въ Куришгафскомъ его высочества принца Фердинанда Транслентанскаго полку, или въ Фридрихсгамскомъ его свѣтлости герцога Нассау-Зигмарингенскаго, — это для нея была совершенно темная и безразличная грамота. Именно ужъ могла сказать про себя: «не мастерица я полки-то разбирать!» Но «вдову» и «отецъ неизвѣстенъ» она своимъ вниманіемъ не пропустила бы и, конечно, поняла бы отлично... Однако, мало-по-малу, что-то въ поведеніи мужа—относительно ея и дѣтей—сдѣлалось ей, все-таки, подозрительно, и она насторожилась.

Взрывъ произошелъ, когда наступило время отсылать старшихъ сестеръ Евлалію и Евгенію въ учебное заведеніе, въ губернскій городъ. Помѣстить ихъ удалось, въ порядкѣ того же длящагося подлога, совершенно благополучно, безъ зацѣпокъ. Но, такъ какъ мать ужъ очень съ большимъ вниманіемъ относилась ко всему, что касалось этого дѣла,—то, на этотъ разъ, она сумѣла разобраться и въ «Куришгафскомъ» съ «Фридрихсгамскимъ» и, уловивъ разницу, очень озада-

чилась. Скрытная и неспѣшная, она промолчала, искусно сдѣлавъ видъ, будто ничего не замѣтила, но задумалась, а, вдумавшись, быстро сообразила, что тутъ что-то нечисто... Поговорила съ нѣкоторыми, подозрѣвавшими секретъ и преданными ей, женщинами,—и чудовищный обманъ, насмѣявшійся надъ ея жизнью, разоблачился предъ нею и всталъ во всей своей безобразной и оскорбительной наготѣ.

Спокойный и рѣшительный характеръ не измѣнилъ Марьѣ Михайловнѣ. Чего ей стоило открытіе, — это узнали только подушки да стѣны спальни, въ которой она провела три дня, безвыходно запершись. Но двухъ виновниковъ своего несчастія—мужа и отца—она, съ того мгновенія, возненавидѣла безпощадно.

Павла Петровича не было дома: онъ находился въ губерніи, устраивая дочерей въ гимназическомъ пансіонѣ. Но, когда онъ возвратился, то, къ изумленію и ужасу своему, нашелъ, что Марья Михайловна перебралась изъ общей супружеской спальни, прослужившей имъ десять лѣтъ, въ дальнюю угловую комнату, гдѣ и устроилась одиноко и замкнуто, и прекрѣпкія задвижки къ дверямъ придѣлала. Послѣдовало объясненіе, въ которомъ Павелъ Петровичъ, сперва думавшій было взять верхъ нахрапомъ и крикомъ, потерпѣлъ жесточайшее пораженіе и однажды навсегда потерялъ такъ долго ласкавшее его супружеское счастье. Марья Михайловна заявила ему кратко и твердо: узнавъ, что она ему не жена и никогда не была женою, отнынѣ женою ему она не хочетъ быть и не будетъ. Для того же, чтобы продолжать сожительство въ качествѣ его любов-

ницы,—ужъ пусть онъ извинитъ — не настолько она его любитъ и уважаетъ. Не заслужилъ. Изъ дома она, покуда, не ушла единственно потому, что, ради дѣтей, не хочетъ производить шума и скандала. Однако, если Павлу Петровичу ея присутствіе неудобно и не нравится, такъ — пусть онъ не стѣсняется, скажетъ: она сейчасъ же соберется, заберетъ своихъ дѣтей и уѣдетъ къ отцу или къ кому-либо изъ братьевъ, до тѣхъ поръ, покуда не устроится какъ-нибудь сама... Павелъ Петровичъ пришелъ въ ужасъ. Но къ просьбамъ и мольбамъ его озлобленная женщина осталась холодна и непреклонна. А когда онъ позволилъ себѣ грозить, Марья Михайловна рѣшительно заявила ему, что никакого насилія надъ собою или своими дѣтьми не допуститъ и, при первой же грубой выходкѣ Павла Петровича, противъ нея обращенной, сама донесетъ на него и на себя въ Петербургъ и будетъ требовать правосудія... Уставъ спорить и ругаться съ женою, Павелъ Петровичъ попробовалъ было даже подраться съ нею, но—онъ имѣлъ дѣло съ дочерью о. Михаила Урошича, унаслѣдовавшей и его мужество, и силу. Такъ что, и на рукопашномъ поприщѣ, успѣха стяжалъ не больше, чѣмъ въ устномъ словопреніи, и отступилъ, постыдно пораженный.

Съ того дня начался и установился новый порядокъ жизни въ Крѣпышевскомъ Барышѣ и тщетно Павелъ Петровичъ пытался то такъ, то эдакъ повернуть его на прежнее. Зная, что супруга его — женщина страстнаго темперамента, чувственная, требовательная, онъ разсчитывалъ, что она не выдержитъ долгой супруже-

ской разлуки и смѣнитъ гнѣвъ на милость. Но горько ошибся въ расчетѣ. Марья Михайловна, именно какъ Брунгильда какая-нибудь, заковалась въ броню совершенной неприступности. И, для большей гарантіи противъ супружескихъ покушеній, окружилась преданными ей женщинами изъ прислуги, которыя не отходили отъ нея ни днемъ, ни ночью и, кромѣ нея, никого не слушались. И—захочетъ на которую-нибудь прикрикнуть Павелъ Петровичъ, что она ему мѣшаетъ,—слышитъ рѣшительный отвѣтъ:

—Я, батюшка, не вамъ служу, а барынѣ Марьѣ Михайловнѣ. Такъ вы на меня орать не извольте. Прикажетъ барыня уйти, — уйду. Прикажетъ остаться, — останусь.

А барыня улыбается съ жестокостью и твердитъ:

— Конечно, Соломонида Степановна, оставайся,— у меня отъ тебя секретовъ съ Павломъ Петровичемъ никакихъ быть не можетъ...

Отступился Павелъ Петровичъ...

Что касается о. Михаила,—съ нимъ было не лучше. Явился было онъ увѣщевать дочь,—и съ перваго же слова былъ оборванъ.

—Покорись,—говоритъ,—дочь, супружескому званію и долгу. Съ чего на тебя дурь нашла — противъ этакаго хорошаго человѣка бушевать и непріятности ему оказывать?

А Марья Михайловна ему—съ язвительностью:

— Я, батюшка, супружескій долгъ свой очень помню. У васъ же въ Никольскомъ въ церкви по покойнику Павлу Петровичу вѣчное поминовеніе заказано. А

вотъ будетъ годовщинка ему, то пріѣду я, вдова горькая, на могилку, — попрошу васъ панихидку отслужить... И на Радуницу, и въ Димитріеву субботу, во всѣ родительскіе дни... вы не извольте безпокоиться.

— Ну, — нахмурился попъ, — ты со мною комедіи оставь... Этого я не люблю... Шпынять себя еще никому на вѣку своемъ не позволялъ... Что сдѣлано, того не передѣлывать стать, а надо о будущемъ думать... Покойниковъ мы въ покоѣ и оставимъ, — они себѣ въ землѣ лежатъ да гніютъ, а мы по землѣ ходимъ — и намъ еще между людьми жить, сколько Богъ вѣку положитъ... Я пришелъ къ тебѣ не о панихидахъ по покойнику напоминать, а о долгѣ твоемъ къ живому вѣнчанному мужу...

— Нѣту у меня такого.

И видитъ о. Михаилъ: туча тучею стала упрямая строптивица-дочь. Даже лицо посинѣло. А глаза и зубы стиснутые молнійками поблескиваютъ

— Марья!—громомъ зарокоталъ на нее сердитый старикъ.—Довольно шутокъ! Какъ отецъ, приказываю тебѣ: покорись!

Какъ вспрянетъ Марья Михайловна, какъ грянетъ на него:

— Ты, батюшка, меня продалъ, денежки получилъ,—твоей власти и воли, значитъ, во мнѣ нѣту. Ну, и не суйся между двухъ огней. Квиты.

— Ахъ, ты, окаянная! —завопилъ о. Михаилъ.—Да я тебя прокляну!

И посунулся было къ дочери съ кулаками.

А она свои навстрѣчу выставила.

— Кляни, пожалуй. Не страшно. Не такой ты, батюшка, человѣкъ, чтобы Богъ твоего проклятія послушалъ.

— Врешь, гадина! —захрипѣлъ старый попъ и даже на мѣстѣ волчкомъ отъ злости закружился.—Послушаетъ. На мнѣ санъ...

— И санъ твой на тебѣ—только моею же милостью,—безъ жалости добила его дочь.—Потуда, покуда мнѣ угодно. Стоитъ мнѣ письмо митрополиту написать, — и гдѣ онъ будетъ, твой санъ, скажи-ка?

Никого въ жизни своей не боялся смѣлый, грозный, лѣсной попъ-богатырь, о. Михаилъ Урошичъ, а тутъ—предъ дочерью родною сробѣлъ, потому что ужъ слишкомъ ярко призналъ въ ней свою кровь и свой несломный, ярый, безжалостный во враждѣ, характеръ. Пришелъ къ зятю мрачнѣе ночи, но смирнѣе овцы, и угрюмо посовѣтовалъ:

— Брось, не трожь... Авось. временемъ обдержится...

Оно, пожалуй, такъ и сбылось, временемъ обдержалось, потому что не разстались вѣнчанные, но не узаконенные, супруги Крѣпышевы, дожили жизнь вмѣстѣ,—только ужъ очень нехорошо.

Утомился-ли Павелъ Петровичъ неожиданнымъ холостымъ своимъ положеніемъ, или думалъ поймать жену на удочку женской ревности и опять притянуть ее къ себѣ на этомъ хитромъ крючкѣ, только, по нѣкоторомъ времени, сталъ онъ возвращаться къ прежнему образу жизни, какъ до женитьбы. И на сторонѣ, и въ самой усадьбѣ завелись у него зазнобушки, сперва

случайныя и кратковременныя, потомъ одна какъ будто попрочнѣе, постоянная. Держалъ Павелъ Петровичъ приказчикомъ по лѣсной части прогорѣлаго купчика, Софрономъ Игнатовымъ звали. Человѣкъ былъ усердный и способный, но характеромъ и жизнью неудачникъ, больной и тихій. А у него жена Маланья Сергѣевна, лѣтъ на двадцать его моложе, русская красавица, кровь съ молокомъ, безстыжіе глаза рѣпою и, какъ распуститъ, бывало, въ банѣ или на купаньи волосы, намъ на удивленье, то русая коса—до пятъ. Пребезсовѣстныхъ правилъ и пребезстыжей нравственности была женщина, но умница. Я, впослѣдствіи, съ нею довольно дружна была и многимъ обязана ей—и дурнымъ, и хорошимъ. Такъ вотъ ее-то и облюбовалъ Павелъ Петровичъ въ оффиціальныя свои фаворитки и дошелъ—не отъ любви къ ней, конечно, а отъ злобнаго желанія досадить Марьѣ Михайловнѣ—до такой наглости, что сталъ даже приглашать Маланью Сергѣевну переселиться отъ мужа къ нему, въ барскій домъ, въ осиротѣлую спальнню ушедшей жены. Но на такой смѣлый рискъ умная баба не пошла и, вообще, большой огласки вокругъ себя не позволила. А на Марью Михайловну мстительный романъ покинутаго супруга не произвелъ никакого впечатлѣнія. Она даже не лишила Маланью Сергѣевну обычнаго своего расположенія, любезно говорила съ нею при встрѣчахъ, дѣлала видъ, будто ей ничего неизвѣстно, и, вообще, рѣшительно ничѣмъ не выказала, что измѣна Павла Петровича хоть сколько-нибудь ее задѣла,—словно дѣло шло о совсѣмъ постороннемъ и нисколько не интересномъ ей человѣкѣ.

Когда я, впослѣдствіи, читала романъ Писемскаго «Мѣщане», то — не помню, какъ звали — былъ тамъ среди дѣйствующихъ лицъ поваръ, веселый толстякъ, похожій на итальянскаго короля Виктора Эммануила, —не нынѣшняго, конечно, а стараго, объединителя Италіи, которому во всѣхъ ея городахъ теперь поставлены памятники. И мнѣ всегда казалось, что Писемскій списалъ этого своего повара съ нашего весельчака и молодчины—повара Романа. И до сихъ поръ еще, бывая въ Италіи, никогда я не проѣзжаю мимо монумента или иного изображенія Виктора Эммануила безъ того, чтобы не вспомнить нашего Романа... Когда Павелъ Петровичъ вздумалъ дразнить жену вызывающею связью своею съ приказчицею Маланьею Сергѣевною, Марья Михайловна отвѣтила такою же вызывающею связью съ этимъ вотъ, похожимъ на Виктора Эммануила, Романомъ. Любви тутъ, я думаю, никакой не было, а началось мстительнымъ капризомъ обиженной женщины, поддержалось и развилось истерическою чувственностью, продолжалось и затянулось привычкою къ красивому и веселому человѣку, который относился къ своей возлюбленной госпожѣ въ высшей степени порядочно: не зазнаваясь, но съ достоинствомъ; безъ требовательности, но и безъ униженія; а главное, безъ хвастовства и огласки—кромѣ какъ у тѣхъ лицъ, которыхъ сама Марья Михайловна хотѣла поставить въ оскорбительную извѣстность о своихъ похожденіяхъ,— мужа и отца. Бѣшенству Павла Петровича не было предѣловъ, а Марья Михайловна язвительно спрашивала его: какое ему до нея дѣло? мужъ онъ ей, что ли? она, сла-

ва Богу, вдова, свободный мірской человѣкъ,—съ кѣмъ хочетъ, съ тѣмъ и живетъ, кромѣ Бога ни предъ кѣмъ не грѣшна и не отвѣтственна. А если ему ея поведеніе не нравится, такъ вѣдь она къ мѣсту не привинчена—можетъ и уѣхать, слава Богу, не нищая, прожить будетъ чѣмъ, а дѣтей забрать ей недолго... И то правда, въ самомъ дѣлѣ: съ какой стати ему, благородному человѣку, знаменитому Павлу Петровичу Крѣпышеву, прикрывать собою грѣхи какой-то вдовенки, которая ему—седьмая вода на киселѣ?!.. Но одна мысль о томъ, что Марья Михайловна можетъ, въ самомъ дѣлѣ, уѣхать, покинувъ его на уѣздный позоръ и посмѣяніе, приводила Павла Петровича въ ужасъ, и онъ былъ готовъ на какія угодно жертвы, лишь бы отстранить отъ себя эту срамную опасность. Кажется, въ эту пору, несмотря на свой романъ съ приказчицей, онъ еще крѣпко любилъ жену, и могли бы они очень хорошо помириться и снова сойтись, не будь она-то неумолима. Пробовалъ вмѣшаться въ этотъ соблазнъ и о. Михаилъ, но дочь отвѣчала ему спокойнымъ возраженіемъ:

— Если тебѣ, батюшка, не нравится, что я блудно живу, такъ ты меня повѣнчай съ Романомъ: онъ вдовецъ, я вдова,—выходитъ, насъ пара...

— Негодница!—рычалъ попъ,—не смѣй себя вдовою звать... богохульствуешь! Вѣнчанная ты... съ вѣнчаннымъ своимъ мужемъ обязана жить, а не любовниковъ собирать...

— Ой, батюшка,—въ глаза ему смѣялась дочь,—да ужъ будто ты вѣнчанныхъ не вѣнчаешь?

И продолжала она это издѣвательство ни много, ни мало,—ровно семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ родились у нея дочери: Лиза, Даша, Наташа, Агаша и я... Продолжалось бы, можетъ быть, и дальше, и Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончилось, потому что давно уже и у Павла Петровича и у Романа смотрѣли изъ глазъ ножевыя думы. Однажды Павелъ Петровичъ вышелъ на крыльцо съ ружьемъ—будто бы ястреба застрѣлить. Ну, и удивительно низко леталъ этотъ ястребъ, потому что зарядъ такъ и просвисталъ мимо уха Романа, который въ это время, сидя на завалинѣ возлѣ кухни, утку ощипывалъ. Послѣ этого случая Романъ отказался отъ поварской должности, попросилъ дать ему другую, въ которой онъ не имѣлъ бы дѣла съ съѣстными припасами.

—А то,—объяснялъ онъ Марьѣ Михайловнѣ,—разъ баринъ на меня намѣряется, натуральное дѣло: можетъ ожидать и отъ меня того же... Человѣкъ же онъ свирѣпый, несуразный, клевету взвести не дорого возьмемъ: не дай Богъ, заболитъ у него животъ,—онъ и завопитъ на всю округу, будто я его окормилъ... И всѣ ему повѣрятъ, потому что, ежели онъ на меня, такъ почему же не мнѣ на него? А я подобнаго совсѣмъ не желаю...

Марья Михайловна назначила его приказчикомъ по рубкѣ и сплаву лѣса. Павелъ Петровичъ могъ торжествовать, потому что ненавистному сопернику пришлось выселиться съ усадьбы въ лѣсной хуторъ, но Марья Михайловна — на зло мужу— начала тамъ пропадать по цѣлымъ днямъ. Въ одну ночь хуторъ сго-

рѣлъ, и Романъ едва выскочилъ изъ пожара. Вслухъ онъ обвинялъ самого себя, что заронилъ огонь, неосторожно потушивъ трубку, но втайнѣ, конечно, былъ увѣренъ, какъ и вся округа шепталась, что хуторокъ пропалъ отъ поджога, а поджогъ—дѣло Павла Петровича Крѣпышева, если не собственноручное, то приказанное... Марьи Михайловны, въ тотъ часъ, на хуторѣ, къ счастью, не случилось, а за испугъ ея, при вѣсти о пожарѣ, я, бѣдная, которую она тогда носила подъ сердцемъ, расплатилась двумя красными родимыми пятнами,—такъ и обозначаютъ мякоть ладоней, какъ она схватилась за голову руками. Хорошо еще, что пришлись на шею, подъ ушами, и легко закрываются во лосами. Въ малолѣтствѣ сестры такъ и дразнили меня: «Машка „—паленыя уши!»—потому что имѣло видъ обжога. Съ годами, слава Богу, начало блѣднѣть, такъ что замужъ выходила уже только съ розовыми пятнышками. Схватись мама за лицо,—ходить бы мнѣ по свѣту краснокожимъ уродомъ...

И такъ дѣло шло,—что дальше, то хуже. Время не укрощало эти страсти, притупляя привычкою, а напротивъ, обостряло и разжигало... Но однажды Романъ, отправившись съ мамиными порученіями въ губернскій городъ, заболѣлъ въ дорогѣ тифомъ, надолго слегъ въ больницу, а потомъ вдругъ прислалъ Марьѣ Михайловнѣ письмо, въ которомъ просилъ ее отпустить его, простить и не поминать лихомъ. Въ усадьбѣ онъ жить утомился и положеніе его тамъ было трудное и тяжелое, а въ больницѣ познакомился онъ съ сидѣлкою, степенною хорошею дѣвушкою, которая ему очень по-

любилась, и намѣренъ онъ поэтому одинокое свое баловство бросить и вступить съ нею въ законный бракъ...

— И прекрасно дѣлаешь,—отвѣчала ему Марья Михайловна, — святѣе этого дѣла ничего нѣтъ на свѣтѣ. Совѣтъ да любовь!

И еще послала на свадьбу молодымъ богатые подарки... Что она, въ самомъ дѣлѣ, не питала никакого зла на бросившаго ее Романа, убѣдительно доказало впослѣдствіи то обстоятельство, что со временемъ, потерявъ жену и вообще потерпѣвъ разныя житейскія аваріи, Романъ преспокойно возвратился къ намъ въ усадьбу доживать вѣкъ свой и, хотя близокъ къ Марьѣ Михайловнѣ уже не былъ, но нашелъ у нея и дружелюбный пріемъ и вѣрный кусокъ хлѣба. Я его живо помню и память его очень люблю. Несмотря на преждевременную тучность, онъ былъ очень внушителенъ, съ сѣдою эспаньолкою своею, и даже еще хорошъ собою, а ранняя курчавая сѣдина, въ особенности, его красила. Превеселый и преласковый былъ человѣкъ, съ умными голубыми, въ красныхъ жилкахъ, глазами. Очень всѣхъ насъ, сестеръ-барышень, любилъ, а въ особенности меня, Агашу и Наташу,—угощалъ исподтишка сладкимъ и смѣшилъ разсказами, анекдотами, загадками, прибаутками, какихъ послѣ я уже ни отъ кого не слыхала, и пѣснями, которыя онъ пѣлъ тоненькимъ-тоненькимъ, высокимъ-высокимъ голосомъ и, какъ пѣтухъ, закрывалъ при этомъ глаза. Что между нимъ и Марьей Михайловной была любовь, мы, «среднюшки», смутно слыхали и сами подозрѣвали, руководимыя инстинктомъ

женскаго наблюденія, всегда угадывающаго пары, между которыми «что-то было». Но истинной ихъ близости и значенія Романа для насъ мы никакъ не воображали: думали, что онъ такъ милъ и нѣженъ къ намъ только потому, что переноситъ на насъ свои былыя чувства къ нашей матери. Но, съ возрастомъ, во всѣхъ насъ, которыя цвѣтомъ волосъ и кожи были посвѣтлѣе, начало обозначаться большое съ нимъ сходство — особенно въ Наташѣ. Она, наконецъ, сама это замѣтила, задумалась, что бы значило, и однажды сумѣла вызвать мать на откровенный разговоръ. Это было года за два до смерти маменьки. Наташѣ она призналась, но отъ насъ велѣла скрывать, говоря, что мы еще молоды, зелены и неразумны, чтобы понять ее: въ свой срокъ, когда придетъ время выдавать насъ замужъ, сама каждой скажетъ. Но мы не дождались: мать умерла раньше. Наташа же, вѣрная приказу и данному слову, умѣла молчать—и только сама всегда относилась къ Роману Осиповичу съ глубокою почтительностью и насъ къ тому же убѣждала, говоря, что мы даже и вообразить не въ состояніи, какъ любитъ насъ этотъ человѣкъ и какъ много хорошаго онъ для насъ сдѣлалъ. Мы охотно ея слушались, потому что и сами, всѣ, крѣпко его уважали и любили.

Казалось бы, удивительно, какимъ образомъ Павелъ Петровичъ, совершенно не выносившій Романа, когда онъ попалъ въ фаворъ къ Марьѣ Михайловнѣ, и даже стрѣлявшій въ него изъ ружья, могъ дозволить возвращеніе въ свое имѣніе соперника, присутствіе котораго такъ долго его унижало? Но къ тому времени, ко-

гда это возвращеніе приключилось, Павелъ Петровичъ былъ уже не тѣмъ, можетъ быть, нелѣпымъ и безалабернымъ, но бравымъ и буйнымъ добрымъ молодцемъ, какимъ пріѣхалъ онъ въ Никифоровскія дебри. Со времени разрыва съ женою онъ быстро пошелъ на убыль, и я, напримѣръ, уже не помню его иначе, какъ полусознательнымъ существомъ, которое рѣшительно ничѣмъ не интересовалось и ни на что вокругъ себя не обращало вниманія, кромѣ сытнаго обѣда, выпивки и своихъ дворовыхъ наложницъ. Послѣднія мѣнялись безъ счета, какъ дешевый товаръ, — въ выборѣ онъ былъ болѣе, чѣмъ неприхотливъ. Никифоровцы приписывали странную перемѣну, въ порядкѣ которой Павелъ Петровичъ опускался на дно жизни, его неладной жизни съ женою,—стыду и отчаянію отъ того, что она такъ рѣшительно и дерзко отреклась отъ него и вычеркнула его изъ своей жизни. Я же теперь думаю, что если это и вліяло, то лишь на мѣстѣ вторыхъ причинъ. Въ первой же очереди стояло потрясеніе чисто физіологическое. Будучи уже лѣтъ 45—47, Павелъ Петровичъ на охотѣ упалъ съ лошади и сильно расшибъ себѣ спину, такъ что долженъ былъ пролежать въ постели дней десять. Всталъ онъ какъ будто здоровехонекъ и тѣломъ и духомъ, даже бодрѣе и веселѣе прежняго. Но скоро стали замѣчать въ немъ разныя причуды и новости, главное же—именно по части женскаго пола. Если до болѣзни своей онъ былъ только влюбчивъ, то, послѣ болѣзни, эта его слабость приняла размѣры нестерпимые. Начиная съ того срока, едва ли не вся его жизнь ушла въ волокитство и приставаніе къ

женщинамъ. Только и дѣлалъ теперь, что гонялся за каждою юбкою, весьма мало заботясь о возрастѣ, наружности и общественномъ положеніи той, на комъ она надѣта. А когда не имѣлъ возможности блудить дѣломъ, блудилъ словомъ и помышленіемъ, разсматривая съ собутыльниками въ стереоскопъ непристойныя фотографіи, заставляя своихъ приживаловъ разсказывать ему скверные сказки и читать или пѣть разные запретные стихи, выдумывая грязныя загадки и сальные анекдоты. А то, вдругъ, если въ обществѣ были не одни мужчины, а замѣшалась, на свое несчастье, какая-нибудь бѣдная родственница, приживалка или гостья, напуститъ на себя молчанку—сидитъ за обѣдомъ либо за чаемъ, какъ нѣмой; кругомъ бесѣда, шумъ, а онъ никому не отвѣчаетъ и только ухмыляется въ усы съ идіотскимъ коварствомъ. Выждетъ, когда посмолкнутъ, — въ комнатѣ сдѣлается тихо, — одни это опредѣляютъ, что ангелъ пролетѣлъ, другіе, что дуракъ родился. Тогда Павелъ Петровичъ, спокойно, не торопясь, кроткимъ голосомъ, вѣжливѣйшимъ тономъ, серьезно, внушительно, внятно произноситъ, ни къ кому не обращаясь, какое-нибудь гнуснѣйшее слово изъ тѣхъ, что негодяи-мальчишки пишутъ на заборахъ. И, озадачивъ общество неизбываемымъ конфузомъ, умолкаетъ, довольный, до слѣдующаго дебюта въ томъ же миломъ родѣ... Либо надѣнетъ халатъ прямо на голое тѣло — и пошелъ бродить по дому, по двору, по саду, по рощѣ. Встрѣтится ему которая-нибудь изъ нашихъ дворовыхъ женщинъ, — онъ передъ нею величественно распахнется. Женщина, въ стыдѣ и ужасѣ, бѣжитъ,

плюется, ругается, не стѣсняясь, что баринъ, а онъ хохочетъ радостно и швыряетъ вслѣдъ ей камнями, щепками, навозомъ... Правда, подобными шутками онъ могъ забавляться только въ отсутствіи Марьи Михайловны, которая, и разойдясь съ нимъ, какъ жена, не позволяла ему забываться при ней, какъ при женщинѣ. Зато ужъ безъ нея-то что онъ вытворялъ и, въ особенности, когда она уѣзжала изъ Барыша надолго по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ или на богомолье. Живи Павелъ Петровичъ въ средѣ болѣе образованной, въ немъ легко разобрали бы больного эротомана, въ которомъ, маскируя его опасное безуміе, еще остается способность къ свѣтлымъ промежуткамъ, — ими онъ и обманываетъ окружающихъ, кажется имъ здоровымъ. Но въ Никифоровскомъ уѣздѣ психіатрія не процвѣтала, невѣжество царило глубоко и прочно. Такъ что не то, чтобы сумасшедшимъ, а и выжившимъ-то изъ ума и впавшимъ въ слабоуміе, стали считать Павла Петровича лишь лѣтъ пятнадцать спустя, когда онъ погрязъ въ разныхъ половыхъ безобразіяхъ неизлѣчимо, непоправимо, весь съ головою, и ужъ такъ откровенно и опасно, что, чуть не каждый мѣсяцъ, приходилось ему тушить деньгами какую-нибудь грязную исторію. Когда же это только началось и стало опредѣляться послѣ того несчастнаго паденія, то въ уѣздѣ говорили съ сожалѣніемъ, что, вотъ, молъ, смотрите, урокъ для молодежи: благородный человѣкъ, дворянинъ хорошаго рода, женившись на дѣвушкѣ ниже своего общественнаго уровня и образованія, огрубѣлъ, одичалъ, скучаетъ, а отъ скуки блажитъ, — впалъ въ

пьянство и развратъ. Вотъ что душки-женушки-то съ нашимъ братомъ дѣлаютъ!.. Съ огорченіемъ и стыдомъ должна сказать, что первый порокъ Павла Петровича — страсть къ вину — не встрѣчалъ въ нашемъ домѣ, со стороны родныхъ и близкихъ, почти никакого противодѣйствія. Потому что было замѣчено, что, когда онъ пьетъ, то его дикое женолюбіе какъ будто отъ него отходитъ, — бѣсъ блудный уступаетъ мѣсто бѣсу пьяному, и женщинамъ въ домѣ живется свободнѣе и дышется легче... Поэтому его сударушки, которымъ нѣжности разрушающагося человѣка, понятно, надоѣдали, частенько таки нарочно его подпаивали. Это было тѣмъ безопаснѣе, что во хмѣлю онъ не былъ буенъ, а только говорливъ и, выболтавшись до дна всегда одними и тѣми же шутками и анекдотами, безмятежно засыпалъ долгимъ сномъ. Марья Михайловна тоже не разобрала въ Павлѣ Петровичѣ больного человѣка и видѣла въ немъ только грязнаго развратника, который долго и ловко скрывалъ отъ нея свою настоящую натуру; а вотъ теперь, когда его тайная преступность обнаружена, онъ не считаетъ больше нужнымъ прятаться, каковъ онъ есть, и развернулся во всю свою красоту и прелесть. И, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше прощала она ему все, между ними происшедшее, и тѣмъ большимъ отвращеніемъ и злобою къ нему исполнялась. Въ періодъ болѣзни Павла Петровича отъ паденія съ лошади, Марья Михайловна разжалобилась было, и у супруговъ былъ короткій періодъ примиренія. Но кончилось это такъ нехорошо, что я даже до сихъ поръ не знаю точно, что именно произошло, потому что тѣ старшіе,

кто могъ бы мнѣ разсказать, въ чемъ дѣло, на этомъ мѣстѣ сухо умолкали или увертывались въ обиняки, которыхъ я тогда не понимала, да и теперь въ точномъ смыслѣ ихъ не увѣрена . . . Знаю только, что, одновременно съ вторымъ разрывомъ между Павломъ Петровичемъ и Марьей Михайловной, въ домѣ нашемъ скоропостижно и какъ-то странно и глухо умерла семнадцатилѣтняя сирота, Клеопатра Крѣпышева, родная племянница Павла Петровича. Вскорѣ послѣ смерти этой дѣвушки, Марья Михайловна спѣшно разсовала по роднымъ, къ кому только могла и кого сумѣла упросить, старшихъ дочерей-подростковъ, находя, что въ домѣ, гдѣ безобразничаетъ Павелъ Петровичъ, дѣвушкамъ, начинающимъ уже понимать жизнь, не мѣсто. А устроивъ такимъ образомъ старшихъ дѣвочекъ, возвратилась она къ угрюмымъ и безрадостнымъ своимъ пенатамъ, заперлась на долгій срокъ въ своей неприступной угловкѣ и — впервые въ жизни — сама з а п и л а...

Выселеніе старшихъ сестеръ навсегда разбило нашу массу «сестеръ Крѣпышевыхъ» на три группы, которыя впослѣдствіи оказались совершенно чуждыми между собою. Такъ и звались у насъ въ семьѣ: «старшія барышни», «среднюшки», «меньшенькія». Старшими и особенно отчужденными почитались Евлалія, Евгенія и Елена, среднюю группу образовали Лиза, Даша, Наташа, Агаша, я и Соня, дальше шли уже меньшенькія Старшія сестры, воспитываясь внѣ дома, всѣ получили приличное образованіе и со временемъ сдѣлали очень хорошія брачныя партіи, потребовавшія, впрочемъ, щед-

рыхъ приданыхъ, которыя сильно опустошили казну нашихъ родителей . . . Изъ насъ, среднихъ, правильное гимназическое образованіе получила только Наташа, слывшая между нами за то великою ученою и, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ бы геніемъ нашего дома. Она, въ самомъ дѣлѣ, была умна, курсъ кончила съ медалью, много читала, и ея пріѣздамъ домой на каникулы мы, остальныя среднюшки, обязаны были хоть тѣмъ-то убогимъ развитіемъ, которое имѣли. Но, все-таки, мы, среднія, по крайней мѣрѣ, росли еще подъ материнскою рукою, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, любящею, благожелательною и, хоть грубо и капризно, по-старинному, отстало-мѣщанскому, но умѣвшею нами управлять и насъ — до поры до времени — беречь. Мы, все-таки, успѣли получить въ родительскомъ домѣ кое-какой запасъ, если не знаній, то житейскихъ силъ и опыта, который насъ всѣхъ (за исключеніемъ двухъ: несчастно погибшей въ больномъ замужествѣ Лизы и Даши, ухитрившейся исчезнуть изъ дома такъ безслѣдно, что потомъ ее уже никогда не разыскали), — всѣхъ, хоть и трудно, а иныхъ и безобразно, сквозь позоръ и аѣантюры, однако вывелъ на какую-нибудь опредѣленную дорогу. Наташѣ посчастливилось выйти замужъ за очень образованнаго купца Михаила Михайловича Карягина, оставившаго крупный слѣдъ и память въ Никифоровскомъ уѣздѣ своею дѣятельностью по земству, когда оно введено было въ нашей губерніи. Изъ меня, вотъ, вышла небезызвѣстная пѣвица, которую всякій любитель музыки въ Россіи знаетъ, хоть по имени, да и заграницею меня слыхали и хвалили. Агаша, въ ка-

чествѣ madame или mistress Томсонъ, успокоилась богатою трактирщицею въ Брюсселѣ... Несчастнѣйшею частью потомства Марьи Михайловны Урошичъ оказались меньшенькія. Имъ суждено было приходить въ сознательный возрастъ, когда мать наша лежала уже въ могилѣ, а въ домѣ овдовѣлаго и полубезумнаго Павла Петровича Крѣпышева шла оргія такого безстыжаго разврата и имущественнаго грабежа, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, и очень я боюсь, что — когда напишу — многіе мнѣ просто таки не повѣрятъ.

Дѣтскій міръ нашъ устроенъ былъ очень курьезно. Имѣлся въ домѣ «верхъ», обширный мезонинъ съ низкими потолками, окруженный чердакомъ, огромнымъ, какъ пустыня, и раздѣленный перегородками на три комнаты. Молодое крѣпышевское поколѣніе поступало въ эту обитель изъ материнской спальни едва ли не тотчасъ же послѣ крестинъ и оставалось въ ней до отрочества, почти въ совершенномъ забвеніи отъ родителей. Полновластною распорядительницею нашей маленькой орды была няня Алена, къ счастью нашему, кроткая, милая женщина, изъ раннихъ вдовъ. Няня Алена, если бы не ея чрезмѣрная толстота и ожирѣлость, была бы совсѣмъ красавица, а если бы не чрезмѣрная снисходительность ея къ мужскому полу, то, право, заслуживала бы причисленною быть къ лику святыхъ. Такой доброты, ласковости и умѣнья обойтись съ ребенкомъ по хорошему, я вдругорядь на вѣку своемъ уже не встрѣчала. Мы ее обожали.

Три группы, на которыя мы, сестры, дѣлились, были

не только чужды, но даже и враждебны между собою. Когда въ семью пріѣзжаетъ тридцатилѣтняя женщина, окруженная собственнымъ потомствомъ, и находитъ въ колыбели двухмѣсячную сестру свою, какъ было то съ Евлаліей, пріѣхавшей на похороны мамаши, то естественное дѣло, что между тридцатилѣтнею матерью семейства и младенцемъ, лежащимъ въ колыбели, сестринству выросли неоткуда. Но и между нами, средними, и тѣми, старшими, — Евлаліей, Евгеніей, Еленой, — лежала пропасть глухой инстинктивной антипатіи, начало которой я не знаю, чѣмъ объяснить. Потому что естественное ея происхожденіе, крывшееся въ нашемъ собственномъ происхожденіи отъ разныхъ отцовъ, мы узнали лишь очень поздно, лишь послѣ кончины маменьки, въ спорахъ и ссорахъ, закипѣвшихъ изъ-за ея наслѣдства. Мы, среднія, смутно чувствовали въ старшихъ какія-то далекія отъ насъ, привилегированныя существа, живущія гдѣ-то въ особомъ мірѣ, для насъ закрытомъ, получившія какое-то особое воспитаніе и образованіе, котораго мы не получаемъ и не получимъ, — вообще, существа, чѣмъ-то и почему-то насъ высшія и имѣющія право смотрѣть на насъ съ презрѣніемъ, какъ аристократія на чернь... Надо отдать справедливость почтеннымъ старшимъ сестрицамъ, что такимъ надменнымъ отношеніемъ онѣ насъ, среднихъ, и не обездоливали... Зато — стыдно теперь сознаться, а былъ тотъ грѣхъ — какъ же мы и злорадствовали, когда съ которою-нибудь изъ этихъ старшихъ госпожъ случалась какая-либо принижающая непріятность! Когда Евлалію, уже почти взрослою дѣвицею, за худые успѣхи и разныя некрасивыя шалости,

попросили удалиться изъ гимназіи, и мамашѣ пришлось возвратить ее домой и держать — хочешь, не хочешь — въ усадьбѣ, — это для среднюшекъ былъ настоящій праздникъ маленькой мелочной ненависти.... Правда, что изъ старшихъ нашихъ эта Евлалія была самая несносная и ненавистная.

Въ дѣленіи группъ нашихъ, къ сожалѣнію, принимали участіе и родители. Павелъ Петровичъ, естественно, былъ внимательнѣе и лучше къ старшимъ, и онѣ тоже держали его сторону, впрочемъ, лишь поскольку требовала того ихъ общая оппозиція матери. Вообще же, къ отцу онѣ были болѣе, чѣмъ равнодушны. Да и кто его любилъ? Положеніе этого человѣка въ собственномъ своемъ домѣ было престранное. Его одновременно боялись, какъ грубой силы, отъ которой, по существу, въ Барышѣ все зависитъ, и — въ грошъ не ставили, по сознанію, что сила эта совершенно инертна и практически отъ нея не зависитъ ровно ничего. Мама была очень нѣжна къ старшимъ дѣтямъ, пока они были маленькія, но, со времени разоблаченія печальной тайны своего фальшиваго брака, стала ближе съ нами, средними; а къ старшимъ начала относиться съ недоброжелательствомъ, едва прикрытымъ принужденною, холодною ласковостью, за которую онѣ платили ей тѣмъ же и, сверхъ того, большою открытою нелюбовью къ намъ.

— Мы три Крѣпышевы, а вы остальныя — такъ, Урошичи, — откровенно выразилась однажды даже самая снисходительная изъ нихъ, Елена . . .

Старшія — въ большей или меньшей долѣ — знали брачную тайну родителей, то-есть ихъ вѣнчанную

невѣнчанность и секретъ «перетятьки», котораго мы, «среднюшки», не подозрѣвали. Конечно, въ фальшивомъ своемъ положеніи дѣвицы Крѣпышевы находили мало удовольствія и чести. Это положило между ними и отцомъ съ матерью — въ особенности же, между ними и матерью — полосу холодной отчужденности, которую воспитаніе внѣ дома могло только углубить и сгустить. Къ дому онѣ относились съ глубокимъ презрѣніемъ, можетъ быть, и заслуженнымъ, но настолько откровенно выраженнымъ, что оскорбительно было выносить даже и виноватымъ. Тѣмъ болѣе, что, презирая, не стѣснялись же онѣ выгребать изъ этого презрѣннаго источника щедрыя средства на жизнь и громадныя приданыя, которыми родители какъ бы откупались отъ нихъ за свои вины. Наѣзды Евлаліи и Евгеніи изъ ученія были очень тяжелы для матери, потому что безусловно повелительная власть ея въ Барышѣ, въ это время, страдала жестоко. Обѣ дочери подчеркнуто показывали ей, что она не имѣетъ нравственнаго права ими управлять, и нарочно ея не слушались, дѣлая все наоборотъ ея приказаніямъ. Однако, съ такою ловкою хитростью, что Марьѣ Михайловнѣ не къ чему было даже придраться: все оплеталось сплошными недоразумѣніями, о которыхъ Евлалія съ Евгеніей первыя же спѣшили выразить сожалѣніе, будто «не такъ поняли», — жаль только, что всегда поздно. Своевольничали эти дѣвицы безъ всякихъ счетовъ со вкусами и взглядами матери, и, если что еще сдерживало ихъ хоть во внѣшней-то связи съ домомъ, то единственно денежный расчетъ не выдѣленныхъ невѣстъ; а если что заставляло носить маску хоть внѣшняго-то повиновенія,

то былъ—просто и чисто—физическій страхъ слабѣйшихъ предъ сильнѣйшею. Онѣ знали: мать терпитъ-терпитъ, но, если ее раздразнятъ до взрыва, то бѣшеный нравъ ея выливается бурею жестокою, безъ пощады и удержа. И, при всемъ удовольствіи дразнить и мучить грозную родительницу, все-таки, соображали, что виноватость-то предъ дѣтьми мать, конечно, чувствуетъ и расплачивается за нее, хотя и очень скрѣпя сердце, искупительнымъ, такъ сказать, потворствомъ; но, въ то же время, она безусловно убѣждена въ совершенномъ своемъ правѣ собственности на весь нашъ дѣтскій сонмъ: патріархально вѣруетъ, вродѣ Тараса Бульбы, что, по желанію: «я тебя породилъ, я тебя и убью!» А кто видалъ Марью Михайловну хоть однажды въ гнѣвѣ—въ настоящемъ гнѣвѣ, потому что «сердиться» она не умѣла и только, по надобности, притворялась сердитою, — тотъ навсегда запоминалъ, что она въ ярости слѣпнетъ и изъ существа, обычно разсудительнаго и даже сдержаннаго, превращается въ какую-то разрушительную машину, безъ соображенія и памяти... Взрывы подобные, къ счастію, были рѣдки, настолько, что по нимъ въ домѣ установились какъ-бы эры лѣтосчисленія: «когда маменька гнѣвалась». Но зато и такъ выразительны, что запоминались неизгладимо именно на годы, поучительно даже для смѣлыхъ особъ вродѣ старшихъ сестеръ Крѣпышевыхъ. Почти со всѣми этими эрами связаны были точки, на которыхъ маменька какъ-бы занавѣшивала свою жизнь, и, именно, попытка нескромно заглянуть за занавѣску и обсуждать, что видишь за нею, и вызывала взрывъ. Она совершенно не выносила критики своихъ поступковъ,

поскольку они касались ея самой. Въ своей семилѣтней связи съ Романомъ она не только не скрывалась, но даже вызывающе ее подчеркивала, но, когда связь эта порвалась, попробовалъ бы кто-нибудь въ Барышѣ напомнить Марьѣ Михайловнѣ, а тѣмъ болѣе сообщить намъ, среднюшкамъ, что мы, собственно говоря, вовсе не Павловны, а Романовны. Даже дерзость Евлаліи предъ этимъ рискомъ пасовала, даже пьяный Павелъ Петровичъ не обмолвился, даже злобная ненавистница, желтоглазая приказчица Маланья Сергѣевна, этого оружія противъ насъ пускать въ ходъ не смѣла. И мы, за исключеніемъ одной изъ насъ, Наташи, которая умѣла хорошо держать языкъ за зубами, такъ и выросли въ невѣдѣніи, кто нашъ истинный отецъ, хотя и довольно рано начали сомнѣваться въ своемъ происхожденіе отъ Павла Петровича Крѣпышева,—главнымъ образомъ по большому отвращенію, которое всѣ мы къ нему питали. Само собою разумѣется, что каждая изъ старшихъ, выйдя замужъ и получивъ себѣ щедрый выдѣлъ изъ имущества въ видѣ богатаго приданаго, спѣшила затѣмъ забыть о нелюбимомъ родномъ домѣ, какъ будто его не было на свѣтѣ. Замужъ же всѣ онѣ, какъ богатыя невѣсты, вышли очень хорошо, по крайней мѣрѣ, въ свѣтской видимости: за людей съ общественнымъ положеніемъ, на пути большихъ служебныхъ карьеръ. Маменька очень гордилась, что такъ пристойно устроила и обезпечила судьбу старшихъ дочерей, хотя ихъ не любила; и даже, можетъ быть, именно потому, что не любила, а, все-таки, вотъ, пересилила себя: явила не только справедливость, но и великодушіе. Тѣмъ болѣе, что браки Евлаліи и Евгеніи

сладились не безъ труда, въ условіяхъ двумысленныхъ и щекотливыхъ. Дѣло въ томъ, что когда наши старшія дѣвицы заневѣстились, то сравнительная некрасивость Евлаліи мало привлекала къ ней жениховъ; эффектная и видная Евгенія ее заслоняла. Маменька же ни за что не хотѣла выдать замужъ младшую сестру раньше старшей. Такимъ образомъ, сидѣла въ дѣвицахъ Евлалія, сидѣла изъ-за нея и Евгенія. Когда Евлалія досидѣлась до двадцати лѣтъ, что, по нашимъ мѣстамъ, считается большимъ опозданіемъ, а Евгеніи исполнилось восемнадцать, обѣихъ этихъ барышенъ печально настигло роковое правило Вольтера: «если дѣвушекъ не выдаютъ замужъ, онѣ выходятъ сами»... И... затѣмъ, конечно, пришлось браками ихъ поспѣшить — да и поплатиться значительнымъ увеличеніемъ приданыхъ.

Приблизительно тѣ же отношенія, что у старшихъ къ намъ и обратно, существовали между нами и меньшенькими. Какъ старшія знали или подозрѣвали о насъ, среднюшкахъ, что мы не настоящія дочери Павла Петровича Крѣпышева, такъ и мы знали и подозрѣвали то же самое о меньшенькихъ. Какъ старшія насъ не любили и презирали за это, такъ мы за то же самое презирали и не любили меньшенькихъ. Какъ старшія втихомолку между собою злобно величали насъ Романовнами, такъ и мы позволяли себѣ острить подъ шумокъ: Софья Александровна, Антонина Андреевна, Евлампія Никифоровна. Въ свою среду мы изъ меньшенькихъ удостоили принять на равныхъ правахъ только Соню — и мало, что приняли, но, благодаря умной головкѣ и энергическому, живому характеру, она

даже сдѣлалась какъ бы нашею вдохновительницею и коноводомъ. Но на остальныхъ мы смотрѣли, какъ на совершенныя ничтожества, обреченныя служить намъ дѣвченками для посылокъ. Природное добродушіе спасало эти отношенія отъ жестокости, но грубости было — не учесть. Дать меньшенькой, за малую вину, а то и просто шутя, подзатыльникъ или пощечину, выдрать ее за уши или за волосы,—ставилось ни во что. Примѣръ брали со старшихъ, не только съ сестеръ, но и съ матери. Она, правда, никогда ни одну изъ насъ не высѣкла, хотя постоянно этою послѣднею карою грозила, зато на руку была быстра чрезвычайно и не почитала того ни даже малымъ грѣхомъ. Заплачешь: больно! Отвѣтъ: затѣмъ и бьютъ, чтобы было больно! И сама била, и позволяла бить. Получить легкаго шлепка отъ добродушной няни Алены было намъ не въ диковину и не въ обиду, но другая мамина пріятельница и властная особа нашего дома, ключница Соломонида Степановна, дралась, хотя рѣдко, да зато уже мѣтко, — и оскорбительно и больно — такъ, чтобы помнилось . . . Я, уже будучи шестнадцатилѣтнею дѣвицею, удостоилась получить отъ нея такую затрещину, что искры изъ глазъ посыпались и въ ушахъ цѣлый день звенѣло и нѣсколько дней я ходила съ распухшею щекою. Постигла меня кара эта, — должна съ позоромъ сознаться, — за кражу съ погреба сливокъ, собранныхъ для какого-то пирожнаго и соблазнившихъ меня своею янтарною густотою . . . Я попробовала пожаловаться мамѣ, но она, вообще-то любившая меня, пожалуй, даже больше другихъ дочерей, отнеслась къ обидѣ моей болѣе, чѣмъ равнодушно.

— Нашалила — и получила. Кто шалитъ, тотъ всегда получаетъ. Ты уже большая, вытянулась съ коломенскую версту, а проказишь, какъ дитя. За то тебѣ, какъ дитяти, и попало.

— Но развѣ она можетъ такъ бить?

Мать усмѣхнулась и сказала:

— Да, вѣдь, прибила?

— Прибила . . .

— Значитъ, можетъ.

Изъ этого двусмысленнаго отвѣта приходилось вывести чисто волчью мораль, что бьетъ тотъ, кто имѣетъ силу бить тѣхъ, кто битью поддается. И — увы! мораль эта весьма процвѣтала у насъ въ дѣтской. Лѣтъ до 14—15 насъ били, потомъ мы начинали огрызаться, насъ переставали бить, — тогда мы сами начинали бить маленькихъ, пока онѣ тоже не доростали до возможности огрызаться . . . Старшіе въ наши дѣтскія ссоры, войны и тиранства совершенно не вмѣшивались. Развѣ, что раздеремся ужъ очень, такъ няня Алена прикатится шаромъ на мѣсто происшествія и разведетъ бушующихъ — не столько для того, чтобы не обижали другъ дружку, сколько для прекращенія рева и водворенія тишины. Отъ меньшенькихъ на насъ, среднихъ, жалобы почти не принимались, какъ отъ насъ — на старшихъ барышень. Какія чувства могли вырости на почвѣ подобныхъ отношеній, хорошо показали несчастные для насъ, среднихъ, годы послѣ смерти нашей матери, когда изъ меньшенькихъ всѣ, кого это великое общее наше горе застало уже въ сознательномъ возрастѣ, — Тонечка, Акуля, Евванѳія — оказались на сторонѣ новой семьи Павла Петровича

Крѣпышева и явили къ намъ, среднимъ сестрамъ, вражду, предъ которою наша къ старшимъ совсѣмъ поблѣднѣла. Любопытно, однако, что мать, равнодушная къ воспитательнымъ побоямъ, которыми награждали насъ ея наперсницы, Павлу Петровичу не позволяла тронуть насъ хоть пальцемъ, за ухо дернуть, въ уголъ поставить... Налетала орлицею разъяренною, и шумѣла по дому буря, отъ которой Павелъ Петровичъ бѣжалъ, зажавъ уши, чтобы запереться въ своемъ кабинетѣ. А иногда, когда громъ гремѣлъ ужъ слишкомъ грозно и оглушительно, названный родитель нашъ приказывалъ сѣдлать себѣ лошадь и уѣзжалъ на день, на два въ Никольское къ о.Михаилу, покуда гнѣвъ маменьки не отойдетъ и ссора не «перетерпится»... Въ одномъ изъ такихъ бѣгствъ онъ и сломалъ себѣ спину-то. Къ чести Павла Петровича надо, впрочемъ, сказать, что вообще то онъ до тѣлесныхъ наказаній и «рукоприкладства» былъ не охотникъ и не безъ гордости говорилъ о себѣ, съ обычнымъ своимъ,когда бывалъ въ духѣ,присловьемъ:

— Все зависитъ отъ человѣка, судари мои. Я, судари мои, офицеромъ былъ при Николаѣ Павловичѣ, когда — извѣстное дѣло, судари мои: девять человѣкъ забей, десятаго выучи. А я даю вамъ честное слово, судари мои: никогда мой крѣпышевскій кулакъ солдатской скулы не коснулся. И былъ я, судари мои, помѣщикомъ, крѣпостникомъ, значитъ, — и опять похвалюсь, судари мои: нѣтъ у меня на совѣсти людей, розгами и плетьми калѣченныхъ . . .

Все наше дѣтское стадо пасла одна няня Алена, имѣя надъ нами власть неограниченную, но подпасковъ, то-есть поднянекъ, у насъ при ней было великое

множество. Къ каждой изъ насъ съ самаго ранняго возраста приставлялась въ совершенную неотлучность какая-нибудь дѣвченка, иногда немногимъ старшая той, которую ей поручали. На попеченіи этихъ нянекъ-подругъ мы и пребывали лѣтъ до десяти, когда мать, либо по докладу няни Алены, либо сама спохватывалась, что — ахти, никакъ дѣвочка-то растетъ большая? Тогда считалось, что пора дѣвочкою серьезно заняться и ее учить. Выражалось это, прежде всего, тѣмъ, что дошедшую до учебнаго возраста дочь брали изъ дѣтской и переводили сверху, изъ мезонина, на жительство въ средній этажъ въ комнату и какъ бы подъ надзоръ одной изъ старшихъ сестеръ. А потомъ, больше, пожалуй, и ничѣмъ не выражалось. О томъ, что школьнаго образованія изъ насъ удостоились только Наташа и отчасти Лиза, я уже говорила. Остальныя мы, среднія, получили домашнее воспитаніе, то-есть, вѣрнѣе сказать, не получили никакого. Выучили насъ грамотѣ, письму, счету, молитвамъ, какимъ-то начаткамъ и обрывкамъ изъ географіи, у иныхъ вертѣлось въ умѣ и памяти нѣсколько случайно схваченныхъ французскихъ словъ, — съ тѣмъ мы и въ дѣвушкахъ жили, и замужъ выходили. Произошло это не по какому-либо особому пристрастію къ домашнему образованію и предубѣжденію противъ общественной школы, а все изъ того же источника, — изъ страха и стыда обнаружить документы, обличавшіе наше законно-незаконное происхожденіе. Съ Наташею какъ-то удалось устроить это дѣло , а съ нами, остальными, нѣтъ. Мама, хотя сама малограмотная, понимала, что совершаетъ великій грѣхъ, оставляя насъ безъ образованія, и стара-

лась заполнить этотъ страшный пробѣлъ въ подготовкѣ къ ожидающей насъ жизни, какъ только умѣла и могла. Но ничего не выходило. Нанимались и привозились для насъ изъ Москвы и Петербурга учителя, гувернантки, наставницы. Но выбирались они всѣ безъ толку и пониманія, случайно, по порученію, людьми, равнодушными и лишенными педагогическаго опыта и смысла, — и, въ подавляющемъ большинствѣ, выбранные сами оказывались такими же и приносили намъ больше вреда, чѣмъ пользы. Настоящіе, хорошіе педагоги не очень-то охотно ѣхали въ нашу глушь и, если попадали въ нее, гонимые нуждою, то ненадолго, покидая при первой возможности трущобную скуку и тяжелую атмосферу нашего дома. Вѣдь даже мы, родившіяся въ ней и прижившіяся къ ней органически, и то ее замѣчали, а свѣжему-то человѣку она должна была быть отвратительна и нестерпима. Въ комнатѣ уже не мезонина, а средняго этажа, которую торжественно называли классною, потому что въ ней стояла старая училищная парта и висѣла на стѣнѣ истерзанная карта Африки, новые и новые люди мѣнялись на учительскомъ стулѣ, какъ метеоры въ августовскую ночь. Ни одинъ не успѣлъ произвести на насъ надлежащаго впечатлѣнія и пріобрѣсти хоть какое-нибудь вліяніе на дѣтскія наши головы. Добрыхъ мы не успѣвали полюбить, къ суровымъ не успѣвали пріобрѣсти боязни и уваженія. Одинъ юноша, изъ Петербургской медико-хирургической академіи, звали его, помнится, Тимофеемъ Ильичемъ Сватиковымъ, овладѣлъ было нашими симпатіями и началъ насъ, дикихъ звѣренышей, понемногу приручать къ себѣ и къ

ученію. Но его быстро отъ насъ взяли, арестовавъ за политику, — кажется, по прикосновенности къ большому процессу 193. Я, въ это время, была уже большая дѣвочка лѣтъ 11 — 12, жила не въ дѣтскомъ мезонинѣ, а имѣла свою собственную комнату, то-есть, скорѣе полукомнату, потому что ею дѣлилась со мною сестра Агаша. Живо помню, какъ арестовали Тимофея Ильича, — его блѣдное, омертвѣлое лицо съ голубыми глазами, старавшимися сохранить ледяное спокойствіе; сконфуженную красную физіономію усатаго исправника, совершенно смущеннаго тѣмъ, что онъ долженъ явиться съ подобнымъ порученіемъ въ пріятельскій помѣщичій домъ; гнѣвъ матери, красной, какъ кумачъ, и мечущей изъ глазъ молніи, а изъ устъ ругательства и крѣпкія слова по адресу правительства, которое лишаетъ ее хорошаго воспитателя дѣтей, трезваго и честнаго человѣка, тогда какъ пьяницы, жулики и насильники (все это сопровождалось выразительными кивками на Павла Петровича и на самого исправника) гуляютъ на свободѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, да еще и сами запираютъ въ тюрьмы порядочныхъ людей.... А насъ, дѣтей, кто-то изъ приживалокъ или прислуги напугалъ, будто теперь будетъ обыскъ во всемъ домѣ. И мы — вчетверомъ — я, Агаша, моя горничная Маша, и ея — Катя, — усѣлись, трясясь отъ страха и злости, въ нашей общей комнатѣ на сундуки свои, поклявшись другъ другу, что скорѣе помремъ на нихъ, чѣмъ допустимъ полицію рыться въ нашихъ ребяческихъ сокровищахъ и секретахъ... Но, конечно, никакого обыска мы не дождались, — лишь умчали нашего бѣднаго учителя. Потомъ мы долго поминали его — и только

добромъ. Мать почему-то считала виновникомъ этого скверная полицейскаго происшествія Павла Петровича, — если не лично, то черезъ кого-нибудь изъ его приживаловъ, не взлюбившихъ Сватикова за то, что онъ рѣшительно уклонялся отъ ихъ пьяной компаніи. Мама высказывала это громко, при всѣхъ, — и нельзя сказать, чтобы получала увѣренныя возраженія; а Павелъ Петровичъ всегда и болѣе всѣхъ имѣлъ подозрительно-сконфуженный видъ . . .

Другихъ учителей, напротивъ, это милое общество захватывало, спаивало и развращало такъ быстро и дрянно, что тутъ уже мать сама спѣшила удалить отъ насъ опаснаго педагога, обращеннаго компаніей Павла Петровича въ ходячую бутыль съ водкою и сборникъ непристойныхъ анекдотовъ и затѣй... Былъ учитель, который у насъ въ домѣ опился; былъ — котораго увезли въ сумасшедшій домъ, въ бѣлой горячкѣ; одинъ повѣсился было, да во время замѣтили и сняли . . . Съ женскимъ преподаваніемъ и воспитаніемъ дѣло шло еще хуже. Пять разъ принималась за этотъ опытъ Марья Михайловна — и потерпѣла пять жестокихъ неудачъ, вслѣдствіе безобразной распущенности Павла Петровича и его приживаловъ . . . Двѣ дѣвушки, поосторожнѣе, поопытнѣе и поумнѣе, едва приглядѣлись къ нашему аду, не захотѣли оставаться въ немъ ни за какія деньги. Мать и молила, и грозила, — нѣтъ:

— У васъ тутъ и не замѣтишь, какъ себя потеряешь, — наотрѣзъ сказала ей вторая изъ этихъ мудрыхъ дѣвъ. — Можете хоть и жалованье задержать, и лошадей не дать до Никифорова, — все равно, я пѣшкомъ уйду... А такъ нельзя: страшно...

И она была права. Третья, очень хорошенькая и симпатичная дѣвушка, которая намъ чрезвычайно пришлась по нраву, и мы уже привыкли было съ нею заниматься, — я, напримѣръ, только ей благодаря, осилила таблицу умноженія и дошла до тройного правила, на которомъ и забастовала навсегда въ математической наукѣ, — погибла отъ одного изъ отвратительнѣйшихъ опричниковъ Павла Петровича самымъ жалкимъ и подлымъ образомъ. И только — мало сказать — энергическое, — свирѣпое вмѣшательство моей матери заставило этого негодяя жениться на опозоренной дѣвушкѣ, что, впрочемъ, счастья ей не прибавило, а лишь увеличило на одинъ количество несчастныхъ браковъ и сдѣлало одною вѣчно-битою женою больше. Зато двѣ дальнѣйшія какъ бы отомстили за эту несчастную, оказавшись авантюристками не робкаго десятка, и компрометировали Павла Петровича и его неразрывнаго пріятеля и товарища по Бахусу и Венерѣ, помѣщика Я., настолько искусно и гладко, что для покрытія скандала пришлось заплатить имъ крупные куши денегъ и затѣмъ, конечно, съ ними разстаться... Наконецъ, не могу умолчать еще объ одной — послѣдней — особѣ, по имени Аріаднѣ Семеновнѣ Ф., миловидной, хотя немолодой уже, дѣвицѣ изъ дворяночекъ институтскаго воспитанія, съ опущенными глазками и богомольнымъ языкомъ. Эта госпожа, при монашескомъ смиренствѣ, тишайшемъ поведеніи и кроткой, благоувѣтливой рѣчи, оказалась половою психопаткою, съ извращенными наклонностями, и, по тиху да по тайну, распространила вокругъ себя пороки, о которыхъ до того времени наша безшабашная, но патріархальная глушь едва ли

имѣла понятіе... Уличенную, ее, конечно, прогнали, но — для многихъ поздно.

А, впрочемъ, Богъ съ нею, съ этою патріархальною глушью. Боюсь, что, написавъ сейчасъ аттестатъ ея невѣдѣнію зла, впала и я въ ту привычную условную ложь, которая лицемѣрно противопоставляетъ деревню и лоно природы, какъ обители добродѣтели и, въ худшемъ случаѣ, наивныхъ пороковъ по невѣжеству, городамъ, какъ притонамъ образованнаго разврата, сознательно произрастающаго отъ корней культуры. Жила я много лѣтъ въ многихъ странахъ и народахъ, разнообразно до пестроты, и, склоняясь къ старости, скажу, не боясь искренняго слова: человѣкъ, самъ по себѣ, всюду одинъ и тотъ же,—и не отъ него это зависитъ, когда и гдѣ онъ бываетъ лучше или хуже; потому что и страсти его, и пороки его, и добродѣтели его, и воля его всегда и всюду съ нимъ, и только отъ общества зависитъ, возможно или нѣтъ имъ проявиться. И, какъ знала и помню я свою родную глушь, скажу одно: захолустная «власть тьмы» только тѣмъ разнится отъ городского просвѣщеннаго распутства и безобразія, что не хвастлива — предпочитаетъ и умѣетъ лучше прятать концы въ воду и держать языкъ за зубами. Это я не о крестьянствѣ говорю, а о всемъ нашемъ провинціальномъ пластѣ «медвѣжихъ угловъ»; однако, и крестьянства не отличаю въ святую неприкосновенность, за нарушеніе которой такъ сердито напали когда-то критики на покойнаго добраго моего знакомаго Антона Павловича Чехова. Деревня, какъ возмешь ее въ цѣломъ, большой и темный омутъ, который лучше не колыхни: со дна крокодилъ всплыветъ. Когда я, полугра-

мотною дурочкою, вышла замужъ за Дмитрія Аѳанасьевича Эриановскаго, — одного изъ предтечъ русскаго декадентства, человѣка, который, почитая себя великимъ эстетомъ, рабски старался обрѣсти въ себѣ рѣшительно всѣ эффекты и пороки, вычитываемые изъ французскихъ стиховъ, романовъ и біографій,—онъ и его друзья-пріятели тѣхъ же взглядовъ и вкусовъ занялись моимъ перевоспитаніемъ съ такимъ усердіемъ, что, будто отравою, пропитали молодую мысль и навѣки разлучили меня съ чистотою воображенія. Но вотъ что скажу прямо и честно: въ хорошемъ — они дали мнѣ много новаго, открывъ предо мною такія прекрасныя Америки, которыхъ я дотолѣ не только не знала,—не подозрѣвала... Вѣдь я и о настоящей-то Америкѣ имѣла довольно смутное представленіе, какъ она будетъ отъ насъ—дальше, напримѣръ, Парижа или ближе, только немножко въ сторону!.. Компанія мужа ознакомила меня съ литературой, поэзіей, дала мнѣ взгляды и сужденія о художествѣ; я музыку научилась понимать, какъ слово; я сознала общность и взаимодѣйствіе искусствъ и роль ихъ въ созданіи жизни, какъ стройнаго аккорда красоты; наконецъ, даже первый ключъ ко всему этому — знакомство съ иностранными языками—я оттуда же вынесла.. Но оргійныя дѣйства и бесѣды, мнимо-утонченные пороки и извращенности, все, въ чемъ эти господа видѣли «революцію плоти», какъ впослѣдствіи стали называть это, — я не находила ни интереснымъ, ни новымъ. Потому что—въ другихъ лишь словахъ, въ большей грубости и безъ эстетическихъ проповѣдей и цѣлей, а просто «такъ», для блажи, по распущенности,—этимъ дышали и усадьба на-

ша, и всѣ деревни вокругъ Барыша, вся лѣсная дичь и глушь, со всею ея правдою и сказкою. Поэтому извращенные грѣхи, которые мужъ мой съ друзьями эстетически смаковалъ по Верлэну, Оскару Уайльду и т. п., меня приводили лишь къ недоумѣнію и испугу : какъ это умные, образованные, развитые столичные господа оказываются способны восхищаться дѣлами и вещами, на которыя у насъ въ медвѣжьемъ углу, конечно, посягаютъ разные отчаянные, но, все же, по крайней мѣрѣ, не вывѣшиваютъ ихъ на людское поглядѣніе, вродѣ аттестата на стѣнку или медали на шею. Недоумѣніе это я сохранила навсегда и ничье краснорѣчіе и поэтическое ухищреніе меня не переубѣдили. Валерій Брюсовъ восхищался возможностью «натѣшиться съ козой, гдѣ лужайку сжали стѣны», а я не могла понять, что же тутъ лестнаго, потому что живо помнила дураковатаго пастуха въ Барышѣ,котораго мальчишки дразнили: «Павлушка—жена телушка !»—что его даже не очень смущало. Зиновьева-Аннибалъ прославляла и пѣла идеалы и вкусы греческой поэтессы Сафо, а мнѣ эти идеалы и вкусы представлялись въ видѣ даже не умильной и богомольной Аріадны Семеновны Ф., или желтоглазой предательницы, приказчицы Маланьи Сергѣевны, но въ образѣ корявой и жирной, съ лягушечьими глазами, нашей барышевской кружевницы Палагеи, отъ которой пахло загнившею рыбою. Ѳ. Сологубъ воспѣвалъ любовь, торжествующую надъ узами родства, до отца и дочери включительно, а меня его восторги отвращали, потому что меня самое чуть не выдали замужъ за сосѣда-помѣщика Я., вдовье хозяйство котораго было устроено именно въ такомъ прелестномъ родѣ. А еди-

ноутробный братецъ мой, Петръ Павловичъ Крѣпышевъ, который, напиваясь, приставалъ къ собутыльникамъ со слезными просьбами, чтобы они звали его Катей? А самъ старикъ Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ —съ таинственною смертью пятнадцатилѣтней племянницы Клеопатры, съ сквернословіемъ чуть не 24 часа въ сутки, съ безстыдными жестами въ обществѣ... брр!.. Всѣ они были ужъ такіе-то деревенскіе люди, ужъ такъ-то ли далеки отъ городской культуры, а между тѣмъ на что похожи? И вѣдь декаденты-то, въ концѣ-концовъ, только взводили на себя невѣсть что, а очень рѣдко дѣлали. Эти же, наоборотъ, ровно ничего на себя не взводили, но—чего, чего только не дѣлали! Такъ что — больше осмѣлюсь сказать: именно изъ глуши лѣсовъ и раздолья полей вспоминаются мнѣ типы болѣзнѣнныхъ и ужасныхъ пороковъ, настолько ярко выраженные, что въ городѣ имъ просто немыслимо было бы оставаться безнаказанными или хоть незамѣченными: сосѣди вмѣшаются, врачъ обратитъ вниманіе, наконецъ — городовой на углу для порядка стоитъ. А мать пустыня—ничего: таинственнымъ покровомъ своимъ, знай, все кроетъ... Не для того, чтобы читать мораль, пишу я эти строки. Сама кругомъ грѣшница и страстница, и проповѣдь мнѣ не пристала. Сама падала въ глубокія пропасти — и выползала изъ нихъ трудно, вся въ краскѣ стыда за порочную свою породу. Но, сколько по живому наблюденію думала и понимаю, настаиваю на приговорѣ справедливости: грубость и невѣжество не страхуютъ общества отъ разврата, грѣхъ въ обществѣ не отъ культуры, но отъ самихъ людей, и, напротивъ, только развитое общество, собирательною

силою своей культуры и нравственности, спасаетъ человѣка отъ порока, а вовсе не первобытное дикарство. «Темное царство», «жестокіе, сударь, у насъ нравы»— не свѣтлы и не мягки ни въ одной изъ сторонъ своей многогранности. Въ свирѣпомъ быту, гдѣ люди находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы взаимно увѣчить другъ друга тѣлесно, еще менѣе стѣсняются увѣчьемъ нравственнымъ. Добродѣтели патріархальнаго быта—въ лучшемъ случаѣ — только уличныя: на глазахъ у добрыхъ людей, да въ церкви, и—аккуратъ до крѣпкихъ воротъ съ засовами и высокаго забора ; защищающихъ жилой домъ отъ нескромнаго чужого взора. Большой мой пріятель, драматургъ В. А. Тихоновъ увѣрялъ, будто Кабаниха въ «Грозѣ» Островскаго потому ненавидитъ Катерину, что сама въ связи съ Тихономъ. Это парадоксальный экспромтъ остроумнаго causeur'a, но — то ли еще знаютъ и таятъ въ своихъ глухо запертыхъ нѣдрахъ домики города Калинова или нашего Никифорова, въ которыхъ — «что слезъ льется», потому что гнусомъ кишатъ и змѣями клубятся въ нихъ Кабанихи и Дикіе всякаго званія и сословія?.. Въ порочности ихъ есть, пожалуй, лишь одна черта, выгодно отличная отъ порочности культурной, такъ называемой декадентской: неспособность рядиться въ идеалистическій маскарадъ и изыскивать возвышенныя объясненія для низменныхъ страстей и поступковъ. Грѣхъ—такъ онъ и есть грѣхъ, паденіе—такъ оно и есть паденіе : слабость жалкой плоти, а совсѣмъ не красота ея, не изящество, не дерзновеніе, граничащее съ подвигомъ, ни даже — подымай выше — «θэургія», какъ объяснялъ мнѣ въ Парижѣ одинъ знаменитый итальянскій эстетъ. Когда пастухъ

Павлушка, кружевница Палагея, помѣщикъ Я., Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ творили свои неистовства, они знали, что они неистовы, и вовсе не воображали себя избранными красавцами человѣческаго рода, героями, сверхчеловѣками, полубогами... А вотъ Аріадна Семеновна Ф. уже воображала — и очень! Въ этомъ я убѣдилась, встрѣтивъ ее впослѣдствіи въ Парижѣ, въ обстановкѣ и обществѣ, которыя каждымъ лицомъ и каждою вещью кричали о неистовствѣ, возведенномъ въ религію, съ жречествомъ, жрицами, догмою, ритуаломъ... И какъ подумаешь, что между нашимъ захолустнымъ варварскимъ Барышемъ и этимъ сверхчеловѣческимъ уголкомъ Парижа нашлась таки живая связующая нитка! Какъ, собственно говоря, малъ нашъ міръ и тѣсно въ немъ общество!

Этотъ послѣдній педагогическій скандалъ переполнилъ чашу терпѣнія Марьи Михайловны. Пришла она въ отчаяніе и махнула на насъ рукою:

— Несчастныя вы родились на свѣтъ — несчастными вамъ и жить... Отступаюсь! Богъ съ вами: растите, какъ трава... Не судьба, такъ не пропадете, а судьба, — такъ въ Писаніи сказано: не можно прати противу рожна...

Помимо того, что обезкуражили ее неудачи, препятствіемъ къ серьезному образованію дѣтей въ домашнихъ условіяхъ началъ сказываться и недостатокъ средствъ, почти совершенно расточенныхъ Павломъ Петровичемъ въ своей части состоянія, которая, собственно, и была источникомъ доходовъ для нашей жизни и продовольствія. А часть Марьи Михайловны — въ землѣ и лѣсѣ — выдѣленная ей при замужествѣ и за-

тѣмъ расширенная фиктивными покупками, о которыхъ я выше говорила, лежала мертвымъ капиталомъ, запаснымъ на будущіе черные дни. Обращать ее въ деньги Марья Михайловна ни за что не соглашалась, поддерживаемая въ томъ и о. Михаиломъ. Онъ, съ теченіемъ времени, съ дочерью примирился и возвратилъ, если не полностью все свое прежнее вліяніе на нее, то, во всякомъ случаѣ, совѣтную дружбу. Только уже не сверху внизъ, а вровень,—не какъ властный отецъ съ смиренною дочерью, а какъ товарищъ съ товарищемъ, иногда, пожалуй, даже и снизу вверхъ, не безъ искательства. Очевидно, тоже былъ того волчьяго мнѣнія, что можно бить только того, кто дается, а съ тѣмъ, кто огрызается, лучше войти смирненько въ союзъ и дружбу. Онъ справедливо говорилъ, и Марья Михайловна соглашалась съ нимъ, что она, будучи недурною хозяйкою въ своемъ дворѣ и полѣ, денегъ не знаетъ и не умѣетъ обращаться съ ними, и капиталъ для нея вѣрнѣе и доходнѣе въ недвижимой собственности, чѣмъ въ деньгахъ, а, тѣмъ болѣе, въ какихъ-либо акціяхъ и облигаціяхъ. Сберечь и, по возможности, даже увеличить свою недвижимость, чтобы со временемъ раздѣлить ее, какъ приданое, между средними и меньшими дочерьми, — старшихъ она считала выдѣленными, — мало-по-малу сдѣлалось господствующей идеей Марьи Михайловны и, наконецъ, обратилось въ настоящую манію, въ жертву которой приносился весь остальной бытъ. Такимъ образомъ, на одной половинѣ дома, мужской, шли пьянство и развратъ, на другой, женской, скопидомство, довольно быстро перерождавшееся въ скаредность. Не то, что учить, — даже одѣ-

вать насъ стали самымъ жалкимъ образомъ, съ года на годъ кормили все хуже и хуже, мясныя блюда почти исчезли со стола, посты стали строго соблюдаться, не только по набожности, но и для экономіи. Новое платье, а въ особенности новая шубка или пальто становились настоящимъ событіемъ. Даже новые башмаки производили извѣстную сенсацію—и ужъ какъ за ними слѣдили, чтобы не износились слишкомъ скоро... Когда въ нашу глушь проникла мода на малороссійскіе и мордовскіе костюмы, мы были въ неописуемомъ восторгѣ. Потому что обзавестись этою немудрою роскошью, при наличности множества женскихъ рукъ въ домѣ, для всѣхъ было нетрудно, а между тѣмъ, она, давъ намъ вѣчные, расшитые крестиками мундиры, избавила насъ отъ скуднаго и заношеннаго тряпья, десятки разъ шитаго, перешитаго, вывороченнаго, крашеннаго, чищеннаго, въ которомъ водила насъ мать. Сама она, какъ одѣлась въ черное, послѣ перваго разрыва съ Павломъ Петровичемъ, такъ и проходила, будто во вдовьемъ траурѣ, до конца дней своихъ. Павелъ Петровичъ былъ увѣренъ, что это—ему на зло. Можетъ быть, вначалѣ такъ оно и было, но впослѣдствіи—я увѣрена—мать оставалась вѣрна выбранному мрачному цвѣту тоже, главнымъ образомъ, изъ экономіи, за немаркость. И матеріи она — еще молодая женщина—выбирала все старомодныя, старушечьи, да зато плотныя, чтобы служили безъ износу... И опять-таки все это перешивалось, перелицовывалось, чинилось, штопалось, — безъ конца. Впрочемъ, черный цвѣтъ очень шелъ къ красивому лицу и величественной фигурѣ Марьи Михайловны и, что

очень странно, не старилъ ее, какъ обыкновенно, а напротивъ, молодилъ. Да и въ этотъ періодъ жизни уже пристрастилась она къ поѣздкамъ по мѣстамъ, въ которыхъ черный цвѣтъ господствуетъ, какъ общепринятый и почти непремѣнный: по монастырямъ и пустынямъ, къ всевозможнымъ старцамъ и старицамъ святой жизни.

Поѣздки эти бывали не часты, но всегда затягивались довольно продолжительно. Какъ впослѣдствіи имѣла я печаль узнать, онѣ дѣлились на двѣ половины. Одну—явную, въ которой Марью Михайловну видали чинно стоящею подъ сводами церквей, благоговѣйно внимающею божественнымъ службамъ, ведущею бесѣду съ іеромонахами и игуменьями, припадающею къ чудотворнымъ иконамъ и мощамъ. И другую, тайную, обычно предшествовавшую этой, когда Марья Михайловна, никому невѣдомо и неслышно, сидѣла взаперти въ глухомъ какомъ-нибудь городишкѣ на глухомъ какомъ-нибудь постояломъ дворѣ и—мрачно и одиноко—занималась тѣмъ же, въ чемъ ея супругъ упражнялся открыто, весело и шумно: пила мертвую!.. Въ періодѣ этомъ, избывая накопившуюся тоску неудачной жизни, она становилась совершенно невмѣняемымъ человѣкомъ и десятки разъ бывала въ опасности впасть самой въ непоправимую бѣду или причинить ее кому-либо другому. Въ особенности, одолѣвало ее жадное стремленіе поджечь что-нибудь. Оно, впрочемъ, мучило ее не только въ запойныя полосы, когда оно обострялось до чрезвычайной настойчивости, а, вообще, было однимъ изъ бѣдствій ея существованія, возвращаясь къ ней, только въ меньшемъ напряженіи, на день, на два регулярно ка-

ждый мѣсяцъ. Къ этому такъ привыкли, что съ приближеніемъ извѣстныхъ чиселъ, начинали прятать отъ нея спички, старались не пускать ее на кухню и къ печамъ, когда топятся, и не оставляли ее одну, по вечерамъ, при огнѣ. Но въ обычные приступы она легко овладѣвала собою, въ запойныя же полосы теряла всякое самообладаніе, и за нею надо было смотрѣть, какъ за сумасшедшею, потому что ее такъ и перебрасывало изъ бреда въ бредъ: то вотъ въ этотъ—огненный, то—въ эротическій, то—ругательные голоса нашептываютъ ей въ уши самоубійство.Сколько разъ ее вынимали изъ петли, это знали и могли бы сказать только два довѣренныя лица, которыя сопровождали ее въ богомольныхъ поѣздкахъ, посвященныя во всѣ ея секреты, кучеръ Никифоръ и ключница Соломонида Степановна — замѣчательнѣйшая личность въ женскомъ населеніи нашей усадьбы, ровесница мамы, можетъ быть, немного младшая, и величайшая ея пріятельница. Мама, она и няня Алена составляли какъ бы одну душу въ трехъ тѣлахъ и образовали нѣчто вродѣ тріумвирата, съ властью законодательною, судебною и исполнительною. Но Соломонида Степановна являла собою другой типъ, чѣмъ красивый и милый шарикъ нашъ—няня Алена. Громадная ростомъ, дородная, плотная, точно изъ желѣза сколоченная, смуглая, какъ цыганка, немножко усатая, по всей вѣроятности, не безъ примѣси инородческой крови въ жилахъ, она казалась намъ, дѣтямъ, страшноватою, хотя, по существу, была женщиною, далеко не лишенною привлекательности, и очень нравилась мужчинамъ. Но жила она, въ противоположность нянѣ Аленѣ, строго и къ ухаживателямъ своимъ относилась съ какою-то

особо подчеркнутою циническою презрительностью, точно къ самой ничтожной породѣ людей на землѣ. Происходила Соломонида Степановна изъ городскихъ мѣщанокъ, нашего же города Никифорова, была вдова и имѣла дочь Аленку, крестницу няни Алены, лѣтъ на пять моложе меня,—въ то время золотушную и неопрятную дворовую дѣвчонку, изъ которой, однако, впослѣдствіи выровнялась красивая женщина, имѣвшая очень любопытную судьбу и сыгравшая рѣшительную роль въ жребіи крѣпышевскаго рода и достоянія... Въ Аленкѣ этой, златокудрой и голубоглазой, явственно опредѣлялись крѣпышевскія родовыя черты, не позволявшія сомнѣваться въ томъ, что она—дочь Павла Петровича. А домашняя легенда-сплетня говорила, будто Соломонидѣ Степановнѣ мы обязаны тѣмъ, что, въ свое время, приказчица Маланья Сергѣевна не захватила въ свои бѣлыя цѣпкія руки конечной власти надъ домомъ и крѣпышевскимъ имуществомъ. Потому что, переселившись къ намъ изъ города, молодая ключница умѣла перетянуть сластолюбиваго барина къ новому увлеченію и, въ лучшемъ видѣ, «выставила» изъ его милостей Маланью Сергѣевну, съ которою лично состязаться барыня Марья Михайловна почитала ниже своего достоинства. Однако, могу ручаться, что въ ту пору, о которой я разсказываю, никакихъ интимностей между Павломъ Петровичемъ и Соломонидою Степановною не было. Напротивъ. Какія тамъ прежде отношенія вязались,—кто ихъ знаетъ; но теперь несомнѣнно было одно: если кого въ домѣ боялся и слушался Павелъ Петровичъ,—конечно, не считая гнѣвной супруги своей,—то это Соломониды Степановны. И если кого ненавидѣла сладко-

рѣчивая, масляноглазая, крупичатая, красивая приказчица,—куда больше, чѣмъ самое барыню Марью Михайловну!—такъ это Соломониду Степановну... Помимо совершеннаго дружескаго довѣрія, которое мать моя питала къ этой женщинѣ, она, для запойныхъ своихъ отлучекъ, цѣнила въ ключницѣ еще два качества. Соломонида Степановна вина въ ротъ не брала никогда, ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ, и отличалась громадною физическою силою, превосходившею даже силу самой Марьи Михайловны, хотя послѣдняя, унаслѣдовавъ мускулы о. Михаила, шутя, борола дюжихъ мужчинъ. А Соломонида Степановна не только борола ее, но, въ случаѣ буйства, могла связать ее, пока очувствуется и проспится, и требовала лишь небольшой помощи со стороны какого-либо третьяго лица. Помощникомъ въ подобныхъ случаяхъ призывался второй непремѣнный спутникъ нашей горемычной паломницы: кучеръ Никифоръ, богатырь-мужчина, отставной унтеръ-офицеръ того самаго гвардейскаго полка, въ которомъ служилъ когда-то Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ. Онъ появился у насъ въ Барышѣ довольно поздно, — если не ошибаюсь, предъ турецкою войною, потому что на сербскую еще ходилъ добровольцемъ,—но сразу прижился такъ, словно здѣсь и родился, и всѣ вѣкъ его знали, и безъ Никифора—никому и ни въ чемъ никакъ невозможно: всегда и повсюду необходимъ! Хотя много младшій барина и годами, и по службѣ, Никифоръ очень хорошо зналъ и память о Павлѣ Петровичѣ въ полку, и—его двоеженство. Но, будучи, такимъ образомъ, живою обличительною угрозою для супруговъ Крѣпышевыхъ, онъ не только никогда не воспользовал-

ся тѣмъ ради корысти или куража, а, напротивъ, Марья Михайловна почитала, что если есть около нея въ мужской дворнѣ человѣкъ безграничной преданности и готовности служить до послѣдняго, то, конечно, вотъ этотъ бравый солдатъ Никифоръ. Такимъ же, впослѣдствіи, по смерти мамы, показалъ онъ себя и по отношенію къ намъ, ея дочерямъ, не давая насъ, сколько лишь умѣлъ и могъ, въ обиду новой семьѣ Павла Петровича и ему самому. Вообще, это—одинъ изъ лучшихъ, благороднѣйшихъ и, быть можетъ, самый честный и нѣжный человѣкъ, какого я когда-либо знавала... На очень красивомъ, хотя мѣднокрасномъ отъ загара и посолдатски усатомъ, лицѣ Никифора тянулся бѣлою полосою, отъ переносья черезъ правую щеку къ шеѣ, глубокій бѣлый шрамъ. Это Марья Михайловна, въ запойномъ бреду, хватила его, на постояломъ дворѣ въ г. Салотопѣ, хлѣбнымъ ножемъ. Почудилось ей, будто Никифоръ—Павелъ Петровичъ, открывшій мѣсто, гдѣ она спряталась, и пріѣхавшій, чтобы издѣваться надъ нею... Бѣдный Никифоръ только чудомъ не потерялъ глаза и навсегда сохранилъ безобразную памятку на испорченномъ лицѣ, но—даже къ фельдшеру на перевязку не пошелъ, чтобы не было огласки. Соломонида Степановна остановила уксусомъ кровь и перевязала рану полотенцемъ, какъ сумѣла. О свѣжемъ шрамѣ, съ которымъ Никифоръ вернулся въ усадьбу, ходили всевозможные разсказы. Въ нихъ дѣйствовали то разбойники, то полицейскіе, то разгульные городскіе парни-мѣщане, съ гармониками и ножами, но правду я узнала только уже послѣ смерти моей матери... Отсюда можно судить, какъ Марья Михайловна умѣла располагать къ себѣ

людей и владѣть ихъ преданностью. Ужъ если кто ее любилъ, то служилъ ей вѣрою, правдою и, воистину, не щадя своего живота. И, несмотря на печальное супружество, надо, все-таки, признать: была она счастлива на хорошихъ мужчинъ. Не говоря уже объ этихъ двухъ—Романѣ и Никифорѣ, о которыхъ я разсказала,—вѣдь и Павелъ Петровичъ, если судить безъ накопившейся на него злобы и по чистой правдѣ, не былъ по природѣ тѣмъ дряннымъ человѣчишкомъ, какимъ застали его мои сознательные годы. Благородство, вмѣстѣ съ воспитаніемъ, вытравило изъ него сцѣпленіе фальшивыхъ положеній, которыя держали его въ вѣчномъ страхѣ стыднаго разоблаченія, точно человѣка подъ мечомъ, привѣшеннымъ къ потолку на волоскѣ. Отсюда начались его одичалость и непробудное пьянство. Да и то—и до свадьбы, и въ бракѣ —до разрыва съ женою, онъ, хотя бурно кутилъ, но все же былъ еще не болѣе, какъ большимъ охотникомъ выпить и повеселиться. Спиваться же съ круга и превращаться въ полоумнаго алкоголика началъ лишь послѣ того, какъ Марья Михайловна отъ него отреклась. Оголтѣлое пьянство въ отвратительно подобравшейся компаніи повѣка подъ мечомъ, привѣшенныхъ къ потолку на волосѣмъ не менѣе, повторяю безпристрастно: даже на крайней глубинѣ паденія, бывало, нѣтъ-нѣтъ да и проскется въ немъ человѣкъ...

Романа Осиповича въ милостяхъ Марьи Михайловны смѣнилъ молодой никольскій псаломщикъ Александръ, которому обязана происхожденіемъ сестра Соня: даже по плохой уѣздной фотографіи красавецъ — прямо архангела Гавріила писать съ него на икону Благовѣщенья. Тихій, мечтательный,

богобоязненный, онъ тяготился своимъ «грѣхомъ», тяжело болѣлъ совѣстью. Когда умеръ отъ родимчика новорожденный нашъ братикъ Павелъ, Александръ принялъ потерю, какъ наказаніе Божіе и рѣшительный призывъ къ покаянію. Загрустилъ, затомился и, въ одинъ невеселый для Марьи Михайловны день, скрылся—въ монастырскія стѣны, подъ черный клобукъ. Слѣдующимъ ея другомъ былъ егерь и онъ же садовникъ, Андрей Липный, престранный человѣкъ, слишкомъ пять лѣтъ прожившій въ Барышѣ, неизвѣстно откуда къ намъ взявшись, неизвѣстно куда потомъ пропавъ. По домашней легендѣ, Марья Михайловна подобрала его на пустынной лѣсной дорогѣ, во рву, гдѣ онъ умиралъ съ голода, потому что сломалъ себѣ ногу и не въ силахъ былъ продолжать свой путь,—невѣдомо откуда невѣдомо куда,—а по дорогѣ двое сутокъ никто ни прошелъ, ни проѣхалъ. Документовъ при немъ, конечно, никакихъ не оказалось, но въ Барышѣ этою мелочью мало стѣснялись, лишь бы нравился человѣкъ. Не увѣрена, дѣйствительно ли я помню Андрея: высокую, жилистую фигуру, зеленый казакинъ, кудластую черную голову, длинные казацкіе усы, огненные глаза подъ черными бровями, ружье и мѣрный, повелительный голосъ,— или образъ его сложился у меня изъ домашнихъ преданій, въ которыхъ Андрей Липный игралъ роль излюбленнаго эпическаго героя, съ характеромъ даже какъ бы нѣсколько демоническимъ. По разсказамъ няни Алены, Соломониды Степановны и другихъ старожилокъ дома, Андрей только прикидывался простымъ и часто прорывался, обнаруживая знанія, воспитаніе и привычки, гораздо высшія того служебнаго положенія, которое онъ

нашелъ въ Барышѣ. Кто онъ былъ, этотъ секретъ умеръ съ Марьей Михайловной, равно какъ и—почему онъ изъ Барыша однажды ушелъ и куда дѣвался. По всей вѣроятности, подъ именемъ Андрея Липнаго скрывался бѣглый изъ угрюмой сосѣдки нашей, Сибири,—уголовный или, еще скорѣе, политическій. Потому что впослѣдствіи сестра Агата Томсонъ, въ брюссельскую нашу встрѣчу, разсказывала мнѣ, что, однажды, путешествуя съ чернымъ мужемъ своимъ по Швейцаріи, встрѣтила она въ Бернѣ, у знаменитаго медвѣжьяго рва, высокаго старика, въ серебряныхъ кудряхъ подъ широкополою сѣрою шляпою и въ престранномъ синемъ плащѣ, вродѣ военнаго, на длинномъ сухомъ семидесятилѣтнемъ тѣлѣ: фигура внушительная, живописная, которую нельзя не замѣтить, а, однажды замѣтивъ, забыть. Старикъ долго всматривался въ Агашу пронзительными орлиными глазами, такъ что она даже смѣшалась, а мистеръ Томсонъ нахмурился. И, вдругъ, старикъ заговорилъ по-русски:

— Извините, что позволяю себѣ обратиться къ вамъ, не будучи знакомымъ, но вы удивительно похожи на одну русскую даму, которую я зналъ въ молодости... Не изъ Никифоровскихъ ли вы палестинъ? не изъ Крѣпышевыхъ ли?

И—когда удивленная Агаша подтвердила—осыпалъ ее быстрыми вопросами, изъ которыхъ она могла заключить, что семью нашу и всѣ старинныя крѣпышевскія обстоятельства старикъ знаетъ едва ли не лучше ея самой... Отвѣтить на вопросы Агаша мало что могла, такъ какъ въ то время сама уже болѣе пятнадцати лѣтъ разсталась съ Барышомъ и съ тѣхъ поръ ничего о немъ не знала.

— Марьи Михайловны, конечно, уже нѣтъ въ живыхъ?

— Восемнадцать лѣтъ, какъ на погостѣ.

— Пухомъ земля надъ ней!—пробормоталъ старикъ съ видимымъ волненіемъ—и продолжалъ, дрожа сѣдыми висячими усами:

— Изъ сестеръ кого видаете?

— Рѣшительно никого.

— Антонину, напримѣръ? Акулю? Евванѳію?

— Тонечка, когда я покинула Барышъ, только что вышла замужъ за богатаго золотопромышленника Оловянишникова и уѣхала съ мужемъ на житье въ Сибирь, кажется, въ Барнаулъ. Акуля училась въ гимназіи. Евванѳію Соломонида Степановна собиралась везти осенью въ гимназію...

Такъ бесѣдовали они, надъ медвѣжьимъ рвомъ, минутъ двадцать, при чемъ вопросы старика летѣли такъ быстро и напористо, что Агашѣ никакъ не удавалось, въ свою очередь, остановить его вопросами:

— Да вы-то кто такой? откуда всѣхъ насъ знаете? какъ васъ зовутъ?

Наконецъ, какъ бы истощивъ любопытство, незнакомецъ круто оборвалъ вопросы, снялъ шляпу, заблиставъ подъ солнцемъ серебряною сѣдиною, отвѣсилъ глубокій поклонъ Агашѣ и очень вѣжливый черномазому мистеру Томсону, повернулся и пошелъ . . .

— Извините, — окликнула его Агаша, — я хотѣла бы знать: съ кѣмъ я имѣла удовольствіе говорить?

Старикъ пріостановился и — съ видимымъ неудовольствіемъ — поколебавшись секунду — отвѣтилъ:

— Фогтъ... Генрихъ Фогтъ... Адреса въ Бернѣ не имѣю... Проѣздомъ.... Имѣю честь кланяться....

И ушелъ — быстро, быстро скрылся . . .

Обдумывая странную встрѣчу и взвѣсивъ особенный интересъ, проявленный незнакомцемъ къ сестрамъ Тонѣ, Акулѣ и Ванѳичкѣ, Агаша дошла до романической догадки, что загадочный старикъ — не иной кто, какъ ихъ естественный родитель, нашъ бывшій таинственный егерь Андрей... Встрѣчаясь съ русскими эмигрантами, она усердно разспрашивала ихъ о Генрихѣ Фогтѣ, но они такого не знали.

Помню еще разговоръ въ Парижѣ съ сестрою Еленою, въ концѣ девяностыхъ годовъ. Тогда только что вышелъ знаменитый романъ Гамсуна «Панъ» — и очень Еленѣ нравился. А я его отрицала. Елена спросила:

— Почему?

— Потому, что это все выдумано. Такихъ людей, какъ лейтенантъ Гланъ, не бываетъ.

— Какъ не бываетъ?—воскликнула она,—да мы съ тобою сами знали живого лейтенанта Глана... Ты-то, положимъ, была слишкомъ мала и не можешь помнить, но я помню очень хорошо, — когда онъ ушелъ изъ Барыша, мнѣ было близко семнадцати лѣтъ... Это — Андрей-егерь или, лучше сказать, тотъ, кто за Андрея-егеря себя выдавалъ... Вотъ тебѣ типичный стихійный человѣкъ, вычеркнувшій себя изъ культуры, бѣглецъ отъ общества къ матери-природѣ, къ первобытной свободѣ, чувствамъ и страстямъ... И романъ его съ покойною нашею мамою былъ тоже самый типическій, истинно глановскій романъ...

Не знаю, такъ ли было на самомъ дѣлѣ или она воображала, чтобы подкрѣпить свои доводы, — и, конечно, ей, какъ старшей, лучше знать. Но мнѣ, по свойственному мнѣ пороку сантиментальности, больше нравилось и нравится романически представлять себѣ егеря Андрея совсѣмъ не грубымъ и одичалымъ лейтенантомъ Гланомъ, а скорѣе какимъ-нибудь Карломъ Мооромъ на русскій ладъ — изгнанникомъ благороднымъ, несчастнымъ и страшнымъ... И, конечно, разбойничій атаманъ изъ него вышелъ бы удивительный!..

Домомъ и хозяйствомъ, во время отлучекъ мамы, завѣдывала няня Алена. При всей своей кротости и мягкости, а, можетъ быть, именно, благодаря этимъ своимъ качествамъ, она умѣла править. Подъ ея рукою, въ нашей крѣпышевской безалаберщинѣ не только водворялся и сравнительно поддерживался извѣстный мирный порядокъ, но домъ положительно вздыхалъ свободнѣй, выходя на нѣкоторое время изъ удушливой атмосферы вражды и нарочныхъ взаимооскорбленій, которою наполняло его сожительство озлобленныхъ супруговъ... Сознаюсь въ своей неблагодарности къ мамѣ, которая насъ сильно любила, хотя и не умѣла говорить съ нами иначе, какъ въ тонѣ суровой повелительности: съ нянею Аленою намъ было пріятнѣе и легче... Времена ея господства въ домѣ обращались для насъ въ каникулы, въ теченіе которыхъ царили ласка, свобода, миръ и безопасность. А въ то же время, — замѣчательное дѣло! — никогда не бывало такъ спокойно и тихо на половинѣ Павла Петровича, и никогда не вели себя смирнѣе и порядочнѣе его наѣзжіе прихвостни и проходимцы-приживальщики...

Брошенныя безъ образованія и воспитанія, мы не имѣли и аппетита къ знанію. Книгъ въ домѣ не было. Нѣсколько старыхъ растрепанныхъ романовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, преимущественно переводныхъ, конечно, были заучены наизусть отъ доски до доски. Былъ разрозненный «Графъ Монтекристо». Его мы не любили, потому что рѣшили общимъ судомъ, что это написано «нарочно», какъ не бываетъ,—чтобы обманывать публику,—и обидѣлись за это на господина Дюма. Были «Замогильныя записки Пикквикскаго клуба». Ихъ мы тоже не любили за то, что въ нихъ очень много и вкусно ѣдятъ, а мы всегда сидѣли впроголодь, и чтеніе о кусищахъ ветчины, телятины и ростбифа, которыми обжираются герои Диккенсова романа, возмутительно дразнило аппетитъ. Зато — «Антонъ Горемыка» Григоровича и «Мертвое озеро» Станицкаго пользовались у насъ исключительнымъ успѣхомъ. Очень нравилась намъ книга, къ сожалѣнію не имѣвшая начала, и знали мы ее только со страницы 27, — объ аристократической барышнѣ Еленѣ, влюбившейся въ болгарскаго студента, который потомъ умеръ въ какой-то Венеціи отъ чахотки. Мы въ эту Елену много играли, при чемъ я, обыкновенно, изображала Елену, а сестра Агаша — Инсарова. Одна бѣда: мы, безъ Наташи, не знали, гдѣ это Болгарія, а Павла Петровича спросить не рѣшались. Но подоспѣла турецкая война и разъяснила. Зато — можете представить, съ какимъ радостнымъ изумленіемъ читала я, впослѣдствіи, уже 22-лѣтнею женщиною и примадонною Одесской оперы, Тургеневское «Наканунѣ».

Кое-что привозила съ собою на каникулы сестра Наташа. Но она, въ гимназіи, обращаясь съ учащеюся молодежью, была слишкомъ развитѣе насъ, и мы ея книгъ не понимали. Пробовала она намъ читать вслухъ тогдашнюю беллетристику,—мы отказываться совѣстились, а, между тѣмъ, слушая, буквально засыпали. А, вѣдь, впослѣдствіи, наслаждаясь Щедринымъ и Глѣбомъ Успенскимъ, я вспомнила, что Наташа намъ именно это читала... Такъ бѣдно и тупо работала наша мысль. Только и понравилось намъ, глупышкамъ, что «Четверть вѣка назадъ» Маркевича; всѣ мы повлюбились — кто въ княжну Лину, кто въ Ольгу Елпидифоровну, и всѣ мечтали о красавцѣ Ашанинѣ, какъ о плѣнительномъ, но, увы, недостижимомъ для насъ, бѣдныхъ деревенскихъ простушекъ, идеалѣ...

А, между тѣмъ, мы, заброшенныя, полудикія невѣжды, были талантливы. Смѣю увѣрить, безъ всякой ложной скромности, — всѣ, до одной. О себѣ — что же мнѣ распространяться? Моя карьера оперной пѣвицы — у всѣхъ передъ глазами. Я уже говорила, что голосъ сестры Лизы былъ лучше моего, но она и природною музыкальностью меня превосходила. Голосисты, хотя и не въ той, конечно, мѣрѣ, какъ мы съ Лизою, были всѣ среднія сестры: въ мать и дѣда, о. Михаила. Одно время мы придумали составить квартетъ для Никольской церкви. О. Михаилъ благословилъ, и мы — я, Лиза, Агаша и Даша — пропѣли весь великій постъ. Народъ валилъ насъ слушать даже изъ дальнихъ селъ и деревень. Сосѣдніе попы воззавидовали и донесли архіерею на пѣніе наше, будто — подумаешь — мы сочинили какую-нибудь ересь. Благочинный получилъ распоряженіе

— прекратить. Жаль было. И намъ, и народу. Ручаюсь, что «Да исправится», какъ раздѣлывали мы втроемъ съ Лизою и Агашею, и въ столицахъ не слыхивали. А нотъ ни одна не знала. Заучили на слухъ, въ лѣтніе каникулы, отъ родственниковъ мамаши, семинаристовъ, пріѣзжавшихъ въ сосѣднія села, къ родителямъ.

Вотъ и отъ нихъ тоже узнавали мы кое-что о бѣломъ свѣтѣ, какъ живутъ, дѣйствуютъ, думаютъ и пишутъ въ далекомъ отъ насъ залѣсномъ мірѣ, и воспринимали кое-какую пищу для ума и сердца. Но мало было хорошихъ между ними. А тѣмъ, которые хорошіе, было скучно съ нами, подростками-невѣждами. Они льнули къ болѣе развитымъ и взрослымъ старшимъ, либо изъ насъ, къ гимназисткѣ Наташѣ. А на нашу долю оставались грубые парни-камчадалы, въ которыхъ только и путнаго было, что умѣли складно пѣть и по церковному, и по свѣтскому. Не обходилось, конечно, и тутъ безъ молодыхъ романовъ отъ скуки, но, при всемъ нашемъ безкавалерьи, остерегались мы семинарскихъ кузеновъ нашихъ: ужъ очень дикій и безпардонный были народъ... И—то онъ труситъ тебя, несчастный, точно ты змѣя подколодная или тигрица, притаившаяся, чтобы его растерзать; то, вдругъ, осмѣлѣвъ, либо выпивъ для храбрости, развернется такимъ нахаломъ, что не знаешь, какъ отъ него уйти . . .

Сестра Евгенія и не ушла. Окончивъ гимназическій курсъ, она надумалась было ѣхать въ Петербургъ на высшіе курсы. Для поступленія требовался латинскій языкъ. Готовить ее къ экзамену взялся тотъ самый о. Алексѣй Миротворцевъ изъ Никольскаго, который, покорствуя могущественной волѣ нашего дѣда, о. Ми-

хаила Урошича, безропотно крестилъ, вѣнчалъ и хоронилъ всѣхъ беззаконныхъ чадъ и домочадцевъ Павла Петровича Крѣпышева и, — въ случаѣ раскрытія безчисленно накопившихся фальшей, — конечно, столь же безропотно пошелъ бы, за нихъ, козломъ отпущенія, подъ судъ. Но смиренный и убогій попикъ этотъ такъ терзаемъ былъ на части требами въ громадномъ приходѣ, который онъ обслуживалъ вмѣсто своего нерадиваго къ служенію патрона, что долженъ былъ передать уроки сыну, шустрому шестнадцатилѣтнему семинаристу, тоже Алешѣ. Мальчикъ былъ очень хорошенькій, съ изящнымъ женственнымъ личикомъ, похожій на переодѣтую дѣвочку. Опасность подобныхъ уроковъ никому не приходила въ голову уже потому, что Алешу Миротворцева считали еще ребенкомъ, а ученица была на три года старше учителя. Не знаю, много ли Евгенія успѣла усвоить изъ латинской грамматики, но до глагола **amare** молодые люди дошли очень скоро. Такъ что, вмѣсто петербургскихъ курсовъ, мать, еще задолго до осени, лично и съ большимъ спѣхомъ, отвезла Евгенію гостить къ сестрѣ своей, исправничихѣ, въ сосѣдній съ нашимъ Никифоровымъ, уѣздный городъ Салотопъ, гдѣ въ то время шла губернаторская ревизія, которою ворочалъ идущій въ гору чиновникъ особыхъ порученій, Павелъ Хрисанѳовичъ Боровенко . . . Молодой человѣкъ этотъ еще въ губернскомъ городѣ ухаживалъ за Евгеніей, и новая уѣздная встрѣча рѣшила его судьбу. Къ Покрову они были обвѣнчаны и... въ первый мѣсяцъ чуть не развелись, первый годъ дрались чуть не ежедневно, а потомъ какъ то обошлись,— стерпѣлось, слюбилось, — вошли въ колею спокойнаго

и мирнаго обывательскаго супружества, со взаимнымъ равнодушіемъ и обманомъ подъ маскою приличнаго и спокойнаго семейнаго счастья. Боровенко сошелся съ одною актрисою, застрявшею въ городѣ послѣ голоднаго сезона. Сперва очень таилъ эту связь, но мало помалу она огласилась въ общественную извѣстность, а впослѣдствіи, когда Боровенко вошелъ въ чины и силу, онъ совершенно пересталъ скрывать свою вторую семью, — вѣроятно, съ полнаго согласія на то законной супруги. Послѣдняя устроила свой домашній уютъ въ томъ же родѣ, только съ меньшею откровенностью. А именно: едва Алеша Миротворцевъ кончилъ свой семинарскій курсъ, опредѣлила его подъ начальство своего супруга, и принялась, что называется, тянуть его за уши, пока не сдѣлала ему «фортуну и карьеру». Павелъ Хрисанѳовичъ Боровенко былъ способный чиновникъ и, преуспѣвая ни слишкомъ быстро, ни медленно, — въ правильной послѣдовательности отъ чина къ чину, отъ ордена къ ордену, не выскакивая и не позволяя себя обойти, получилъ къ 35-лѣтнему возрасту дѣйствительнаго статскаго совѣтника и губернаторскій постъ... Гастролируя и концертируя по Россіи въ девяностыхъ годахъ, я находила супруговъ Боровенокъ то здѣсь, то тамъ хозяевами губерній все большаго и большаго значенія. Евгенія встрѣчала меня всегда очень любезно, хотя послѣднія предъ тѣмъ наши свиданія въ Барышѣ, на похоронахъ матери и при раздѣлѣ наслѣдства, были, — мало сказать, враждебны, но просто таки ужасны... Въ губернаторшахъ она была на мѣстѣ: умѣла и величественно представительствовать, и милостиво объединять общество, эффектно благотво-

рила, когда и гдѣ надо — блистала патріотизмомъ, когда и гдѣ надо — слегка либеральничала... Подчиненные мужа и обыватели его губерній Евгенію уважали и даже любили, хотя жаловались на неутолимое взяточничество — не столько даже ея собственное съ превосходительнымъ супругомъ, сколько его высокородія Алексѣя Алексѣевича Миротворцева. Онъ, на скромномъ, но вліятельномъ посту безсмѣннаго правителя канцеляріи, слѣдовалъ за Боровенками во всѣхъ фазисахъ ихъ блистательной карьеры, подобно, какъ луна за землею. Губернская скандальная хроника приписывала губернаторшѣ много любовныхъ романовъ, но — были они, нѣтъ ли, не знаю,—однако, эта, по существу надменная, совсѣмъ не мягкаго нрава и менѣе всего добрая, женщина всю жизнь оставалась вѣрною своему первому юному увлеченію. Дѣти ея, — всѣ — вылитые Миротворцевы, такіе-же красавцы немного херувимскаго типа. Въ 1905 году г. Боровенко, въ числѣ многихъ, въ чемъ-то перелиберальничалъ, «когда начальство ушло», а, когда начальство пришло обратно, хотѣлъ загладить и поправиться и, перегнувъ палку въ обратную сторону, наполнилъ свою губернію славою подвиговъ столь черносотенныхъ, что даже П. А. Столыпинъ нашелъ нужнымъ унять его усердіе. Боровенко обидѣлся и подалъ въ отставку. Думалъ — не примутъ,— приняли. Думалъ — спохватятся и позовутъ обратно, — не позвали. Тогда онъ огорчился уже до нефрита, отъ котораго и умеръ гдѣ-то на Ривьерѣ, не доживъ всего нѣсколько дней до богровскаго выстрѣла... Евгенію я встрѣтила въ прошломъ году въ Кисловодскѣ, — очень величественною генеральшею на пенсіи, съ салономъ,

связями, дѣлающею или воображающею, будто дѣлаетъ большую политику, — конечно, правую! Сыновья всѣ блистательно служатъ, дочери блистательно выданы замужъ: это – monde! Вѣрнаго Алексѣя Алексѣевича при Евгеніи уже не было и, на вопросъ мой о немъ, она отвѣтила очень свободно, спокойно и безъ видимой печали, что не видалась съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ,— онъ тоже вышелъ въ чины, губернаторствуетъ въ Сибири, женатъ и очень счастливъ съ женою, старшею дочерью покойнаго Боровенки отъ его внѣзаконной супруги, Ольги Кирилловны... Подивилась я про себя на характеръ этой женщины, такъ хладнокровно пережившей смерть любви, длившейся столько лѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, такъ хорошо скрывающей горе разрыва. Репутація самой Евгеніи Боровенко, во вдовствѣ, безукоризненна... Ужъ на что Кисловодскъ сплетникъ и всѣмъ своимъ дамамъ присочиняетъ романы, а о ней — ни словечка: шляпы долой! римская матрона!.. А между тѣмъ, — ужъ такъ ли велики ея годы, да и — при ея моложавости и привлекательности — кто ей ихъ дастъ?

Хорошо было старшимъ барышнямъ выходить въ генеральши да губернаторши, какъ были онѣ воспитанныя, образованныя, — не то, что мы, деревенскія дуры-чумички... Да! какъ вспомнишь, что я только на шестнадцатомъ году отъ рожденія узнала, что Пушкинъ, чьи стихи «Зима, крестьянинъ, торжествуя» напечатаны въ «Книгѣ для первоначальнаго чтенія», по которой мы учились грамотѣ, — великій писатель, и ему ставятъ памятникъ въ Москвѣ... А прочитала я Пушкина впервые уже замужемъ, восемнадцатилѣтнею

m-me Эриановскою. Да и то заставили насильно, потому что раньше я, изъ-за одного глупаго и смѣшного случая, ненавидѣла Пушкина, не читавъ, такъ, что имени его не могла слышать безъ отвращенія и злобы... И, — Боже мой, какими жаркими слезами умиленнаго покаянія омывала я потомъ этотъ невольный грѣхъ своего дикарскаго невѣжества! Какой удивительный новый міръ мнѣ открылся! Сколько новаго счастья, потрясающихъ впечатлѣній, глубокихъ и важныхъ мыслей онъ мнѣ подарилъ!

У сестры Агаши былъ несомнѣнный поэтическій талантъ. Она сочиняла прелестныя пѣсни, въ простонародной манерѣ. А впослѣдствіи — незадолго передъ тѣмъ, какъ ей бѣжать, — описала всю нашу жизнь въ стихахъ... Куда все это пропало? Дорого дала бы, чтобы найти...

Сверстниковъ и сверстницъ у насъ почти не было. Сосѣди все были дальніе и либо бездѣтные, либо малодѣтные; въ большинствѣ, плохо ладили съ Крѣпышевыми. А съ тѣхъ поръ, какъ Павелъ Петровичъ опустился и далъ себѣ полную волю, иные и простотаки побаивались нашего дома и неохотно отпускали къ намъ своихъ дамъ и барышень. Вѣдь — что ужъ говорить! — скверная была у насъ въ усадьбѣ жизнь, но сплетни о ней плыли еще сквернѣе. Ну, и, конечно, — у себя гостей не принимаемъ, такъ и сами въ гости не ѣздимъ. А тѣ сосѣди, которые нашимъ знакомствомъ не брезговали, вродѣ упомянутаго Я., — такъ лучше-бы имъ у насъ не бывать, а намъ ихъ вѣкъ не видать, безобразной орды этой!..Главною причиною отчужденія было то, что, въ первые годы супружества, господамъ Крѣпышевымъ мѣ-

шали обзавестись семейными знакомствами гордость и чванство большихъ магнатовъ, широко окруженныхъ мелкопомѣстнымъ ничтожествомъ. Послѣ-же рокового открытія незаконности своего брака, Марья Михайловна забоялась людей. Все прислушивалась, не поймаетъ-ли въ воздухѣ намека или насмѣшки, и, такимъ образомъ, стала подозрительна, отчудилась отъ послѣднихъ дружбъ и связей и, мало-по-малу, дичая сама, заставила одичать и насъ. Замкнулась вмѣстѣ съ семьей въ своемъ собственномъ родномъ кругу (Крѣпышевыхъ она не выносила и боялась — особенно послѣ той загадочной смерти Клеопатры Крѣпышевой, которая была причиною ея второго разрыва съ мужемъ) и въ той стаѣ приживалокъ и женской прислуги, что окружали насъ своимъ празднымъ дармоѣднымъ досугомъ... Скверно это вліяло на насъ, — должна покаянную правду сказать. Все, что было потомъ въ жизни моей нехорошаго, темнаго, тормозило мой талантъ и не дало мнѣ развить его до совершенной культурной силы, — все оттуда мною вынесено. Не по барскому фырканью сверху внизъ говорю это. Напротивъ: я демократка по крови и по убѣжденію, — до мозга костей. И жизнь, и природная склонность, и товарищество въ искусствѣ моемъ, и самое искусство внушили мнѣ демократическія идеи безъ необходимости въ посторонней наукѣ, естественнымъ путемъ... А осуждаю потому, что горькимъ опытомъ знаю: нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше первобытнаго человѣка, какъ онъ есть, въ естественной обстановкѣ своего кормящаго, правильнаго и самостоятельнаго труда. И нѣтъ ничего хуже тѣхъ же первобытныхъ людей, когда они сгрудятся скопомъ въ невѣ-

жественной праздности, на мнимой службѣ легкому и условному труду, который имъ, по силѣ и физическимъ привычкамъ ихъ, не въ трудъ; когда, поэтому, работа теряетъ всякій интересъ и цѣлесообразность. Энергія остается неиспользованною, неудовлетворенною, и скучаетъ, ищетъ хоть какого-нибудь приложенія или, не находя, хоть обмана какихъ-нибудь развлеченій. А отсутствіе просвѣщенія подсказываетъ къ исходу изъ скуки грубыя мысли, слова, дѣла, пошлыя и часто отвратительныя забавы, пьянство. Созидаетъ привычку къ чисто физіологическому быту, со всею его принижающею простотою и, часто, прямо-таки звѣрскими и скотскими пороками, которые становятся такъ обыкновенны, что ихъ даже не стыдятся, какъ дѣйствія, а ужъ знать-то о нихъ — непремѣнно всѣ знаютъ... Любопытное, право, это явленіе: какъ первобытный человѣкъ, поставленный въ условія даровой сытости, становится снисходителенъ и равнодушенъ къ условіямъ своей жизни; какъ теряетъ онъ охоту ее улучшать, украшать, и, наконецъ, доходитъ чуть не до ненависти къ самой мысли о какой-либо перемѣнѣ въ своемъ физіологическомъ существованіи, а, въ особенности, къ идеѣ всякаго добровольнаго труда... Вспоминая Барышъ, я всегда съ печалью опыта думаю о томъ, какъ легко и дешево покупается человѣкъ въ рабы... Почти четверть вѣка прошло тогда съ освобожденія крестьянъ, а я не увѣрена: если бы Павелъ Петровичъ разрѣшилъ себѣ всѣ старыя злоупотребленія крѣпостного права, — приняла ли бы его дворня это возвращеніе сколько нибудь энергическимъ протестомъ? Павелъ Петровичъ былъ, по своему, человѣкъ гуманный: руга-

тель записной, но не драчунъ. Но — что онъ говорилъ и слугамъ своимъ, и приживаламъ! что онъ говорилъ! Стѣны краснѣли, слушая, фигуры на картинахъ поднимали руки, чтобы уши заткнуть... И никогда никто не то, что не оборвалъ, не остановилъ его даже намекомъ. Слушали, хихикали, подобострастно снося грубѣйшія издѣвательства, низводившія личность человѣческую на уровень скота, не щадившія ни самого человѣка, ни жены его, ни дочери, ни матери. Марья Михайловна, наоборотъ, никогда не бранилась, не издѣвалась, и языкъ у нея былъ чистый, какъ и мысль; о ней никакъ нельзя лась ихъ нравственно принизить. Но — женщина грубыло сказать, чтобы она не уважала людей и старабой среды и безъ всякаго образованія — она серьезно считала физическую расправу благотворнымъ воспитательнымъ средствомъ и била провинившихся горничныхъ такъ же, какъ и насъ, съ тою разницею, что побитой горничной иногда выбрасывался потомъ двугривенный, другой, а намъ такого утѣшенія не доставалось... И — за какія же благополучія люди продавали свое терпѣніе и обрекались на безправіе? Крыша надъ головою, тепло и мѣсто на нарахъ, нѣсколько горстей пшена или гороха съ саломъ ежедневно, кусокъ убоины въ праздники, чарка водки, кое-какая одежонка, изрѣдка дешевый подарокъ. Я не думаю, чтобы содержаніе одного человѣка обходилось въ Барышѣ дороже 6 — 8 копѣекъ въ день. И не помню, чтобы многіе, не довольствуясь тѣмъ, что господа даютъ, прирабатывали на свое существованіе свободными ремеслами. Да и кому бы ихъ ремесла въ медвѣжьемъ углу были нужны? куда бы они свои произведенія сбывали? Жилъ у насъ

портной: смолоду былъ закройщикомъ у Сиже въ Москвѣ, а въ Барышѣ забылъ, кажется, даже какъ нитку вдѣваютъ въ иголку,—стыдно было взглянуть, какими неуклюжими чудовищами рядилъ онъ нашихъ мужчинъ. Ужъ именно будто первый портной, который шилъ еще хуже Тришки, шившаго на Митрофанушку Простакова! Жилъ столяръ: его работы заслужили малую серебряную медаль на ремесленной выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, а у насъ онъ спился отъ скуки и — за десять лѣтъ, что его помню, — хоть бы стулья новые сдѣлалъ, что ли, вмѣсто разрозненныхъ чурбашковъ, которыми мы пользовались... Если порождалось какое-либо недовольство и бунтовское настроеніе, то у мужчинъ оно легко прекращалось чаркою водки, а женщинамъ еще легче «заговаривали зубы» Соломонида Степановна или сама барыня... Одно пріятное могло быть въ этой жизни: что мелочное распредѣленіе несложнаго труда освобождало для лѣни человѣческой досуги огромнѣйшей праздности; а неплатежи жалованья и вообще нехватка денежныхъ знаковъ въ оборотѣ дома вознаграждались со стороны домовладыкъ такою снисходительностью къ вопросамъ морали, какую, въ наше время, врядъ ли гдѣ возможно встрѣтить, кромѣ уголовной тюрьмы. Можно смѣло сказать: все, что не клонилось къ прямому ущербу дома и господъ, было если не дозволено, то и не запрещено, какъ бы оно, само по себѣ, ни было дрянно и пакостно!.. На пьянство и развратъ въ этой задешево купленной, добровольно рабской, средѣ смотрѣли, какъ на неизбѣжное зло, которое не заслуживаетъ ни борьбы, ни даже серьезнаго разговора.

Мнѣ еще повезло счастье въ томъ отношеніи, что дѣвочка и потомъ дѣвушка, приставленная чуть не съ колыбели быть спутницей моей жизни, красавица наша Маша, была отъ природы замѣчательно чистымъ и цѣломудреннымъ существомъ. Къ ней какъ-то грязь не липла. Кромѣ хорошаго вліянія и сдерживающаго примѣра, я изъ ея службы и дружбы ничего не могла почерпнуть. Но изъ другихъ сестеръ ни одна не была счастлива въ той же мѣрѣ, а иныя оказались и исключительно несчастными, попавъ на попеченіе и въ компанію скорѣе двуногихъ звѣрюшекъ, чѣмъ женщинъ. Наша дѣвичья вспоминается мнѣ, какъ вѣчно кипяшій и шипящій котелъ старыхъ и молодыхъ вѣдьмъ съ Лысой горы: лживыхъ, безчестныхъ, злобныхъ доносчицъ и наговорщицъ, мелкихъ интриганокъ и сплетницъ ради интриги и сплетни, рано развращенныхъ и почти сплошь преданныхъ либо явному распутству, либо тайному пороку, распространенному съ такою свирѣпою повальностью, что чуждавшихся его считали «дурами» и чуть не презирали. Надъ Машею въ дѣвичьей прямо-таки издѣвались и не любили ее за то, что она жила цѣломудренно и, какъ холодная красивая рыбка, ловко и счастливо ускользала отъ поползновеній усадебныхъ волокитъ, начиная съ самого барина Павла Петровича. Скажите, молъ, какая принцесса! Для кого бережешь-то себя? Бубновый король, что-ли, за тобою изъ Китая въ раззолоченной каретѣ пріѣдетъ?.. Бубновый король за Машею не пріѣхалъ, но—замужъ она, благодаря красотѣ своей, вышла, дѣйствительно, выше своего сословія и замѣчательно счастливо: въ ту же семью образованныхъ купцовъ Каря-

гиныхъ, одинъ изъ которыхъ женился на старшей моей сестрѣ Наташѣ... Мужъ Машинъ, человѣкъ чрезвычайно способный и симпатичный, потомъ очень разжился, пріобрѣлъ въ уѣздѣ большое вліяніе, и—какъ Машѣ, такъ и ему, двѣ изъ нашихъ «меньшенькихъ» впослѣдствіи, послѣ смерти Павла Петровича Крѣпышева и захвата его владѣній въ чужія руки, были обязаны и пріютомъ, и образованіемъ, и первымъ направленіемъ житейской карьеры.

Удивительно могущественная вещь — традиція! И мама наша, и такъ любимая нами, и искренно доброжелавшая намъ, благодушная няня Алена, и суровая, но умная Соломонида Степановна, всѣ очень хорошо понимали, что постоянное наше общеніе и якшаніе съ дѣвичьей — въ воспитательномъ смыслѣ — ядъ злѣйшій и до добра не доведетъ. И, однако, ни одна изъ нихъ не сдѣлала даже попытки поставить хоть малую перегородку между нашимъ міромъ и нижнимъ полуподвальнымъ этажемъ, гдѣ ютился мірокъ швей, горничныхъ, стряпухъ, прачекъ, судомоекъ,—всего нашего женскаго хозяйства... Мало того. Не только пропасть эту отъ насъ не огораживали, а еще и собственными руками въ нее толкали. Когда которая-либо изъ насъ впадала въ проступокъ, требовавшій кары, большей, чѣмъ обычное, мимолетное «внушеніе отъ руки», маменька прибѣгала къ нелѣпѣйшему и вреднѣйшему наказанію, въ видѣ ссылки провинившейся дочери на день, на два, на три,—глядя по размѣрамъ проступка,—въ дѣвичью. Здѣсь она должна была жить и работать наравнѣ со всѣми служащими дѣвушками, находясь въ полномъ распоряженіи Соломониды Степановны,

царицы этихъ мѣстъ, и не показываясь, въ теченіе срока, на господскій верхъ. Не знаю, сама-ли мама это придумала, или кто ей присовѣтовалъ, но ссылка въ дѣвичью была у насъ въ частомъ ходу. Какъ устрашающая мѣра, она никуда не годилась. Въ дѣвичьей, среди молодыхъ и веселыхъ женщинъ и дѣвушекъ, было не скучно, а недолгая перемѣна быта,—да, правду сказать, ужъ такъ ли много отличался онъ отъ нашего собственнаго?—была даже занимательна. Поэтому иныя изъ насъ прямо-таки любили эту ссылку и нарочно накликали ее на себя, ради развлеченія. Что же касается исправительнаго значенія, скажу, что изъ всѣхъ многочисленныхъ золъ, которыми былъ такъ богатъ несчастный нашъ домъ, эта мѣра вліяла на нашъ умственный и нравственный уровень наиболѣе вреднымъ и принижающимъ образомъ.

Я только однажды подверглась ссылкѣ въ дѣвичью и пробыла тамъ всего лишь съ полдня до вечера. Послѣ ужина мать прислала мнѣ прощеніе и приказала идти спать къ себѣ въ комнату, на верхъ. Такъ что я не испытала этого веселаго несчастья въ полномъ его объемѣ. Но сестры Даша, Агаша и Соня извѣдали его неоднократно и на гораздо большіе сроки. А первую изъ нихъ, угораздившуюся разбить любимый маменькинъ чайный сервизъ настоящаго китайскаго фарфора, маменька имѣла безразсудство выдержать при дѣвичьей, на швейной работѣ, цѣлыя двѣ недѣли. Онѣ оказались роковыми для бѣдной Даши. За срокъ своего изгнанія, она, какъ дѣвушка очень легкомысленная и не очень умная, успѣла сдружиться съ самыми худшими элементами дѣвичьей, подпала подъ ихъ

вліяніе и вернулась къ намъ на верхъ неузнаваемою. Вмѣсто дѣвушки, до сихъ поръ, пожалуй, дѣйствительно, нѣсколько черезчуръ проказливой, но, по существу, чистой, искренней, кроткой, довѣрчивой, подвальная школа возвратила намъ «халду», какъ обозвала ее, разозленная собственнымъ своимъ твореніемъ, маменька. Дѣвушку съ взглядомъ бродяги или воровки—скрытнымъ, наглымъ и недобрымъ; съ языкомъ, безмолвнымъ въ присутствіи мамы, няни Алены или Соломониды Степановны, и грубо распущеннымъ, когда мы, сестры, оставались однѣ; съ затѣями злыхъ и дрянныхъ шутокъ, лишенныхъ всякой иной цѣли, кромѣ, какъ досадить и сдѣлать непріятность какой-либо изъ предержащихъ властей нашего дома, хотя бы это была кроткая и всѣхъ насъ пригрѣвающая и жалѣющая, няня Алена; съ памятью, набитою амурами всей усадьбы, начиная съ похожденій собственнаго своего родителя; съ воображеніемъ, отравленнымъ свиданіями, подсмотрѣнными сквозь щелки въ стѣнахъ чулановъ или частоколы огородовъ; съ раздразненнымъ, порочнымъ любопытствомъ, для котораго въ стѣнахъ нашего дома, къ несчастью, было слишкомъ много пищи... Въ нашей компаніи,—хотя вовсе не мудрой какой-нибудь и притязательной, а напротивъ, по своему тоже грубоватой, но въ которой тонъ все-таки задавала умненькая и получившая лучшее воспитаніе сестра Наташа,—сестрѣ Дарьѣ теперь стало уже скучно и прѣсно. Ее все тянуло внизъ, къ новымъ подружкамъ, похохотать и позубоскалить на темы, неудобныя на господскомъ верху. А чтобы быть тамъ лучше принятою, она стала поворовывать и носить пріятельни-

цамъ сахаръ, чай, ..офе, бѣлыя булки... Потомъ пошла дальше и принялась уже подхватывать ленточки, пуговицы, бантики, запонки, забытые или оброненные пятачки и гривенники... Ее ловили, ругали, били, а она, какъ ни въ чемъ не бывало, вывиралась, глядя въ глаза, съ нахальствомъ отрицая вину, даже если была поймана на мѣстѣ преступленія и съ поличнымъ въ рукахъ. Воровство съѣстныхъ припасовъ у насъ, впрочемъ, вообще, было не въ рѣдкость... Что дѣлать? Кормили плохо, а молодые желудки требовали питанія. Дашу въ нашей средѣ считали, конечно, отпѣтою и отчаянною, но, втайнѣ, мы завидовали ея удали, что весело она живетъ, не такъ, какъ мы. Она была для насъ живымъ романомъ приключеній, который, разыгрываясь въ нашихъ семейныхъ стѣнахъ, конечно, былъ много ближе намъ и интереснѣе всякой тамъ Елены съ болгарскимъ студентомъ... А Даша, чувствуя себя героинею, нашимъ Стенькою Разинымъ или Ванькою Каиномъ въ юбкѣ, щеголяла своею отпѣтостью, взводя на себя самыя грубыя и безсмысленныя небылицы и, въ особенности, налыгая на себя десятки любовныхъ похожденій. При этомъ, мы очень хорошо знали, что она все лжетъ, такъ какъ иногда героемъ ея мнимыхъ приключеній оказывался человѣкъ, находившійся въ это самое время въ губернскомъ городѣ, въ Москвѣ, либо на Нижегородской или Ирбитской ярмаркѣ... Но намъ нравилось ей вѣрить, и мы дѣлали видъ, что вѣримъ, и такъ какъ она была великолѣпная разсказчица, то, въ концѣ концовъ, мы увлекались и едва ли—и въ самомъ дѣлѣ—не начинали ей вѣрить. А ужъ что она сама-то себѣ вѣрила въ эти минуты,—

въ томъ для меня нѣтъ никакого сомнѣнія... Когда впослѣдствіи я видѣла въ Московскомъ Художественномъ театрѣ «На Днѣ» Максима Горькаго, несчастная Настя, съ ея Гастошей въ лаковыхъ сапожкахъ, напомнила мнѣ несчастную сестру мою Дашу. Только, къ сожалѣнію, бредъ послѣдней не былъ такимъ идеалистическимъ, какъ Настинъ... Однажды, наша фантазерка долгалась наконецъ до настоящаго большого несчастія, которое, какъ буйнымъ вихремъ, вынесло ее изъ родного дома и умчало, точно царевну на крыльяхъ Змѣя Горыныча,—куда?—неизвѣстно... Случилось это вскорѣ по кончинѣ нашей матери, когда разжалась въ смертной истомѣ суровая, но любящая рука, умѣвшая обуздывать и сдерживать этотъ истерическій характеръ... Будь мать жива, Даши, можетъ быть, и доискались бы, но въ новой семьѣ Павла Петровича прилагалось больше заботъ къ тому, чтобы насъ, дочерей Марьи Михайловны, оставалось въ домѣ поменьше; а—какими способами будетъ наше множество таять и исчезать, объ этомъ мало раздумывали... Ушла,—ну, и тѣмъ лучше! Полиція искала и не нашла,—ну, и не надо!.. По всей вѣроятности, Даши давно уже нѣтъ въ живыхъ,—поди, и косточки давно сгнили гдѣ-нибудь въ невѣдомой безыменной могилѣ... И—пусть жестокосердою слыву: это лучшее, чего я могла бы ей пожелать, и, чѣмъ скорѣе настигъ ее смертный конецъ, тѣмъ я считала бы ее счастливѣй... И именно потому, что я любила Дарью... Бываютъ на свѣтѣ такіе хорошіе люди безъ ума и характера: когда они умираютъ, терять ихъ — жалко и тяжко; но, все-таки, пожелать имъ смерти значитъ спасти ихъ отъ жизни,

для которой они не годятся, потому что злоба и ехидство ея порабощаютъ ихъ и, комкая воскъ ихъ слабой души, лѣпятъ изъ него страшные оттиски ихъ окружающихъ чудовищъ...

Чѣмъ-бы ни кончила Даша, грѣшный и несчастный образъ ея, въ моей памяти, далеко не самый печальный и темный символъ крѣпышевской атмосферы. Чтобы оцѣнить вполнѣ ея химическій составъ и какіе она способна была выращивать фрукты, надо было знать гордость нашей фамиліи, самую старшую сестру, Евлалію Павловну, выданную въ 187* году за Ивана Яковлевича Черномордаго, весьма пожилого и совершенно разореннаго генералъ-маіора въ не совсѣмъ-то вольной отставкѣ. Эта Евлалія слыла не только въ злыдничающемъ сосѣдствѣ, но и въ семьѣ, среди насъ, сестеръ, подъ двумя кличками. По мужу ее почтительно звали въ глаза «вашимъ превосходительствомъ», а за глаза «генеральшею», но въ шутку, либо со зла и, ужъ, конечно, только за глаза, «буфетчицею». Происхожденіе второй клички обличительно комментировалъ весьма некрасивымъ лицомъ своимъ старшій сынъ нашей «генеральши», Ѳеденька, рожденный Евлаліей на седьмомъ мѣсяцѣ послѣ брака и удавшійся, черта въ черту, въ Ѳому Ивановича, одного изъ безчисленныхъ отцовскихъ приживаловъ. Не помню ни фамиліи этого Ѳомы Ивановича, ни изъ какихъ онъ былъ; знаю только, что у насъ онъ поселился послѣ того, какъ содержалъ буфетъ на какой-то желѣзнодорожной станціи, прогорѣлъ, задолжалъ, обнищалъ и долженъ былъ скрываться отъ долговъ. Отсюда и пошло прозвище «буфетчика», которое онъ получилъ въ нашемъ домѣ съ такою проч-

ностью, что оно совершенно замѣнило ему фамилію. Онъ былъ очень полезенъ мамѣ по домашнему хозяйству, которое понималъ и любилъ. Я была еще слишкомъ мала, когда Ѳома Ивановичъ вошелъ въ нашъ домъ, но старшія сестры всегда говорили съ благодарностью, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ надзоръ за кухнею и кладовыми, у насъ стали лучше и сытнѣе кормить, а стоило это гораздо дешевле. Къ сожалѣнію, свои достоинства честнаго и умѣлаго хозяйственнаго распорядителя и смирнаго, трезваго, неглупаго человѣка Ѳома Ивановичъ помрачалъ неукротимымъ любострастіемъ, — чего въ немъ никто не заподозрилъ-бы, по его довольно-таки угрюмому и щетинистому облику. Тѣмъ болѣе, что онъ былъ кривъ на лѣвый глазъ и хромъ на правую ногу, изувѣчившись такимъ жалкимъ образомъ еще смолоду въ желѣзнодорожномъ крушеніи. Чѣмъ онъ покорялъ женскія сердца, не знаю, но въ дому, въ усадьбѣ, на деревнѣ вѣчно тянулись у него успѣшные романы, по большей части, съ очень видными женщинами. Число ихъ, наконецъ, увѣнчалось и благосклонностью старшей дѣвицы Крѣпышевой. Преданіе гласитъ, что мама сама застала свиданіе счастливыхъ любовниковъ, зайдя въ огромную и темную нашу столовую въ неурочный часъ послѣобѣденнаго зимняго времени; и, сверхъ всякаго чаянія, въ то время, какъ парочка замерла въ ужасѣ, ожидая еще небывалой грозы, отнеслась къ открытію очень хладнокровно.

— Нашли мѣсто!—сказала она съ убійственной иронією.—Отъ тебя, Евлалія, я никогда ничего путнаго не ожидала, но тебѣ, Ѳома Ивановичъ, стыдно: ты чело-

вѣкъ немолодой, опытный, могъ бы постараться—хоть двери-то запереть...

Для Евлаліи почти тѣмъ и обошлось приключеніе, но Ѳома Ивановичъ, конечно, долженъ былъ покинуть нашъ домъ, уступивъ честь и мѣсто Соломонидѣ Степановнѣ, отъ которой и распространилась впослѣдствіи эта исторія, въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Мать, будто бы, увела Евлалію къ себѣ въ угловую, бросила на колѣни и хотѣла бить. Евлалія выставила передъ лицомъ руки и говоритъ:

— Маменька, вы сильнѣе меня, мнѣ съ вами не справиться... Терзайте, какъ хотите, только не изуродуйте: и то не хороша...

Мать озадачилась, отступила—спрашиваетъ:

— Въ кого ты?

А та не сробѣла, отвѣтила:

— Въ васъ.

У Марьи Михайловны опустились руки. Молча указала дочери пальцемъ на дверь и, когда Евлалія вышла, заперлась одна до завтрашняго утра. И съ этого разговора не сказала виновной дочери ничего худого и даже стала съ нею много ласковѣе, чѣмъ раньше...

Но надо замѣтить, что къ любовнымъ увлеченіямъ и проступкамъ маменька, вообще, была чрезвычайно снисходительна: вѣроятно, именно потому, что каждый преступный романъ примѣривала на себя и не имѣла духа казнить другихъ за власть грѣха, которому она сама рабствовала и себя не казнила. Единственно, что, въ подобныхъ драмахъ, могло возмутить ее до гнѣва не прощающаго, это—столкновеніе съ насиліемъ, обманомъ, подлымъ расчетомъ на дѣвичью неопытность,

злымъ использованіемъ невѣдѣнія и слабости. Не женская ревность, а именно эта гнѣвная брезгливость окончательно установила разлучающую стѣну между нею и Павломъ Петровичемъ послѣ смерти несчастной Клеопатры Крѣпышевой. И я уже упоминала, какъ она заставила жениться одного изъ приживаловъ мужа на обольщенной нашей учительницѣ. Это случилось уже на совсѣмъ сознательной моей памяти. Обидчикъ былъ большой нахалъ и далеко не трусъ, удалой наѣздникъ и охотникъ; жениться не имѣлъ ни малѣйшаго желанія и намѣренія. Но, поговоривъ съ Марьей Михайловной наединѣ, вышелъ отъ нея бѣлѣе бумаги и трясясь, какъ осиновый листъ, и свадьбу сыграли въ тотъ же мѣсяцъ. Все это, конечно, было очень великодушно и благородно, но имѣло ту дурную сторону, что и мы, дочери, унаслѣдовали отъ Марьи Михайловны черезчуръ терпимый взглядъ на «свободу пола». Такъ что даже распущенный бытъ Барыша возмущалъ насъ больше внѣшнимъ своимъ безобразіемъ, чѣмъ органическою безнравственностью, которою онъ былъ порожденъ и въ которой сгнивалъ. Водевильныя Агнесы и институтскія невинности, краснѣющія даже при видѣ жаренаго каплуна, очень смѣшны и жалки; но, все-таки, есть области жизни, въ которыхъ для дѣвушки даже полное незнаніе менѣе опасно, чѣмъ слишкомъ много знанія. Мы же, едва выходя изъ отрочества, уже знали даже не слишкомъ, а прямо таки ужасно много —и затѣмъ годы юности проходили для насъ въ жадномъ и тревожномъ любопытствѣ, которое большинству изъ насъ обошлось очень дорого. Тѣмъ болѣе, что

идеаловъ-то было взять неоткуда, а чувственной отравы—море.

Возвращаюсь къ Евлаліи. Замявъ скандалъ, поскольку было возможно, чтобы огласка, все-таки получившаяся, не плыла ужъ черезчуръ громко и вызывающе, мама спѣшно выдала Евлалію за жениха, которому, въ другихъ условіяхъ, навѣрное, отказала-бы, такъ какъ старый генералъ-майоръ Черномордый, кромѣ высокаго чина, не имѣлъ рѣшительно никакихъ достоинствъ, ни мужскихъ, ни даже просто человѣческихъ. Въ отставку онъ вышелъ, проворовавшись по службѣ, во избѣжаніе суда; былъ бѣденъ, разорившись на взятки, чтобы выкрутиться изъ угрожавшей ему отвѣтственности; вообще, являлъ собою не только ничтожество, но даже отрицательную величину, человѣческій минусъ. Если-бы не генеральство, онъ былъ-бы, пожалуй, ничѣмъ не лучше Ѳомы Ивановича, чей грѣхъ выпало теперь на долю ему поправлять. За это «покрытіе» его превосходительство слупило съ родителей моихъ громадное приданое, какого потомъ не дано было уже ни за одною изъ остальныхъ дочерей. Деньги, надо сознаться, не пропали даромъ. Выйдя замужъ, Евлалія сумѣла наложить твердую руку и на нихъ, и на все свое новое хозяйство; сразу забрала стараго мужа подъ башмакъ, воспользовалась свадебною поѣздкою въ столицу, чтобы найти своему генералу выгодную службу по гражданской части, которую затѣмъ всю справляла за него и такъ удачно, что генералъ какъ-бы воскресъ и быстро пошелъ въ гору. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ одну изъ второстепенныхъ губерній средней

Россіи. Здѣсь Евлалія, буквально, царствовала лѣтъ семь или восемь подрядъ до самой смерти генерала. Овдовѣвъ и выклянчивъ пособіе и пенсіи по нѣсколькимъ вѣдомствамъ, она умѣла получить мѣсто директрисы громаднаго богоугоднаго заведенія и, въ этомъ званіи, стала извѣстна въ такихъ высокихъ сферахъ, что—развѣ на аэропланѣ къ нимъ летѣть. Ея дѣвическій грѣхъ съ Ѳомою Ивановичемъ засталъ меня въ возрастѣ лѣтъ семи или восьми, такъ что я совершенно не помню ни этого домашняго скандала, ни самой Евлаліи въ ту пору. Впослѣдствіи же скандалъ не только былъ извиненъ и забытъ, но, изъ всѣхъ старшихъ сестеръ, Евлалія была окружена въ дому нашемъ наибольшимъ почетомъ, уваженіемъ и даже, пожалуй, страхомъ. Мы, среднія сестры, уже не смѣли относиться къ ней, какъ къ равной намъ сестрѣ. Пріѣзжая гостить,—что случалось не часто и всегда имѣло заднею цѣлью выпросить у родителей какую-нибудь прибавочку сверхъ состоявшагося выдѣла,—она держалась съ нами важною, много старшею родственницею и требовала отъ насъ именно такого къ ней отношенія, почтительнаго и трепетнаго, жестоко обрывая каждую попытку къ фамильярности. Достаточно сказать, что я, уже шестнадцатилѣтнею, подходила къ ея рукѣ, чего никогда не дозволили бы другія старшія сестры—ни Елена, ни Евгенія,—хотя тоже гордыя и не любившія насъ, младшихъ. Это одна изъ причинъ, почему мы Евлалію особенно не любили и, льстя «генеральшѣ» въ глаза, втихомолку честили ее «буфетчицею» и многими нелестными именами, матеріалъ къ которымъ давали обильныя сплетни объ ея взяточничествѣ и лю-

бовныхъ похожденіяхъ, доплывавшія до насъ изъ дальняго города, гдѣ она царила. Въ послѣдній разъ, въ юныхъ годахъ, я видѣла Евлалію на похоронахъ нашей матери. Въ это время Евлаліи было уже подъ тридцать лѣтъ, а мнѣ шелъ семнадцатый годъ. Въ своемъ великолѣпномъ траурѣ, Евлалія среди насъ, захудалыхъ провинціалокъ, казалась страхъ какою большою барыней и буквально подавляла насъ своимъ величіемъ. Держалась гордо и неприступно и, изъ насъ, среднихъ сестеръ, удостоила облобызаться только съ Наташею, а намъ, прочимъ, лишь милостиво кивнула головою, изволивъ ласково пошутить, что насъ слишкомъ много—со всѣми здороваться губъ не достанетъ... Какъ намъ это понравилось, надо-ли объяснять? Никогда еще во всѣхъ уголкахъ дома, языки не чесались на счетъ «буфетчицы» съ большимъ усердіемъ и злобой. Кромѣ сына Ѳеденьки, гимназиста лѣтъ уже четырнадцати, и семилѣтней дочки Ани подъ надзоромъ пребезобразной бонны-швейцарки, которая смотрѣла на насъ лютымъ дракономъ и оберегала отъ насъ дѣвочку, точно мы были одержимы оспою или чумою, Евлалію сопровождалъ на похороны совсѣмъ юный и очень красивый, саженнаго роста, офицеръ, баронъ изъ русскихъ нѣмцевъ. Роль его при Евлаліи угадать было не трудно. Наши красавицы, Даша съ Агашею, и маленькая проказница и игрунья Сонька очень зарились на этого молодца: и—потому что, дѣйствительно, былъ хорошъ собою, и еще больше, изъ желанія насолить госпожѣ «буфетчицѣ», посбить съ нея спеси и испортить ей нѣсколько капель крови. Но злополучный фонъ-баронъ оказался такъ хорошо дис

циплинированнымъ въ повиновеніи госпожѣ своей, что не удостоилъ шалуній нашихъ ни единымъ ласковымъ взглядомъ, хотя юною красотою Агаши, въ то время, могъ бы соблазниться даже ангелъ. А сама наша «буфетчица» тогда уже весьма поувяла, да и раньше не была красива, что она, какъ я уже говорила, и сама хорошо сознавала. Смолоду Евлалію еще выручали отчасти оживленное выраженіе смуглаго лица, пламенные черные глаза и сверкающіе бѣлизною красавцы-зубы. Но, все-таки, она почиталась дурнушкою въ нашей семьѣ, что также не могло располагать ее къ сестрамъ, красавицамъ, какъ на подборъ. Мнѣ она запомнилась желтолицею, очень полною дамою-чернушкою небольшого роста, съ двойнымъ подбородкомъ и обвисшими жирными щеками, хранящею на лицѣ такое надменное выраженіе, точно она все время нюхаетъ въ воздухѣ нѣчто дурнопахнущее...

Много лѣтъ спустя, уже отпраздновавъ свой 25-тилѣтній юбилей, кончая свою артистическую карьеру, я, въ Петербургѣ, получила приглашеніе участвовать въ благотворительномъ концертѣ въ пользу одного пріюта, находившагося тогда подъ негласнымъ покровительствомъ самого Побѣдоносцева. Пріѣхавъ къ концерту, я, въ артистической комнатѣ, представлена была начальницѣ пріюта, шарообразной старухѣ въ черныхъ шелкахъ, съ нервнымъ подергиваніемъ головы, кокетливо убранной, подъ чернымъ кружевомъ, красивыми серебряными сѣдинами. Острое выраженіе пронзительныхъ ея глазъ показалось мнѣ знакомымъ, но фамилія, баронесса фонъ ***, не сказала мнѣ ничего. Въ антрактѣ концерта, послѣ того, какъ я была предметомъ безко-

нечныхъ овацій, баронесса, очень свысока благодаря меня за участіе, удостоила жеманно и тонно спросить, между прочимъ,—пою ли я подъ собственною фамиліей или Урошичъ—только мой псевдонимъ? Я отвѣчала, что псевдонимъ.

— Я такъ и думала, — сказала баронесса съ видимымъ удовольствіемъ.— Потому что я васъ не знаю, а между тѣмъ, Урошичи—одни въ Россіи. Это фамилія моей матери.

— Да и моей тоже!—воскликнула я, съ изумленіемъ вглядываясь въ нее.

Тогда она, нѣсколько измѣнившись въ лицѣ, спросила уже съ гораздо меньшимъ удовольствіемъ:

— Могу я узнать вашу настоящую фамилію?

— Въ настоящее время, по второму мужу—Луцбергъ, а урожденная—Крѣпышева.

— Васъ зовутъ?

— Марья Павловна.

Она, съ весьма кислою улыбкою, протянула мнѣ руку и сказала:

— А меня Евлалія Павловна... Я тоже Крѣпышева и, очевидно, ваша старшая сестра...

Дѣйствительно, это была Евлалія, успѣвшая съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, похоронить двухъ мужей. Второй изъ нихъ оставилъ ей баронскій титулъ, что и сбило меня съ толка, иначе я признала бы ее гораздо скорѣе.

Я видѣла, что открыть сестру въ пѣвицѣ, хотя-бы извѣстной, не доставляетъ гордой баронессѣ ни малѣйшей радости, да и сама находила, что встрѣча эта лишняя. Евлалію я никогда близко не знала и не лю-

была; считаться родствомъ спустя 32 года разлуки, въ теченіе которыхъ ни я, ни Евлалія ни разу другъ другу не понадобились, ни разу другъ друга не вспомнили, было бы неискренно и странно... Тѣмъ не менѣе, получивъ отъ нея кислое приглашеніе навѣстить ее по родственному, я, отчасти изъ вѣжливости, отчасти изъ любопытства, была у нея и провела адски тоскливый семейный вечеръ. Ѳеденька Черномордый, котораго я помнила кудрявымъ гимназистомъ, теперь былъ плѣшивымъ сорокапятилѣтнимъ господиномъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, директоромъ какого-то департамента, мужемъ тощей женщины, съ головою, похожею на воткнутый на палку лимонъ, и должно быть, съ лютымъ характеромъ. Рѣдко я видала такіе змѣиные глаза, съ недвижнымъ зеленымъ огонькомъ застывшей злобы, болѣе выразительно сжатый свирѣпымъ безмолвіемъ, тонкогубый, безкровный ротъ. Дѣти этой пары производили очень тяжелое впечатлѣніе. Мальчишка, въ мундирѣ училища правовѣдѣнія, несносно ломался, строя изъ себя то реакціонера въ семнадцать лѣтъ, то ницшеанца и декадента. Но онъ, по крайней мѣрѣ, не казался больнымъ. Дочь же, дѣвица лѣтъ пятнадцати, просто ужасала. Она была бы недурна, если бы не зловѣщее сходство съ матерью, обѣщавшее въ будущемъ стать полнымъ тождествомъ. Но худоба ея была уже чисто скелетная, лицо—бѣлѣе бумаги, а подъ глазами такіе обличительные синяки, что, если-бы эта дѣвица присягу приняла, что она не знакома съ тайнымъ порокомъ, я и тогда не повѣрила бы. Что ея мамаша, невѣстка Евлаліи, взаимно съ свекровью, ненавидятъ другъ друга, чувствовалось сразу въ безуко-

ризненной ихъ вѣжливости и любезности между собою: такъ двѣ ласковыя змѣи и переплевывались подслащеннымъ ядомъ. Сперва я приняла было эту ненависть за обычныя ревнивыя отношенія свекрови и невѣстки. Но вскорѣ появленіе одного господина, съ отвратительно правильною физіономіей безукоризненнаго красавца, отразилось въ мертвыхъ чертахъ лимонно-головой муміи неожиданнымъ оживленіемъ, слишкомъ ужъ замѣтнымъ. Я должна была догадаться, что тутъ звучитъ музыка изъ другой оперы, и Евлалія просто страдаетъ за сына, котораго такъ откровенно обманываетъ жена, не трудящаяся даже скрывать своего увлеченія пошлымъ франтомъ. Этотъ послѣдній, оказавшись присяжнымъ повѣреннымъ съ довольно извѣстною иностранною фамиліей и секретаремъ пріюта, которымъ управляла баронесса фонъ *** носилъ на себѣ несомнѣннѣйшій отпечатокъ профессіональнаго альфонса. Мое имя, брильянты и наружность женщины пожилой, но моложавой, произвели на этого барина впечатлѣніе, и онъ принялся довольно навязчиво ухаживать за мною—на всякій случай, не клюнетъ ли и эта пятидесятилѣтняя рыбка. Мнѣ такъ не нравилась m me Черномордая, что я—изъ удовольствія ее позлить и доставить сестрѣ Евлаліи нѣкоторое утѣшеніе въ зрѣлищѣ взбѣшеннаго врага—отвѣчала на прозрачное ухаживаніе противнаго господина тоже довольно прозрачнымъ кокетствомъ. Но, къ удивленію моему, желтый лимонъ отъ того не только не завялъ, а, напротивъ, расцвѣлъ улыбкою и сталъ смотрѣть на меня глазами симпатизирующей ехидны. Зато, обратясь съ какимъ-то вопросомъ къ Евлаліи, я поймала врасплохъ взглядъ самаго

яраго бѣшенства. Ай-ай-ай! Нельзя было сомнѣваться, въ какую ужасную ошибку я попала... Вечеръ совсѣмъ расклеился, и я, просидѣвъ еще минутъ двадцать, какъ на иголкахъ, поторопилась проститься и уѣхать. Евлалія не пошла даже проводить меня. Зато ея лимоноподобная невѣстка осыпала меня любезностями, увѣряя, что никогда ни одно знакомство не доставляло ей большаго удовольствія, чѣмъ—со мною...

А Евлалія отомстила мнѣ довольно подло. Въ одно изъ прошлыхъ нашихъ свиданій, она предложила мнѣ войти въ члены одного весьма аристократическаго благотворительнаго общества, въ которомъ она играла почти распорядительную роль. Членство это мнѣ было ненужно; но я сообразила, что, благодаря ему, могу стать въ извѣстную близость съ великою княгинею, патронессою общества. А это знакомство было весьма важно для поддержки моего плана народной консерваторіи, которымъ я тогда была вся поглощена. Онъ не осуществился,—тѣмъ хуже для тѣхъ, кто не сдержалъ своего слова и не помогъ мнѣ довести его до конца. Но я не забыла его и не покинула и надѣюсь не умереть раньше, чѣмъ увижу завѣтную мечту мою воплощенною въ камень зданія, богатаго прекрасными инструментами, нотною библіотекою и талантливыми людьми, служащими двумъ боготворимымъ мною силамъ: народу и искусству. Моя кандидатура была совершенно налажена, какъ вдругъ я получаю отъ Евлаліи сухую, чтобы не сказать—злобную записку, а въ ней эта старая ревнивая дура «дружески, какъ сестра», совѣтуетъ мнѣ снять свое имя съ баллотировки, потому что многія вліятельныя дамы, которымъ,

къ сожалѣнію, оказалось извѣстнымъ мое небезупречное прошлое, возмущены моимъ намѣреніемъ проникнуть въ ихъ среду. Что касается до моего желанія быть представленною высокой патронессѣ, оно совершенно неисполнимо въ виду того, что я живу врозь съ своимъ законнымъ мужемъ, и по Петербургу ходятъ слухи о моихъ откровенно-близкихъ отношеніяхъ къ композитору де-Марней...

Меня взорвало. Конечно, съ этой минуты—быть избранною въ общество, что раньше меня интересовало очень мало, и представленною великой княгинѣ, безъ чего я тоже легко могла бы обойтись, — стало для меня, на нѣкоторое время, цѣлью всѣхъ моихъ помысловъ. Дочь моя, Евпраксія, опасаясь, что я, въ самомъ дѣлѣ, нарвусь на подготовленный скандалъ, убѣждала меня пренебречь этими пустяками и не тратить напрасно нервы и энергію: они тебѣ еще пригодятся для искусства. Евпраксія почти убѣдила меня, и лишь для очистки совѣсти поѣхала я къ знаменитой драматической актрисѣ С.—посовѣтоваться, по старому знакомству и симпатіи, которую я всегда питала къ ней и къ ея великому таланту, а также и потому, что она была членомъ общества, куда войти я добивалась. С. пылко приняла мою сторону и настаивала, чтобы я ни въ какомъ случаѣ не уступала.

— Хороши мотивы,—говорила она своимъ насмѣшливымъ носовымъ голосомъ.—Если эти баронессы примутся считать мужей, то имъ только и останется, что исключить всѣхъ насъ, а намъ, съ одинаковымъ правомъ, всѣхъ ихъ... И все это выдумки вашей любезной сестрицы... Великую княгиню я знаю уже много лѣтъ...

Она совсѣмъ не такъ неумна и безтактна, чтобы оглашать подобныя фразы... Мы не въ Берлинѣ, гдѣ это лицемѣріе въ модѣ... Если-бы ея высочество, дѣйствительно, держалась такихъ суровыхъ правилъ, ей, въ собственномъ ея интимномъ кругу, пришлось бы отказаться отъ удовольствія принимать такую-то, такую-то, такую-то... Потому что всѣ онѣ тоже живутъ врозь съ своими вѣнчанными мужьями и у каждой изъ нихъ имѣется свой романъ, не менѣе извѣстный въ городѣ, чѣмъ ваши отношенія къ де-Марнею... А всѣ, которыхъ я назвала, ея ближайшія пріятельницы...

Энергія С. зажгла меня на борьбу. Нѣсколько возобновленныхъ старыхъ знакомствъ и удачно сдѣланныхъ новыхъ и два благотворительныхъ концерта, принесенныхъ въ жертву кандидатурѣ, сдѣлали, что на баллотировкѣ меня выбрали двадцатью двумя голосами противъ одного. Кому этотъ одинъ враждебный голосъ принадлежалъ, угадать было нетрудно.

Тогда и я позволила себѣ маленькую месть. Въ качествѣ новаго члена общества, я посѣтила пріютъ, управляемый моею сестрою, и внимательно его осмотрѣла, тщательно выискивая, чего не достаетъ въ его обстановкѣ. А затѣмъ отправились въ мебельный рядъ, выбрала самый лучшій буфетъ, какой могла найти, и отправила его въ пріютъ на имя начальницы, съ запиской, что я въ восторгѣ отъ порядка, въ которомъ нашла заведеніе, но столовая для воспитанницъ показалась мнѣ нѣсколько бѣдна, а потому я и рѣшилась поднести пріюту этотъ вотъ, посылаемый мною, буфетъ. Нахожденіе его въ пріютѣ будетъ пріятно мнѣ уже

тѣмъ, что каждый взглядъ на него будетъ напоминать вамъ, милая сестра Евлалія Павловна, то незабвенное прошлое, когда обѣ мы были сестрами Крѣпышевыми...

Стрѣла моя попала гордой баронессѣ-«буфетчицѣ» въ самое сердце. Тѣмъ глубже, что я обругала ее, хоть и больно, а вѣжливо, и, хоть и во всеуслышаніе, а все-таки, съ глазу на глазъ: кромѣ самаго тѣснаго кружка родныхъ, никто не могъ бы понять, въ чемъ тутъ секретъ и символъ. Отказаться отъ дорогого подарка было никакъ нельзя, потому что о немъ была предупреждена предсѣдательница общества, и буфетъ мой, какъ безмолвный мститель, водворился въ пріютѣ вѣчнымъ упрекомъ зазнавшейся сестрѣ... Объ ярости ея противъ меня мнѣ было неоднократно сообщаемо, но теперь это меня только смѣшило. Къ обществу, въ сущности, мнѣ совершенно ненужному, я, конечно, охладѣла и никогда въ немъ не показывалась больше, отдѣлываясь ежегодными членскими взносами и участіемъ въ концертахъ. Нужно ли говорить, что въ пріютскій концертъ меня уже не приглашали? Съ сестрою Евлаліей я не встрѣчалась съ тѣхъ поръ ни разу. Знаю только, что она жива и еще бодра, и адвокатикъ ея, красавецъ писанный-мазанный, все при ней. Она переживетъ меня. Старше всѣхъ насъ, она переживетъ всѣхъ насъ!

СЕСТРА ЕЛЕНА

Въ январѣ 188* мамашѣ моей, Марьѣ Михайловнѣ Крѣпышевой-Урошичъ, исполнилось сорокъ восемь лѣтъ, а въ апрѣлѣ она произвела на свѣтъ послѣднее дитя свое, дочку Ксенію. Пролежала обычные девять дней въ постели и встала такою молодою, здоровою и красивою, что всѣ мы, просто, повлюбились въ нее. Запасъ силъ, значитъ, былъ огромнѣйшій и жизнь далеко не изжита. Но — человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ. Въ первыхъ числахъ іюня маменька вышла посмотрѣть, какъ плотники перекрывали у насъ во дворѣ старый флигель. Соскользнула у нихъ съ крыши малевка и, въ полетѣ на землю, зацѣпила маменьку острымъ угломъ по животу. Даже не очень сильно, потому что съ ногъ не сбила, и не особенно больно, потому что маменька, только разокъ охнувъ, оправилась въ нѣсколько минутъ и до вечера оставалась весела и здорова. Но въ ночь сдѣлался у нея ужасный жаръ и начались тягостныя рѣзи и боли. Домашнія средства, компрессы, горчичники и припарки не помогли. Все хуже да хуже. Поутру не смогла встать съ постели: поднялась было и — впервые въ жизни — повалилась въ обморокѣ. Кучеръ Никифоръ поскакалъ нарочнымъ въ городъ за докторомъ. Врачей у насъ въ го-

родѣ Никифоровѣ было достаточно: трое. Но два изъ нихъ такіе, что ужъ лучше было бы коновала позвать: старичье, чуть не восемнадцатымъ столѣтіемъ забытое въ жизни и лѣчившее больныхъ средствами едва ли не той же эпохи. Одинъ только тѣмъ и жилъ, что зналъ какой-то чудодѣйственный рецептъ противъ запоя, а такъ какъ въ уѣздѣ этотъ недугъ свирѣпствовалъ эпидемически, то отъ паціентовъ у нашего эскулапа не было отбоя. Другой былъ ханжа и не только пользовалъ больныхъ по разнымъ тамъ аѳонскимъ и соловецкимъ рецептамъ, которые доставалъ отъ бабъ-богомолокъ и бродячихъ странниковъ, но рекомендовалъ противъ зубной боли полоскать ротъ водою, слитою съ иконы св. Пантелеймона, противъ желудочной — лампадное масло со Святыхъ Горъ и т. п. Третій врачъ — Андрей Васильевичъ Масловъ — былъ молодой, талантливый и дѣльный; но, по службѣ уѣзднаго врача, заваленъ былъ дѣломъ, а такъ какъ, въ провинціальной скукѣ, угораздило его согрѣшить глупою и неудачною женитьбою, то пилъ бѣдняга почти что безъ просыпа. Словно зарокъ себѣ далъ — поскорѣе отправить себя, черезъ алкоголь, либо въ преждевременную могилу, либо — въ сумасшедшій домъ. Прискакалъ Никифоръ къ Андрею Васильевичу, а тотъ въ отъѣздѣ. Покуда Никифоръ, его разыскивая, метался по уѣзду, мы испробовали на мамашѣ, кажется, всѣ пыточныя средства, какими только располагаетъ русская домашняя медицина: совсѣмъ сварили ее горячими припарками, банки тавили, кровь бросили... Оказалось потомъ что всѣмъ этимъ мы ее только убивали, но какъ же быть то? Человѣкъ страдаетъ, что-нибудь надо сд

нимъ дѣлать, а всѣ мы невѣжды, и въ домѣ — не то, что свѣдущаго человѣка для первой помощи, — хоть бы лѣчебникъ какой-нибудь сносный нашелся. Попались какіе-то лекарственные совѣты въ крестовомъ календарѣ Гатцука: давай ихъ примѣнять!.. Одинъ не помогаетъ, другой пробуемъ, — такъ, въ порядкѣ, по номерамъ сверху страницы книзу. Да нельзя и винить: такъ мучилась маменька болями, что кто какой совѣтъ ни подай, за всякій схватишься; хоть, можетъ быть, и глупо, а, вдругъ, молъ, чудомъ, авось, больной полегчаетъ. А главное, сама она нѣсколько минутъ обождетъ, потерпитъ, прислушиваясь къ новому средству, не помогло ли,—и, хоть на нѣкоторое время, перестанешь слышать ея ужасный жалобный стонъ, видѣть страшныя метанія могучаго страдающаго тѣла и чудовищныя искаженія прекраснаго дорогого лица въ дьявольскія гримасы. Да я еще самыхъ-то жуткихъ ея страданій не видала. Почувствовавъ себя ужъ очень худо, мамаша не велѣла пускать къ себѣ насъ, дочерей, кромѣ Наташи, — не потому, чтобы любила ее больше другихъ, а потому, что больше надѣялась на ея выдержку и смѣтливость въ уходѣ. Но чему это удаленіе наше помогло? Стоны маменьки раздавались на весь домъ. Казалось, подъ крышею нашею поселился зловѣщій филинъ: воетъ, плачетъ, охаетъ, вздыхаетъ и пронзительно кричитъ, надрывается, съ утра до ночи, съ вечера до утра, и все никакъ не можетъ выревѣть и выплакать грозящей бѣды. Такъ Наташа, няня Алена и Соломонида Степановна и дежурили при маменькѣ поочередно. На третій день болѣзни нашелъ, наконецъ, Никифоръ Андрея Васильевича гдѣ-то на вскрытіи, схватилъ, умо-

лилъ и привезъ — измученнаго безпощадною трепкою по огромному участку съ отвратительными дорогами и совершенно ошалѣвшаго отъ десятковъ больныхъ, которыхъ онъ пересмотрѣлъ за эти дни уѣздной своей побывки. Сразу, какъ съ телѣжки спрыгнулъ, объяснился:

— Ты, говоритъ, Павелъ Петровичъ, извини: я прежде всего, напиться долженъ... А то у меня мозги въ яичницу смѣшались... гдѣ я и съ кѣмъ я — ничего не пойму...

Къ счастью, поправлялся онъ недолго: въ какія-нибудь двадцать минутъ, вдвоемъ съ Павломъ Петровичемъ, графинъ высосали. Хоть и не къ мѣсту, а надо про этотъ графинъ разсказать, а то послѣ забуду. Былъ онъ старинный, огромный, граненый, богемскаго хрусталя, а внутри его сдѣланъ былъ хрустальный же пѣтухъ, съ разинутымъ клювомъ, и тоже полый, — графинъ въ графинѣ, значитъ. Очень хорошая работа, старинная. Потомъ я искала такой для капельмейстера, Владимира Владимировича Сонина, друга моего любезнаго, но нигдѣ не могла найти въ продажѣ, а только видѣла подобный же въ Прагѣ, въ народномъ музеѣ. Ну, вотъ, и наливалъ Павелъ Петровичъ — всегда собственноручно — этотъ графинъ водкою, покуда она не покрывала гребешокъ пѣтуха, — входило значительно больше двадцатки. А потомъ Павелъ Петровичъ бродилъ по дому и всѣмъ своимъ приживаламъ плакался:

— Горе у меня въ домѣ, судари вы мои: любимый пѣтухъ залился... Идемъ, что-ли, судари мои, Петеньку выручать...

Выпьютъ по единой, пѣтухъ гребешокъ покажетъ, — они и рады, хохочутъ: выглянулъ Петенька! Особенный же восторгъ вызывало, когда пѣтухъ начиналъ изливать водку уже изъ своего стекляннаго нутра:

— Спасенъ, Петенька, спасенъ! Оживаетъ пѣтушокъ, оживаетъ!

Высушатъ графинъ, — тогда начинается другая игра:

— Петька! мерзавецъ! какъ ты смѣешь на меня наглымъ зракомъ взирать? Или я тебѣ, пѣтуху, уже не баринъ? или я тебѣ, такому-сякому, не господинъ? Неблагодарная ты скотина, не нашего Бога бя! Мы тебѣ, собственныхъ животовъ не жалѣя, твою гнусную птичью жизнь спасли, да ты же противъ насъ озорничаешь?

Безмолвствуетъ стеклянный пѣтухъ.

— Такъ ты еще и упорствовать? Ахъ, каналья! Сударь вы мои! Глядите всѣ, до чего дошло развращеніе нравовъ: сколько Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ обиженъ отъ собственнаго своего пѣтуха, въ собственномъ своемъ домѣ.

И плачетъ.

Какой-нибудь запѣвала приживалъ сейчасъ же — навстрѣчу его слову — утѣшитъ:

— Предлагаю судить Петьку за дерзость военнымъ судомъ!

— Вѣрно! — кричитъ Павелъ Петровичъ, — судить его! именно, сударь мои, судить подлеца! Судомъ скорымъ, несправедливымъ и немилостивымъ!

Судятъ Петьку и единогласно приговариваютъ къ утопленію. Опять заливаютъ Петьку водкою выше гребешка... Пауза.

— А не поспѣшили ли мы, Павелъ Петровичъ? — запѣваетъ другой приживалъ. — Какъ будто не совсѣмъ по артикулу поступили? Подсудимому оправдаться не дали. Можетъ быть, не такъ ужъ былъ виноватъ...

— Теперь, братъ, все равно уже: ау! захлебнулся! поздно!

— А, можетъ, онъ еще не вовсе залился, живъ? Спасемъ Петю, Павелъ Петровичъ, пускай скажетъ свое послѣднее слово, чтобы совѣсть была чиста.

Спасутъ — и опять утопятъ: зачѣмъ — ему слово предоставлено, а онъ судъ оскорбляетъ невниманіемъ —молчитъ? И такъ-то, когда пойдетъ въ ходъ это водочное правосудіе, то уже до поздняго вечера. Всѣ живые пѣтухи давно по нашестямъ спятъ, а горемычный хрустальный все еще, знай, кланяется въ графинѣ, точитъ водку изъ носка...

Спасли Павелъ Петровичъ съ докторомъ пѣтуха, отправился Андрей Васильевичъ осматривать больную. Сразу увидалъ, что надежды мало: воспаленіе брюшины въ самой лютой формѣ, — животъ корытомъ, воды въ немъ чуть не ведро; еще диво, какъ сердце работаетъ и сознаніе держится.

— Помру, Андрей Васильевичъ? — спрашиваетъ маменька.

— Ну, вотъ, помрете! Сперва я вамъ на брюшко ледку положу, подъ ледкомъ у меня померзнете, а потомъ уже будемъ разговаривать, помирать намъ или оживать...

А маменька — съ полнымъ присутствіемъ духа!

— Нѣтъ, ужъ вы, Андрей Васильевичъ, надвое не маните. Я смерти нисколько не боюсь, а если мое дѣло плохо, то надо же приготовиться, пока я въ разумѣ...

— Что же, — говоритъ Андрей Васильевичъ, — мы съ вами другъ друга знаемъ не первый годъ. Вы женщина мужественная, а я Андрей-врачъ, а не Андрей-враль. Вовсе надежды не теряю, но положеніе ваше очень опасное. Отчаиваться не хочу; натурища у васъ богатырская, а натура, когда захочетъ, чудеса творитъ. Но скрывать правды не стану: ежели натура не выручитъ, то аптека моя — пасъ. А готовиться — почему же нѣтъ? Кто въ эти вещи вѣруетъ, — оно никогда не мѣшаетъ...

Маменька поблагодарила его и еще спросила: очень ли больно будетъ умирать отъ этой болѣзни?

Докторъ почесалъ въ затылкѣ и говоритъ:

— Не пробовалъ, но, должно быть, чувствительно...

— Ахъ, — огорчилась маменька, — вотъ это, Андрей Васильевичъ, очень страшно и жаль, потому что я чувствую себя ужасно изболѣвшею и на большія страданія меня можетъ не хватить, и тогда я боюсь умереть въ какомъ-нибудь малодушіи... Ну, да...

И умолкла, будто спохватилась, и показалось доктору, что она какъ-то странно переглянулась съ Соломонидою Степановною.

— Не тревожьтесь, — сказалъ Андрей Васильевичъ, — ежели ужъ, паче чаянія, сужденъ вамъ смертный конецъ, то, покуда будете въ сознаніи, облегчу, чѣмъ могу; настолько-то наша дура-медицина властна: имѣ-

ются кое-какіе наркотики... Ну, а потомъ придетъ коматозъ... тутъ ужъ — ау, маменька! ни сознанья, ни чувства...

Тѣмъ временемъ Никифоръ мчался верхомъ въ Звонаревку къ родителю маменьки, отцу Михаилу. Правду говорятъ, что бѣда одна не ходитъ. Засталъ Никифоръ стараго попа, словно на грѣхъ, какъ разъ послѣ лютой ссоры съ сожительницей. Ходитъ по балкону, красный, глаза кровью налитые; настилъ подъ ножищами скрипитъ и стонетъ. Какъ услыхалъ, что дочь совсѣмъ плоха, разстроился, испугался, уже не красный сталъ, а синій, засуетился, заторопился, захватался, глаза на лобъ лѣзутъ, руки дрожатъ.

Сталъ садиться въ телѣжку, занесъ ногу на колесо, да и — хлопъ: параличъ. Языкъ отнялся, руку и ногу наперекоски онѣмило... Поднимаетъ его Никифоръ, а онъ только пѣною исходитъ, да бурчитъ:

— Зав... зав... зав... завш... зав...

Сложили о. Михаила въ постель. Вмѣсто него, Никифоръ, заѣхавъ въ Никольское на поповку, привезъ отца Алексѣя. Не хотѣли излишне тревожить маменьку, — говорить ей о болѣзни, постигшей о. Михаила. Но, едва маменька увидала зеленое, перепуганное лицо о. Алексѣя, сама сразу догадалась:

— Съ батюшкой что-нибудь худо?

Какъ отъ нея скроешь? Сказали.

Ничего не вымолвила. Долго лежала съ закрытыми глазами, и только лицо судорогами шло — то ли отъ огорченія, то ли отъ терзавшихъ ее лютыхъ болей. Потомъ приказала:

— Выйдите всѣ и попросите ко мнѣ Павла Петровича.

Пришелъ Павелъ Петровичъ, къ счастію, трезвый... Смущенный, перепуганный... Хоть и не ладно они съ женою жили, а, когда подступилъ часъ рѣшительнаго расчета, видно, жалко стало... Ночи не спалъ, все по комнатамъ ходилъ. Приживалы его попрятались, — подсказывало чутье, что, въ этакомъ духѣ, лучше не попадаться ему на глаза; дѣвки-фаворитки, которыя подогадливѣе, изъ дома скрылись, на деревню, либо къ знакомымъ сосѣдямъ... Я очень помню, какъ Павелъ Петровичъ къ мамѣ прошелъ: худой былъ, глаза бѣгаютъ, съ лица краснота спала... Больше часа оставался съ больною съ глаза на глазъ и вышелъ отъ нея, — ступаетъ, какъ слѣпой, и шатаетъ его... красный, заплаканный... Встрѣтилъ Наташу, остановилъ, обнялъ, поцѣловалъ, — бормочетъ:

— Не оставлю... будь спокойна... никому не вѣрь... не оставлю... И сестрамъ скажи... не подлецъ... все, какъ было... не оставлю... Могу быть звѣрь, но не подлецъ... нѣтъ, не подлецъ...

А затѣмъ, такимъ же образомъ, заперлись съ мамашею няня Алена, ключница Соломонида Степановна и Никифоръ... Это совѣщаніе длилось дольше. Докторъ Андрей Васильевичъ сталъ уже тревожиться, что утомятъ они больную, какъ вдругъ выкатывается изъ дверей шаромъ няня Алена, за нею шагаетъ длинными ногами Никифоръ:

— Батюшку къ барынѣ... совсѣмъ барынѣ худо...

Покуда отецъ Алексѣй одѣвалъ эпитрахиль, покуда доставалъ крестъ и требникъ, — подошелъ къ боля-

щей, — анъ, она ужъ безъ сознанія... Пришелъ, значитъ, обѣщанный ей докторомъ коматозъ. Однако, Андрей Васильевичъ почему-то былъ этимъ очень удивленъ и даже какъ бы смущенъ. Находилъ, что ужъ больно что-то скоро подоспѣло... Пытался даже приводить маменьку въ чувство, но Соломонида Степановна его вызвала за дверь и остановила:

— Что вы, Андрей Васильевичъ, напрасно тормошите ее, бѣднягу? Дайте душѣ съ тѣломъ разстаться спокойно... Вѣдь, говорила вамъ барыня, что боится, не было бы больно умирать... Вотъ ее Богъ и помиловалъ, избавилъ отъ напрасныхъ мученій...

— Говорить-то она говорила, —возразилъ докторъ, — но есть у насъ такая врачебная присяга...

— А можете вы, по этой вашей присягѣ, опять ее на ноги поставить и боли ея унять?

— Нѣтъ, по чистой совѣсти, — этого я не могу.

— Ну, вотъ то-то же... Значитъ, и оставьте, не замайте...

И смотритъ ему цыганскими своими глазищами тоже прямо въ самые глаза. Припомнилъ тутъ докторъ, что, когда няня Алена и Никифоръ выбѣжали звать батюшку, Соломонида Степановна оставалась одна съ больною... и не выдержалъ ея взгляда, потупился...

Маменька, однако, жила, то-есть дышала, еще болѣе сутокъ, но ни на секунду не пришла въ себя. О. Алексѣй далъ ей глухое напутствіе. Соборовали безчувственную, точно мертвую бальзамировали. Прощались мы съ нею, — уже какъ къ трупу прикладывались... Всю ночь затѣмъ сидѣли въ сосѣднихъ комнатахъ, ждали... Не вѣрилось, чтобы такой тихій сонъ-

обморокъ могъ вести за собою смерть... все думали, что, вотъ, теперь-то какъ разъ и пошло дѣло на выздоровленіе, сейчасъ проснется и, выспавшаяся, позоветъ, а тамъ и встанетъ...

Но — на разсвѣтѣ, почти уже бѣломъ, — вышла отъ маменьки, изъ угловой, Соломонида Степановна. И лицо у нея, — вотъ и сейчасъ вижу, — черное, будто желѣзное...

— Скончалась... Ступайте которая-нибудь, разбудите барина...

Глаза, будто вывернутые, застыли недвижными бѣлками, бѣлые зубы за синія губы хватаются, ѣдятъ ихъ...

Никогда бы я не повѣрила, если бы не знала навѣрное, что женщина, лежавшая въ гробу, который къ вечеру воздвигся въ нашей парадной залѣ, — наша родная мать. За короткую свою болѣзнь она исхудала, какъ щепка, стала какъ будто меньше ростомъ и совершенно посѣдѣла, — старушкою съ бѣлыми волосами въ могилу легла... Каковы же, значитъ, были ея муки!..

Смерть маменьки внесла въ жизнь Барыша такой жестокій и полный разгромъ, какого не ожидали даже тѣ, кто совершенно понималъ, что домъ только и держится, что ея крѣпкою волею и властнымъ характеромъ. Всѣ растерялись отъ горя и смятенія, очутившись, какъ овцы безъ привычнаго пастыря. Даже Соломонида Степановна, на что сильный человѣкъ, и та ходила, какъ помѣшанная, и не дѣлала никакихъ распоряженій, хотя, кромѣ нея, теперь и распорядиться было некому. Няня Алена — та совсѣмъ стала невмѣняема: свѣта не видѣла, себя не помнила и пластомъ лежала, расплываясь въ слезахъ... О насъ, дочеряхъ, что же и гово-

рить? Мы, кажется, только теперь и поняли, какъ любили мы свою строгую, иногда и грозную даже, мать и что мы въ ней потеряли... Какъ всегда это бываетъ, въ дни похороннаго смятенія, когда людямъ, принадлежащимъ къ дому, не до того, вползли въ усадьбу разныя постороннія бабы-дряни и начали было распоряжаться и разыгрывать роль непрошенныхъ хозяекъ... Одна Маланья Сергѣевна, приказчица, чего накомандовать успѣла было! Если бы не докторъ Андрей Васильевичъ, которому, какъ привычному свидѣтелю множества смертей, такое зрѣлище было не впервые, да не кучеръ Никифоръ, который по мамѣ, можетъ быть, больше всѣхъ горевалъ, но сберегъ разумъ и присутствіе духа, — Богъ знаетъ, чѣмъ бы этотъ хаосъ кончился. Потому что Павелъ Петровичъ — съ момента, какъ увидалъ мертвую жену и затѣмъ вернулся отъ уложеннаго въ гробъ праха ея въ свой холостяцкій кабинетъ, — запилъ жесточайше... И, на этотъ разъ, безъ общества, безъ прибаутокъ, не допуская къ себѣ ни одной изъ своихъ сударушекъ, — въ угрюмую одиночку; только Соломонида Степановна входила къ нему, да графины мѣняла. Главное несчастье, — сразу двѣ главныя пружины быта нашего лопнули: о. Михаилъ въ Звонаревкѣ тоже не оправился отъ удара и лежалъ при смерти.

А дѣти его, мамины братья и сестры, наши дяди и тетки, какъ только прослышали о всѣхъ этихъ бѣдахъ, налетѣли, точно воронье на трупный духъ, и жадной стаей обсѣли и маминъ гробъ, и смертный одръ больного старика. Особенно противно велъ себя консисторскій нашъ дядюшка, Неофитъ Михайловичъ. Ему лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстно было наше незаконно-

рожденное состояніе, и теперь онъ знаніе свое собирался использовать, какъ можно шире, къ своей выгодѣ. Наслѣдовать послѣ мамы эти хищныя птицы не могли, даже при условіи нашей безправности, какъ незаконнорожденныхъ, потому что мама оставила прямыхъ наслѣдниковъ, въ лицѣ нашихъ старшихъ трехъ сестеръ — Евлаліи, Евгеніи и Елены и брата Петра. Ихъ-то законность — казалось бы — была неоспорима, по крайней мѣрѣ, по бумагамъ. Но, когда старшія сестры явились, вызванныя телеграммами, дядюшка Неофитъ, не стѣсняясь, заявилъ имъ, что наслѣдствомъ придется подѣлиться, да и очень, если онѣ не хотятъ всероссійскаго скандала, чтобы поднять который — всѣ документы на лицо и у него въ рукахъ...

— Мнѣ, — говорилъ онъ, покуривая и поплевывая, а голосишка у него былъ тоненькій и жиденькій, а самъ онъ, несмотря на то, что шелъ ему шестой десятокъ, былъ черненькій, маленькій, лобастый, не то жучокъ, не то такъ, чортикъ-мухортикъ, — мнѣ жалѣть-то теперь некого. Въ полѣ встрѣчаться, родней не считаться. Сестра въ гробу, отецъ еле дышитъ, не сегодня-завтра тоже на столѣ будетъ, — имъ, значитъ, отъ скандала, который я подыму, ни тепло, ни холодно... Старики говорятъ: мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай. А вами я, сударыньки мои, какъ хочу, такъ и тряхну, потому что вамъ я никакими родственными чувствами не обязанъ — и, по чистой совѣсти, какая же вы мнѣ родня? — Одно беззаконіе!.. Хотите жить въ мирѣ съ Неофитомъ Урошичемъ, — устроимъ полюбовный раздѣлъ; не хотите — какъ хотите, только ужъ послѣ не пеняйте на меня...

Мужъ Евлаліи, генералъ-маіоръ Черномордый, былъ въ это время уже губернаторомъ. Мужъ Евгеніи, Павелъ Хрисанѳовичъ Боровенко, управлялъ канцеляріей нашего мѣстнаго губернатора и тоже дѣлалъ хорошую карьеру, о чемъ я уже упоминала. Елена вдовѣла, но покойный супругъ ея, полковникъ Костенецкій, оставилъ ей въ наслѣдство большое состояніе и еще большія связи, которыми она всегда могла пошевелить въ свою защиту такъ, что ворогу ея не поздоровилось бы. Однако всѣ эти угрожающія условія дядю Неофита ничуть не устрашили:

— Протекціями, сударыньки мои, — говорилъ онъ, — вамъ меня не смутить. Есть вещи, которыя и министрамъ съ рукъ не сходятъ... А — что вы отъ неправаго брака и, слѣдовательно, послѣ сестры Маши не наслѣдницы, это я хоть передъ царемъ повторю, съ присягою и документами... Всѣ эти родственные подлоги повыведу на свѣжую воду... всѣ-съ!.. Машѣ и отцу хуже не будетъ, а что попа Алексѣя разстригутъ и Павла Петровича на скамью подсудимыхъ посадятъ, это мнѣ, любезныя мои племянницы, рѣшительно безразлично... Даже радъ буду, потому что я человѣкъ нравственный и справедливый, разврата не терплю. Если какой-нибудь сельскій попишка кривитъ своею обязанностью и торгуетъ благодатью, у меня къ нему милосердія — нисколько... А что вы позволяете себѣ грозить мнѣ вашими петербургскими связями, такъ будьте благонадежны: у насъ тоже найдется, кому за насъ постоять... Его высокопревосходительству Константину Петровичу Побѣдоносцеву я имѣю честь быть лично извѣстнымъ, пользуюсь его довѣріемъ и благорасположеніемъ и

близь него тоже не безъ пріятелей живу. Стоитъ мнѣ лишь одно словцо написать Ильминскому въ Казань, — и дѣло мое въ шляпѣ, потому что — сколько мы съ нимъ татарвы окрестили, такъ, просто, ужасъ: до Москвы не перевѣшать! А ежели дойдетъ ваше дѣло до Константина Петровича, то онъ — не изъ такихъ дяденька, чтобы прикрывать романы двоеженцевъ и узаконивать пригульныхъ дѣтей...

Все это мы, среднія сестры, узнали только впослѣдствіи. Всѣ разговоры, переговоры, споры и ссоры совершались помимо нашего вѣдома, а намъ только удивляться приходилось, что, покуда тѣло маменьки пребывало въ домѣ, наши старшія сестрицы и дяденьки Неофитъ и Андрей Михайловичи почти не показывались у гроба, даже на панихиды опаздывали иной разъ. Сидѣли, запершись въ заднихъ комнатахъ, никого къ себѣ не пускали и, Богъ вѣсть, о какихъ тайнахъ совѣщались. Но иногда ужасно шумѣли, такъ что приходилось стучать къ нимъ въ двери, потому что чужіе люди прислушивались и обращали вниманіе... А тетеньки — всѣ онѣ были маленькія и черненькія, желтолицыя, съ быстрыми глазами, у кого какъ черносливъ, у кого какъ коринка, — мышами шныряли по дому и безцеремонно не только разспрашивали о каждой вещи, чья она — маменькина или Павла Петровича, но и, прямо таки, инвентарь составляли: настолько были увѣрены, что маменькина движимость не минетъ ихъ рукъ... Мы видѣли это, но ничего не понимали, да и слишкомъ огорчены были, чтобы разбираться въ ихъ странномъ поведеніи. Тѣмъ болѣе, что хлопотъ были полны руки. Изъ хозяекъ нашихъ сестра Наташа, переутомившись,

слегла въ постель и горѣла въ лихорадкѣ. Няня Алена, тоже совсѣмъ ослабѣвъ съ горя по обожаемой своей госпожѣ, требовала ухода за собой, какъ маленькая. Такимъ образомъ, дѣтская съ меньшенькими осталась почти безъ призора, — и мы, хоть и много насъ было, просто на части разрывались, чтобы всюду поспѣть и все, что въ очередь надо было, справить... Тѣмъ не менѣе, даже въ такихъ попыхахъ, не могли мы не замѣтить, что вся эта, запирающаяся для тайныхъ бесѣдъ, компанія стала страшно груба и презрительна къ намъ, «среднюшкамъ»... Къ дурному отношенію со стороны старшихъ сестеръ мы привыкли, но съ чего вдругъ взъѣлись на насъ дяди и тетки, которые, при жизни мамы, были къ намъ не то, что ласковы, а даже иной разъ до приторности обкармливали насъ лестью? Набрались мы смѣлости и, послѣ одной уже очень наглой выходки со стороны Анны Ивановны, жены дяди Неофита, пожаловались Соломонидѣ Степановнѣ. Послѣдняя, какъ только первые родственники подъѣхали къ усадьбѣ, сразу опомнилась отъ своей растерянности, встряхнулась, взяла себя въ руки и теперь правила хозяйствомъ, какъ прежде, спокойная, самоувѣренная, распорядительная, повелительная, только ужъ очень угрюмая и хмурая. Видно было, что — вотъ — человѣкъ съ большимъ горемъ, точно ржею, на желѣзномъ сердцѣ. Къ намъ она была удивительно внимательна и ласкова, и мы понимали, что это именно въ возмездіе за скверное отношеніе старшихъ сестеръ и маминой родни. Мы пришли къ ней вчетверомъ: Агаша, Даша, я, Соня, — и наперерывъ высыпали передъ нею обиды, понесенныя отъ тетенекъ вообще и отъ Анны Ивановны

въ особенности. Эта желтолицая ехидна, — помимо грубостей и шпилекъ, пускаемыхъ по нашему адресу кстати и некстати, — еще вздумала ревновать насъ — и, въ особенности, Агашу — къ плюгавому своему супругу. Вообще то онъ, дѣйствительно, былъ волокита преизрядный, и мы его пріѣздовъ не любили именно потому, что онъ препротивно злоупотреблялъ правами родственной нѣжности, — ужъ, бывало, цѣлуется-цѣлуется, обнимается-обнимается... такой ласковый дяденька — не найти, хоть весь свѣтъ обойди! Но — теперь-то? въ домѣ, гдѣ на столѣ лежитъ покойница — намъ мать, ему сестра? Нашла же гнусная баба время и мѣсто, и хорошаго же мнѣнія была она о своемъ благовѣрномъ! Слѣдя за Агашею, тетенька, буквально, по пятамъ за нею ходила, глазъ съ нея не спускала. Да и за всѣми нами шпіонила, точно мы вотъ-вотъ что нибудь украдемъ, если еще не украли. Это было противно, досадно, но мы терпѣли, потому что не такіе стояли дни, чтобы ссориться. Но, вотъ, однажды Агаша застаетъ у себя въ комнатѣ тетеньку Анну Ивановну за прелестнымъ занятіемъ: открыла ея комодъ и преспокойно роется въ вещахъ. Съ утра Агаша собственными руками заперла комодъ и ключъ у нея въ карманѣ. Значитъ, тетенька Анна Ивановна мало того, что залѣзла въ чужія вещи, но еще изволитъ орудовать подобраннымъ ключемъ. Что же это? Когда у насъ въ Барышѣ бывало такое? Агаша попробовала замѣтить тетенькѣ, что такъ не водится, но получила въ отвѣтъ окрикъ, что — молода еще учить старшихъ! — и наглое объясненіе, сопровождаемое злобною улыбкою:

— Неофитъ Михайловичъ велѣлъ составить списокъ всѣмъ вещамъ покойной Машеньки, — такъ надо было, загодя, посмотрѣть, не забыто ли что въ твоемъ комодѣ... Вѣдь тебѣ же хуже, если наслѣдники чего нибудь не досчитаются да взыщутся, — какъ тогда отвѣчать?

То-есть другими словами:

— Провѣряю, не припрятала ли ты чего маменькинаго?

Соломонида Степановна выслушала наши жалобы съ большимъ любопытствомъ... Никогда не забуду презрительной улыбки, которую вдругъ выразили ея, опушенныя темными усиками, насмѣшливыя губы и цыганскіе глаза:

— Ахъ, дурни!.. вотъ дурни!.. — сказала она съ выраженіемъ, какъ мнѣ показалось, какой-то удовлетворенной злобы: точно удачно свершилось нѣчто, чего она непремѣнно ожидала и желала — къ ущербу и позору нелюбимыхъ ею людей...

А потомъ изъ насъ — каждую кого поцѣловала, кого по щекѣ, по плечу потрепала, по головѣ погладила — и сказала съ ласкою въ голосѣ, совсѣмъ намъ отъ нея непривычною:

— А вы, дѣвушки (она всегда насъ такъ звала; «барышню» мы слышали отъ нея только, когда она бывала въ гнѣвѣ, и всегда въ сопровожденіи какого-нибудь эпитета, обращавшаго деликатное слово въ грубое ругательство), — а вы, дѣвушки, не обращайте вниманія... Пусть побарствуютъ часокъ... Вы здѣсь свои, а они — на время... Потерпите немного: скоро разъѣдутся...

И вотъ опять я, тридцать лѣтъ спустя, пожилою женщиною, слышу ея голосъ, какъ она вымолвила это съ ядовитою разстановкою:

— Скоро разъѣдутся.

Но—пока-то они разъѣдутся,—а мы-то отошли отъ Соломониды Степановны въ совершенномъ недоумѣніи и неудовольствіи, строптиво ворча, что ужъ это послѣднія времена наступаютъ, если дяденьки и тетеньки взяли такую силу, что и сама Соломонида Степановна не хочетъ или не можетъ вступиться за насъ.

Похороны мамы оставили во мнѣ память мрачную и — помимо всего горя, которое насъ терзало — нехорошую. Какъ-то въ первый разъ увидала я тогда ужъ очень ярко и близко жестокость, пошлость и подлость человѣческую: такое, чего прежде, просто таки, и не подозрѣвала, чтобы существовало подобное на бѣломъ свѣтѣ. Все кругомъ было нехорошо! все! все!.. Единственнымъ свѣтлымъ пятномъ вспоминается, какъ кучеръ Никифоръ никому не позволилъ ни гробъ вытесать и сколотить, ни могилу вырыть для мамы: самъ — своими руками — все сдѣлалъ... и какую красоту, въ своемъ родѣ, устроилъ! Кто ни видѣлъ, ахали, что такого нарядnаго гроба въ околоткѣ и не запомнятъ... И, едва только зарыли маму, къ вечеру на ея могилѣ уже густо цвѣты были посажены, и крестъ поднялся, хмѣлемъ обвитый... А на выносѣ, на похоронахъ, на поминкахъ Никифора и не видать было... словно духъ какой-нибудь незримый виталъ гдѣ-то, да распоряжался любовно, а людямъ себя не обнаруживалъ... Вотъ этотъ — любилъ!..

Похороны, съ внѣшней стороны, вышли великолѣпныя, но и престранныя. Изъ старшихъ нашихъ сестрицъ, Евлалія Черномордая и Елена Костенецкая, чтобы попасть къ намъ въ никифоровскую глушь, должны были непремѣнно прослѣдовать черезъ нашъ губернскій городъ; а Евгенія Боровенко въ немъ и жила, весьма блистая въ свѣтѣ и пользуясь по мужу большимъ вліяніемъ. Такъ какъ всѣ онѣ, въ это время, были уже особы болѣе или менѣе именитыя, а Евлалія — такъ даже и очень, — то съѣздъ ихъ троихъ вмѣстѣ произвелъ въ скучающей губерніи нѣкоторую сенсацію. И вотъ прицѣпились къ нимъ, на любопытную поѣздку внутрь полудикаго края, разные господа и госпожи губернскаго нашего большого свѣта, которыхъ разбирало романтическое любопытство ознакомиться съ такъ странно и много ославленнымъ Крѣпышевскимъ Барышомъ и его чуть не легендарными обитателями. Нѣсколько уѣздныхъ аристократокъ, которыя почитали зазорнымъ знакомство съ Марьей Михайловной живой, теперь нашли необыкновенно симпатичнымъ и умѣстнымъ визитъ къ ней мертвой. Въ числѣ неожиданныхъ гостей наиболѣе важною и почетною была какая-то наша дальняя родственница, изъ Крѣпышевыхъ, — должно быть, очень дальняя, потому что мы никогда досчитаться не могли, которая она намъ вода на киселѣ, седьмая или и того дальше. Нашему мѣстному губернатору она приходилась двоюродною сестрою и теперь пребывала у него на короткомъ гостеваніи; по личному же положенію была и жила безбѣдно—вдовицею съ громкимъ титуломъ, а, главное, слыла фавориткою—и очень вліятельною—одного весьма могуще-

ственнаго петербургскаго сановника. О послѣднемъ я знаю и могу сказать только одно: преотвратительный вкусъ имѣлъ этотъ господинъ, потому что дама его сердца была дурна, какъ смертный грѣхъ, да ужъ и не изъ молоденькихъ. Старшія сестрицы, за исключеніемъ всегда полусонной недвиги Елены, преподло увивались за этою госпожею и, право, не столько мать хоронили, сколько устраивали бытовое представленіе для петербургской залетной птицы. Насъ, «среднюшекъ», старшія не потрудились даже представить своей важной гостьѣ. Но все это были цвѣточки, ягодки ждали насъ впереди.

Я уже разсказывала о томъ, какъ оскорбила насъ своею надменностью, пріѣхавъ на похороны, сестра Евлалія Павловна. Другія двѣ, Елена и Евгенія Павловны,— меньше важничали и поднимали носъ, но, зато, были къ намъ, «среднюшкамъ», холоднѣе льда. А Евгенія, въ особенности стакнувшись съ тетеньками, все время оттирала насъ на задній планъ, въ высшей степени искусно, становясь между нами и всѣми, сколько-нибудь почетными и именитыми, гостями. Такъ что— по милости этихъ трехъ особъ, братца Петра Петровича и тетенекъ съ дяденьками,—мы какъ-то совершенно незамѣтно оказались выпихнутыми изъ родни къ черни и отчужденными не только отъ какого-либо распорядительства печальными похоронными днями, но даже и отъ тѣла матери, три дня ожидавшаго погребенія, пока не съѣхались, по разосланнымъ телеграммамъ, наши аристократки. Дѣлалось это такъ ловко, что, право, даже и придраться было не къ чему, чтобы хоть сцену за то имъ, негоднымъ, устроить, что ли. Еще бы! искусницы!

воспитанныя!.. Чуть которая-нибудь изъ насъ прорывалась яркимъ родственнымъ порывомъ, такъ естественнымъ въ подобныхъ печальныхъ обстоятельствахъ, какъ уже чувствовала—будто чье-то незримое, но сильное плечо мягко, но рѣшительно выпроваживаетъ ее, какъ безправную выскочку, куда-то, какъ говорится, на задній дворъ, къ музыкантамъ... Безъ преувеличенія говорю, что, если бы не вмѣшалась Соломонида Степановна, намъ, просто таки, не дали бы попрощаться съ мертвою матерью. Не знаю, чѣмъ именно осадила она нашихъ нахалокъ, потому что разговоръ между ними былъ съ глаза на глазъ. Но — послѣ этой бесѣды — сестры, хотя уже вовсе перестали замѣчать насъ, бѣдныхъ среднюшекъ, но, по крайней мѣрѣ, съ этого момента исчезли и тѣ незримые локти, которые отпихивали насъ отъ тѣла матери и отъ гостей, заставляя насъ страдать такъ оскорбительно и больно.

Вообще, мы, среднюшки, при всемъ своемъ дикарствѣ и невѣжествѣ, не могли не замѣтить, что со смертью мамы, положеніе наше какъ-то и въ чемъ-то измѣнилось къ худшему, и въ обращеніи съ нами многое у многихъ казалось намъ страннымъ. Много было непонятнаго, что потомъ-то слишкомъ просто объяснилось, но тогда сбивало съ толка, точно бѣсовское наваждение. Самъ Павелъ Петровичъ велъ себя въ отношеніи насъ безукоризненно—пожалуй, лучше, чѣмъ когда-либо. Но его возвратившіеся приживалы и фаворитки—всѣ, чьи грабительскіе и распутные инстинкты только и сдерживались, что страхомъ покойной Марьи Михайловны,—теперь даже не трудились скрывать свое торжество и ломались, будто какіе-то побѣдители въ

лагерѣ побѣжденныхъ. Братъ Петръ, во главѣ этой шайки, откровенно науськивалъ ее на насъ. Намъ говорили въ глаза дерзкіе и двусмысленные намеки, провожали насъ гримасами или хохотомъ за спиною, даже перестали, при встрѣчахъ въ домѣ, уступать намъ дорогу. Приказчица Маланья Сергѣевна, бывшая фаворитка Павла Петровича и самая большая ненавистница покойной мамы, встрѣтилась съ сестрой Лизою, гдѣ-то на переходахъ, наединѣ, и говоритъ ей — ядъ льетъ своимъ слащавымъ сдобнымъ голосомъ:

— А вы не убивайтесь очень-то, Лизавета Романовна... Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, и безъ маменьки не дадутъ вамъ пропасть...

— Позвольте, Маланья Сергѣевна, — озадачилась Лиза, — почему вы меня такъ странно зовете...

Та будто обмолвилась, спохватилась, заторопилась, заплевалась.

— Тьфу! языкъ безъ костей... Извините великодушно, Елизавета Павловна... Дни-то—знаете: хлопотъ, хлопотъ... Вотъ, сію минуту совѣтовалась съ Романомъ Осиповичемъ насчетъ поминальнаго обѣда, — ну, понимаете, навязло въ памяти и перепуталось въ мозгахъ...

А у самой наглые желтые глаза безстыже смѣялись на бѣломъ, какъ пшеничная булка, лицѣ... .

Лиза повѣрила, потому что не поняла обиды. Да, если бы и поняла, то, все-таки, предпочла бы повѣрить. Она была дѣвушка тихая, кроткая, безотвѣтная, совершенно не умѣла представить себѣ, что люди могутъ нарочно обижать другъ друга и дѣлать другъ другу сознательное зло. Потомъ, когда она вышла замужъ

за негодяя-землемѣра, который сгноилъ ее дурною болѣзнью, — она и мужу искренно вѣрила, будто онъ не зналъ, что боленъ, когда женился, и будто болѣзнь эта у него оттого, что онъ гдѣ-то въ гостяхъ напился воды изъ зараженнаго стакана. Странную встрѣчу свою съ Маланьей Сергѣевной Лиза тотчасъ же забыла и, къ сожалѣнію, мы поздно о ней узнали. А къ болѣе зубастымъ изъ насъ,—какъ Соня, Даша, Агаша, да, пожалуй, и я, грѣшная, — эта дерзкая дрянь, хоть и нахалка-баба, не посмѣла подступиться. У чернушки Сони, самой младшей, самой миніатюрной и меньше другихъ красивой изъ насъ, «среднюшекъ», былъ, зато, не языкъ, а бритва, а характеръ—страхъ гордый, строптивый и непокорный. На ногу наступить себѣ, еще маленькою будучи, не позволяла и—даромъ, что моложе насъ, а мы таки и слушались ея, и совѣтовались съ нею въ трудныхъ случаяхъ нашей скучной дѣвичьей жизни, точно съ большою... При этомъ, надо ей отдать справедливость: въ большой нравственной чистотѣ выросла дѣвушка. И было это тѣмъ болѣе удивительно, что, имѣя большую страсть къ хозяйству, она больше, чѣмъ которая-либо изъ насъ, имѣла дѣла съ дѣвичьей. Объ ужасномъ вліяніи этой ядовитой близости я уже говорила. Но, вотъ, должно быть, въ самомъ дѣлѣ, родятся люди съ предрасположеніемъ въ сторону нравственности или порока. И есть такіе, которыхъ хоть съ головы до ногъ облей грязью, а она къ нимъ не прилипнетъ, скатится, точно по стеклу. Равно какъ есть и такіе, которые — точно пылесосъ: помѣсти ихъ жизнь въ обстановку самаго чистаго и красиваго быта,—они все равно найдутъ въ ней какія-нибудь сокровенныя пятна, чтобы втянуть

грязь ихъ въ свои души... И зависитъ это даже совсѣмъ не отъ невѣдѣнія порока. Не меньше насъ, несчастныхъ, знала — «была просвѣщена», какъ мы выражались, — Соня, а скорѣе больше, потому что единственный грѣхъ я за нею вспоминаю,—была неустанная говорунья и великая охотница посплетничать. А какого именно рода сплетни мутили и волновали нашъ подвальный «адъ», уже указывалось: Ванька съ Танькой, Танька съ Ванькой, Васька нехорошо боленъ, Машка брюхата, Павла Петровича вчера видѣли въ бесѣдкѣ съ Ольгушкой-птичницей и т. д., и т. д... — И этакъ-то — во всѣхъ подробностяхъ и самыми грубыми словами—по цѣлымъ днямъ. Однако, грѣшное «просвѣщеніе», погубившее сестеръ Дашу и Агашу, а на меня—имѣю смѣлость покаянія,—наложившее много пятенъ, которыми потомъ жизнь пользовалась, какъ слабыми мѣстами, чтобы прививать къ нимъ свои вредныя бациллы, — это нечистое «просвѣщеніе», будь оно проклято, не тронуло же ни Софью, ни Лизу, ни Наташу. Ну, впрочемъ, послѣдняя, въ качествѣ образованной, получила особыя нравственныя наставленія, имѣла, значитъ, кое-какіе сознательные устои, могла лучше насъ критиковать, что хорошо, что дурно, изъ плывущихъ въ душу впечатлѣній... Да и держалась она нѣсколько особнякомъ отъ насъ, потому что скучновато ей, неутомимой читальщицѣ, было съ нами, малограмотными... А тѣ-то двѣ? Лиза, мужемъ-подлецомъ загубленная, умирая отъ сифилиса, оставалась мыслью, сердцемъ и волею чиста, какъ самый святой и цѣломудренный ангелъ. Соня, изъ безобразнаго нашего дома, перешла въ домъ человѣка, который, какъ бы себя не называлъ, а, въ

концѣ концовъ, былъ просто и только — кабатчикъ. И, однако, не только сама не погибла, но еще и мужа-то обтесала и облагообразила... Одно развѣ: что Софья не совсѣмъ успѣла вырости изъ ребенка въ женщину, — Соломонида Степановна выдала ее замужъ въ пятнадцать лѣтъ съ мѣсяцами, до законнаго церковнаго совершеннолѣтія оставалось еще нѣсколько недѣль... Однако, это я уже опять впередъ забѣжала, разскажу потомъ... И какая мать прекрасная вышла изъ нашей Сони! Жаль только, — недолго жила на свѣтѣ...

На кладбищѣ, когда гробъ, успокоившись на днѣ могилы, исчезалъ подъ черными комьями грохочущей земли, и пѣвчіе пѣли «вѣчную память», Лиза упала въ обморокъ, съ Сонею сдѣлалась истерика... Петербургская важная дама, видя это, спросила сестру Евгенію Павловну:

— Кто эти бѣдныя дѣвушки?

Я стояла близко, а онѣ меня не видѣли. И, вдругъ, ушамъ не вѣря, слышу я, — Евгенія Павловна объясняетъ:

— Ахъ, знаете, покойная была такъ добра: вѣчно окружала себя бѣдными дѣвочками-сиротами...

Дама сказала, что это чрезвычайно похвально, а страстная привязанность къ своей благодѣтельницѣ, которую обнаруживаютъ дѣвушки, дѣлаетъ имъ честь... И затѣмъ онѣ заговорили на французскомъ языкѣ, мнѣ въ тѣ годы непонятномъ... Я горѣла отъ гнѣва, изумленія, негодованія, но—не заводить же ссору у незасыпанной могилы... Когда печальная церемонія была кончена, и возвращались мы изъ Никольскаго — я, Агаша, Соня и Лиза—въ одномъ рыдванѣ, я разсказала

сестрамъ, какой сцены была свидѣтельницею. Агаша и Соня пришли въ совершенное бѣшенство.

— Ахъ, такъ эти гордячки уже до того стыдятся насъ предъ своими знатными знакомыми, что отрекаются отъ рода и племени... Ну, хорошо же! Подождите! Этому не бывать!..

И — послѣ поминальнаго обѣда — выбравъ минуту, когда именитая гостья, вставъ изъ-за стола, была окружена нашими непріятельницами и другими почетными гостями, наша неустрашимая Софья подхватила подъ руки меня и Агашу и — прямо грудью — пошла на врага:

— Извините, — говоритъ, и громко, ясно, на весь залъ, — вамъ позабыли насъ представить, а мы сами, какъ дѣвочки молодыя, не имѣли этой смѣлости... Вы спрашивали, кто мы такія, а вамъ сказали, будто мы — сиротки, воспитанницы Марьи Михайловны... Такъ позвольте сказать, что вамъ солгали: мы совсѣмъ не воспитанницы Марьи Михайловны, а ея дочери... да! и я дочь, и эта вотъ дочь, и та, и та... Совершенно такія же дочери, какъ госпожи, которыя съ вами рядомъ... А затѣмъ извините... Агаша, Маша, идемъ!

Повернулись и пошли. А кругомъ — люди съ разинутыми ртами, выпученными глазами, и—точно статуи... Ужасно вдругъ пріятно и весело стало: точно—камень съ души свалился и сразу мы подросли и изъ маленькихъ стали большія. Слышимъ: мертвая тишь за нами, а мы не обертываемся, идемъ. Слышимъ: зашумѣли... гостья что-то спрашиваетъ, Евгенія что-то лепечетъ... А мы не обертываемся, идемъ... И, вдругъ, Павла Петровича пьяный-препьяный голосъ:

— Конечно, дочери, судари мои... Молчать!.. Оставь! Кто смѣетъ меня дергать?... Непоколебимо!... Графиня, не сомнѣвайтесь: могу явить до-кю-ма-ны... Евгенія злыдня и все вамъ наврала...

А та уже оправилась, набралась наглости и возражаетъ, какъ ни въ чемъ не бывала:

— Помилуйте, папенька. И не воображала. Это недоразумѣніе. Я, просто, не поняла графиню. Могла ли я предполагать такую возмутительную небрежность, что вы позабыли представить графинѣ Соню и Лизу, и она спрашиваетъ меня о нихъ? Я думала, что графиня имѣла въ виду Ляличку и Ланичку...

Это были дочери прикащицы Маланьи Сергѣевны, дѣвицы приблизительно тоже въ нашихъ годахъ, очень красивыя, въ мать. И—какъ матери наши ненавидѣли одна другую, такъ и между нами, «среднюшками» Крѣпышевыми, съ этими Ляличкой и Ланичкой, при недурныхъ отношеніяхъ напоказъ, неугасимо тлѣли тайныя зависть, ревность, ненависть и злоба. Благодаря красивой наружности и какъ дочери достаточныхъ родителей, эти дѣвушки легко могли бы выйти замужъ, но онѣ очень важничали и женихами изъ зажиточнаго мѣщанства и мелкаго купечества брезговали, а для лучшихъ приданыя за ними, все-таки, были маловаты. Мать ихъ употребляла всѣ усилія, чтобы вытянуть дочерей въ настоящія барышни, и, такъ какъ онѣ кончили какое-то училище или пансіонишко въ Никифоровѣ, то Маланья Сергѣевна не безъ торжества хвасталась повсюду этимъ превосходствомъ своихъ дочерей надъ нами, горемычными. Это въ ея игрѣ противъ мамаши-покойницы былъ большой и всегда самый вѣрный ко-

зырь. Вотъ, дескать, ты барыня, а я противъ тебя хамка, ты въ Барышѣ властвуешь, а я подчиняюсь; но у меня дочки—законныя и образованныя, куда хочешь ихъ повези, нигдѣ не ударятъ лицомъ въ грязь;—а ты наплодила такого беззаконнаго отродья, что боишься ихъ даже въ школу отдать, и ростутъ онѣ у тебя, какъ трава, и выростутъ неотесанными дурами, и дурацкая, за то, ждетъ ихъ судьба!.. Одѣвала Маланья Сергѣевна дочерей тоже гораздо лучше, чѣмъ водили насъ, — особенно, когда мамаша вдалась въ болѣзненную свою скупость. Были эти полубарышни великія модницы и жеманницы, на насъ смотрѣли свысока, что и не стѣснялись показывать намъ даже въ глаза, надменно и притворно насъ сожалѣя, если не словами, такъ тономъ, минами и взглядами. За глаза же, и того ехиднѣе, говорили, что, изъ всѣхъ насъ, онѣ находятъ возможнымъ дружить только съ Наташею, — остальныя, можетъ быть, и добрыя дѣвушки, но ужасно необразованы, такъ что имъ, Ляличкѣ съ Ланичкой, не компанія... А между тѣмъ, изъ насъ больше всѣхъ именно Наташа ихъ ненавидѣла и, втайнѣ, именно ее—тоже больше всѣхъ — онѣ. При встрѣчахъ, она постоянно рѣзала этихъ модницъ, безжалостно разоблачая въ ихъ «умныхъ разговорахъ» наглѣйшее захолустное шарлатанство и отсутствіе настоящаго образованія, такъ что при ней онѣ помалкивали. Тѣмъ болѣе, что Наташа говорила по-французски довольно порядочно (намъ-то въ ту пору казалось: какъ парижанка!), а онѣ едва плели. Вообще же обратить на себя вниманіе Ланичка съ Ляличкой и любили и умѣли. Объ одномъ петербургскомъ драматургѣ покойный Григоровичъ острилъ, что онъ настоль-

ко ревнивъ къ общественному вниманію, что, когда видитъ похороны, то ненавидитъ покойника—отъ зависти, зачѣмъ люди смотрятъ на колесницу съ гробомъ, а не на него. Такого же приблизительно духа были наши прелестныя соперницы. На похоронахъ мамы Ляличка съ Ланичкой, по обыкновенію, старались, чтобы ихъ всѣ замѣтили и о нихъ спрашивали; и, въ стремленіи выскочить впередъ, такъ несносно кривлялись, являли такое тяжелое и безысходное горе по покойницѣ, которую онѣ всѣ втроемъ—мать и двѣ дочери—терпѣть не могли и считали своимъ злѣйшимъ врагомъ, — что, вотъ, драматическими сценами своими дали теперь Евгеніи Павловнѣ случай выйти изъ труднаго положенія...

Хоть и вывернулась она, однако, петербургская гостья сообразила, что здѣсь что-то нечисто, и стала очень холодна къ нашимъ старшухамъ, храня на желтомъ и безобразномъ лицѣ своемъ кислое выраженіе добродѣтели, возмущенной и оскорбленной тѣмъ, что ее завезли куда-то въ подозрительное мѣсто. Тризна была въ конецъ испорчена, и остальной день до вечера прошелъ угрюмо, неловко и натянуто, будто покойницу не унесли въ гробѣ изъ дома на кладбище, а, напротивъ, съ кладбища въ домъ внесли...

На завтра, по разъѣздѣ гостей—гораздо болѣе спѣшномъ, чѣмъ ожидался,—послѣдовало бурное объясненіе. Евгенія Павловна начала его словами:

— Мало было при жизни маменьку срамить, — воображаете еще и по смерти ея фамилію позорить?

И грянулъ бой!

Если судить по прямому практическому результату, то мы его у старшихъ выиграли. Послѣ крупной и гру-

бой схватки, въ которой нашу сторону приняли Павелъ Петровичъ — что было для насъ очень неожиданно!— няня Алена и Соломонида Степановна, сестры заявили, что онѣ минуты не останутся подъ кровомъ, гдѣ ихъ такъ оскорбляютъ и мѣняютъ на какихъ-то дрянныхъ и дерзкихъ дѣвченокъ, неизвѣстно отъ кого происходящихъ. И, дѣйствительно, уѣхали: Евлалія черезъ день, къ вечеру, Елена съ Евгеніей сутками позже, пообѣщавъ прислать повѣренныхъ для охраны своихъ интересовъ... Но морально мы были совершенно разбиты, унижены, раздавлены, потому что въ бурной ссорѣ этой, съ ужасающей, безпощадной и неопровержимой ясностью, выплыло и утвердилось то, что отъ насъ до сихъ поръ такъ тщательно скрывалось: что мы совсѣмъ не дочери Павла Петровича Крѣпышева и даже не Крѣпышевы, вообще, по «перетятькѣ», какъ наши старшія сестрицы, но просто—именно «неизвѣстно отъ кого происходящія», незаконнорожденныя дѣвицы, прижитыя вдовою ротмистра Марьею Михайловною Крѣпышевою во внѣбрачномъ съ кѣмъ-то сожительствѣ... Ударъ былъ безпощадно жестокъ. Надо отдать полную справедливость Павлу Петровичу: онъ не только сдѣлалъ все, чтобы избавить насъ отъ него, но и пришелъ въ страшное, нечеловѣческое бѣшенство, когда Евгенія, видя, что онъ упорно держитъ нашу сторону, пошла, такъ сказать, va banque и поставила эту карту...

— Какое вамъ дѣло?—оралъ онъ,—какъ вы смѣете мнѣ противорѣчить? Мои дочери! Ежели я говорю, что мои,—то и значитъ — мои, мои, мои!.. Чего вамъ отъ меня надо? Вы выдѣленныя, получили свои куски и отъ матери, и отъ меня... Мало? Еще берите, еще дамъ...

Но—не смѣть! не смѣть!.. Что мы съ покойницею неладно жили, въ томъ не вамъ насъ судить. Яйца курицу не учатъ!... Своихъ порядковъ у меня въ домѣ не заводить! Мнѣ наплевать, что у васъ мужья губернаторы и генералы! Командуйте у себя въ губерніяхъ, а у себя въ домѣ я хозяинъ, и своихъ порядковъ ко мнѣ не носить!

— Вы, папаша, пьяны! — безъ церемоніи оборвала его Евлалія.

Но на это Павелъ Петровичъ только почтительнѣйше раскланялся и расшаркался предъ нею,—хотя и въ халатѣ, а порядкомъ таки удививъ насъ совершенно отъ него неожиданнымъ изяществомъ, вдругъ вспомнившейся и воскреснувшей, гвардейской манеры. И возразилъ:

— Не смѣю спорить. Но это не новость. Я уже тридцать лѣтъ пьянъ и прошу васъ оставить меня въ привычномъ мнѣ состояніи.

— Да, — вся зеленая, перебила Евгенія, — но, кто привыкъ существовать въ такомъ состояніи, тому недолго выжить изъ ума, а выжившихъ изъ ума стариковъ берутъ въ опеку...

Павелъ Петровичъ побагровѣлъ и нервически расхохотался:

— Попробуйте! Попробуйте!—воскликнулъ онъ, искажаясь лицомъ, весь дергаясь конвульсіями. — Не сомнѣваюсь, что удастся. У васъ протекціи, у васъ связи... Гдѣ мнѣ противъ васъ! Я старый, одичалый, безсильный пьяница, знакомства растерялъ, всѣми забытъ, состояніе разстроилъ... трудно-ли пустить подобное сокровище на смарку?.. Попробуйте, ей Богу. То-то законную-то мою... Маргариту Карловну обрадуете... Подарочекъ ей. Пришлетъ, поди, изъ-за границы сударя

какого-нибудь опекать меня, чтобы я имѣнія не расточилъ, вамъ, любезнымъ моимъ дочерямъ, его не отдалъ бы... Попробуйте!

Послѣ этой угрозы сестры прикусили языки, хорошо понимая, что старикъ, можетъ быть, пьянъ, можетъ быть, безуменъ, но это-то мѣсто у него—наболѣвшее: онъ хорошо знаетъ всѣ прикосновенныя обстоятельства и говоритъ правду. Силою здѣсь ничего не возьмешь, лишь сыграешь въ руку третьему лицу, которое, только кивни да зацѣпочку дай,—оно такъ и налетитъ и накинется коршуномъ.

Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи мы узнали, что Евгенія «попробовала» было, но ее удержали мужъ и Алексѣй Алексѣевичъ Миротворцевъ, доказавъ ей, что совершенно отъ Павла Петровича зависитъ — вовсе отречься отъ нея, какъ отъ дочери, потому что документальнаго родства между ними нѣтъ. И, если разозленный старикъ рѣшится на это,—а отъ него очень и очень станется,—то въ какомъ же положеніи окажется она послѣ его смерти, вычеркнутая изъ завѣщанія и не наслѣдница, какъ дочь? А вѣдь—сколько ни разоренъ Барышъ мотовствомъ Павла Петровича, выдѣлами и запродажами въ пользу Марьи Михайловны, грабительскимъ вымогательствомъ Урошичей и взятками полиціи съ консисторіей и наѣзжимъ петербургскимъ посламъ, —все-таки, онъ золотое дно. И ежели папенька не обидитъ, еще предстоитъ Евгеніи Павловнѣ удовольствіе получить кушикъ не въ одинъ десятокъ тысячъ: вѣдь, выдѣлена-то она только съ материнской стороны.

Любопытно и удивительно было намъ, что дяденьки и тетеньки не принимали въ объясненіи Павла Петрови-

ча съ дочерями никакого участія и вообще въ послѣдніе дни какъ-то стушевались и сошли на нѣтъ. Главный между ними коноводъ и заправила, дяденька Неофитъ Михайловичъ, ходилъ съ видомъ неспокойнымъ, подозрительнымъ и, хотя въ глазахъ его сверкала самая неподдѣльная злость, сильно сбавилъ съ сквернаго тона, котораго вздумалъ было держаться въ отношеніи насъ, среднюшекъ. А, глядя на него, подобрѣли и другіе... Очевидно, онъ узналъ нѣчто, чего никакъ не ожидалъ, и, теперь узнавъ, опѣшилъ отъ изумленія и разочарованія... Тетушки тоже бросили шнырять по комнатамъ и составлять свои инвентари, имѣли видъ кислый и надутый, словно кошки, хватившія уксуса вмѣсто молока... Ненавистная Анна Ивановна изволила и вовсе отбыть, къ великому нашему удовольствію, ни съ кѣмъ изъ насъ не простившись, о чемъ мы также не плакали. Опять таки — отчего и какъ произошла эта перемѣна, мы не знали, но спокойное и нѣсколько лукавое выраженіе цыганскихъ глазъ Соломониды Степановны выдавало намъ, что тутъ не безъ нея...

И болѣе того: тетеньки и дяденьки, которые сперва, казалось, намѣрены были прирости къ нашимъ мѣстамъ, какъ выплывы на деревѣ, и чуть ли не вѣкъ свой свѣковать въ Барышѣ,—теперь, вдругъ, начали понемножку сплывать отъ насъ во свояси, будто таяли. Справивъ поминки девятаго дня, вся эта непріятная орава совершенно разсѣялась, покинувъ съ нами—единственнымъ представителемъ со стороны Урошичей—все того же консисторскаго дядю Неофита. А его мы опять увидѣли въ новомъ образѣ: веселымъ, ласковымъ, дружелюбнымъ, большимъ пріятелемъ съ Соломонидой

Степановной и нянею Аленой... Все о чемъ-то шептались, условливались, сговаривались. Мы же опять были и «племянушки», и «голубушки», и «красавицы», и «душеньки». Приходилось только изумляться, — и не могли понять, что за счастливыя чудеса...

Хотя старшія сестры и клялись, будто нога ихъ не будетъ въ Барышѣ, однако, повѣреннаго, какъ грозили, прислала—и то позднѣе—одна только Евлалія. Елена и Евгенія возвратились,—и повѣреннаго привезли, и лично пожаловали,—искать материнскаго наслѣдства. Повѣреннаго, въ видѣ грознаго резерва, оставили въ Никифоровѣ, чтобы пустить его въ ходъ, какъ сильную пушку, въ томъ случаѣ, если не помогутъ мирные родственные переговоры,—а сами пріѣхали въ Барышъ. За время ихъ отсутствія произошло много такого, что не сулило имъ успѣха и добраго пріема, а насъ, среднюшекъ, напротивъ, сплотило и приготовило къ дружному и озлобленному отпору. Лиза и Даша, со стыда, что изъ барышень, столбовыхъ дворянокъ Крѣпышевыхъ, судьба разжаловала ихъ въ незаконнорожденныя дочери повара Романа, попробовали отравиться,—къ счастью, неудачно. Это покушеніе потрясло всѣхъ насъ большимъ впечатлѣніемъ и очень подѣйствовало на Павла Петровича. Онъ и самъ ходилъ мрачный, съ виноватымъ видомъ, и сыночка своего, Петра Павловича, унялъ отъ мерзкихъ выходокъ, которыми,—съ того дня, какъ выяснилась безнадежная болѣзнь матери, и затѣмъ все время, покуда старшія сестры оставались въ Барышѣ,—преслѣдовалъ насъ этотъ дрянной мальчишка, увѣренный, что очень угождаетъ своими гнусностями Евлаліи и Евгеніи, и что подъ ихъ защитою

онъ—какъ за каменною стѣною. Петръ надулся и, въ знакъ совершеннаго недовольства и протеста, отпросился у отца гостить къ сосѣду, одинокому холостяку Алхазову—человѣку молодому, но нелюдимому до дикости и настолько странному въ образѣ жизни, что, ужъ на что хорошъ былъ самъ Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ, а и тотъ говорилъ съ превосходствомъ:

— Всѣ мы, Адамовы дѣти, грѣшны, но Саша Алхазовъ—это ужъ чортъ знаетъ, что за чучело! А, впрочемъ, и весь родъ ихъ искони былъ дурацкій. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ одного Алхазова, за хорошія дѣла его, повелѣно было водить по Москвѣ въ бабьемъ сарафанѣ, а потомъ сжечь на кострѣ... Живи Сашка въ тѣ годы, горѣть бы и ему, дураку! [1])

Такимъ образомъ случилось, что, когда Евгенія съ Еленою снова явились въ Барышъ, главнаго и едва ли не единственнаго союзника ихъ тамъ не оказалось. Прибыли онѣ съ большою и откровенно-враждебною надменностью, и, съ мѣста въ карьеръ, закипѣло продолженіе той безобразной ссоры, что такъ пламенно разсверкалась на другой день послѣ похоронъ матери.

---

[1]) Александръ Алхазовъ (фамилія измѣнена) былъ извѣстенъ мнѣ гораздо ранѣе, чѣмъ я встрѣтился съ нимъ на страницахъ записокъ М. П. Урошичъ. Мы знали другъ друга еще въ московскомъ университетѣ: онъ, филологъ, кончалъ курсъ, когда я поступилъ на юридическій факультетъ. О молодомъ человѣкѣ этомъ товарищи и профессора говорили почти какъ о геніи, но, окончивъ курсъ, онъ куда-то безслѣдно исчезъ... Онъ имѣлъ большое вліяніе на товарищей и, вообще, производилъ сильное впечатлѣніе, — запоминался ярко и навсегда... Нѣкоторыя черты Александра Алхазова я взялъ для характеристики Антона Арсеньева въ „Восьмидесятникахъ".

Ал. Амф.

Елена, впрочемъ, какъ всегда, флегматичная и разсѣянная, погруженная въ свои какія-то невѣдомыя мечты и думы, больше молчала со скучающимъ видомъ, да время отъ времени позѣвывала. Она была богата и не жадна. Нѣсколько тысячъ больше или меньше въ ея крупномъ капиталѣ не составляли для нея большой разницы. Ораторствовала Евгенія,—и такъ грубо, обидно и зло, что опять Павелъ Петровичъ принужденъ былъ напомнить:

— Я здѣсь хозяинъ.

Но, на этотъ разъ, Евгенія ему не спустила, а, зубъ за зубъ грызясь, прикрикнула:

— Уже слышали мы это! Что вы, папенька, заладили, право? И неумно, и скучно. А права наши въ этомъ домѣ, извините, не меньше вашихъ, — еще не будутъ-ли побольше? Если вы хозяинъ, то мы, какъ наслѣдницы послѣ маменьки, хозяйки.

— Ошибаешься,—спокойно возразилъ Павелъ Петровичъ, обращаясь за поддержкою къ излюбленному хрустальному пѣтуху своему, который, въ графинѣ, едва высовывалъ гребешокъ надъ привычною ему свѣтлою влагою. — «Ошибаешься, Данило: Разорваки соврала».

— Какой тамъ Данила? Какая Разорваки? — огрызнулась нервная, взвинченная Евгенія. — Что за глупости? Полно вамъ шутовать-то... совсѣмъ не ко времени! Я пріѣхала не балясы точить, — будьте любезны говорить серьезно и настоящее дѣло...

Павелъ Петровичъ понизилъ уровень потопившей пѣтуха жидкости настолько, что обнажился клювъ Петькинъ, и, соотвѣтственно подбодренный, съ тѣмъ-же невозмутимымъ хладнокровіемъ возразилъ:

— Ужъ этого не могу тебѣ сказать, какая Разорваки... чортъ ее знаетъ! изъ грекосовъ, надо полагать... Но только — этому вѣрь, Евгенія: она тебѣ соврала. Ты совсѣмъ не хозяйка въ этомъ домѣ и хозяйкою въ немъ не будешь...

— Кто-же будетъ? — нервно, недовѣрчиво разсмѣялась Евгенія.

Павелъ Петровичъ, въ отвѣтъ на прямой вопросъ дочери, безъ малѣйшей паузы, уставилъ красный трясущійся указательный перстъ свой на поалѣвшую няню Алену и произнесъ проще, чѣмъ о погодѣ сообщилъ-бы:

— Хозяйка вотъ.

Ни няня Алена, ни Соломонида Степановна, казалось, не были удивлены заявленіемъ своего господина, какъ новостью. Но мы всѣ просто окаменѣли отъ неожиданности, а Елена и Евгенія — пуще всѣхъ: стояли другъ противъ друга, какъ двѣ жены Лотовы! — хохотали мы потомъ, когда Агаша и Соня представляли ихъ въ лицахъ.

Слегка опомнившись отъ сюрприза, вся зеленая съ лица, криво улыбающаяся, Евгенія иронически извинилась — зашипѣла голосомъ, въ которомъ, казалось, дрожали и лили ядъ жала всѣхъ подколодныхъ змѣй нашего Барышевскаго лѣса, — что, молъ, виновата: подобной новости она не знала и подозрѣвать не могла... Хотя характеръ и нравы папаши ей хорошо извѣстны, она, все-же, не надѣялась, чтобы мѣсто бѣдной мама (старшія, въ отличіе отъ насъ, всегда шиковали — произносили «мама» съ ударенiемъ на послѣднемъ слогѣ) было занято, едва покойницу вынесли на кладбище. Да еще и — кѣмъ-же? Женщиною, которую покойная

считала самымъ преданнымъ ей человѣкомъ и скорѣе подругою, чѣмъ служанкою...

При этихъ обидныхъ словахъ няня Алена ахнула, всплеснула руками и горько заплакала, восклицая:

— Женичка! это ты меня-то такъ? меня? Да, вѣдь я тебя въ корытѣ мыла!

Павелъ Петровичъ рѣшительнымъ движеніемъ освободилъ отъ водки шею хрустальнаго пѣтуха по самыя плечи и, потрясая налитымъ серебрянымъ стаканчикомъ, обратясь къ дочери, возвѣстилъ,—тѣмъ грубѣе, что безъ всякаго гнѣва:

— Ты дура. Ты даже не подозрѣваешь, какая ты дура.

Евгенія залилась слезами. Елена недовольно подняла бѣлое сонное лицо и вяло, будто трудно и нехотя стряхивая дрему, пробормотала:

— Папаша, такъ нельзя.

— А обзывать женщину ни за что, ни про что — можно? — вдругъ вступилась, безмолвствовавшая до сихъ поръ, лишь улыбавшаяся презрительно, Соломонида Степановна. — Молчала-бы ужъ ты, Елена, коли тебя Богъ убилъ! А тебѣ, Евгенія Павловна, стыдно! Нашла любовницъ! Слава те Господи, бабій вѣкъ прожили, никто чужой не позорилъ... пятый десятокъ переломили, — отъ своей дождались!

— Ты-то, Соломонида Степановна, что кидаешься? — защищалась Евгенія, озадаченная и сконфуженная натискомъ женщины, которой съ измалу привыкла побаиваться. — Я тебя, кажется, словомъ не коснулась...

— Ежели ты Алену ставишь въ такихъ, — сухо оборвала ее Соломонида Степановна, — то, значитъ, и

я отъ тебя не могу ждать лучшаго... Потому что домъ, хозяйство и дѣти поручены покойницею барынею намъ двоимъ, пополамъ, — Аленѣ и мнѣ... Да! На смертной постели просила насъ, передъ тѣмъ, какъ языка и чувства лишиться... И мы ей въ томъ присягу дали и икону цѣловали, что ея завѣщаніе соблюдемъ свято и нерушимо... И свидѣтелей въ томъ имѣемъ: вотъ — самъ папенька Павелъ Петровичъ стоитъ передъ тобою, живъ человѣкъ... Мало? Призовите Никифора кучера, онъ тоже скажетъ...

— А я, судари вы мои, тоже покойницѣ икону цѣловалъ, — ворвался въ рѣчь Павелъ Петровичъ, успѣвшій тѣмъ временемъ обнажить хрустальнаго пѣтушка почти уже до ножекъ. — Да. И честнымъ дворянскимъ словомъ обязался покойницѣ, что въ домѣ все останется, какъ было, на рукахъ Алены и Соломониды, пока вотъ онѣ... — онъ ткнулъ рукою въ сторону нашу, среднихъ дочерей, группы, — не повыйдутъ замужъ... либо, вообще, судари мои, не устроятся въ жизни... какъ которой будетъ судьба...

— Позвольте, папаша, — рѣзко остановила его Евгенія. — Все это, съ вашей стороны, можетъ быть, и чувствительно, и трогательно, и великолѣпно, и великодушно, но нисколько не относится къ дѣлу. Вопросъ, покуда, совсѣмъ не въ томъ, клялись-ли вы на иконахъ и давали-ли свое дворянское слово. Въ чемъ-бы вы ни клялись и какія бы слова ни давали, это нашего съ вами дѣла нисколько не рѣшаетъ.

— То-есть, — какъ же это, судари мои? — озадачился Павелъ Петровичъ.

— Да, очень просто, папенька, — удивляюсь, что вы не понимаете. У васъ свое состояніе, у маменьки было свое. Если вамъ угодно благодѣтельствовать изъ своего капитала, то, разумѣется, покуда вы — человѣкъ правоспособный, никто вамъ въ томъ воспрепятствовать не можетъ. Но на маменькино состояніе обязательства принимать вы не въ правѣ. Вы, при насъ, сынъ и дочеряхъ, не наслѣдникъ, и, слѣдовательно, всѣ ваши клятвы и присяги, въ этомъ случаѣ, не стоятъ ничего... Я, по крайней мѣрѣ, заявляю прямо и открыто, что — брату и сестрамъ какъ угодно, я же, съ своей стороны, протестую противъ вашего заявленія отъ всей моей души и употреблю всѣ усилія и средства, чтобы спасти свое достояніе отъ расхищенія и незаконныхъ притязаній... Хохотать, папенька, тутъ вовсе нечему! — сердито прикрикнула она, видя, что Павелъ Петровичъ — за графинчикомъ съ Петькою — трясется беззвучнымъ хохотомъ. —Я говорю не на смѣхъ, а совершенно серьезно. И вы знаете: — Rira bien qui rira le dernier.

— Охъ, не могу! — простоналъ въ отвѣтъ Павелъ Петровичъ, сквозь смѣхъ, его трясущій. — Тебѣ бы, Женя, Плевакою быть... Неофитъ Михайловичъ, душа моя, объясни ты ей, сдѣлай милость... А то вѣдь бѣда: засудитъ она всѣхъ насъ, судари вы мои, совсѣмъ меня запугала...

Тогда, въ дальнемъ уголку, по другую сторону изразцовой печки, къ которой жались мы, среднюшки, всталъ со стула, на которомъ до сего времени сидѣлъ тихохонько и смирехонько, имѣя видъ непроницаемый, независимый и себѣ на умѣ, дяденька Неофитъ Михайловичъ Урошичъ. И заговорилъ — запѣлъ, жиденъ-

ко и сладенько, что не надо, молъ, такъ, милые родственнички; зачѣмъ горячиться и безъ нужды обострять отношенія? давайте-ка лучше выяснимъ дѣло вмѣстяхъ, по-хорошему, тишкомъ и ладкомъ.

— Меня уговаривать, дядя, не приходится, — раздраженно бросила ему Евгенія. — Я только того и жду, чтобы мнѣ разъяснили, кто здѣсь въ какомъ правѣ. А вы, дядя Неофитъ, лучше скажите мнѣ, съ какой это стати вы-то вдругъ являетесь какимъ-то благодѣтелемъ и миротворцемъ и завертѣли хвостикомъ, какъ лиса? Не вы ли сами мнѣ говорили... вотъ, Елена налицо, свидѣтельница, слышала, — что тутъ ужасныя вещи творятся, и мы, наслѣдницы, должны смотрѣть въ оба, иначе разные господа и госпожи обставятъ насъ такъ, что мы останемся безъ нитки?... Не вы ли предлагали намъ, старшимъ Крѣпышевымъ, союзъ, въ повѣренные къ намъ просились, хотѣли стоять за наши интересы? А теперь — что? Вотъ, будьте любезны объяснить мнѣ прежде всего это: въ какихъ я должна васъ-то самого понимать и держать?

— Дорогая племянница, — отвѣчалъ, нисколько не смутившись, дядя Неофитъ, — я человѣкъ простой и прямой, двоить свои мнѣнія и взгляды не мастеръ; что однажды сказалъ, отъ того не отказчикъ. Все, что я говорилъ съ тобою, Лелею, Лалею и Петромъ, между насъ пятерыхъ, о чемъ предостерегалъ и какіе совѣты давалъ, я готовъ повторить отъ слова до слова во всеуслышаніе, сію же минуту. Но, милая племянница, не забывай, что все это я говорилъ вамъ въ твердомъ убѣжденіи, что покойница, которую мы оплакиваемъ, моя любезная сестра, а ваша, царство ей небесное, ро-

дительница, скончалась, не оставивъ никакихъ формальныхъ распоряженій относительно своихъ имущественныхъ правъ. Имѣть подобное убѣжденіе мнѣ позволяла, во-первыхъ, нѣкоторая освѣдомленность о дѣлахъ покойной сестры, по силѣ нашего родства и дружескихъ отношеній. Во-вторыхъ, кому же изъ васъ неизвѣстно, что покойница Марья Михайловна была совсѣмъ не формалистка, и, будучи не весьма увѣрена въ своей грамотности, избѣгала письменныхъ актовъ, — даже писемъ не любила писать! И, въ-третьихъ, женщина она была цвѣтущая, здоровая, умирать отнюдь не собиралась и, слѣдовательно, съ чего бы ей было дѣлать распоряженія на случай смерти? Однако, теперь оказывается, что никто изъ насъ не пользовался совершенною ея довѣренностью, и она имѣла свои секреты, которые умѣла скрывать отъ всѣхъ. Вотъ, получилъ я телеграмму изъ Сарапула, отъ пріятеля моего, присяжнаго повѣреннаго Ф., что въ тамошній окружный судъ явлено нотаріусомъ Л. духовное завѣщаніе, составленное покойною нашею Марьею Михайловною, за полгода до ея печальной кончины. Завѣщаніе это, какъ оказывается, хорошо извѣстно здѣсь нѣкоторымъ лицамъ, начиная, вотъ, съ присутствующихъ, Павла Петровича, Алены Яковлевны и Соломониды Степановны.... Я же узналъ о его существованіи только нѣсколько дней тому назадъ. Если бы зналъ прежде, то, конечно, незачѣмъ было бы и уговариваться о предохранительныхъ мѣрахъ, чѣмъ ты, Евгенія, меня напрасно попрекнула. При наличности этого завѣщанія, ни въ какой спеціальной охранѣ подлежащаго наслѣдованію имущества не предвидится надобности, такъ какъ всѣмъ

вамъ, четыремъ старшимъ своимъ дѣтямъ, покойная оставила опредѣленныя денежныя суммы, возложивъ выплату ихъ на главную свою наслѣдницу, которою является,—вотъ-съ, можете поздравить,—находящаяся здѣсь Елена Яковлевна Коротышкина.

И онъ торжественно раскланялся передъ нянею Аленою, которая сидѣла — не знала, куда дѣвать глаза...

Въ залѣ царила тишина нѣмого изумленія. Павелъ Петровичъ звенѣлъ графиномъ о серебряный свой стаканчикъ и ласково бормоталъ, уговаривая оголеннаго пѣтуха:

— Егда же пѣтелъ возгласи... Петя, возгласи! ой, Петя, лучше возгласи... Не возгласишь, — разсержусь, опять утоплю тебя, негодяя...

Евгенія, лицомъ зеленѣе травы, порывисто встала со стула и обратилась къ отцу:

— Покорно благодарю васъ, папенька, что вы меня въ дуру вырядили.

— Не за что, — равнодушно возразилъ Павелъ Петровичъ. — Никто не рядилъ, сама постаралась.

— Какъ — никто, если вы знали, что есть завѣщаніе, и не потрудились меня предупредить?

— А съ какой стати буду я тебя предупреждать? Ты меня не спрашивала. Сразу, какъ прикатила, на царство сѣла: я наслѣдница, мы наслѣдники... Ну, вотъ тебѣ и на, — наслѣдуй!

Тяжелое молчаніе наступило. Евгенія,—точно ночная бабочка крылья смыкала и размыкала,—перебирала трепетными пепельными губами, видимо, не находя за ними ни голоса, ни словъ. Мы, испуганнымъ и любопытнымъ стадомъ, жались другъ къ дружкѣ въ углу

подлѣ печки и всѣ, за исключеніемъ Сони, — избѣгали смотрѣть на Евгенію: у нея глаза изъ голубыхъ стали зелеными и бѣжалъ изъ нихъ на насъ ядовитый огонь, отъ котораго загорались пламенною кровью наши щеки и жгла глаза наплывавшая слеза. Одна только Соня, неустрашимый боецъ, уставилась на Евгенію, сама не лучше, въ упоръ и такъ и колола, такъ и жалила ее злорадными черными глазками-гвоздиками... И, подъ ея вызывающимъ и ликующимъ взглядомъ, потеряла наша Евгенія послѣднее самообладаніе. И началось тутъ такое, что, вотъ, и сейчасъ, когда я вспоминаю, краска приливаетъ къ моимъ старымъ щекамъ и сердце въ груди становится тяжелымъ отъ мутнаго стыда, точно налитое грязною жижею.

Среди мертвой тишины заговорила Евгенія, будто бы и спокойная, обдумывая слова-язвы, мѣткія, какъ стрѣлы, и злыя, какъ хорьки:

— Я вижу, что стою передъ интригою, съ которою сама я бороться не могу и не унижусь, но буду искать защиты своихъ правъ у суда и властей. А передъ вами, папенька, мнѣ, въ подобныхъ условіяхъ, остается только извиниться за недовѣріе. Разъ вы не побрезговали стакнуться противъ дѣтей съ этими двумя хамками, то, конечно, вы имѣете полную возможность содержать, за нашъ дѣтскій счетъ, не только этихъ барышень, — едва кивнула она на насъ, — но хоть и всѣхъ остальныхъ публичныхъ дѣвокъ въ уѣздѣ...

Тутъ я успѣла лишь увидѣть, какъ Соня, стоявшая нѣсколько впереди меня, — пружиннымъ какимъ-то движеніемъ, — согнула и разогнула свое маленькое тѣло, и оно взвилось на воздухъ, какъ кошка, прыгнув-

шая на мышь... И дальше я надолго ничего не помню, потому что все наше дѣвичье стадо ринулось куда-то впередъ, заголосило, завыло, закружилось вихремъ машущихъ рукъ, вѣющихъ подоловъ, рукавовъ и косынокъ. Воздухъ поплылъ облаками краснаго и зеленаго тумана, а изъ него свирѣпо выныривали еще болѣе красныя и зеленыя пятна, въ которыхъ, какъ въ кошмарѣ, едва узнавались, мелькая, искаженныя лица человѣческія, сверкающія раскаленными злобою глазами.. Я очувствовалась отъ того, что кто-то (потомъ оказалась Соломонида Степановна) схватилъ меня за плечи и съ размаху посадилъ на стулъ — съ такою силою, что я, мотнувши головою, пребольно ударилась затылкомъ о стѣнку... Вдали — у стола, — нагнувъ голову, точно хотѣлъ всѣхъ, какъ быкъ, забодать, — багровый, почти синій, — оралъ, топалъ, стучалъ кулаками, таращилъ вывороченные бѣлые глаза Павелъ Петровичъ. Халатъ его распахнулся, растерзался, и показывалъ его всего, точно гипсоваго истукана, въ нижнемъ бѣльѣ. Но этого не замѣчалъ ни самъ онъ, ни кто другой: шла такая суматоха, что, появись въ комнатѣ среди насъ голый дикарь краснокожій, и то, я думаю, никого не удивило бы... Въ ревѣ, крикѣ, истерическомъ визгѣ, воѣ, топаньѣ, трескѣ мебели — слова и движенія безмысленно летали, слѣпыя, не выбирая направленія, словно вспугнутыя летучія мыши... Черезъ столъ, у котораго неистовствовалъ Павелъ Петровичъ, гнулись и тянулись навстрѣчу одна къ другой двѣ зеленоглазыя головы, показавшіяся мнѣ не то, что незнакомыми, а даже нечеловѣческими: змѣиными. Такъ ярко свѣтились онѣ обѣ жаждою одна въ другую вцѣпиться... У обѣихъ бы-

ли кривые открытые рты, безъ губъ, поблѣднѣвшихъ въ одинъ цвѣтъ съ лицомъ, и изъ-за оскаленныхъ, мертвенно бѣлыхъ зубовъ, градомъ, въ перебой летѣли плевки словъ, отъ которыхъ Наташа, съ крикомъ, бросилась бѣжать вонъ изъ зала... Помню, въ двери папенькина кабинета, ея спину, движеніемъ ужаса поднявшую лопатки, и ушедшую въ плечи голову, съ прижатыми къ ушамъ руками... А въ другую дверь — въ корридоръ — Соломонида Степановна, кумачная даже съ затылка, выталкивала Агашу и Дашу, обѣихъ ярче огня и съ глазами, какъ уголья, и какъ будто еще увеличившихъ свой большой ростъ. Онѣ прыгали и извивались, какъ тигрицы, стараясь проскочить къ Евгеніи мимо широко разставленныхъ, загораживающихъ, могучихъ дланей Соломониды Степановны. А она, точно таранами, толкала ихъ грудью, животомъ, колѣнами, бедрами, покуда не выпихнула за дверь, — и тотчасъ же защелкнула ее на задвижку. И тогда къ смутѣ кружившихся звуковъ прибавился новый грохотъ: Агаша и Даша, изгнанныя, сейчасъ же обѣ забарабанили по двери въ четыре кулака, въ четыре ноги.

— Довольно! — ревѣлъ Павелъ Петровичъ, стуча по столу опустошеннымъ графиномъ съ Петькою. — Перестать! Сейчасъ всѣ по мѣстамъ! Арапникъ возьму!

Никто не слушалъ. Лиза, въ углу, на диванѣ, билась въ истерикѣ, и около нея суетилась, заслоняя ее широкою спиною, шаромъ чернымъ каталась — няня Алена... Едва увидала я Лизинъ припадокъ, какъ мнѣ тоже подступило къ горлу, но—кто-то схватилъ меня за руку и сталъ цѣловать въ лицо холодными губами:

я едва узнала Елену, — бѣлую, какъ бумага, съ расширенными, утратившими цвѣтъ, глазами...

— Что жъ это? душечка, Машечка! что жъ это? — лепетала она и въ страхѣ жалась ко мнѣ, позабывъ, что ищетъ союза и сочувствія во враждебномъ станѣ.. Мы обнялись и заплакали...

А двѣ зеленолицыя змѣи все еще вились черезъ столъ, шипѣли и свистали задушенными голосами:

— Ты сама дѣвка! ты хуже всякой дѣвки!

— А ты в.....ъ!

— Думаешь, далеко живешь, такъ мы твоихъ мерзостей не знаемъ? Всѣхъ твоихъ любовниковъ перечту!

— Своихъ считай, выкидышъ скверный!

— Мнѣ считать нечего. Я честная. А ты какою замужъ выходила?

— Дай Богъ тебѣ такою выйти!

— Боровенко-то тебя, въ свадебную ночь, значитъ, за честность избилъ?

— Тебѣ и свадьбы ждать не надо, — отъ меня бита будешь...

Столъ зашатался, поползъ. Павелъ Петровичъ не устоялъ, опрокинулся въ кресло, высоко вскинувъ бѣлоштанными ногами. Графинъ съ Петькою, гремя, покатился по полу въ одинъ уголъ, пробка отъ него въ другой.... Я нагнулась подхватить ее — и встрѣтилась глазами съ глазами, любопытно и спокойно слѣдившими за происходящимъ, изъ-подъ дивана, на которомъ билась въ истерикѣ Лиза: это былъ дяденька Неофитъ Михайловичъ... Потомъ, когда я вспоминала, какъ онъ лежалъ, мнѣ бывало очень смѣшно, но въ

ту минуту я даже не улыбнулась, и нисколько не удивилась, словно — такъ и надо было...

До драки, однако, слава Богу, не дошло: успѣвшая тѣмъ временемъ окончить борьбу съ Агашею и Дашею, Соломонида Степановна налетѣла во-время, чтобы схватить Соню сзади, подняла ее на воздухъ, какъ котенка, и вынесла на рукахъ, вопящую, болтающую ногами, въ кабинетъ Павла Петровича... И въ ту же минуту возвратилась, запыхавшаяся, въ багровомъ румянцѣ по потному лицу, — быстрыми шагами надвинулась, какъ черная туча, на полуобморочную — у стѣны — Евгенію, подняла выше головы толстыя, голыя по локоть, руки и, истинно голосомъ разъяренной медвѣдицы, рыкнула:

— Устроила? Дождалась?... Дьяволы! Кровь взбушевали! Не вводите въ грѣхъ... Слово кто пикнетъ, — убить могу!...

И сразу легло мертвое молчаніе.

Угрюмо и безмолвно разбрелись всѣ — одинъ по одному, одна за одной — по своимъ комнатамъ, мимо изумленной, перепуганной прислуги, наполнившей, на шумъ ссоры, покои, но разбѣгавшейся отъ насъ, едва мы показывались, точно приближались чумные... Лѣстница была усыпана меньшенькими. Онѣ такъ и брызнули врозсыпь, насъ завидя, но лица были злорадны и глазенки блестѣли: скандалъ, въ которомъ старшія чуть не передрались съ среднюшками, доставилъ имъ самое утѣшительное удовольствіе... Мы шли и слышали по угламъ и за дверями язвительное хихиканье папенькиныхъ приживаловъ... Никто не смѣлъ поднять головы, всѣмъ было страшно встрѣтить чужой взглядъ. Всѣхъ

— запоздалымъ гостемъ — грызъ жгучій нестерпимый стыдъ. Каждая сознавала, что ею поругано и женское, и человѣческое достоинство другой, и что, отвѣтно, ея собственное женское и человѣческое достоинство грубо и отвратительно поругано другими.

Евгенія демонстративно переѣхала изъ родительскаго дома къ прикащицѣ Маланьѣ Сергѣевнѣ, у которой и прожила, вызвавъ своего повѣреннаго изъ Никифорова, до тѣхъ поръ, покуда дядя Неофитъ Михайловичъ, взятый въ повѣренные нянею Аленою, не столковался съ этимъ адвокатомъ о мировой. Елена примѣру сестры не послѣдовала. Глубоко потрясенная безобразною сценою, которой она была свидѣтельница, она, послѣ короткаго разговора вчетверомъ съ Павломъ Петровичемъ, Соломонидою Степановной и нянею Аленою, выѣхала изъ Барыша въ ту же ночь, весьма дружелюбно простившись со всѣми нами. Изъ Никифорова она прислала Павлу Петровичу нотаріальное заявленіе объ отказѣ отъ своей части въ наслѣдствѣ въ пользу насъ, своихъ беззаконныхъ сестеръ, «среднюшекъ» и меньшенькихъ, всѣмъ поровну, сколько придется. Мы разбогатѣли такимъ образомъ, спасибо ей, каждая на тысячу рублей деньгами, не считая недвижимаго и вещей... Ей, конечно, ничего не стоило бросить эту подачку: я уже говорила, что покойный мужъ Елены, полковникъ Костенецкій, оставилъ ей очень крупное состояніе.

Этимъ добродѣтельнымъ актомъ Елена Павловна Костенецкая ликвидировала свои родственныя отношенія къ отцу и намъ и навсегда исчезла съ нашего горизонта. Прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ я встрѣтила ее — на чужбинѣ, въ Парижѣ... Я была уже извѣст-

кою пѣвицей, служила на императорской сценѣ и воспользовалась великопостнымъ отпускомъ, чтобы пройти въ Парижѣ съ знаменитымъ Мельхиседекомъ нѣсколько партій къ будущему сезону.... Елена была... а, впрочемъ чѣмъ и кѣмъ она тогда была? Я нашла ее въ такихъ условіяхъ жизни и въ такой обстановкѣ, что и сама она, и люди, которые ее окружали, и домъ ея, и вещи ея, и весь бытъ ея показались мнѣ призраками изъ волшебной сказки...

Она была недурная, по существу, женщина, эта Елена Костенецкая, но причудливая и странная, еще съизмалу, когда, по домашнимъ нашимъ легендамъ, она — единственная изъ всѣхъ дочерей Марьи Михайловны Урошичъ, — жестоко страдала англійскою болѣзнью, такъ что боялись, не осталась бы дѣвочка большеголовымъ и кривоногимъ уродомъ. Но физически то Елена, со временемъ, побѣдила свой природный рахитизмъ, потому что выросла въ дѣвушку красивую, безъ какихъ-либо рѣзкихъ недостатковъ сложенія и съ желѣзнымъ здоровьемъ. Расплатилась она за дѣтскій недугъ свой въ области психики — умомъ, характеромъ, страстями. До тринадцати лѣтъ она являла всѣ признаки задержаннаго развитія, въ гимназіи слыла тупицею, чуть не идіоткою, служила всеобщимъ посмѣшищемъ. Но, на четырнадцатомъ году, вмѣстѣ съ первыми знаками возмужалости, на нее—словно сошло божественное осѣненіе. Изъ послѣднихъ ученицъ она быстро перешла въ первый десятокъ, стала жива, интересна, пріобрѣла большое вліяніе на подругъ... Къ сожалѣнію, пріѣхавъ тѣмъ же лѣтомъ въ Барышъ на каникулы, она, по дорогѣ, гдѣ-то на постояломъ дворѣ,

подхватила тифъ, болѣла долго и трудно, а послѣ болѣзни оправлялась такъ слабо и медленно, что рѣшено было пощадить ее отъ ученія, пока не наберется новыхъ силъ, и оставить дома, по крайней мѣрѣ, до новаго года. Такое рѣшеніе мать взяла тѣмъ охотнѣе, что въ это время, казалось, она раздобылась, наконецъ, прекрасною учительницей, которая могла исподволь проходить съ Еленою гимназическій курсъ, чтобы она, за осень, не слишкомъ отстала отъ подругъ. Учительница, Аріадна Семеновна Ф., какъ преподавательница, оказалась, дѣйствительно, превосходною, но, на Еленину бѣду, это была та самая «пятая неудача» маменьки — хитрая и скрытная половая психопатка, о которой я говорила, разсказывая свое дѣтство. Елена совершенно подпала подъ ея вліяніе, чему всѣ только радовались, покуда не открылось, въ чемъ дѣло. Собственно-то говоря, почтенная наставница попалась совсѣмъ на другомъ приключеніи, въ которомъ Елена была не при чемъ. Но слѣдствіе по этому приключенію вскрыло нѣсколько другихъ подобныхъ же. Въ такихъ условіяхъ трудно было не распространить аналогію на слишкомъ нѣжную дружбу между Еленой и Аріадною Семеновною, хотя обѣ онѣ отъ взведеннаго обвиненія отрекались клятвенно и слезно... Аріадну Семеновну маменька убрала изъ усадьбы, буквально, въ 24 часа, а къ Еленѣ, и вообще-то принадлежавшей къ нелюбимой ею группѣ старшихъ дочерей, возымѣла навсегда особую холодность, которой не трудилась или не умѣла скрывать...

— Не могу: брезглива она мнѣ съ тѣхъ поръ, — откровенно каялась она нянѣ Аленѣ, которая, конечно,

въ качествѣ общей заступницы и печальницы, не разъ выговаривала своему другу-барынѣ за ея материнскую несправедливость къ Еленѣ.

Великолѣпно и пышно развившись физически, продолжая прекрасно учиться въ гимназіи, усердно работая для самообразованія, много и разнообразно читая, Елена, однако, и взрослою дѣвушкою сохранила почти ту же несносную флегму и вялость въ рѣчи и манерахъ, которыми удручало мать ея рахитическое дѣтство. Когда, бывало, она, бѣлокурая, съ большими блѣдноголубыми глазами, выкаченными, точно у заводной нѣмецкой куклы, мямлитъ что-нибудь, жуя слова, какъ мятый картофель, — мнѣ такъ и хочется ущипнуть ее, уколоть булавкою, вообще, нанести какую-нибудь боль ея тѣлу, бѣлому, пышному, а, всетаки, безцвѣтному и малокровному, чтобы хоть сколько-нибудь расшевелить этотъ недвижный организмъ, заставить, чтобы онъ не спалъ, ожилъ... Особенно несносна бывала Елена, когда, пріѣзжая на каникулы, разсказывала разныя губернскія происшествія и впечатлѣнія. Мы всѣ, конечно, отъ нетерпѣнія слышать, — пропадаемъ въ любопытствѣ, пяточками по полу топочемъ, ладошку объ ладошку тремъ, колѣнкой о колѣнку стучимъ, а она-то медлитъ, она-то тянетъ...

И между нами, сестрами, и между гимназическими подругами, Елена слыла ледышкою, совершенно безстрастною и безчувственною. Но «и подъ снѣгомъ иногда бѣжитъ кипучая вода». Она только хорошо умѣла молчать и хранить невозмутимый видъ, а, на самомъ-то

дѣлѣ, была и горда, и чутка къ человѣческимъ отношеніямъ. Почувствовавъ ледяную стѣну, выросшую между нею и матерью, она оскорбилась всѣмъ существомъ своимъ и сама стала отдаляться и отъ матери, и отъ насъ, и, вообще, отъ всей жизни въ Барышѣ, превращая себя понемножку въ «отрѣзанный ломоть». Она даже не всегда пріѣзжала на каникулы, предпочитая гостевать у разныхъ своихъ губернскихъ подругъ, которыхъ имѣла множество, такъ какъ, при всей своей внѣшней вялости, была человѣкъ общительный, участливый и къ людямъ любопытный. Въ одномъ изъ такихъ гостеваній Елена встрѣтилась съ будущимъ своимъ мужемъ, полковникомъ Эдмундомъ Казимировичемъ Костенецкимъ. Онъ сдѣлалъ Еленѣ предложеніе, когда она еще была гимназисткою въ предпослѣднемъ классѣ, и женился на ней, какъ только она кончила курсъ. Разница лѣтъ между молодыми супругами была значительная, но Костенецкій — человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова блестящій: красивый, умница, нестарый, прекраснаго характера, богатый, съ громкою боевою извѣстностью въ прошлую турецкую войну, пріятель и любимый сослуживецъ Скобелева, — былъ женихъ на зависть. Маменька, услыхавъ о сватовствѣ его, едва ушамъ повѣрила, а, повѣривъ, увидѣла въ подобной партіи, во истину, даръ Божій, который нелюбимой дочери даже, пожалуй, и не по заслугамъ. Еленѣ же, какъ пушкинской Татьянѣ, «всѣ были жребіи равны». Только не изъ-за Онѣгина какого-нибудь, а какъ разъ потому, что дѣвичество свое она прожила, ни разу не согрѣтая лучемъ хоть маленькой бы влюбленности. Такою же неталою льдинкою пошла она и подъ

вѣнецъ. Свадьбу играли въ губернскомъ городѣ. Мамаша на ней не присутствовала, — представительствовалъ отъ семьи самъ Павелъ Петровичъ, возившій на торжество, изъ дочерей, Лизу и Дашу. Наташа уже отдана была въ гимназію, такъ что тоже жила въ городѣ и видѣла пышное бракосочетаніе, о которомъ долго потомъ поминалъ и говорилъ городъ. Бракъ Елены вышелъ несчастнымъ и былъ недолговѣченъ. Съ первой же брачной ночи она преисполнилась рѣшительнымъ и непобѣдимымъ отвращеніемъ къ «супружескимъ обязанностямъ», страшно озадачивъ и обездоливъ тѣмъ своего браваго полковника. Послѣдній, въ холостомъ состояніи, почитался великимъ ловцомъ женскихъ сердецъ и, привыкнувъ къ роли побѣдителя, никакъ не расчитывалъ получить — впервые въ жизни — такой неожиданный афронтъ отъ своей законной супруги. Военный человѣкъ этотъ, женясь на Еленѣ, вовсе не пылалъ къ ней какой-нибудь особенно страстной любовью. Весело и безпутно, по гвардейски, прожуировавъ молодость, онъ, въ 38 лѣтъ, просто нашелъ, что время остепениться, — и, намѣтивъ нѣсколько невѣстъ, выбралъ изъ нихъ нашу Елену съ такимъ же циническимъ простодушіемъ, какъ, смолоду, будучи ремонтеромъ, выбиралъ лошадей для полка. Вотъ молъ именно къ такой красотѣ я имѣю вкусъ и аппетитъ, а, сверхъ того, дѣвушка скромна, образована, носитъ хорошую фамилію и не безприданница. Слѣдовательно, весьма годится для того, чтобы я извлекъ изъ нея удовольствіе и пользу, — можетъ съ достоинствомъ носить мое имя и продолжать славный старый родъ пановъ Костенецкихъ, который, хотя и безъ титула, но

— съ графскимъ гербомъ, только безъ короны. Но, такъ странно оттолкнутый молодою женою, озадаченный полковникъ внимательнѣе вглядѣлся въ доставшуюся ему мраморную красавицу. А, разглядѣвъ, какой она человѣкъ, влюбился въ нее, какъ только съ кончающими свою роль Донъ Жуанами бываетъ, — безъ памяти и безъ надежды. Елена Павловна Костенецкая очень уважала и даже, по-своему, любила своего мужа, какъ милѣйшаго и пріятнѣйшаго Эдмунда Казимировича Костенецкаго: они потомъ, разставшись, остались въ очень хорошихъ заочныхъ отношеніяхъ и дружеской перепискѣ. Но все это — лишь до момента, пока въ Эдмундѣ не просыпался требовательный мужчина. А тогда — онъ видѣлъ предъ собою дикій ужасъ, злобу безсильно плѣннаго звѣря и отвращеніе насилуемой рабыни. Подобными «дѣвичьими гримасами», можетъ быть, не смутился бы грубый самецъ-бурбонъ; но деликатность и шляхетный гоноръ полковника Костенецкаго, съ его графскимъ гербомъ безъ короны, но его воспитаніе и тактъ типическаго военнаго интеллигента семидесятыхъ годовъ — не могли допустить даже мысли о половомъ принужденіи женщины. Насиліе, на которое давалъ полковнику право законъ, представлялось этому польскому рыцарю грязнѣе и преступнѣе даже изнасилованія беззаконнаго. Такъ, во взаимномъ мучительствѣ неестественной и ненужной безбрачности въ бракѣ, промаялись злополучные супруги два года и разошлись, чтобы каждому искать своего счастья порознь. Елена предлагала мужу формальный разводъ, но полковникъ не согласился. Отказъ его толковали, какъ надежду влюбленнаго человѣка, что жена рано или поздно

одумается и возвратится къ нему. Но скорая затѣмъ смерть полковника Костенецкаго и завѣщаніе, имъ оставленное въ пользу Елены, показали, что этотъ благородный человѣкъ только старался сохранить за Еленою какъ можно больше своихъ формальныхъ и имущественныхъ правъ, которыя она, какъ разводка, утратила бы... Не развелся, чтобы можно было передать кое-что родовое и пошлины по наслѣдству стоили бы дешевле. Умеръ Костенецкій въ порядкѣ — можно смѣло утверждать — законнаго самоубійства: увязался за старымъ боевымъ товарищемъ, Скобелевымъ, въ ахалъ-текинскую экспедицію, заразился на походѣ черною оспою и сгорѣлъ въ трое сутокъ... На похороны мамы Елена пріѣзжала уже давнею вдовою. Вторично замужъ она никогда не вышла. Мало того: замужество ея со временемъ почти совершенно забылось и, кромѣ ближайшихъ знакомыхъ, почти всѣ почитали ее безбрачною вѣковушею. А многіе, даже узнавъ, что она вдова, неохотно съ тѣмъ мирились: до того не вязались супружескія узы со всѣмъ ея явленіемъ, оригинальнымъ, самостоятельнымъ и — несмотря на странно прожитую жизнь всесвѣтной искательницы приключеній — сохранившимъ въ себѣ что-то дѣвичье даже на пятомъ десяткѣ лѣтъ.

Разбогатѣвъ завѣщаннымъ ей состояніемъ, которое считали не въ одну сотню тысячъ, вдова Костенецкая повела жизнь странную и непосѣдливую. Въ своемъ домашнемъ быту она осталась самою неподвижною лѣнь-женщиною, какую только возможно вообразить: одною изъ тѣхъ сонныхъ царевенъ, которымъ съ постели на диванъ перекатиться — и то уже несносный трудъ и

чуть не каторга. А, на ряду съ тѣмъ, прочитаетъ она, по диванамъ катаясь, какого-нибудь Жаколью, Стивенсона, Райдера Хаггарда, либо изъ возлюбленной своей Блаватской, про пещеры и дебри Индостана, — задумается глубоко, поморгаетъ часокъ-другой водянистыми глазами своими, упершись взглядомъ въ потолокъ или стѣнку... А назавтра старшій дворникъ уже приноситъ ей изъ участка удостовѣреніе, что къ выдачѣ вдовѣ полковника Еленѣ Павловнѣ Костенецкой заграничнаго паспорта препятствій не имѣется. И — не прошло недѣли — лежитъ она въ качалкѣ, подъ тентомъ, на кормовой палубѣ какого-нибудь изъ великановъ Norddeutscher Lloyda' и невозмутимыми глазами смотритъ, какъ синій горизонтъ тонетъ въ синей безбрежности Атлантическаго океана, либо Краснаго моря, на пути къ вновь поманившимъ ее странамъ таинственностей и чудесъ.

Впослѣдствіи, кто мало зналъ Елену Костенецкую, встрѣчаясь съ нею только въ обществѣ и не проникая въ ея интимный бытъ, считали ее довольно скучною особою изъ разряда «умныхъ дуръ» — совершенно лишенною женскаго темперамента, но одержимою самодурствомъ. Богатая старая дѣва (замужнею, повторяю, ее мало кто помнилъ), которая съ жиру бѣсится, и, въ дополненіе всѣхъ своихъ утомительныхъ странностей, еще и «синій чулокъ», способный привести собесѣдника въ ужасъ внезапнымъ разговоромъ — хорошо еще, если о Шопенгауэрѣ или Ницше, а вдругъ о Лобачевскомъ?!... Но, кто узналъ ее ближе, какъ со временемъ удалось узнать мнѣ, тѣ убѣждались съ изумленіемъ, что, на-

противъ, Елена очень умна, образована, тонкая наблюдательница, занимательная разговорщица, полная непрерывною и, въ своемъ родѣ, преинтересною работою духа и мысли. И, при всемъ томъ, однако, не избѣгали, чтобы однажды не почувствовать къ ней — рано или поздно, но непремѣнно — нѣчто вродѣ того страха, смѣшаннаго съ отвращеніемъ и брезгливою жалостью, который мы ощущаемъ въ присутствіи людей, очень подозрѣваемыхъ въ психической анормальности. Относительно послѣдней Елена сама, будучи уже пожилою женщиною, сдѣлала мнѣ однажды любопытныя признанія. Разговоръ нашъ возникъ по очень печальному для меня поводу: когда я имѣла несчастье вторично овдовѣть отъ живого мужа, потому что второй супругъ мой, извѣстный въ девяностыхъ годахъ, петербургскій банкиръ Яковъ Соломоновичъ Луцбергъ, постигнутъ былъ прогрессивнымъ параличемъ, явилъ признаки буйнаго помѣшательства и, по настоянію семейнаго совѣта, помѣщенъ былъ въ психіатрическую больницу. Елена, съ которою я встрѣтилась въ Парижѣ очень вскорѣ послѣ бѣды моей, живо интересовалась моимъ больнымъ. Но утѣшала она меня въ потерѣ этого прекраснаго и глубоко уважаемаго мною человѣка рѣчами престранными:

Ты напрасно вѣришь, — говорила она, — будто сумасшествіе какое-то особенно несчастное и позорное состояніе. Сумасшедшіе виноваты только тѣмъ, что позволили обществу замѣтить, что они не такіе, какъ всѣ. То-есть правильнѣе-то было бы сказать: именно такіе, какъ всѣ, но потеряли силу и волю къ тому общественному притворству, которымъ человѣкъ скрываетъ свою индивидуальность и зашнуровывается въ корсетъ обще-

ственности. А это происходитъ, обыкновенно, только отъ недостатка воспитанія, отъ слабой воли, неумѣнія владѣть собою и выдерживать характеръ. Вотъ, ты разсказывала мнѣ разныя выходки твоего Луцберга, которыми обнаружилось его сумасшествіе. Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ того, что онъ допустилъ себя дѣлать такія вещи публично, говорить такія слова во всеуслышаніе. Банкиръ твой, хоть и капиталистъ, и дѣлецъ великій — по существу, какъ былъ, такъ и остался темнымъ, невѣжественнымъ мѣстечковымъ евреемъ, переутомившимъ свой умъ и волю, покуда онъ изъ нищаго шполянскаго мишуриса выбирался и вырабатывался въ большого финансиста, съ которымъ министры совѣщались о государственныхъ займахъ. Онъ такъ истратилъ себя, поднимаясь на эту сверхсильную высоту, что, когда взобрался, ему для дѣлъ своихъ — самообладанія достало, а для самого себя — нѣтъ...

Это сужденіе было очень вѣрно. Я задолго до сумасшествія Якова Соломоновича замѣчала, что онъ сверхсильно переутомляется и, внѣ своей конторы и биржи, гдѣ его поддерживало привычное профессіональное оживленіе, — совсѣмъ разбитый человѣкъ.

— Но откуда ты знаешь, Елена? Вѣдь ты же не знала Якова Соломоновича?

Она хитро и тонко улыбнулась и продолжала, оставляя мой вопросъ безъ отвѣта, будто не слышала:

— Взгляни на меня: я прожила на свѣтѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ и, изъ нихъ, двадцать, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что я — какъ разъ такая, какихъ люди называютъ сумасшедшими... Да ты не дѣлай возмущеннаго лица и протестующихъ жестовъ: я говорю

тебѣ не случайное, а давно сознанное, спокойно обду-
манное, приведенное въ убѣжденную систему... И, од-
нако, никто сумашествія моего за эти двадцать лѣтъ
не замѣтилъ, хотя я мало заботилась его скрывать. А,
если кто и замѣчалъ, не посмѣлъ сказать громко. А,
какъ воръ, который, покуда не пойманъ, — не воръ,
такъ и нашъ братъ, сумасшедшій, покуда не объяв-
ленъ громко, — не сумасшедшій... А, между тѣмъ по-
вѣрь, Маша: разница между мною и твоимъ мужемъ
только въ томъ, что я собою владѣю, а онъ — нѣтъ.
Только, — что я не позволю подсматривать за собою
враждебному человѣческому глазу въ минуты, когда
осуществляю такія свои желанія, за откровенное про-
явленіе которыхъ люди сажаютъ своихъ ближнихъ въ
желтый домъ.

Затѣмъ она стала увѣрять, что положеніе человѣка,
объявленнаго сумасшедшимъ, не безусловно худо и имѣ-
етъ свои пріятныя стороны. Тяжело лишеніе свободы,
отвратительно насильственное лѣченіе, которое почти
всегда бываетъ оскорбительно и грубо. Нормальные
люди боятся сумасшедшихъ, ненавидятъ ихъ за это и
искестоки съ ними. Но зато человѣкъ, объявленный су-
асшедшимъ, получаетъ возможность откровенно от-
росить всѣ условности цивилизаціи — общественной
орали, приличія, культуры — вообще, человѣческой
жи, враждующей съ природой и врожденными инстик-
ами. Зажить честнымъ и безстрашнымъ звѣремъ, до-
одя правду всѣхъ своихъ потребностей до экстатиче-
кихъ наслажденій, совершенно недоступныхъ людямъ,
стающимся въ тискахъ ложнаго стыда и насилія об-
щественной этики.

И глаза ея — пустые и прозрачные голубые глаза нѣмецкой куклы — приняли выраженіе настолько согласное съ ея словами, потускли и затуманились, вокругъ внезапнаго, именно звѣринаго, огонька, такою, если можно такъ выразиться, свирѣпою мечтательностью, что, признаюсь, я ей повѣрила и мнѣ стало, хоть и на минутку, а, просто таки, жутко съ нею. Тѣмъ болѣе, что разговоръ свой мы вели въ обстановкѣ, менѣе всего способной внушить понятіе о здравомысліи тѣхъ, кто въ ней живетъ. И, кажется, именно въ этой бесѣдѣ спорили мы съ нею о «Панѣ» Гамсуна, о лейтенантѣ Гланѣ и вспомнили Андрея-егеря, о которомъ она, повидимому, знала гораздо больше, чѣмъ обнаружила предо мною.

А странное выраженіе свирѣпо улыбнувшейся мечтательности я и при послѣдующихъ встрѣчахъ не разъ примѣчала въ ней — внезапно — среди разговора — притомъ, всегда, на отвлеченныя темы: о морали, о религіи, о безсмертіи... И оно всегда смущало и пугало меня, потому что — темы-то возвышенныя, отвлеченныя, а изъ глазъ вдругъ смотритъ что-то, живо напоминающее именно моего несчастнаго Якова Соломоновича, когда, бывало, опоздаютъ дать ему ѣсть, и онъ, весь — живой желудокъ, безсильный терпѣть хотя бы одну минуту, — взвоетъ злобно и дико, некормленнымъ звѣремъ.

Экзотическія путешествія и пріобрѣтенныя въ нихъ знакомства, мало-по-малу, совсѣмъ отбили Елену отъ Россіи. А бывали періоды, когда она и изъ Европы-то пропадала цѣлыми годами, и никто не зналъ, гдѣ она и что съ нею, пока, въ одинъ прекрасный день, Елена

не появлялась въ Парижѣ также внезапно, какъ раньше исчезла, въ сопровожденіи каравана достопримѣчательностей, звѣрюшекъ, пташекъ, змѣй, пріобрѣтенныхъ гдѣ-нибудь въ Бразиліи, Конго, Аннамѣ, на Явѣ или Борнео.

Въ Парижѣ она вращалась почти исключительно въ разныхъ кружкахъ мистическаго бреда, въ которыхъ — не знаешь, гдѣ шарлатанство разграничено съ безумiемъ. Черезъ профессора моего, Мельхиседека, я стала вхожа въ одно богатое и именитое буржуазное семейство, тоже охваченное этимъ недугомъ и очень благоволившее къ русскимъ, какъ соотечественникамъ Льва Толстого, котораго эти господа почитали буддистомъ, и, въ особенности, Елены Петровны Блаватской. Имя и память послѣдней окружены были въ домѣ гг. Б. чуть не божескими почестями. Большой «идеальный» портретъ ея, писанный знаменитымъ и дорогимъ художникомъ, возвышался въ маленькой круглой боковой комнатѣ, вродѣ капеллы, расписанной лотосами. А принадлежавшій Блаватской пестрый текинскій ковриkъ и еще какая-то лоскутная реликвія, кофточка или рубашечка, хранились тутъ же, подъ портретомъ, въ особомъ золоченомъ ковчегѣ на ножкахъ, — совсѣмъ кивотъ завѣта, да еще и увѣнчанный серебряною статуэткою Изиды съ золотымъ систромъ въ рукѣ. Отъ этихъ-то Изидо-поклонниковъ услышала я давно утраченное имя madame de Kostenezki — гораздо раньше, чѣмъ ее встрѣтила... Почтительный, но въ то же время угрюмый и даже какъ бы слегка враждебный тонъ, которымъ о ней здѣсь говорили, остановилъ меня воскликнуть, при первомъ же звукѣ знакомой фамиліи:

— Да это моя сестра!

Потому что болѣе раннія встрѣчи съ иными изъ моихъ сестеръ, послѣ столько же долголѣтней разлуки, уже пріучили меня къ большой осторожности. Натерпѣлась я муки однажды въ нѣкоторомъ сѣверномъ городѣ между сестрицами, Евгеніей Павловной Боровенко, губернаторшей, и Евванѳіей Павловной Костылевой, политическою ссыльною. Обѣ заѣли меня попреками — губернаторша за ссыльную, ссыльная за губернаторшу, точно это я одну выдала замужъ за сановника, а другую сослала къ нему подъ надзоръ.

Итакъ, промолчала и стала слушать.

Говорили о томъ, что m-me de Kostenezki и какая-то m-me de Fouard только что возвратились изъ поѣздки въ Тунисъ, гдѣ онѣ провели конецъ февраля, и ихъ особнякъ въ Neuilly опять открытъ для званыхъ, избранныхъ и посвященныхъ...

— Во что посвященныхъ? — спросила я.

Мнѣ отвѣтили не сразу и какъ-то кисловато, что названныя дамы пользуются широкою извѣстностью среди ищущихъ совершенства...

— Раньше онѣ были съ нами, на пути мудрости и истины, — тяжело вздохнула хозяйка, славная румяная старушка, съ яркими и добрѣйшими гасконскими глазами-углями и въ густой, серебромъ вьющейся, сѣдинѣ. — Но тягости нашего медлительнаго подвига утомили ихъ. Онѣ нетерпѣливы и страстны. Онѣ позабыли, что, когда темному началу надо обмануть и погубить человѣка, устремившагося къ совершенству, оно пріемлетъ видъ даже ангеловъ свѣта. Онѣ поддались соблазнамъ злыхъ силъ, отвергли насъ и пути чистой

теософіи и пошли своимъ путемъ, ложнымъ и опаснымъ...

— Ты слишкомъ снисходительна, Луиза, — подхватилъ хозяинъ, толстый, коротенькій, усатый жучокъ-южанинъ, котораго — тысячѣ незнакомыхъ людей показать, такъ каждый объ закладъ побьется, что это бывшій épicier, но, навѣрное, ни одному въ голову не придетъ, что онъ имѣетъ честь видѣть жреца «Новой Изиды». — Слишкомъ! Скажи: пошли вреднымъ путемъ, страшнымъ, отвратительнымъ...

— Ахъ, Б.! — прервала его вдругъ всполошившаяся старушка: она всегда звала мужа не по имени, а по фамиліи, — сколько разъ ты обѣщалъ мнѣ, что не будешь говорить противъ нихъ такъ запальчиво и рѣзко...

— Но это мой долгъ, Луиза! — воскликнулъ жрецъ Изиды, стукнувъ себя коротенькою ручкою въ грудь колесомъ, самою природою созданную для петлички съ красною ленточкою Почетнаго Легіона.

— Да, — значительно и недовольно предостерегала его любящая супруга, — но ты можешь опять получить ударъ...

— О, я не боюсь! — хорохорился старчикъ. — Надо имѣть мужество своего мнѣнія и умѣть жертвовать собою за убѣжденія. Эти госпожи могутъ выслать на меня хоть всѣхъ своихъ демоновъ: я обличу ихъ, и они растаютъ, какъ воскъ, предъ сіяющимъ пламенемъ истины...

— Да, — стояла на своемъ старушка, — но ты опять будешь боленъ, какъ тогда, и пролежишь, кто знаетъ сколько дней, въ постели, подъ компрессами.

Напоминаніе это подѣйствовало: жрецъ Изиды умолкъ, что-то поваркивая себѣ въ пушистые, раздуваемые сердитымъ дыханіемъ, усы. А жрица обратилась ко мнѣ и кротко объяснила:

— Видите ли: въ сущности, конечно, и мы, и онѣ — m-me Костенецкая и m-me Фуаръ, — работаемъ надъ одною и тою же задачею — познаемъ тайну бытія и вѣчную истину въ смѣнѣ проходящихъ явленій и стремимся къ общему результату: блаженству въ сліяніи съ божествомъ...

— Никогда не соглашусь съ этимъ! — не утерпѣлъ, буркнулъ жрецъ. — Онѣ просто вѣдьмы, колдуньи, какъ тѣ, которыхъ, триста лѣтъ назадъ, жгли на кострахъ.

— Но мы идемъ отъ двухъ разныхъ полюсовъ, и оттого пути наши, по существу, противоположны, хотя, по внѣшности, зеркально схожи и даже какъ бы вертикально опрокинуты одинъ въ другомъ... Мы ввѣряемъ себя Путеводителю-Свѣту, и дороги нашего познанія божественно-дневныя... Онѣ признали надъ собою знакъ Ночи и ищутъ откровенія отъ голосовъ Тьмы и тайнъ Бездны... Однимъ словомъ, мы—бѣлые, онѣ черныя... Вамъ понятно?

— Какъ не понять, когда хорошо растолкуютъ! — подумала я про себя поговоркою одного изъ самыхъ веселыхъ людей моего молодого времени, кіевскаго адвоката-фельетониста, Павлика Андреевскаго, большого моего пріятеля когда-то. И, молча, склонила голову, боясь уронить хоть единое слово, потому что меня щекоталъ, неумолимо подкравшійся, смѣхъ... Это, можетъ быть, очень дурно и не культурно съ моей стороны, но

меня ничѣмъ нельзя разсмѣшить такъ быстро и неугомонно, какъ таинственнымъ и высокопарнымъ языкомъ, мистическимъ обрядомъ, вообще, игрою въ какое-нибудь сверхчеловѣческое избранничество и жречество. Въ спиритическихъ кружкахъ я была бичемъ медіумовъ — даже противъ своей воли, потому что одно время живо интересовалась спиритизмомъ и очень хотѣла въ него увѣровать, но — не вышло! Въ Парижѣ я видѣла черную мессу сатанистовъ, съ участіемъ самого Сара Пеладана, въ обстановкѣ, настолько продуманной и стильной, что, право, было увлекательно и чуть было не взволновало... Тѣмъ болѣе, что общество кругомъ полусумасшедшее, истерическое, заражаетъ... Но, когда литургія сатаны дошла до высшаго таинства и красно-черный жрецъ съ привязной бородой приступилъ къ закланію картоннаго ребенка, бѣсъ-смѣхунъ въ ту же минуту вселился въ меня съ такою веселою силою, что я должна была лечь ничкомъ на полъ и притвориться, будто меня бьетъ истерика. Потому что неудержимый, неприличный смѣхъ трясъ меня, какъ вѣтеръ осинку, и я серьезно боялась, что прорвусь бѣшенымъ хохотомъ, за который меня — хорошо, если только выведутъ, а вдругъ, съ безумныхъ-то глазъ, прибьютъ? И вотъ еще — не могу слышать, какъ французскіе актеры читаютъ стихи въ высокой драмѣ, особенно Виктора Гюго. Діалогъ еще терплю кое-какъ, но, едва, бывало, Мунэ Сюлли или Поль Мунэ взвоютъ монологъ протодьяконскою эктеньею или многолѣтіемъ, повышая тона отъ стиха къ стиху,—смерть моя! Хорошо, если сидимъ въ ложѣ: есть куда спрятаться. Но въ партерѣ — безвыходно губитъ проклятый

хохотунъ. Только и спасенія, что сдѣлать видъ, будто пошла кровь носомъ, уткнуться лицомъ въ платокъ и быстро-быстро уйти изъ зала...

Позже я узнала и — что это за удары такіе, которыми престарѣлая жрица Изиды пристращивала своего жреца. Оказывается, въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ, жрецъ, вотъ точно такъ же, какъ сегодня, возмущаясь «черными путями» госпожъ Костенецкой и Фуаръ, позволилъ себѣ обозвать ихъ нехорошимъ словомъ... И что же? Немедленно вслѣдъ затѣмъ, проходя въ домѣ своемъ неосвѣщеннымъ корридоромъ, бѣдный жрецъ получилъ отъ нѣкой незримой силы страшный ударъ подъ ложе́чку, которымъ его согнуло пополамъ, и потомъ онъ цѣлую недѣлю страдалъ мучительнымъ несвареніемъ желудка... Доктора приписывали это происшествіе геморроидальной колике и обѣду, въ которомъ жрецъ слишкомъ налегъ на шампиньоны въ остромъ соусѣ; но, какъ извѣстно, доктора, въ своемъ грубомъ матеріализмѣ, ничего не видятъ дальше собственнаго носа... Въ дѣйствительности же, ударъ подъ ложечку злорѣчиваго жреца обрушенъ былъ, въ астральномъ порядкѣ, мстительными дамами, которыхъ онъ обругалъ, и, по мнѣнію самого жреца, изъ двоихъ, именно госпожею Фуаръ: онъ клянется, что узналъ ея дюжій, костистый кулакъ, да и пріемъ-то тумака былъ чисто англійскій — въ желудокъ, боксомъ... Самое замѣчательное въ этой воздушной дракѣ, что, въ моментъ ея, г-жъ Костенецкой и Фуаръ даже не было въ Парижѣ, онѣ путешествовали въ Южной Америкѣ. Но что значитъ для нихъ разстоянія съ тѣхъ поръ, какъ онѣ стали «черными» и снизошли до магическихъ

средствъ? Онѣ могутъ слышать васъ даже изъ Буэносъ-Айреса, — и астральныя длани ихъ достаточно длинны, чтобы наградить тумакомъ даже черезъ Атлантическій океанъ.

Эти разъясненія дала мнѣ въ фіакрѣ, когда мы вдвоемъ ѣхали отъ жрецовъ Изиды къ своимъ попутнымъ отелямъ, одна очень умная и плутоватая шведка, ихъ частая гостья. Внимательная изучательница оккультизма и посвященныхъ ему кружковъ, она скрывала подъ невозмутимо серьезною маскою, много юмора и неумолимый матеріалистическій скептицизмъ. По образованію она была женщина-врачъ, но практикою не занималась, а работала у Маньяна въ нервной клиникѣ и писала какую-то диссертацію. Съ оккультистами она водилась едва ли не ради именно этого своего труда, съ цѣлью психіатрическихъ наблюденій... Къ слову замѣтить: когда эту коварную особу господа оккультисты раскусили, ей пришлось отъ нихъ очень плохо. Такъ заѣли, столько непріятностей устроили, что бѣдная шведка должна была оставить Парижъ и потомъ писала мнѣ, что даже на родинѣ нѣтъ-нѣтъ, да и аукнется ей старый грѣшокъ — не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Костенецкую и Фуаръ шведка опредѣляла полоумными того же разряда, какъ и наши гостепріимные друзья Изидопоклонники, только — изъ другой палаты, съ помѣшательствомъ острѣе, глубже и интереснѣе по формѣ одержимости и содержанію навязчивыхъ идей... Ихъ считаютъ въ Парижѣ сатаничками, предавшимися черной магіи. Но не шарлатанками съ истерикою, вродѣ группы Сара Пеладана, съ ассирійскимъ маскарадомъ

и закланіемъ картонныхъ младенцевъ, а самыми настоящими жрицами Молоха и Астарты, справляющими въ идольскомъ капищѣ воистину бѣсовскіе шабаши предъ огненною печью, которая безъ слѣда пожираетъ — о, ужасъ! — человѣческія жертвоприношенія. Все это, конечно, вздоръ: мы не въ Ниневіи или Карѳагенѣ, а въ благоустроенной столицѣ міра, гдѣ имѣется monsieur Lépine съ своими молодцами, который sait tout, voit tout et fourre son nez partout. Но вѣрно, что онѣ сочинили себѣ или вывезли откуда-то изъ своихъ экзотическихъ путешествій какую-то особую религію съ грубо пантеистическимъ ученіемъ и, если хоть сколько-нибудь справедливы слухи, съ очень безнравственнымъ и жестокимъ ритуаломъ... Но подобныя вещи теперь каждая мистическая секта въ Парижѣ разсказываетъ про другую, поэтому сплетнямъ о религіи Костенецкой и Фуаръ шведка особой вѣры не даетъ. Тѣмъ болѣе, что вся-то секта ихъ врядъ ли считаетъ дюжину адептовъ и не выходитъ за стѣны ихъ особняка. Къ прозелитизму онѣ, вопреки практикѣ другихъ сектъ, не стремятся. Шведка, напримѣръ, очень добивалась удовольствія проникнуть къ нимъ и хоть однимъ глазкомъ взглянуть, хоть краешкомъ уха прислушать ихъ тайны, — и протекцію имѣла, и рекомендаціи самыя лучшія: нѣтъ, не пустили. Такъ что — въ концѣ-концовъ — о нихъ много воображаютъ, но очень мало знаютъ и обвиняютъ ихъ лишь по предположеніямъ и догадкамъ праздной обывательской фантазіи. Очень можетъ быть, что и вовсе нѣтъ никакой секты, а, просто, блажатъ, играя въ религіозные маскарады, — ну, и, конечно, подъ этимъ предлогомъ, не безъ развратца

живутъ, — двѣ богатыя барыни, задыхающіяся отъ избытка матеріальныхъ средствъ, физическихъ силъ, пресыщенія наслажденіемъ и скуки вдоль и поперекъ изъѣзженнымъ и приглядѣвшимся повсемѣстно міромъ.

Мнѣ было очень любопытно повидать Елену и посмотрѣть оригинальный бытъ, которымъ она устроилась, а между тѣмъ страхъ бралъ: не скомпрометировать бы себя? Эту г-жу Фуаръ, пріятельницу, единомышленницу и неразлучную сожительницу Елены, парижскіе слухи рисовали прямо, какъ уголовную личность. Англичанка родомъ, вдова богатѣйшаго тонкинскаго негоціанта, французскаго еврея, она получила свое многомилліонное состояніе тѣмъ же путемъ, какъ и Елена свое многотысячное: по наслѣдству отъ мужа. Но родственники покойнаго Фуара устроили ей процессъ, въ которомъ доказывали сперва подложность завѣщанія, потомъ его недѣйствительность, въ виду сомнительнаго душевнаго состоянія завѣщателя. При этомъ они не стѣснялись прозрачными намеками, что и душевнымъ недугомъ и самою смертью бѣдный Фуаръ обязанъ былъ исключительно своей супругѣ. Она, молъ, сперва расшатала его нервную систему многолѣтнею практикою гипнотизма, а потомъ, когда онъ оттого совсѣмъ объидіотѣлъ, отравила его какимъ-то туземнымъ ядомъ. Однако, всѣ эти обвиненія пали на судебномъ слѣдствіи, что не мѣшало «всему Парижу» помнить ихъ и повторять, какъ безспорные факты, выразительно подчеркивая, что иска о клеветѣ вдова Фуаръ, съ своей стороны, вчинить не пожелала.

Къ Еленѣ Костенецкой молва была много мягче, не навязывая ей, по крайней мѣрѣ, преступленій, а только

— эксцентричность и дикости почти невѣроятныя. Такъ, напримѣръ, разсказывали, будто она, оставшись въ бракѣ съ Костенецкимъ непорочною дѣвою, впослѣдствіи, гдѣ-то въ Индіи, принесла свое цѣломудріе въ жертву каменному идолу, почитаемому демономъ плодородія. Въ миѳологическій романъ этотъ она впала —по силѣ бывшаго ей вѣщаго сновидѣнія—въ надеждѣ произвести на свѣтъ демоническое существо. Однако, каменный супругъ обманулъ ея надежды. Увѣряли, что однажды,—прочитавъ въ запискахъ какой-то англичанки, захваченной въ плѣнъ дикарями какого-то острова на Тихомъ Океанѣ, будто вождь дикарей принялъ интересную плѣнницу за духъ своей покойной любимой жены, побѣлѣвшей на томъ свѣтѣ, и весьма обрадовался ея возвращенію изъ обителей смерти къ домашнимъ пенатамъ,—Елена Костенецкая настолько плѣнилась мистическою ролью жены-покойницы, что немедленно поплыла искать этотъ островъ и этихъ дикарей. И, должно быть, нашла, потому что года черезъ два, вернулась въ Европу съ широкимъ бѣлымъ шрамомъ черезъ все лицо и съ чрезвычайно смуглымъ ребенкомъ, неизвѣстнаго происхожденія... Мальчика своего она очень любила, но онъ не вынесъ европейскаго климата, захирѣлъ. Тогда Еленѣ Костенецкой пришла въ голову блистательная идея: посвятить его гаснущую жизнь огню, какъ спасителю и живителю міра. Недолго думая, она, съ мальчикомъ, мчится курьерскимъ поѣздомъ изъ Парижа въ Баку— къ гебрамъ, чтобы они провели ребенка черезъ священное пламя... Во Владикавказѣ мальчику стало совсѣмъ худо. Тѣмъ не менѣе, мать помчала его дальше, въ почтовой каре-

тѣ, по Военно-Грузинской дорогѣ. На станціяхъ только ахали, видя ея жалкую ношу, которую, очевидно было, до Тифлиса живою не довезти. На станціи Млеты — вдругъ — Елена Костенецкая вышла изъ кареты одна: ребенокъ исчезъ. Почтальонъ, смущенный и испуганный, спрашиваетъ:

— Сударыня, а... дитя?

Елена отвѣтила съ совершеннымъ спокойствіемъ:

— Умерло.

Это почтальона не удивило, — того и ждать надо было; только перекрестился, да сказалъ: «царство небесное». Но...

— Гдѣ же тѣло?

А она—такъ же спокойно:

— Гдѣ-нибудь на дорогѣ. Я выбросила его въ окно.

Ей не хотятъ вѣрить, смотрятъ на нее, какъ на чудовище, думаютъ, что она со страха и горя помѣшалась... А она изъясняетъ хладнокровно, какъ таблицу умноженія:

— Живые не должны общаться съ мертвыми. Трупъ осквернитъ. Мертвые принадлежатъ птицамъ воздуха и звѣрямъ земли...

Сбѣжавшійся народъ чуть не убилъ ее. Спасибо, попался неглупый и добрый попъ-грузинъ, заступился, растолковалъ, что женщина не въ своемъ разумѣ... Арестовали, конечно; доставили въ Тифлисъ... Здѣсь Елена слегла въ страшнѣйшей нервной горячкѣ, которая все объяснила и погасила начатое было дѣло, слиш-

комъ очевидно оказавшееся теперь безъ состава преступленія [1])...

Объ этомъ послѣднемъ приключеніи, попавшемъ въ свое время въ русскія газеты, я смутно слышала что-то и раньше, въ Россіи, но никакъ не подозрѣвала, чтобы его героинею была моя родная сестра... Тогда газеты остерегались сообщать острые факты съ полными фамиліями дѣйствующихъ лицъ, особенно, если фамиліи были громкія. Покойный Эдмундъ Казимировичъ Костенецкій и тутъ, изъ-за гроба, выручилъ свою удивительную вдовицу: въ легкомъ прекращеніи дѣла сыграло главную роль нежеланіе тогдашняго кавказскаго главноначальствующаго, князя А. М. Дундукова-Корсакова, предать суду и гласности особу, носящую имя славнаго героя турецкой войны.

Колебанія мои разрѣшилъ случай. Въ одинъ прекрасный день я лицомъ къ лицу столкнулась съ Еленою Костенецкою,—совсѣмъ не въ мистическомъ какомъ-нибудь уголкѣ, а тамъ, гдѣ легче всего встрѣтить въ Парижѣ русскую даму: въ магазинѣ «Лувра». Мы сразу другъ друга узнали и другъ другу обрадовались. Елена меня очень обласкала и пригласила къ себѣ. Мнѣ она показалась почти не измѣнившеюся за 15 лѣтъ, что мы не видались. Моложавости поразительной. Она старше меня на восемь лѣтъ,—значитъ, когда мы свидѣлись

[1]) Эпизодъ матери, выкинувшей изъ почтовой кареты умершаго ребенка, взятъ изъ дѣйствительнаго случая, съ сохраненіемъ мѣста дѣйствія, въ 80-хъ годахъ. Героиней была конечно, не Елена Костенецкая, но столь оригинальная и странная тезка ея, что я со спокойной совѣстью присоединяю этотъ „человѣческій документъ“ къ характеристикѣ Елены Костенецкой.

Ал. Амф.

вновь, имѣла много за сорокъ, а ей нельзя было дать больше тридцати двухъ,—ну, ужъ много-много, если тридцать пять.

Шрамъ у нея на щекѣ, дѣйствительно, бѣлѣлъ, но совсѣмъ не такой грубый и безобразный, какъ разсказывали. Въ Неаполѣ женщина, пожалуй, даже гордилась бы и кокетничала подобною отмѣткою. Тамъ, вѣдь, **sfregio** для женщины вродѣ знака отличія: рѣзали, — значитъ, нравлюсь, любятъ... Въ туалетѣ Елены я тоже не примѣтила ничего «экстравагантнаго»: обычный и безъ всякаго расчета бросаться въ глаза, туалетъ богатой буржуазки изъ хорошаго общества, слѣдящей за модою и одѣвающейся у умныхъ и дорогихъ портнихъ.

На завтра, курчавый и лоснящійся черною кожею, бѣлозубый и бѣлоглазый негръ-привратникъ, въ синей, съ золотыми пуговицами, ливреѣ ввелъ меня въ особнякъ, занимаемый въ **Neuilly** госпожами Костенецкою и Фуаръ, и сдалъ меня на попеченіе швейцару въ какомъ-то, никогда невиданномъ мною, индусскомъ одѣяніи, куцомъ и златотканномъ, съ причудливымъ шитьемъ синими и красными узорами по кожанымъ штанамъ, въ бѣлоснѣжной чалмѣ надъ оливковою, трупъ трупомъ, физіономіей. А этотъ оливковый покойникъ, ударивъ въ гармоническій гонгъ, вручилъ меня молодой горничной, въ широчайшихъ пунцовыхъ атласныхъ шароварахъ. Она, на звукъ гонга, вышла откуда-то изъ разверзшейся стѣны, — съ лицомъ, какъ красная мѣдь, татуированнымъ синими звѣздочками на скулахъ и подбородкѣ; съ цѣлымъ лѣсомъ, гривою-распущенныхъ изъ-подъ звѣздчатыхъ банделетокъ, черныхъ волосъ, похожихъ на конскій хвостъ; съ браслетами на

голыхъ бронзовыхъ рукахъ и щиколкахъ ногъ... Я не знала, гдѣ я: въ циркѣ или за кулисами опернаго театра во время представленія «Лакмэ», «Аиды» или «Африканки». Но это была только прелюдія: спектакль ждалъ меня впереди.

Мѣднолицая дѣвица, съ конскимъ хвостомъ вмѣсто волосъ, повела меня длиннымъ рядомъ комнатъ, съ верхнимъ свѣтомъ, почти безъ мебели, но заставленныхъ растеніями, какъ оранжереи... Оглушительный крикъ встрѣтилъ и, не смолкая, провожалъ насъ...

— Да у васъ тутъ зоологическій садъ!—невольно воскликнула я.

Мѣднолицая дѣвица, съ улыбкою, сверкнула на меня огромными, какъ у арабской лошади, огненными глазами, качнула золотыми кольцами въ ушахъ и монистами на шеѣ и низко обнаженной груди, оскалила зубы, довольно отвратительно выкрашенные бетиловою жвачкою въ кровавый цвѣтъ. А кругомъ насъ, въ клѣткахъ и на свободѣ, кричали, во сто голосовъ, качаясь на жердочкахъ, подвѣшенныхъ кольцахъ и вѣткахъ искусственныхъ деревьевъ, разнообразнѣйшіе и пестрѣйшіе попугаи. Какія-то маленькія обезьянки сѣроголубой шерсти, съ сѣдыми бакенбардами, малиновыми носами и задами, свободно скакали между пальмами и другими тропическими деревьями, которыя росли, конечно, въ кадкахъ, но такъ искусно декорированныхъ, что въ самомъ дѣлѣ, мы точно пробирались сквозь дѣвственный лѣсъ. День былъ очень солнечный, въ стекольный потолокъ лилось водопадомъ бѣлаго сіянія голубое небо; было необычайно и весело... Въ одной изъ дальнѣйшихъ залъ, привинченный у искусственной скалы, прыгалъ,

звеня длинною тонкою цѣпочкою, скалилъ зубы, урчалъ и строилъ омерзительныя гримасы павіанъ, пренелѣпо раскрашенный всюду, гдѣ не слѣдуетъ. Онъ показался мнѣ преогромнымъ чудовищемъ. Мѣднолицая дѣвица объяснила мнѣ, что это—мандрилъ изъ Африки и посовѣтовала мнѣ держаться отъ него подальше, потому что онъ, хотя не золъ, но проказливъ, и любимая его забава—рвать дамамъ юбки, особенно, если свѣтлый туалетъ. Уже нѣсколькимъ посѣтительницамъ m-me Фуаръ должна была заплатить за испорченное платье. Только поэтому и держатъ его на цѣпи, а то онъ смирный, какъ теленокъ, за исключеніемъ времени, когда приходитъ пора любить. Тогда злѣе дьявола: ломаетъ и портитъ все вокругъ себя, бросается на каждое живое существо, которое приблизится, и—тѣмъ опаснѣе, что предательски хитеръ и коваренъ. Притворится, будто смирный и ласковый, либо даже будто спитъ, а потомъ, выбравъ удобный моментъ, вдругъ, вскочитъ и задушитъ. Прошлою весною разорвалъ такъ любимую собаку m-me Костенецкой. Его уже нѣсколько разъ — послѣ подобныхъ большихъ проказъ, — собирались подарить въ Jardin des plantes, — но жаль: очень рѣдкій и цѣнный экземпляръ. Къ тому же, нетрудно предугадать время, когда онъ долженъ бѣситься. На этотъ срокъ его загоняютъ въ клѣтку и закрываютъ досками, пока успокоится. А затѣмъ онъ — вотъ такой, какъ видите, и даже еще смирнѣе, потому что сейчасъ его тревожитъ присутствіе незнакомаго лица. Когда господжи увѣрены, что не будетъ гостей, павіану даже позволено бродить по комнатамъ безъ цѣпи и онъ ничего не портитъ. Очень уменъ. Къ m-me Костенецкой онъ

больше привязанъ, чѣмъ къ m-me Фуаръ, и, въ особенности, любитъ, пробравшись къ ней въ кабинетъ, смотрѣть, какъ она пишетъ письма. Только потомъ ужъ береги отъ него письменный столъ. Иначе все перевернетъ вверхъ дномъ, самъ весь вымажется въ чернилахъ, бумагу изорветъ, перья изломаетъ. Такой писатель!

Въ каждомъ залѣ били небольшіе фонтаны, окруженные бассейнами, которымъ рука строителя старалась придать возможно большую натуральность, то пряча воду въ гротъ, вырѣзанный въ стѣну и опутанный вьющимися растеніями; то пуская ее изъ-подъ стеколъ потолка серебрянымъ занавѣсомъ по зеленой бородѣ мелко кудрявыхъ «волосъ Венеры»; то заставляя ее прыгать каскадомъ по уступамъ искусственной скалы. Цвѣтовъ и, въ особенности, орхидей—ковры стелились; рододендроны кустились зарослями, а надъ ними отъ дерева къ дереву висѣли всевозможные вьюнки, плющъ, дикій виноградъ, ліаны, качаясь отъ прыжковъ своего пестраго, пернатаго и мохнатаго населенія, которое глушило меня своимъ крикомъ, визгомъ, пискомъ и щебетаніемъ... Изъ листвы, ползущей, вьющейся, торчащей и висящей,—странной, узорчатой, свѣтящейся причудливыми отливами здѣсь лоска, тамъ мата всѣхъ цвѣтовъ и тоновъ, отъ изумруда до рубина,—поднимались глыбами дикія лица и нелѣпыя туловища чудовищныхъ боговъ, страшныя и смѣшныя, свирѣпыя и непристойныя...

— Здѣсь нѣтъ ни одной поддѣльной вещи,—освѣдомила меня мѣднолицая проводница.—Все—съ мѣстъ.

— Какихъ же страшныхъ денегъ должно стоить это!—невольно воскликнула я.

Мѣднолицая дѣвица чуть двинула губами въ знакъ улыбки и, на ходу, — небрежно кивнувъ въ сторону какой-то трехголовой, двуполой безобразницы, усѣянной грудями, точно бородавками, и съ идіотскою улыбкою на трехъ лицахъ, одно другого скверпѣе,—произнесла:

— Вотъ за эту (тутъ она назвала имя, похожее на чиханье, и котораго я, конечно, не запомнила, да думаю, что, кромѣ Бальмонта, его никто въ Россіи и не произнесетъ) **madame** въ прошломъ году заплатила въ Вера Круцъ пять тысячъ долларовъ...

Съ искренностью могу сказать, что я не взяла бы меньше за то, чтобы лишь держать въ своей квартирѣ подобнаго урода и изо дня въ день имѣть его передъ глазами...

— **Madame Kostenezki,** — шепнула проводница, отступая, съ изгибомъ всего тѣла въ особенно почтительной и граціозной позѣ, которой у европейской женщины ни за что не увидишь. И исчезла, словно въ самомъ дѣлѣ фея въ лѣсу, предварительно указавъ мнѣ глазами, въ анфиладѣ дальнѣйшихъ залъ, быстро приближавшееся бѣлое — ну, право же, привидѣніе!

Елена шла ко мнѣ навстрѣчу, одѣтая въ нѣкій бѣлый хитонъ, съ золотымъ поясомъ, причесанная вродѣ ботичелліевскаго ангела, съ золотыми обручиками на бѣлокурой головѣ, по распущеннымъ на плечи и спину и, по моему, сильно подкрашеннымъ въ золотой отливъ, «власамъ». Извиняюсь за старинное слово, но, право, «волосамъ» сказалъ тутъ было бы недостаточно и прозаично. Надо отдать справедливость: была чрезвычайно

абантажна,—этакою «Нормою» выйти на сцену, сразу взяла бы публику. Для обыкновеннаго дома это было бы смѣшно, но здѣсь шло къ обстановкѣ. Въ рукахъ Елена держала огромную ангорскую муфту или мѣховой мѣшокъ, какъ бываютъ грѣлки для недоношенныхъ дѣтей. Изъ муфты высовывала мордочку прехорошенькая обезьянка уистити. А слѣдомъ за Еленою бѣжалъ, мягко подпрыгивая на бархатныхъ лапахъ и ловя госпожу за подолъ хитона, здороввеннѣйшій котище, вдвое крупнѣе самаго рослаго домашняго, и такой узорчатой и пестрой окраски, что я струхнула: онъ показался мнѣ, если не тигромъ, то, по крайней мѣрѣ, леопардомъ.

— Не бойся,—успокоила Елена,—это только оцелотъ. Я привезла его въ прошломъ году котенкомъ изъ Парагвая. Невинное животное, съ нимъ можетъ играть даже ребенокъ. Вотъ, если бы ты была птичка, тогда ужъ насъ извините: мы перекусили бы вамъ горлышко и выпили бы вашу кровь до послѣдней капельки. Но, такъ какъ Нандо за охоту на птичекъ бьютъ хлыстомъ, то Нандо умный, птичекъ не трогаетъ и довольствуется куриными яйцами, которыхъ съѣдаетъ три десятка въ день...

Усадила она меня на плетеную скамью подъ пальмой, а сама сѣла пониже, на скамеечку, устроенную въ видѣ упавшаго дерева, якобы поваленнаго вѣтромъ. И пошла между нами мирная бесѣда воспоминаній, ужъ, конечно, внимаемая изъ густой зелени сѣрымъ, широколицымъ, плосконосымъ идоломъ, съ такою дурацкою улыбкою, что вотъ ужъ именно хотѣлось ему сказать изъ Сологуба:

Пусть смѣются боги,
Дѣти и глупцы...

Любопытство къ странной обстановкѣ, движеніе среди новыхъ неожиданныхъ предметовъ и нѣкоторое возбужденіе при встрѣчѣ съ давно невиданнымъ, хоть и отчужденнымъ, но, все-таки, своимъ человѣкомъ—до сихъ поръ не давали мнѣ замѣчать физическихъ условій этого дома-оранжереи. Но теперь, когда мы спокойно усѣлись и возбужденіе спало, я вдругъ почувствовала себя ужасно нехорошо. Температура въ искусственныхъ тропикахъ госпожи Фуаръ поддерживалась невыносимо жаркая. Калориферы отовсюду дышали нестерпимо. Атмосфера, отравленная пряностью растеній и зловоніемъ звѣрей, удушала. Щебетанье птицъ, дикій крикъ попугаевъ, визгъ обезьянъ дурманили голову... У меня позеленѣло въ глазахъ, затуманилось, точно отъ угара. Пересиливая себя, чтобы не поддаться дурнотѣ, я теперь съ отвращеніемъ видѣла, какъ собственно говоря, все кругомъ—въ лѣсной декораціи этой—грязно, гадко, насорено, загажено птицами, замусорено звѣрями... Отъ аромата цвѣтовъ и какого-то, откуда-то тянущагося, сладкаго курева задохнуться можно, кровь къ вискамъ приливаетъ, сердцебіеніе дѣлается. А нѣтъ, нѣтъ, да и понесетъ вдругъ, сквозь благоуханіе, невыносимою тухлятиною...

Съ оцелотомъ Елены я—куда ни шло, примирилась и освоилась, хотя, когда онъ зѣвалъ, то показывалъ въ розовой пасти снѣговые острые зубы, которые казались мнѣ приспособленными перекусывать горло совсѣмъ не птичкамъ, но, по меньшей мѣрѣ, телятамъ. Но—чего ужъ я совсѣмъ не вынесла, это—когда среди разговора, Еле-

на вдругъ уставила свои, попрежнему, кукольные, свѣтлоголубые глаза къ бассейну, за рододендроны, тонко посвистала,—и, вотъ, о, ужасъ! о, мерзость!—ползутъ къ ней двѣ огромныя змѣищи, мраморныя тѣла, золотыя головы... Я вскочила, взвизгнула... А гадины лазаютъ по Еленѣ, какъ по статуѣ, руки ей обвили, шею она имъ подставляетъ,—и ничего... Еще удивилась на меня:

— Чего ты испугалась? Вѣдь это безвредные ужи... Я думала, тебѣ понравятся...

— Помилуй, чему тутъ нравиться? Я видѣть ихъ не могу.

Тогда она усмѣхнулась какъ-то криво и произнесла, стряхивая ужей, которые въ ту же минуту опять уползли къ бассейну:

— Что же ты сказала бы, если бы увидала Пиѳона!

Отъ испуга мнѣ сдѣлалось совсѣмъ дурно, я не могла уже больше терпѣть и попросила:

— Елена, будь такъ добра, не можемъ ли мы перейти куда-нибудь, гдѣ больше воздуха? Я здѣсь совсѣмъ задохлась: такъ жарко.

— Жарко? — удивилась Елена. — Неужели? Между тѣмъ, это самая прохладная часть дома. Ты видишь: я принесла свою обезьянку въ мѣховомъ одѣялѣ, потому что она у меня зябкая, а ей опасно простужаться: она уже перенесла одно воспаленіе легкихъ... Жарко! А я думала повести тебя на верхъ, къ фонарю, въ которомъ живетъ Пиѳонъ!..

— Это опять змѣя? Въ такомъ случаѣ благодарю за удовольствіе: не пойду... терпѣть не могу этихъ тварей!

— Напрасно, — возразила Елена съ нѣкоторою сухостью, — онѣ красивы, не дѣлаютъ никому вреда и приносятъ людямъ счастье въ домъ. А Пиѳонъ рѣдкій экземпляръ боа-констриктора. Доставить его съ Суматры живымъ и здоровымъ стоило Эмми бѣшеныхъ денегъ... Его печь пожираетъ каменный уголь, какъ маленькая фабрика... Впрочемъ, мы всѣ здѣсь — я, Эмми, люди, звѣри, птицы, цвѣты — избалованы дальнимъ югомъ и страшно зябкія. Не признаемъ температуры ниже 24...

Да! хорошо не признавать, когда она, въ хитонѣ своемъ, сидитъ предо мною чуть не голая, руки видны до плечъ, ноги до колѣнъ; а мнѣ-то каково—въ бархатѣ да еще на зимнее бѣлье?..А она, какъ нарочно, приглашаетъ:

— Я надѣюсь, что ты ко мнѣ на цѣлый день? Madame Fouard будетъ въ отчаяніи, если ты не останешься обѣдать.

Я говорю:

— Съ большимъ удовольствіемъ, но, въ такомъ случаѣ, отпусти меня на часокъ домой: я одѣну что-нибудь полегче... Я не ожидала, что ты живешь въ паровой банѣ! Здѣсь можетъ ударъ хватить.

Но она меня не отпустила, а отвела въ свою уборную и переодѣла въ одинъ изъ своихъ хитоновъ—такой же, какъ былъ на ней, только голубой.

Здѣсь уже не было ровно ничего экзотическаго, если не считать пожилой мулатки, которая была призвана, чтобы помочь мнѣ въ туалетѣ. Пока я облекалась въ эти жреческія ризы, Елена разспрашивала, какъ я живу въ Парижѣ, что дѣлаю, гдѣ бываю, съ кѣмъ зна-

кома... Я назвала ей шведку и моихъ милыхъ старичка со старушкой, поклоняющихся Изидѣ во образѣ Елены Блаватской... Елена улыбнулась снисходительно и сказала:

— Люди добрые, но глупые...

Положительный и спокойный тонъ, которымъ она высказала эту справедливую аттестацію, да и вообще говорила со мною и сегодня, и наканунѣ, былъ настолько далекъ отъ фантастическихъ розсказней о ней, что я рѣшилась замѣтить:

— По-моему, они нѣсколько тронуты въ умѣ, и ты съ madame Фуаръ у нихъ вродѣ idées fixse . . .

Елена возразила съ сожалѣніемъ:

— Да, они враждуютъ съ нами. Это совсѣмъ лишнее.

— Ну, вотъ! А они, наоборотъ, воображаютъ, что это вы къ нимъ враждебны. Даже до того, что ихъ колотите.

И я, смѣясь, разсказала Еленѣ, сообщенную мнѣ шведкою, исторію объ «ударахъ». Она выслушала меня съ большимъ любопытствомъ и потомъ серьезно сказала:

— Мы этого не дѣлали.

— Неужели?— расхохоталась я:—а вѣдь я, и въ самомъ дѣлѣ, думала, что ты умѣешь драться изъ Аргентины въ Парижъ... Вотъ бы подѣлилась секретомъ, Елена? Съ какимъ бы восторгомъ я послала нѣсколько пощечинъ въ Петербургъ нашему режиссеру! Ты себѣ представить не можешь, какія подлыя интриги строитъ мнѣ этотъ господинъ...

Мою легкомысленную реплику Елена оставила безъ вниманія, но еще разъ и еще серьезнѣе повторила:

— Мы этого не дѣлали, нѣтъ.

Разсказъ мой, должно быть, крѣпко запалъ ей въ душу, потому что, нѣсколькими часами позже, она вернулась къ нему и попросила меня повторить его — уже при m me Фуаръ.Та слушала съ такимъ же вниманіемъ и любопытствомъ и, когда я кончила, такъ же серьезно произнесла:

— Б. ошибаются. Мы этого не дѣлали. Это сдѣлалъ кто-то другой.

Я, изумленная, осталась съ разинутымъ ртомъ и широкими глазами. А Елена замѣтила вполголоса:

— Можетъ быть, это сдѣлалъ Мбунгу?

— Ты думаешь? — быстро спросила m-me Фуаръ, значительно сверкнувъ на нее сѣрозелеными глазами.

— Очень возможно. Мбунгу такъ сильно тебя любитъ.

— Да,—задумчиво согласилась m-me Фуаръ, — это правда. Онъ ревнивъ и мстительно относится къ тѣмъ, кто меня бранитъ.

— Вотъ видишь. Я тебѣ говорю: это Мбунгу.

— Онъ мнѣ сказалъ бы!

— Какъ будто ты не знаешь, какой онъ скрытный, когда нашалитъ!

— Я разспрошу его и, если правда, то намылю ему голову.

— И стоитъ... бѣдные старики!

Я осмѣлилась спросить, кто этотъ господинъ съ тарабарской фамиліей, о которомъ ведется ихъ таинственный разговоръ. Елена взглянула на m-me Фуаръ; та, съ какимъ-то особенно подчеркнутымъ, величественнымъ самодовольствіемъ, согласно кивнула ей

огромною краснокудрою и краснолицею головою. Тогда Елена сказала:

— Это ея мужъ.

А m-me Фуаръ, съ гордою улыбкою, добавила:

— Уже два года.

Я поперхнулась и подумала:

«Влетѣла! Что же шведка врала мнѣ, будто она вдова?»

И настолько растерялась, что увязла еще больше:

— Простите, я не усвоила фамиліи вашего супруга... у меня преплохой слухъ на иностранныя имена...

— Да, имена демоновъ, вообще, трудно звучатъ и не легко запоминаются, — хладнокровно поощрила меня Елена. M-me Фуаръ, тоже съ снисходительнымъ поощреніемъ, кивала своею морковно-рыжею, краснолицею англійскою головою и говорила:

— Нѣтъ, что же труднаго? Мбунгу... Очень просто и звучно... Совсѣмъ просто... Мбунгу... вотъ и все!

А я чувствовала, что у меня, отъ окружающей простоты, голова становится въ четыре угла. И не знала: разсердиться ли и потребовать отъ этихъ фокусницъ, чтобы онѣ перестали представляться и меня морочить; — или, наоборотъ, пѣть въ тонъ и ладъ двумъ тихимъ сумасшедшимъ, чтобы онѣ не сдѣлались бѣшеными и не обработали меня, вдвоемъ, зримыя, хуже, чѣмъ этотъ ихъ незримый бѣсовскій драчунъ Мбунгу — бѣднаго m-r Б.

По правдѣ сказать, избравъ своею супругою m-me Фуаръ, демонъ Мбунгу проявилъ весьма малое эстетическое развитіе и почти извращеніе вкуса. До Тамары этой огромной англичанкѣ,—изъ типа тѣхъ, который,

даже растолстѣвъ, какъ бочки, ухитряются остаться костлявыми,—съ пожаромъ вмѣсто волосъ и съ заревомъ во все широчайшее, ротастое лицо, — съ бѣлыми глазами, безсмысленными и хитрыми вмѣстѣ, какъ лица разставленныхъ ею въ домѣ боговъ, — съ улыбкой, обнажавшей такія лошадиныя челюсти, что зубовъ въ нихъ казалось не 32, а всѣ 64,—до Тамары, говорю я, этой новой прельстительницѣ демоновъ было очень далеко. Что касается Елены, я была искренно обрадована, когда, на робкій вопросъ мой, не состоитъ ли и она въ подобномъ демоническомъ бракѣ, она отвѣтила, что, къ сожалѣнію, еще не достигла той степени духовнаго совершенства, когда женщина можетъ удостоиться чести стать п о с т о я н н о ю (она подчеркнула голосомъ это слово) подругою демона. Изъ чего я имѣла право заключить, что временною бывала, и, конечно, сію же минуту дала себѣ слово, что не отстану отъ Елены, покуда она не посвятитъ меня въ свой демоническій романъ, съ такою же откровенностью, какъ ея огневолосая подруга. M-me Фуаръ простерла свое благоволеніе ко мнѣ настолько, что удостоила показать мнѣ портретъ своего Мбунгу: остекленный безъ рамы, листъ чернаго картона, на которомъ наклеенный фотографическій отпечатокъ являлъ удивительный сумбуръ безформенно сбитыхъ вмѣстѣ, совершенно неожиданныхъ, предметовъ. Лицо не лицо, яйцо не яйцо, торчитъ клокъ какой-то шерсти, топырятся какія-то перья, вспыхнулъ между ними какой-то огонекъ, будто зажгли шведскую спичку. И все вмѣстѣ чуть мерещится сквозь пятно какой-то мутной плевы, точно обволокнутое плавательнымъ пузыремъ или слюдою... Ну, если демо-

ны таковы, то, конечно, chaque vilain trouve sa vilaine, тогда имъ и m-me Фуаръ — хлѣбъ!.. Она же водила по стеклу толстымъ и длиннымъ, палкообразнымъ пальцемъ и сладко пѣла:

— Конечно, это надо понимать... Вы, къ сожалѣнію, не можете, вы лишены духовнаго зрѣнія, которое нужно, чтобы понять фигуру духа... Вотъ это глаза. Мнѣ жаль, что вы не можете видѣть... Вотъ Елена хорошо видитъ... Она вамъ скажетъ... Елена, скажи m-me Урошичъ: неправда-ли, у Мбунгу прекрасные глаза?

Елена, кивая головою въ золотыхъ обручикахъ, слѣдила за движеніемъ ея пальца по стеклу и говорила:

— Да, глаза потустороннихъ всегда прекрасны.

А я — только диву давалась.

— Какой шарлатанъ сочинилъ имъ этотъ плевокъ на картонѣ, загипнотизировалъ ихъ имъ, и какъ онъ подобную штуку, даже технически-то для фотографіи скомбинировалъ и устроилъ?

Слушала и—то смѣхъ беретъ, то морозъ холодною струйкою пробѣжитъ по спинѣ... А m-me Фуаръ, знай, любуется «портретомъ» и, съ сантиментальными вздохами, воркуетъ:

— Бѣдный, милый Мбунгу!.. Сколько еще на немъ знаковъ паденія... Какъ долго ему очищаться... Смотри, Елена: и здѣсь шерсть, и здѣсь, и здѣсь...

— О, гораздо меньше, чѣмъ было! — утѣшаетъ Елена. — Ты очистишь его, Эмми...

Въ удовлетвореніе моей любознательности, мнѣ объяснили, что, — видите ли вы, — демоны, въ качествѣ существъ, отпавшихъ отъ добраго начала къ злому, вообще, звѣровидны и мохнаты. Отъ безобразія

своего они страдаютъ столько же, сколько отъ потери нравственнаго совершенства, и постоянно напрягаютъ свою энергію, чтобы обрѣсти прежнюю красоту своего духовнаго и физическаго состава. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ тому является любовь къ демону существа, выше его стоящаго на лѣстницѣ тварей. Такъ какъ, изъ земныхъ существъ, женщина, — какъ послѣднее твореніе Бога, «усовершенствованный человѣкъ», —есть высочайшая и самая могущественная нравственная сила, то демоны, въ поискахъ возврата къ блаженству, стараются привлечь къ себѣ великое всеосвящающее благо женской любви. Достигнувъ ея, они, по мѣрѣ общенія съ предметами своей страсти, исправляютъ и совершенствуютъ свою испорченную природу, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣняется къ лучшему и ихъ чудовищный видъ. Мбунгу, два года тому назадъ, былъ косматъ, какъ горилла, а сейчасъ онъ уже почти человѣкъ.

— Словомъ, отъ усердія въ любви демоны линяютъ? — попробовала пошутить я, но получила въ отвѣтъ отъ Елены ледяной взглядъ, отъ котораго мой желудокъ, словно у m-r Б. подъ кулакомъ Мбунгу, куда-то подъ ложечку сжался и сердце затряслось. M-me Фуаръ, къ счастью, не разслышала.

Оставшись наединѣ съ Еленою, я, все-таки, не утерпѣла, чтобы не выразить ей сперва намеками, потомъ яснѣе, что считаю весь происшедшій разговоръ мистификаціей, а ужъ, въ особенности, романъ m-me Фуаръ съ ея, совершенствующимся чрезъ линяніе, Мбунгу и портретъ послѣдняго:

— Помилуй, есть же у меня глаза: это—выплеснутый бѣлокъ яйца, плевокъ на мостовой, пятно нефти

на водѣ, — что угодно, но на мужчину въ этой кляксѣ даже намека нѣтъ...

Но у нихъ въ этой области все было обдумано, на все былъ готовъ отвѣтъ. Елена съ превосходствомъ объяснила мнѣ, что со стороны Мбунгу была величайшая любезность и почти самоотверженіе матеріализоваться настолько, чтобы позволить фотографировать себя въ настоящемъ своемъ состояніи «бродящей демонической силы». Разумѣется, онъ и не является Эмми такимъ, какъ на портретѣ. Въ качествѣ существа крайне гибкаго, почти духовнаго, онъ можетъ вселиться въ любого человѣка и даже въ любой предметъ видимаго міра. И вотъ, въ такихъ-то вселеніяхъ онъ и становится доступенъ земной любви...

— Но если, онъ вселяется разно, то такъ, то этакъ, какъ же она, твоя Эмми, узнаетъ своего Мбунгу? — возопила я, душась отъ смѣха.

— Ей это открываютъ трепеты симпатіи.

— То есть?

— Если въ присутствіи того или другого существа она чувствуетъ особый, ей извѣстный, трепетъ, — это значитъ: въ это существо вселился Мбунгу, зовущій ее къ любви.

Мнѣ стало совсѣмъ весело. Вотъ — удобное супружество и угодливый супругъ!

— А если она, по трепету-то, ошибется?

— Это невозможно: Мбунгу всегда на стражѣ и не допуститъ ее до ошибки.

— Ну, а если ей случится ему измѣнить?

— Это невозможно.

— А, вдругъ, все-таки?

— Я говорю тебѣ: невозможно, — съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ повторила Елена. — Любовь между демономъ и женщиною исключаетъ всякую возможность измѣны.

— Да можетъ же мнѣ понравиться кто-нибудь другой, кромѣ демона?

— Если тебѣ, любящей демона и имъ любимой, нравится кто-нибудь другой, это значитъ — въ него уже вселился твой демонъ. И, слѣдовательно, тѣмъ, что человѣкъ тебѣ нравится, ты демону не только не измѣняешь, но, напротивъ, укрѣпляешь свою съ нимъ связь...

— Ну, а представь, наконецъ: мнѣ не одинъ человѣкъ, а сразу нѣсколько нравятся? Вѣдь бываетъ же?

— Да. Главнымъ образомъ, съ тѣми, чей союзъ съ однимъ демономъ еще не закрѣпленъ. Тогда это значитъ, что за обладаніе женщиною состязаются нѣсколько демоновъ, и каждый старается завлечь ее, отбивъ у другихъ, для себя. У женщины же, установившей свою связь съ демономъ, это значитъ только, что ея демонъ дѣятеленъ, непосѣдливъ, быстръ и съ необыкновенною энергіей кочуетъ изъ существа въ существо..

Рѣшительно, непобѣдима была эта Елена!

— Милая Елена, — сказала я ей, — была я два раза замужемъ церковнымъ бракомъ, дважды сходилась въ бракъ гражданскій, — и все мнѣ какъ-то не везетъ въ этомъ почтенномъ институтѣ... Мужчинишки стали такія дряни и деспоты... Не найдется ли у тебя съ m-me Fouard среди вашихъ знакомыхъ демоновъ женишка для бѣдной сестренки? По всему, что ты разсказываешь, съ подобнымъ покладистымъ мужемъ женщинѣ,

нѣсколько слабой къ сильному полу, не житье, а просто масляница...

Елена окинула меня мрачнымъ взглядомъ и отвернулась.

— Этимъ не шутятъ, — услыхала я голосъ, ставшій густымъ и грубымъ отъ наполнившей его угрозы.

Я прикусила языкъ.

— И притомъ, — нѣсколько мягче договорила она послѣ нѣкотораго молчанія, — достигнуть любви демона совсѣмъ не такъ легко.

Я обрадовалась случаю поймать ее на словѣ.

— Да, ты мнѣ уже какъ будто намекнула на это давеча?

Она, утвердительнымъ знакомъ, сомкнула глаза:

— Когда отвѣчала тебѣ, что не стою на достаточно высокой ступени совершенства... Да, мнѣ еще доступны только тѣ демоническія посѣщенія, которыя открываетъ женщинѣ сонъ...

— Не понимаю!

— Что же тутъ непонятнаго? — удивилась она, — развѣ тебѣ никогда не снилось, будто тобою любовно обладаетъ нѣкто, — все равно, тобою желанный или нежеланный, ожиданный или неожиданный?

— Бывало, что снилось, но — при чемъ же тутъ демоническое посѣщеніе?

— Да это оно самое и есть.

— Покорнѣйше благодарю! — разсмѣялась я, — не подозрѣвала и не искала такой чести!

Она согласно кивнула головой и учительно замѣтила:

— Какъ и всѣ женщины въ періодѣ Олимпіи...

— А что или кто эта Олимпія, если позволено узнать?

Елена, съ удивленіемъ, отвѣчала:

—Конечно, позволено. Какой же секретъ? Общеизвѣстный историческій фактъ.

— Ахъ, знаешь, по исторіи я — на единицу!

— Олимпія, жена македонскаго царя Филиппа, однажды видѣла во снѣ, что обладаема демономъ, въ видѣ змѣя, — и плодомъ этого союза явился на свѣтъ Александръ Македонскій.... Такъ какъ это самый громкій примѣръ демоническаго посѣщенія во снѣ, независимаго отъ воли женщины, то мы всѣхъ женщинъ, подвергающихся подобному, зовемъ именемъ Олимпіи...

— Но, моя милая Елена, — возразила я, — для подобныхъ чудесъ совсѣмъ не надо забираться въ глубь вѣковъ и въ какую-то тамъ Македонію. Этакихъ Олимпій мы знали, сколько угодно, и въ нашемъ Барышѣ, только ихъ звали не Олимпіями, но Авдотьями и Настасьями. Не такъ красиво звучитъ, но суть дѣла та же. Могу насчитать по пальцамъ, по крайней мѣрѣ, пять бабъ, о которыхъ по деревнямъ гудѣла молва, что къ нимъ летаетъ огненный змѣй, и почти всѣ онѣ были въ томъ сами увѣрены...

— А, нѣтъ! — быстро и живо перебила Елена, — ты ошибаешься: это уже значительно высшій періодъ, — это категорія библейской Сары, невѣсты Товія, дочери Рагуила, которую любилъ ревнивый демонъ Асмодей. Если помнишь, онъ умерщвлялъ всѣхъ ея женіховъ, покуда не былъ побѣжденъ и прогнанъ Товіемъ съ помощью архангела Рафаила... Олимпія — низшая ступень демонообщенія, Сара — значительно выше..

— Но въ чемъ именно разница?

— Она очевидна: демоническое посѣщеніе повторно, установлена личность демона, даже его имя, его постоянная страстная воля къ одной и той же женщинѣ,— до того, что онъ ревнуетъ и истребляетъ соперниковъ. Изъ обычныхъ категорій демоническаго общенія, эта— Сары, Рагуиловой дочери, — высшая, хотя отъ истинно высокихъ категорій она отдѣлена еще глубокою пропастью..

— А онѣ — высокія-то степени — тоже у васъ съ именами?

— Да, такъ легче запоминается, ярче рисуется, точнѣе понимается... Видишь ли, распредѣляющій признакъ двухъ порядковъ общенія — преобладаніе сознательности и воли на той или другой сторонѣ Между міромъ демоническимъ и человѣческимъ злое начало, враждебное совершенствованію тварей, поставило стѣну ложныхъ предразсудковъ и предубѣжденій, которые наполнили человѣчество незаслуженнымъ страхомъ и отвращеніемъ къ демонамъ, хотя эти послѣдніе, напротивъ, любятъ людей и нуждаются въ общеніи съ ними. Настолько, что, когда ихъ влеченіе избираетъ женщину малаго интеллекта, неспособную преодолѣть атавистическія суевѣрія и отвѣчать любви демона сознательною взаимностью, то они прибѣгаютъ къ насилію, хитрости, сонному посѣщенію, метаморфозамъ въ образы животнаго или растительнаго міра. Потому что сила предразсудковъ такъ велика, что, въ періодѣ духовнаго невѣжества, женщина даже звѣря боится менѣе, чѣмъ демона. Этимъ объясняются тѣ странные романы, которыми полна миѳологія....

— По миѳологіи слаба, но «Прекрасную Елену» видѣла.. Дальше!

— Такимъ образомъ, въ низшихъ категоріяхъ общенія преобладаніе воли — на сторонѣ демона. Его желаніе здѣсь — всемогущій произволъ, а женщина существо подчиненное и страдательное, какъ Сара, дочь Товія, иногда даже просто вещь,—тѣлесное орудіе, поле для посѣва, какъ Олимпія Македонская. Въ высшихъ категоріяхъ начинаютъ преобладать, наоборотъ, женская воля и сознательность. Преодолѣвъ, путемъ откровенія или познанія, предразсудки и страхи, посѣянные враждебнымъ началомъ, женщина — инстинктомъ или размышленіемъ — доходитъ до сознанія своего прогрессивнаго назначенія въ природѣ: — улучшать человѣчество, вознося его вверхъ по ступенямъ бытія. Тогда союзъ съ мужемъ-адамитомъ, къ которому приковало ее злое начало вѣковымъ порабощеніемъ, перестаетъ ее удовлетворять. И, дѣйствительно, адамитическій союзъ, даже въ лучшемъ случаѣ, есть союзъ равной съ равнымъ, но гораздо чаще высшей съ низшимъ, — по несовершенству мужского пола, который есть лишь предпослѣднее слово земного творенія, тогда какъ женщина — послѣднее. Въ первомъ случаѣ адамитическій бракъ для эволюціи человѣчества безполезенъ, во второмъ уже вреденъ: плюсъ на минусъ даетъ минусъ. Чувство или сознаніе ненужности дѣтопроизводства, не улучшающаго человѣчество или даже толкающаго его попятно, порождаетъ въ женщинѣ то отвращеніе къ адамитическому браку, которое во всѣхъ культурныхъ народахъ сказывается высокою оцѣнкою женщинами своего тѣлеснаго цѣломудрія, возвышеніемъ дѣвства

надъ супружествомъ, возникновеніемъ монашескихъ орденовъ, аскетизмомъ отшельницъ и т. д. Женщина, дошедшая до этихъ чувствъ и стремленій, уже созрѣваетъ для демоническаго брака и легко становится его избранницей. Прочитай Байронову мистерію «Небо и Земля», — это тамъ ярко и выпукло выражено. Далѣе. Женщина, сумѣвшая возвысить эти чувства и стремленія до самоотчетной сознательности, становится уже сама искательницею демоническаго брака, какъ единственнаго, который способенъ дать ей нравственное удовлетвореніе и оправдать ея великое назначеніе въ природѣ. И, опять таки, поиски могутъ быть низшей формы — инстинктивныя — сплетенныя изъ темныхъ полусознательныхъ желаній, или высшаго порядка — вооруженныя знаніемъ, жертвенною готовностью, логическою послѣдовательностью задачъ и средствъ. Безсознательность и полусознательность вызываютъ къ жизни грубыя демоническія явленія, вродѣ чернаго вѣдьмовства въ эпоху Возрожденія, или,—въ обратную сторону, бѣлую,—экстатическихъ стремленій аскетокъ къ Небесному Жениху. Совершенная сознательность — только у насъ... Но искать еще не значитъ достигнуть. Ищутъ сотни, достигаетъ едва ли одна. Въ лицѣ Эмми Фуаръ ты видѣла искавшую и достигнувшую, а я все еще только ищущая... И, такъ какъ я не люблю прибѣгать къ физическимъ средствамъ исканія, то оно дается мнѣ трудно и рѣдко бываетъ увѣнчано достиженіемъ.

— А какія же это физическія средства, если не секретъ?

— Настолько нѣтъ, что открыто продаются въ каждой аптекѣ — правда, обыкновенно, лишь по рецепту врача... Я же говорю тебѣ, что между демономъ и женщиной, не достигшею совершенства, посредникомъ является сонъ. Самый желательный посредникъ и единственный, который признаю я, есть сонъ естественный. Но, когда его медіумъ недостаточенъ или слишкомъ медлителенъ, многія нетерпѣливыя искательницы прибѣгаютъ къ медіуму сна искусственнаго: опьяняютъ себя эфиромъ, курятъ опіумъ, принимаютъ гашишъ... нѣкоторыя даже велятъ себя хлороформировать, потому что хлороформъ — медіумъ жестокій, но почти безошибочный...

— Но вѣдь это же самоотравленіе, Елена!

— О, да, — горячо согласилась она. — Ядъ для тѣла, ядъ для дуиш. Поэтому я и чуждаюсь подобныхъ средствъ, хотя почти всѣ наши ими пользуются... даже злоупотребляютъ...

— Въ томъ числѣ **m-me** Фуаръ?

— Нѣтъ,—отреклась Елена, съ гордымъ благоговѣніемъ. — Эмми уже выше всего этого — и нашихъ потребностей, и нашихъ средствъ. Ей не нужны медіумы, она сама медіумъ. Зачѣмъ бы она стала искать общеній чрезъ сонное видѣніе? Мбунгу является къ ней, по первому зову ея мысли, наяву...

— Если я была на мѣстѣ господина Мбунгу, — замѣтила я, какъ сумѣла осторожно, — то выбрала бы тебя, а никакъ не **m-me de Fouard** Между нами будь сказано, неказиста она, эта твоя любезная подруга...

Сказала — и испугалась. Но мы, женщины, рѣдко обижаемся, когда насъ хвалятъ за счетъ обруганной

подруги. Не обидѣлась и Елена, — только пожала плечами и, съ видомъ и въ тонѣ превосходства, изрекающаго азбучныя истины предъ ничего не смыслящимъ младенцемъ, — возразила:

— Что значитъ тѣлесная красота для утонченнаго, почти духовнаго существа, какъ Мбунгу? Вѣдь демоны видятъ насъ не земными глазами, слабыми, не проницающими даже и физическую-то половину нашего существа глубже поверхности, то-есть — тончайшаго слоя свѣтовой игры, которая менѣе всего зависитъ отъ человѣка и менѣе всего опредѣляетъ его существо... Ты, какъ и многіе непосвященные, находишь Эмми некрасивою. Но знаешь ли ты, что приближеніе къ потустороннему существу преображаетъ человѣка духовною красотою, въ сравненіи съ которою самая пышная земная прелесть — блѣднѣе свѣчи при сіяющемъ солнцѣ? О, если бы ты могла видѣть Эмми, въ экстазѣ демонической трансфигураціи, когда отъ лица ея исходятъ ослѣпительные лучи и самыя одежды становятся бѣлыми, какъ снѣгъ подъ солнцемъ...

Я хотѣла замѣтить, что физіономія Эмми, и безъ трансфигураціи, свѣтится преувеличеннымъ лоскомъ, такъ что не мѣшало бы ей чаще пудриться. Но недавній опытъ научилъ меня, что скептическія наблюденія и шутки не встрѣчаютъ въ этомъ домѣ особенно радушнаго пріема. А потому предпочла въ этомъ пунктѣ промолчать, а снова предложила вопросъ объ именахъ высшихъ демоническихъ избранницъ.

— Нѣкоторыхъ самыхъ высшихъ именъ я и сама еще не знаю, — отвѣчала Елена. — Изъ тѣхъ же, которыя мнѣ открыты, высшую степень я не хочу назвать

тебѣ потому, что, хотя ты и рекомендуешь себя свободомыслящей, но, все-таки, христіанка. А я, по частному опыту, знаю, что это имя озадачиваетъ христіанскій слухъ, и христіане не могутъ намъ простить, что мы его заимствовали въ свой культъ.

— Ты говоришь о христіанствѣ, какъ о чемъ-то чужомъ и постороннемъ?

Она усмѣхнулась ѣдко и спросила:

— А тебѣ оно близко?

— Ммм... не скажу, чтобы я была религіозна и много думала о спасеніи своей грѣшной души, но — кто же я, если не христіанка? Вѣдь крестили же насъ...

— И даже не спрашивали, хотимъ ли, — равнодушно возразила она и — безповоротнымъ приговоромъ — закончила:

— Въ христіанствѣ много красоты, но это религія слабыхъ, а слабый организмъ — орудіе регресса и — въ эволюціи человѣческаго духа — можетъ быть только тормазомъ... Когда-то я была христіанкою — и даже пылкою... Но это было давно — очень давно... осталось далеко позади... далеко, далеко позади...

— Но, если ты ушла изъ христіанства, то къ какой же религіи причисляешь себя теперь?

Она чуть улыбнулась:

— А развѣ необходимо причисляться? Экая у всѣхъ васъ потребность быть записанными въ приходскую книгу!... А своей религіи имѣть нельзя?

— Можно, но—всѣ вещи на свѣтѣ имѣютъ свое названіе, должна имѣть его и твоя религія...

Елена отвѣчала, съ улыбкою:

— А ты поймешь, если я назову?

— Да почему же нѣтъ? Не такъ ужъ совершенно я необразована!

Тогда она испустила горломъ какіе-то звуки, въ сравненіи съ которыми имя «Мбунгу» было идеаломъ красоты и ясности...

— Поняла?

— Нѣтъ, не поняла, — сказала я, обиженная. — Ты смѣешься надо мною.

— Нисколько. Это подлинное имя одного племени въ Гиндукушѣ, по которому мы опредѣляемъ нашу религію, потому что это племя сохранило въ наибольшей чистотѣ ея догму, преданіе и обрядъ... Имя племени — названіе религіи, названіе религіи — имя племени.

— Какое-то тарабарское нарѣчіе! Переведи мнѣ.

— Да — если непереводимо?!..

И, подумавъ, прибавила:

— И, потомъ, это, все-таки, не совсѣмъ то... Мы взяли тамъ только основу... первобытную наивную красоту... Очень можетъ быть, что истинный, — она снова съ величайшею легкостью произнесла слово, которымъ всякая порядочная европеянка должна трижды подавиться, прежде чѣмъ его выкашляетъ, — даже не узналъ бы своей религіи въ нашемъ культѣ: настолько скрылась и видоизмѣнилась она подъ синкретическими наслоеніями, которыя мы восприняли изъ другихъ религій — и всегда рады воспринять, — лишь бы сходилось въ гармонію съ нашею собственною системою...

— Это сходится? — не безъ ядовитости указала я ей на ту каменную, двуполую безобразницу съ тремя глупыми мордами и безчисленными грудями-бородавка-

ми, которая такъ возмутила меня давеча и вся по существу, и тѣмъ, что за нее заплачено пять тысячъ долларовъ въ Вера Круцѣ.

Елена окинула идолъ экзаменующимъ взглядомъ, точно впервые его видѣла, и спокойно произнесла:

— Очень.

Въ остальныя недѣли своего парижскаго житья я бывала у Елены довольно часто. Должно быть, я нравилась Neuilly'скимъ отшельницамъ, потому что обѣ онѣ принимали меня чрезвычайно радушно. Можетъ быть, я, все-таки, вносила нѣкоторое разнообразіе въ ихъ страшно уединенный бытъ, въ которомъ демоновъ витало сколько угодно, а людей почти вовсе не бывало. Застать у нихъ кого-нибудь, кромѣ черномазыхъ прислужницъ и прислужниковъ, было великимъ чудомъ. Только однажды, когда я входила въ особнякъ, въ вестибюлѣ прошли мимо меня двѣ уходившія дамы. Одна пожилая, вся въ черномъ, желтолицая, сытая, какъ игуменья богатаго монастыря, и съ колюче постнымъ выраженіемъ лицемѣрныхъ черныхъ глазъ. Другая — блондинка, молодая, великолѣпно одѣтая и такой царственной красоты и осанки, что, глядя на нее, первою мыслью являлось:

— А не видала ли я этого профиля на монетахъ или почтовыхъ маркахъ?

Залюбовавшись красавицей, я, лишь когда дверь за ними закрылась, вспомнила, что черты старухи мнѣ показались какъ будто знакомыми, да и она что-то впилась въ лицо мое не чужимъ взглядомъ.

— Видѣла, кто у меня былъ? — спросила меня Елена. Я нашла ее въ зимнемъ саду кормящею сахаромъ и

морковью чудовищнаго своего мандрила, который отъ восторга подлаивалъ, какъ собака, и похрюкивалъ, какъ свинья.

— Да! Вотъ богиня! Кто такая?

Елена отвѣчала съ улыбкой:

— Обѣ тебѣ небезъизвѣстны... Молодая еще недавно носила нашу фамилію и намъ съ тобою — въ нѣкоторомъ родѣ — номинальная сестра... Княгиня ***, младшая дочь принца * и Маргариты Карловны Крѣпышевой, урожденной фонъ-Рейнъ...

Ну, и пожалѣла же я, что не пріѣхала получасомъ раньше!

— А пожилую неужели ты не узнала? Вѣдь это же Аріадна Семеновна Ф...

Аріадна Семеновна? Кто такая Аріадна Семеновна Ф.? Столько лѣтъ пролетѣло столько воды уплыло, что память едва-едва осилила найти въ прошломъ имя и скромную фигуру богомольной учительницы, нѣкогда изгнанной покойною мамою изъ Барыша за развратъ, внесенный ею въ дѣвичью.

— Можетъ ли быть? Какими судьбами она здѣсь? Что она въ Парижѣ дѣлаетъ?

Елена усмѣхнулась съ ироніей, которая показалась мнѣ нѣсколько злобной:

— Сейчасъ управляетъ дѣлами вотъ этой нашей великолѣпной родственницы и разводитъ ее съ ея идіотическимъ княземъ-супругомъ... А вообще... ищетъ истины!

— А молодая?

Елена пожала плечами и отвѣтила совсѣмъ уже ѣдко:

— Помогаетъ ей.

Я увидѣла, что разспросы мои ей непріятны, и ограничилась замѣчаніемъ:

— Боже мой, право, этотъ Парижъ — какая-то сточная труба міра. Кого-кого и откуда только не заноситъ въ него кончать жизнь...

— Ну, Аріадна эта кончать еще ничуть не намѣрена, — пробормотала Елена, — успѣетъ еще нѣсколькихъ несчастныхъ одурачить и сдѣлать развратницами.

И перемѣнила разговоръ.

Моя всевѣдущая шведка много поразсказала мнѣ о княгинѣ *** и ея черной спутницѣ. Оказывается, обѣ онѣ, года два тому назадъ, перешли въ католичество.

— Зачѣмъ?

— А кто жъ ихъ знаетъ? Вѣроятно, потому, что въ католичествѣ для романтическихъ психопатокъ больше острыхъ ощущеній... Обѣ эти госпожи только и дѣлаютъ, что ходятъ изъ церкви въ церковь, да исповѣдуются.

— Такія вѣрующія?

Шведка засмѣялась.

— Да нѣтъ же... Про старуху не знаю, а объ юной княгинѣ слыхала, будто она, въ числѣ прочихъ своихъ спортовъ, занималась одно время тѣмъ, что возьметъ книжку Лео Таксиля, Шинеке или древній требникъ іезуитскій, вычитаетъ изъ нихъ самые непристойные грѣхи, своихъ выдумокъ прибавитъ, разовьетъ и — несетъ этакій романъ попу въ конфессіоналъ... Да попа-то норовитъ выбрать не равнодушнаго свѣтскаго любезника, а изъ фанатиковъ, чтобы былъ искренній, рели-

гіозный, къ аскетизму склонный... Ну, понятно, бѣда же ему отъ такой исповѣдницы: дьяволъ живымъ искушеніемъ въ глаза смотритъ и сладкимъ голосомъ нашептываетъ грѣхи, которые смутили бы самого св. Антонія... Говорятъ, гдѣ-то въ Бретани она домучила попа до того, что онъ выскочилъ изъ конфессіонала и избилъ ее до синяковъ, чѣмъ, впрочемъ, она осталась очень довольна и даже сдѣлала пожертвованіе на церковь...

Надо отдать полную справедливость деликатности Елены Костенецкой и Эмми Фуаръ: угадавъ во мнѣ по первому впечатлѣнію женщину скептическаго склада и менѣе всего склонную къ мистикѣ, онѣ не только не пытались обратить меня къ своимъ взглядамъ и вѣрованіямъ, но даже какъ будто умышленно избѣгали въ разговорахъ со мною темъ, наводящихъ на подобныя откровенія и словопренія... Изрѣдка и урывками мелькало кое-что, будто изъ-за неосторожно распахнувшейся занавѣски, и сейчасъ же спѣшило опять запахнуться. Не знаю, во что обращался ихъ дикій, лѣсной въ комнатахъ, бытъ, когда меня не бывало. Но, когда бы я ни пріѣзжала, утромъ ли раннимъ, въ полдень-ли, къ чаепитію-ли въ пять часовъ, вечеромъ-ли, однажды, даже изъ оперы, послѣ спектакля, — никогда я не замѣчала недавнихъ слѣдовъ ничего, какъ потомъ стали выражаться, «оргійнаго»... Въ рабочемъ кабинетѣ Елены пристрастіе хозяйки къ оккультизму выдавалъ только книжный шкафъ, пестрѣвшій корешками книгъ съ названіями вродѣ «Le miroir de Phébus» или «L' incrédulité et mescréance du sortiége plainement convaincue», да двѣ старинныя

статуэтки на письменномъ столѣ — бронзовый минотавръ съ бычачьей головой, несущій на плечахъ своихъ земной шаръ, и, изъ слоновой кости, женщина-сатиресса, верхомъ на козлѣ, играющая на свирѣли. Вообще же, царствовалъ порядокъ строгій, почти педантическій. Правда, въ квартирѣ были покои, куда меня никогда не приглашали. Однажды, почти наканунѣ своего отъѣзда изъ Парижа, я, пріѣхавъ къ Еленѣ рано утромъ, дала ей понять намекомъ, что это немножко напоминаетъ сказку о Синей Бородѣ... Она, въ отвѣтъ, молча, отворила предо мною одну изъ запретныхъ дверей и ввела меня въ небольшой круглый залъ, съ куполомъ-полушаромъ, какъ въ римскомъ Пантеонѣ и съ такими же голыми стѣнами, залитыми рѣзкимъ бѣлымъ свѣтомъ изъ верхняго люминарія.

— Здѣсь ничего нѣтъ! — воскликнула я съ невольнымъ разочарованіемъ.

А Елена отвѣчала, съ жесткою усмѣшкою:

— Залъ нашихъ оргій, о которыхъ ты, вѣроятно, много слышала въ Парижѣ...

Я должна была признаться, что да, случалось.

— Вѣришь? — спросила Елена коротко и вяло.

Я поспѣшила возмутиться:

— Ну, вотъ, за кого ты меня принимаешь!

Но, должно быть, голосъ мой прозвучалъ не совсѣмъ искренно, потому что она, съ тою же непріятною усмѣшкою, возразила:

— Напрасно. Никогда не слѣдуетъ ни черезчуръ вѣрить, ни совершенно не вѣрить. Дыма безъ огня не бываетъ, но случается, что слишкомъ много дыма да-

етъ совсѣмъ небольшой огонь. Это, знаешь, зависитъ отъ топлива...

И, наградивъ меня столь двусмысленной сентенціей, какъ ни въ чемъ не бывало, повела меня дальше, черезъ рядъ маленькихъ комнатъ, нежилыхъ и пустынныхъ, пока не вывела къ такой же ротондѣ, какъ первая. Но здѣсь, дѣйствительно, нашлось кое-что удивительное, такъ какъ посреди зала, на гранитныхъ пьедесталахъ возвышались два базальтовыя изображенія, которыя не смущаютъ взора только въ анатомическихъ атласахъ. Между изображеніями, на высокихъ ножкахъ, дымилось бронзовое бразеро старинной, замѣчательно тонкой работы. Входя въ это курьезное помѣщеніе, Елена опустила, на ходу, руку въ висѣвшій у дверей парчевой мѣшочекъ и, взявъ изъ него, что-то бросила на угли... Они зачадили сладкимъ, приторнымъ запахомъ, который я не разъ слышала издали даже въ зимнемъ саду, и отъ него у меня всегда кружилась голова... Озадаченная, я молчала. Молчала и Елена, — какъ мнѣ казалось, наслаждаясь своею дерзостью и моимъ ошеломленіемъ.

— И это все? — спросила я, наконецъ.

— Все, — отвѣтила она, какъ нитку оборвала.

Потомъ, подумавъ, прибавила:

— На верху, въ фонарѣ, я уже говорила тебѣ, есть еще Пиѳонъ.. Но ты не любишь змѣй и боишься жары... Притомъ, за стекломъ онъ такой же, какъ во всѣхъ звѣринцахъ, а стекло поднимать Эмми позволяетъ только въ своемъ присутствіи...

Она опять бросила своего снадобья въ бразеро, опять отравила комнату сладкимъ дымомъ и протянула

ко мнѣ открытую ладонь, на которой блестѣли желтыя зерна.

— Можетъ быть... желаешь?

Я очень плохая христіанка, чтобы не сказать — никакая. Да и вообще, настолько индифферентна къ религіи, что даже толкомъ никогда и не задумывалась, во что, собственно, я вѣрю и вѣрю ли во что-нибудь. Суевѣрій во мнѣ живетъ много, — на то въ Барышѣ среди бабъ выросла и за кулисами молодость провела,— но вѣры — развѣ, что есть чуточка въ инстинктѣ, въ сознаніи же — пустота, ни-ни! Предлагаемое Еленою куреніе рѣшительно ни къ чему меня не обязывало и, конечно, было бы, съ моей стороны, только актомъ отвѣтной любезности за то, что она показала мнѣ свое «капище». Равнымъ образомъ, я понимала и самое предложеніе-то ея, конечно, не болѣе, какъ своеобразнымъ актомъ вѣжливости къ пріятной гостьѣ, а совсѣмъ не какою-нибудь вербовкою въ идолопоклонство... Но, въ то же время, я чувствовала, что руки у меня налились свинцомъ и стали пудовыя и скорѣе отсохнутъ, чѣмъ возьмутъ зерна изъ руки Елены и бросятъ ихъ въ бразеро. Я совершенно ясно понимаю, что отказомъ могу очень обидѣть эту несчастную Елену, священнодѣйствующую въ своемъ бѣломъ хитонѣ, со своими золотыми обручами на головѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, непроходимая глупость — стоять съ серьезнымъ видомъ жрицы, воскуряя ѳиміамъ предъ окаменѣлыми рисунками изъ анатомическаго атласа — глядѣла мнѣ въ глаза еще яснѣе. Я отчетливо сознавала, что если уступлю, то потеряю всякое уваженіе къ себѣ — можетъ быть, навсегда. И никогда не забуду этой минуты и, навѣрное,

годами, каждый день буду не одинъ разъ краснѣть, мучительно, оскорбительно ее вспоминая, какъ величайшее свое униженіе, ни съ чѣмъ несравнимое, не могущее быть превзойденнымъ...

Елена, простоявъ нѣсколько секундъ съ открытою ладонью, чуть усмѣхнулась и сама бросила зерна на уголья... Мнѣ, однако, показалось, что она не оскорблена.

— Откуда это? — спросила я — единственно для того, чтобы слышать ея голосъ.

Она отвѣчала спокойно, безъ обиды въ звукѣ.

— Мужчина изъ Аннама, женщина изъ Мексики... Имъ не менѣе, чѣмъ по три тысячи лѣтъ... Двойниковъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ Британскаго музея... Луврскіе сомнительны...

И, видя, что я очень взволнована и разстроена, замѣтила съ усмѣшкой:

— Все зависитъ отъ выбора, мой другъ... Одни жгутъ ладанъ въ честь смерти, другіе въ честь рожденія..

Въ жилыя комнаты мы вернулись длинною галлереею, со стѣнъ которой важно глядѣли темныя пятна большихъ картинъ. Въ большинствѣ — превосходныя копіи знаменитыхъ музейныхъ сокровищъ, частію такія старинныя, что, по значенію стиля, уже стоили оригиналовъ, частію новыя, но, видимо, сдѣланныя по дорогому любительскому заказу руками не простыхъ художниковъ. Но были и оригиналы. У нѣкоторыхъ Елена пріостанавливалась, поднимая руку, и коротко бросала:

— Рошгроссъ... Макартъ... Жмурко... Бенаръ... Беклинъ...

Почти всѣ картины были миѳологическаго содержанія, въ разнообразномъ однообразіи повторяя любовь и ласки бога, человѣка, звѣря, птицы, змѣи, облаковъ, огня, дерева, морской пѣны... На одной стѣнѣ запрокинула красивую страстную голову «Леда» Паоло Веронезе, на другой задыхалась въ истомномъ облакѣ «Іо» Корреджіо, надъ входною дверью большое полотно Джуліо Романо разсказывало змѣиный сонъ Олимпіи, давшей жизнь Александру Великому, надъ выходною—такое же большое—нѣжилась, засыпанная золотомъ, «Даная» Тиціана..

— Обрати вниманіе на скульптуру, — указала мнѣ Елена на рядъ небольшихъ статуэтокъ, привинченныхъ на кронштейнахъ въ промежуткахъ нижнихъ картинъ. Но я и безъ того уже обратила, потому что онѣ издали бросались въ глаза своею странною пестротою: бѣлоснѣжный мраморъ сочетался съ чернымъ базальтомъ, серебро съ темною бронзою, золоченая бронза — съ коринѳскою, слоновая кость — съ чернымъ деревомъ, натуральный желтый воскъ — съ крашенымъ чернымъ, темно-зеленымъ, краснымъ...

Елена объясняла:

— Работы Ф. Слыхала?

— Что-то, какъ-будто, когда-то, но — не увѣрена.

— Не удивительно. Онъ, кромѣ нашей коллекціи, почти ничего не оставилъ. Есть его «Сказка» въ musée de Luxembourg, «Аврора и Мемнонъ» въ Мюнхенѣ, «Похищеніе Прозерпины» въ Римѣ... Самая замѣчательная его вещь — «Распятіе» — была въ Москвѣ у князя Ю. Но князь умеръ разореннымъ, коллекціи его распроданы,—и мы съ Эмми напрасно ищемъ «Распя-

тіе» по всѣмъ художественнымъ рынкамъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ...

— Да зачѣмъ вамъ Распятіе? — невольно вырвалось у меня, — неужели вы рѣшились бы поставить его... здѣсь? Вѣдь это же... ну, я не говорю уже кощунство, потому что, разъ вы не христіанки, то символы христіанства для васъ ничего не значатъ, — но — просто — коробящій диссонансъ...

Она отвѣчала холодно, небрежно:

— Да, всякое другое «Распятіе» здѣсь нарушило бы гармонію, но Ф. зналъ, что дѣлалъ... Онъ былъ нашъ... то-есть не совсѣмъ нашъ, потому что убоялся посвященія и остался — такимъ образомъ — лишь на границѣ нашего гнозиса...

— Чего-о-о?

— Гнозиса.

— А это что за звѣрь и чѣмъ его кормятъ?

— Высшее познаніе, свойственное нашей религіи, которое роднитъ насъ съ тайнами природы и убиваетъ незнаніе, то-есть страхъ... Но, все же, онъ былъ, — какъ вы, христіане, зовете, — язычникъ и мистикъ.... Постой, я покажу тебѣ гравюру... У тебя хорошее зрѣніе?

— Нѣсколько дальнозорка...

— А тогда, значитъ, сперва смотри вблизи...

Смотрю. Ничего особеннаго. Обыкновенное распятіе католическаго типа — и, по моему, даже довольно топорной, заурядной работы, почти кустарный шаблонъ. Но — по мѣрѣ того, какъ Елена отдаляетъ гравюру отъ глазъ моихъ, совершается чудо: распятое тѣло принимаетъ округленность и нѣжность

женскихъ формъ; терновый вѣнецъ превращается въ разсыпавшіеся кудри, плющъ и розы; ликъ подъ ними потерялъ бороду, сдѣлался юнымъ, дѣвическимъ, и, вмѣсто мучительной скорби, сверкаетъ вакхическимъ смѣхомъ; крестъ разбѣжался извилинами виноградной лозы; копье и трость съ губкою стали двумя тирсами... вмѣсто средневѣковаго, измученнаго, кроткаго Христа на крестѣ — хохочетъ, изъ виноградной кущи, въ глаза зрителю дерзкая язычница-вакханка... И — какая!

— Однако! — только и могла произнести я, даже растерявшись: я боюсь такихъ вещей!

Съ жесткою усмѣшкою, которая въ ней такъ смущала меня, потому что заставляла вспомнить сумасшедшаго мужа, — Елена спрятала снимокъ туда же, откуда достала его—за «Спящую Діану» Аннибала Караччи, — и сказала:

— Да, прозводитъ впечатлѣніе даже въ гравюрѣ, — можешь судить, каково было въ слоновой кости... И вотъ — пропало!

— Быть можетъ, его укралъ дьяволъ, чтобы помѣстить въ свою божницу? — попробовала пошутить я. Елена отвѣчала серьезно:

— Нѣтъ, скорѣе оно попало въ руки какого-нибудь христіанскаго фанатика, который возмутился и истребилъ его.. Однако, Эмми спрашивала Мбунгу. Онъ сказалъ: цѣло, ищите... А онъ долженъ знать....

Я закусила губы, потому что — уже пріучила себя терпѣть всякій ея бредъ, но, какъ скоро на сцену появлялся очаровательный господинъ Мбунгу, я не могла — переставала владѣть собою: юморъ этого несравненнаго комика, такъ похожаго на яичный бѣлокъ, оброс-

шій бородою, неизмѣнно оказывался выше силъ моихъ. Елена, не замѣчая или дѣлая видъ, будто не замѣчаетъ, говорила:

— Да, невознаградимая потеря... Этотъ креолъ обладалъ талантомъ необыкновеннымъ... Еслибы не ранняя смерть, Европа имѣла бы однимъ геніемъ больше... Фелисьенъ Ропсъ пробовалъ сдѣлать нѣчто подобное въ своихъ «Les Sataniques», но — гдѣ же!.. далеко!..

— Давно онъ умеръ?

— Уже шестой годъ.

Помолчала и прибавила:

— Застрѣлился. Всего тридцать третій годъ ему шелъ. Жаль.

— Несчастная любовь?

— Нѣтъ, испугался прогрессивнаго паралича...

— Вотъ оно что... Бываетъ... И — ахъ, Леля, какъ помучилась я съ безумнымъ мужемъ-паралитикомъ, то, право, ужъ и не знаю, жалѣть ли подобныхъ самоубійцъ?.. А, знаешь, вѣдь, и въ работахъ вашего Ф. уже чувствуется что-то неладное... Какіе сюжеты! страстность! Впрочемъ, можетъ быть, все это — тоже по заказу **m-me** Фуаръ?

— Нѣтъ, Ф. нельзя было заказывать. Онъ творилъ только то, что овладѣвало его зрѣніемъ.

— Елена! — воскликнула я, въ жалобномъ негодованіи, — помилосердствуй! Не будешь же ты увѣрять меня, будто онъ видѣлъ вотъ эту госпожу съ рыбьимъ хвостомъ, которая такъ нѣжно цѣлуетъ везущаго ее дельфина?

Она пояснила:

— Я говорила о второмъ зрѣніи.

— А! О второмъ! — обрадовалась я, — это о томъ, которое видитъ событія за шесть тысячъ верстъ, а того, что дѣлается въ комнатѣ, не замѣчаетъ? А скажи, пожалуйста: памяти впередъ у него не было?

— Нѣтъ, не замѣчала. А что ты знаешь о памяти впередъ — и откуда?

— Супруги Б. просвѣтили. Будто была какая-то Атлантида, а въ ней жили какіе-то атланты, и — мы, вотъ, мечтаемъ впередъ, а помнимъ назадъ, а они — наоборотъ — мечтали назадъ, а помнили впередъ...

— И, сверхъ того, никогда не смѣялись надъ тѣмъ, чего не умѣли понять, — остановила меня Елена — на этотъ разъ, съ такою кротостью взгляда и тона, что мнѣ стало совѣстно, и я примолкла. А она говорила:

— Въ работахъ Ф. есть другая особенность, которую — удивляюсь, что ты не замѣчаешь. Она бросается въ глаза. Не знаю, разслышала ли ты, что я назвала его креоломъ. Въ немъ, дѣйствительно, была капелька негритянской крови, но — въ чрезвычайно отдаленномъ колѣнѣ, еще дальше, чѣмъ у нашего Пушкина. Однако, Пушкинъ своею африканскою кровью гордился и хвалился, а Ф., наоборотъ, ея стыдился. И, если кого ненавидѣлъ и презиралъ этотъ блистательный парижанинъ, такъ это именно — цвѣтныхъ людей. А, между тѣмъ, посмотри: рѣшительно всѣ его работы посвящены половому торжеству черной расы надъ бѣлою. Бѣлое начало всегда принижено и покоряется, черное всегда властвуетъ и торжествуетъ. И, когда онъ работалъ, то насвистывалъ пѣсни и пляски — «бамбулу» — негровъ въ Антильскихъ острововъ. Когда ему говорили о томъ, онъ выходилъ изъ себя, увѣрялъ, что на него выдумы-

ваютъ, клевещутъ, разражался проклятіями и ругательствами на всю «проклятую породу вонючихъ негровъ». Его любимою клятвою было: «будь я негръ, если это неправда!» Но — стоило ему осѣниться вдохновеніемъ и взяться за работу, онъ, дѣйствительно, дѣлался негромъ, хоть и оставался бѣлъ лицомъ, и безсознательно воплощалъ въ мраморѣ или бронзѣ свой чувственный восторгъ къ расѣ черной и — полную мстительнаго сладострастія — ненависть къ расѣ бѣлой... Очевидно, капелька негритянской крови, уцѣлѣвшая въ его европейскомъ организмѣ, и была его талантомъ... А, вотъ, взгляни, теперь я тебѣ покажу, отъ чего онъ умеръ...

Елена протянула руку къ красной шелковой занавѣскѣ между Рубенсовою «Еленою Фурманъ» и чьею-то, обвитою удавомъ, «Саламбо» и, отдернувъ, обнаружила стѣнную нишу, тоже обитую краснымъ дамасомъ, а въ нишѣ большую, въ человѣческій ростъ, статую изъ базальта, чернаго, какъ уголь. Сидитъ на камнѣ, упершись ладонями въ колѣна, локти широко врозь, колѣна тоже, дородная и уже не очень молодая негритянка и хохочетъ, закинувъ назадъ курчавую голову, сверкая эмалевыми глазами и зубами... Анатомія поразительная: живой человѣкъ! — и въ жизнь свою не видала я болѣе могучей экспрессіи смѣха. Не исключая даже прославившихся впослѣдствіи малявинскихъ красныхъ бабъ! Глядишь — и видишь, какъ сотрясается, слышишь, какъ грохочетъ животнымъ весельемъ огромное тѣло черной женщины-звѣря. Напряглись руки-лапы, сжимая готовыя затопотать и запрыгать ноги, къ которымъ больше пошли бы копыта, чѣмъ ступни; подобрались бока, вздымаются плечи, тяжкимъ спазмомъ

задохнулась грудь и колеблются на ней могучіе сосцы; дрожатъ толстыя губы, ходуномъ ходитъ животъ...

— Каково?

— Изумительно! Лучшая вещь въ галлереѣ. Но почему она завѣшена?

— Эмми не любитъ видѣть ее — съ тѣхъ поръ, какъ она нанесла бѣдному Ф. смерть...

И тутъ Елена разсказала мнѣ престранную исторію.

Ф. встрѣтилъ эту негритянку въ Порторико. Она торговала фруктами на базарѣ, а приторговывала проституціей; также гадала на картахъ, по рукѣ, на костяхъ и т. д. Имѣла репутацію слегка вѣдьмы, и очень много — скупщицы краденаго и закадычной пріятельницы всѣхъ портовыхъ бандитовъ и контрабандистовъ. Звали ее по-христіански Марія-Роза, а по уличной кличкѣ Кабала Нера, что обозначаетъ — Черная Кобыла, и прозвана она такъ была не столько за свое могучее тѣлосложеніе и несокрушимое здоровье, сколько за неугомонный, ржущій смѣхъ. Ф. не задолго предъ тѣмъ получилъ приглашеніе отъ своего родного города — очень богатаго торговаго порта южной Франціи — проэктировать для главной городской площади монументальный фонтанъ. Вдохновеніе осѣнило его — для центральной группы—символомъ «Земли въ объятіяхъ моря»: Посейдонъ, въ образѣ коня, преслѣдуетъ Цереру, во образѣ центавриссы... Когда Ф. встрѣтилъ Кабалу Неру на рынкѣ въ Порторико, онъ рѣшилъ, что лучшей модели для центавриссы ему не найти. Но такъ какъ вопросъ о фонтанѣ висѣлъ еще въ воздухѣ и тратить время на такой колоссальный трудъ Ф. не хотѣлъ, прежде чѣмъ его восковая модель не будетъ

одобрена муниципальнымъ совѣтомъ, то, покуда, онъ задумалъ вылѣпить портретъ Кабалы Неры — строгимъ анатомическимъ этюдомъ, который послужилъ бы ему впослѣдствіи, какъ подготовительная работа для группы Посейдона и Цереры. Но она отказалась позировать — наотрѣзъ. Сколько онъ ни уговаривалъ, какія деньги ни предлагалъ, — ни за что! Тогда Ф. пустился на хитрость: притворился, что, какъ натурщица, она ему больше не нужна, а, просто, нравится, какъ проститутка, — закутилъ съ ней, оставлялъ ее у себя каждую ночь и, такимъ образомъ изучивъ ея тѣло, затѣмъ днемъ воспроизводилъ его, по памяти, въ своей мастерской. Когда этюдъ былъ законченъ въ глинѣ, Ф. показалъ его негритянкѣ, смѣясь, какъ ловко онъ ее обманулъ. Сходство получилось поразительное: у Ф. была необычайная память въ пальцахъ. Кабала Нера разсердилась ужасно,—пыталась разбить фигуру, но Ф., конечно, не позволилъ, — и, уходя, сказала художнику странныя слова:

— Ты самъ не понимаешь, какое несчастіе ты себѣ приготовилъ.

Больше они не видались.

Ф. возвратился въ Европу. Заказъ на фонтанъ получить ему не удалось: ознакомившись съ восковою моделью, добрые буржуа были совершенно скандализованы идеей Ф., и предпочли ему какого-то смиреннаго застегнутаго на всѣ пуговицы академика. Ф. сильно пріунылъ. Чтобы утѣшить его нѣсколько, Эмми Фуар заказала ему отлить этюдъ Кабалы Неры изъ бронзы. Онъ уже принялся за работу, но вдругъ, у одного мра морщика попалась ему громадная базальтовая глыба

выписанная для Константина Менье и имъ почему-то забракованная. Ф. приглядѣлся къ глыбѣ и отказался отъ бронзовой Кабалы Неры: ему больше улыбнулся базальтъ. И вотъ, въ самое короткое время онъ, работая запоемъ, съ чудовищной энергіей и быстротою, будто подгоняемый сверхъестественною силою, самъ не понимая, откуда берется въ немъ такъ долго длящееся вдохновеніе, почти безъ отдыховъ и только съ тѣми перерывами, которыхъ требовало чисто физическое утомленіе, окончилъ этотъ свой chef d'oeuvre: «Terra Ridens» «Смѣющаяся земля»... Вещь была выставлена въ парижскомъ Салонѣ, произвела фуроръ. Когда салонъ закрылся и m-me Фуаръ уже взяла статую къ себѣ въ домъ, Ф. встрѣтилъ однажды на Champs Elysées знакомаго изъ Порторико, итальянскаго консула, и, въ отвѣтъ на его комплименты за «Terra Ridens» сказалъ:

— Когда возвратитесь въ Порторико, увидите Кабалу Неру, напомните ей, какъ глупо она упрямилась, и какую сцену устроила мнѣ на прощанье, а теперь — скажите — ею любовался весь Парижъ.

Консулъ отвѣчалъ:

— Къ сожалѣнію, не могу исполнить вашего порученія, потому что Кабала Нера уже давно ушла съ этого свѣта. Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда, произошла у насъ въ одномъ портовомъ кабакѣ страшная драка между англійскими и нѣмецкими матросами. Кабала Нера бросилась разнимать ихъ — и умудрило ее, въ общей суматохѣ, подвернуться подъ чей-то ножъ, который и провертѣлъ ей подъ пятымъ ребромъ дырку, достаточно широкую, чтобы въ эти двери вышла изъ

грѣшнаго тѣла ея веселая душа... И представьте — въ госпиталѣ, когда она спросила, будетъ ли жива, и ей отвѣтили, что ей не лишнее поговорить съ духовникомъ, она вспомнила васъ. Долго молчала и думала, — потомъ сказала: — Это все проклятый французъ. Онъ увезъ половину моей жизни. Если бы не это, развѣ я могла бы умереть отъ одного тычка ножемъ?.. Съ тѣмъ и скончалась.

Извѣстіе подѣйствовало на Ф. ужасно непріятно. Почему-то вспомнились ему теперь загадочныя слова, которыми простилась съ нимъ Кабала Нера:

— Ты самъ не понимаешь, какое несчастье ты себѣ приготовилъ.

И, въ общемъ сочетаніи, сложилось тяжелое впечатлѣніе, отъ котораго Ф. никакъ не могъ отдѣлаться... недѣлю, другую, третью... А потомъ у него начала ужасно болѣть голова, открылась мучительная безсонница, съ острымъ нервнымъ возбужденіемъ и томительнымъ безпокойствомъ духа... А затѣмъ — однажды — когда онъ обѣдалъ въ Café Anglais съ пріятелемъ, тоже скульпторомъ, — вдругъ, за ихъ столикъ, на третій свободный стулъ, сѣла, неизвѣстно откуда взявшись, Кабала Нера: точно такая, какъ онъ воплотилъ ее въ базальтѣ, — голая, черная, хохочущая, съ сверкающими зубами и глазами... Ф. упалъ въ обморокъ, но, очнувшись, имѣлъ характеръ не сказать пріятелю причины, считая привидѣвшееся случайною профессіональною галлюціонаціей... Но, спустя нѣсколько ней, на Монмартрѣ, уличная женщина, догнавъ сзади, взяла его подъ руку и, по страшной тяжести ея руки, онъ сразу, даже не взглянувъ, догадался, что она — базальтовая и

принадлежитъ Кабалѣ Нерѣ.. Опять подобрали его безъ чувствъ... А затѣмъ подобные припадки стали повторяться чаще и чаще, и въ парижскихъ художественныхъ кругахъ заговорили, что Ф. очень худо, и съ нимъ быть очень жутко, потому что онъ видитъ нѣчто такое, чего, кромѣ него, никто не видитъ и что сводитъ его съ ума...

Въ видѣніяхъ своихъ Ф. долго не признавался никому, но однажды явился къ m-me Фуаръ, самъ больше похожій на мертвеца, чѣмъ на человѣка, чистосердечно разсказалъ ей все и просилъ ее, со слезами, взять съ него деньги обратно хоть вдвое, но разрѣшить ему — уничтожить статую Terra Ridens. Потому что Кабала Нера совершенно его замучила: сидитъ съ нимъ рядомъ за столомъ, шагаетъ съ нимъ рядомъ на прогулкѣ, стоитъ за его спиною, когда онъ работаетъ, влѣзаетъ вслѣдъ за нимъ въ экипажи и трамваи, ложится ночью къ нему въ постель либо садится на грудь, давитъ всею базальтовою массою и — хохочетъ...

Еслибы признанія Ф. выслушалъ обыкновенный смертный, онъ постарался бы поскорѣе сдать художника на попеченіе психіатра. Но Эмми Фуаръ, конечно, ни на минуту не усумнилась въ его показаніяхъ и нашла визиты Кабалы Неры вполнѣ возможными и, такъ сказать, въ порядкѣ вещей, а желаніе Ф. истребить статую — совершенно естественнымъ средствомъ самозащиты. Денегъ обратно она съ Ф. не взяла, но отвела его въ свою галлерею и, вооруживъ молоткомъ, поставила предъ статуей:

— Если вы думаете, что это вамъ поможетъ, то разбейте ее.

Однако, когда Ф. увидалъ свое удивительное произведеніе не въ призракѣ, а въ дѣйствительно зримомъ и осязаемомъ образѣ художественнаго совершенства, у него не поднялась рука на сотворенное имъ чудо. Долго стоялъ онъ, молчалъ, думалъ, волновался и.... бросилъ молотокъ на полъ.

— Нѣтъ, — пробормоталъ онъ, — это убійство!

И ушелъ.

А на завтра поутру Эмми Фуаръ, едва развернула «Matin», увидала крупный заголовокъ: «Самоубійство скульптора Ф.»: ночью онъ застрѣлился.

Кромѣ работъ Ф., изъ новой скульптуры въ галлереѣ m-me Фуаръ я замѣтила только «Les amies» — мраморъ Родэна — едва ли не авторскую копію. Остальное — да его и немного было — воспроизводило четыре античныя группы: знаменитую неаполитанскую «Козу» изъ Геркуланума, палермитанскаго «Барана», воспѣтаго Гюи де-Мопассаномъ, сиракузскую безголовую «Венеру», римскую «Влюбленную пару» изъ музея Боргезе....

Я замѣтила Еленѣ:

— Удивляюсь, что, при такомъ богатомъ общемъ подборѣ, я не вижу въ галлереѣ m-me Фуаръ ни Ватто, ни Фрагонара...

Она перебила съ возмущеніемъ:

— Что ты? Восемнадцатый вѣкъ! Рококо! Какъ можно! это — гадость, развратъ!.. этого видѣть нельзя безъ отвращенія!

Чѣмъ и поставила меня въ совершенный тупикъ, такъ какъ, на мой-то обывательскій взглядъ, веселые французы Версаля и Фонтенбло, при всей своей не-

скромности, казались чуть не невинными дѣтьми сравнительно съ откровенностями, которыя я видѣла здѣсь сверкающими со всѣхъ стѣнъ... Елена, — на мое молчаливое недоумѣніе,—отвѣтила учительной сентенціей:

— Галлерея Эмми — храмъ восторга къ вѣчному божественному творчеству природы: къ тѣлу, къ полу, къ единству тварей, къ свободѣ инстинкта, къ священной эволюціи матеріи отъ хаоса къ идеалу. А тѣ, кого ты назвала, и всѣ, имъ подобные, — враги и исказители природы. Гадкіе лгуны, слуги злого начала, которые, въ угоду ему и по его наущенію, раззолачивали похотливыми обманами низменный рабскій блудъ, унижающій, разлагающій, оскорбительный для человѣка... Ихъ картинамъ — мѣсто на стѣнахъ гаремовъ и публичныхъ домовъ... Это праотцы кафешантановъ.

— Можетъ быть, ты и права, — возразила я, — однако, согласись, милая Елена, — и я указала ей на «Козу» изъ Геркуланума, — что вотъ это, напримѣръ, стремленіе отъ хаоса къ идеалу не рѣшится открыто поставить у себя ни одинъ кафешантанъ и, извини меня, можетъ быть, даже и другое почтенное заведеніе, которое ты назвала.

— Никогда не рѣшатся, — согласилась она съ побѣдоносной улыбкой, — потому что они — ложь и знаютъ, что вся ихъ суть въ лицемѣріи, все ихъ спасеніе въ двусмысленности, прямая правда ихъ убиваетъ...

Уже взявшись за ручку выходной двери, Елена обратилась ко мнѣ:

— Нравится?

— Коллекція чудная, но...

— А еслибы ты видѣла, — оживленно перебила она, —еслибы ты могла видѣть наши экзотическія коллекціи тамъ, въ Тонкинѣ, во владѣніяхъ Эмми, — по первобытному искусству и культамъ... Музеемъ служитъ древній фарфоровый дворецъ съ собственнымъ маленькимъ храмомъ... Мексиканскіе, индійскіе, китайскіе, египетскіе антики и примитивы... Изъ раскопокъ Ниневіи, Персеполя... Роговая рѣзьба краснокожихъ и костяная вымершихъ финскихъ племенъ... Нѣтъ на земномъ шарѣ уголка, гдѣ мы съ Эмми не побывали бы на поискахъ древней божественной мудрости и красоты... Какъ только прослышимъ, что гдѣ-нибудь воскресаетъ она изъ нѣдръ земли, изъ воднаго потопа, изъ чащи первобытнаго лѣса, — уже летимъ туда, жадныя, волнующіяся... Я имѣю недурное состояніе, но Эмми располагаетъ средствами, почти что неограниченными, — и какія пріобрѣтенія она въ состояніи дѣлать!.. Здѣсь — красота, — Елена обвела рукою вокругъ себя, — но красота Европы: стройная, властная, однако, слишкомъ сознательная, — мысль, одухотворенная идеями, но лишенная чуда... Здѣсь нѣтъ несказанности, стерлось первобытное родство съ хаосомъ... Міръ Прометея.... человѣкъ торжествуетъ, боги ушли... А тамъ у насъ — именно — міръ чуда... все — несказанность, все — хаосъ... Стоило бы нарочно совершить путешествіе, чтобы видѣть... Вѣдь больше нигдѣ въ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго...

— Желала бы полюбоваться вашими сокровищами но... зачѣмъ это все, Елена? зачѣмъ?

— Что зачѣмъ?

— Да все это, что вы собрали и здѣсь, и тамъ, истративъ сотни тысячъ, если не милліоны франковъ и рублей: всѣ ваши звѣри, птицы, змѣи, боги?..

Она, безъ отвѣта, молча, выпустила меня — какъ разъ въ свой строгій кабинетъ, оказалось, примыкавшій къ галлереѣ, чего я и не подозрѣвала, десятки разъ сидя въ немъ и съ Еленою бесѣдуя. Заперла дверь на ключъ, опустила портьеру и тогда, сѣвъ въ качалку, сказала:

— Затѣмъ, чтобы человѣкъ не забывалъ своего родословія—не гордился, стоя по серединѣ лѣстницы, будто онъ уже вверху ея, и не отчаивался, воображая, будто безысходно застрялъ внизу...

На этотъ разъ она мнѣ, дѣйствительно, прочитала длинную лекцію, первую и послѣднюю въ нашихъ встрѣчахъ. Не требуйте отъ меня точнаго о ней отчета. У меня не философская голова и нѣтъ должнаго образованія, чтобы передать все, что она мнѣ говорила. Сколько я могла понять и запомнить, а главное, сколько усвоила брошюру, которую она мнѣ тогда дала и которая успѣла съ тѣхъ поръ пожелтѣть въ моемъ архивѣ, — вотъ.

Міръ — лѣстница. Въ верху — безусловное совершенство божества, внизу — первобытная грубость неорганической природы. Все въ мірѣ одушевлено. Чувствуетъ, живетъ, развивается, течетъ. Все цѣлесообразно: и сознательное, и безсознательное. Конечная цѣль сего потока природы — влиться въ устье высшаго совершенства—потонуть въ сіяніи неизреченнаго божества. Нѣтъ въ мірѣ точекъ мертвыхъ, не чувствующихъ, не стремящихся. Поэтому все въ мірѣ равнозначуще и

равноправно, — только стоитъ на разныхъ ступеняхъ совершенства: камень, — растеніе, — животнорастеніе, — моллюскъ, — насѣкомое, — рыба, — пресмыкающееся,—птица,—млекопитающее,—человѣкъ... Но человѣкъ — граница, располовинившая бытіе. Для организмовъ, стоящихъ ниже его, онъ — до извѣстной степени то же, что богъ для всей природы: величина, поглощающая длинную лѣстницу низшихъ родовъ и видовъ; предѣльная точка, которой можетъ достигнуть развитіе чисто матеріальнаго начала. И начальная точка къ перевѣсу начала духовнаго. На своемъ рубежѣ между міромъ матеріи и міромъ духа человѣкъ стоитъ, чудно уравновѣшенный. Одинаково принадлежа обоимъ мірамъ, онъ, единственный изъ животныхъ тварей, одаренъ свободою воли и, отсюда, способностью опредѣлять свое мѣсто и назначеніе въ жизни вселенной: по выбору — понижаться въ матерію или повышаться въ духъ, сообразно требованіямъ и составу своего сложнаго духовно-тѣлеснаго организма. Снизу — отъ стихій до человѣческой индивидуальности подъемлются безчисленно дробныя ступени. Наоборотъ, выше человѣка, между нимъ и божествомъ, остается всего лишь одна: демонъ, — духовный агентъ и творческій атомъ природы. На эту ступень человѣкъ имѣетъ возможность и волен подняться. А дальше подниматься некуда: отсюда начинается уже созерцаніе божества, никогда недостижимаго, такъ какъ оно—не индивидуальность, а процессъ. Сила, которая есть все, потому что въ ней сливается все, для того, чтобы изъ нея все опять истекло. Въ энергіи атомическаго теченія, демоническій міръ населенъ безчисленно. Всѣ демоны,

по природѣ, выше человѣка, но не всѣ таковы въ дѣйствительности. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, — и, притомъ, большинство, — вражда съ божествомъ, разумъ и волю котораго они отвергли, бросила въ особое промежуточное состояніе, распредѣленное по всѣмъ царствамъ матеріальной природы. Это — порча міра и его злое начало. Демонъ выше человѣка знаніемъ, способностями, силою, матеріальною утонченностью своего состава, близкаго къ духовности и потому безконечно гибкаго. Но онъ ниже человѣка волею, нравственнымъ чувствомъ, буйствомъ страстей и формою своего существа, обезображеннаго отреченіемъ отъ красоты. Человѣкъ — любимецъ божества, павшій демонъ — его отверженецъ. Поэтому между ними — извѣчная антипатія и жестокая вражда. Но, такъ какъ все живетъ исключительно стремленіемъ къ совершенству, міръ есть возвышенный процессъ эволюціи къ лучшему, и отъ ея закона не избавленъ ни одинъ организмъ во вселенной, — то, одинаково, подчинены ему и враждующіе человѣкъ и демонъ. Брошенный отступничествомъ отъ божества на ступень утонченнаго животнаго, демонъ, въ возвратной своей эволюціи, долженъ пройти ступень человѣческаго образа, человѣческой этики, человѣческаго духа. Движущійся вверхъ по лѣстницѣ къ сліянію съ божественнымъ совершенствомъ, человѣкъ долженъ пройти ступень демоническаго знанія, способностей, силы, матеріальной утонченности. Отсюда обѣ силы, взаимно отталкиваемыя антипатіей вражды за высшее мѣсто на лѣстницѣ природы, однако, взаимно-же влекутся одна къ другой инстинктивною симпатіей эволюціонной взаимопомощи. Взаимопомощь дѣйственныхъ

силъ — такой же законъ природы, какъ борьба за существованіе. Все, что сильно, губитъ слабое (мнимо губитъ, потому что изъ міра ничто не исчезаетъ), но помогаетъ развиваться, укрѣпиться, пойти впередъ и подняться на высшую ступень чему-нибудь другому, сильному. Смерть только для того и введена въ міръ, чтобы, въ короткихъ срокахъ жизней, росла и поднималась по ступенямъ совершенствованія душа всей живущей твари.

Человѣкъ на лѣстницѣ творенія стоитъ такъ высоко, что ему достаточно уже самаго акта смерти, чтобы превратиться въ демоническое существо. Но — въ свѣтлое или темное, доброе или злое, выше или ниже своего земного состоянія, — это зависитъ отъ жизни, которую человѣкъ велъ на землѣ, руководясь своею свободною волею. Наслѣдство земли можетъ сдѣлать человѣка, какъ добрымъ геніемъ, такъ и злобнымъ бѣсомъ. Что касается отверженнаго демона, онъ, будучи такъ долголѣтенъ, что почти безсмертенъ, не въ состояніи слѣдовать за эволюціей совершенствованія самъ, — ему необходима помощь человѣка. Вывести его изъ злого демоническаго состоянія и поставить на человѣческую ступень бытія можетъ только человѣческое же существо, согласное слиться съ его существомъ и нравственно и физически. Такой союзъ демона съ человѣкомъ облагораживаетъ обѣ стороны: демонъ очеловѣчивается, человѣкъ обогащается демоническими способностями. Если существо человѣческое и демоническое, вступивъ въ бракъ, порождаютъ потомство, то послѣднее оказывается стоящимъ гораздо выше и человѣка, и демона. Это — Геній, предѣлъ животной

эволюціи, на которомъ матерія истончается до совершеннаго безвластія надъ духомъ. Когда Геній изнашиваетъ ту незначительную долю матеріи, которую онъ носитъ въ своемъ составѣ, это бытіе превращается уже въ чисто духовный потокъ къ божеству, который мчится, внѣ времени и пространства, въ вѣчномъ блаженствѣ экстаза, осуществляя собою непрерывный, неудержимый и неизреченно радостный возвратъ божественной мысли, творящей міръ, къ своему первоисточнику...

Въ брошюрѣ Елены весь этотъ бредъ пересыпанъ словами, о которыхъ надо справляться въ энциклопедическомъ словарѣ, да и то — не всегда съ успѣхомъ. «Эманацію», «плерому», «эоновъ» я нашла, но—что за баринъ такой Іалдаваоѳъ и въ какомъ чинѣ онъ состоитъ, такъ и не знаю... И еще при чемъ-то тутъ женщина, которую зовутъ Софіей, и какой-то Нусъ, который ходилъ на свѣтѣ, переодѣтый Прекрасною Еленою, и, вообще, много такого, отъ чего мозгъ превращается въ помаду и человѣку кажется, что у него четырехугольная голова...

Главное и постоянное средство, высшее и самое могущественное дѣйствіе и проявленіе божества въ природѣ — рожденіе тварей. Имъ обновляется и совершенствуется природа, движется лѣстница бытія, осуществляется эволюція міра, достигается его стремленіе къ совершенству, его теченіе къ сліянію съ божествомъ. Силою рожденія растеніе переходитъ, черезъ животнорастеніе, въ животное, — животное, черезъ животное-демона, въ человѣка, — человѣкъ, черезъ человѣко-демона, въ генія свѣта... Поэтому все, что содѣйствуетъ нарожденію тварей, божественно. Акты, ведущіе къ на-

рожденію, божественны, органы нарожденія божественны, процессъ нарожденія божественъ, символы нарожденія божественны. Это верховные знаки божественнаго присутствія на землѣ, — всѣ остальные кумиры не болѣе, какъ ихъ служебныя иносказанія и метаморфозы... Кого бы и какъ бы не чтилъ человѣкъ, онъ, въ существѣ, почитаетъ только актъ рожденія. Даже — когда, въ страхѣ, преклоняется предъ чудовищемъ смерти. Потому что страхъ смерти — не болѣе, какъ злое внушеніе завистливыхъ демоновъ, старающихся задержать эволюцію человѣка. Въ дѣйствительности, смерти, какъ самостоятельной силы, нѣтъ въ мірѣ. Смерть — не болѣе, какъ служанка рожденія, разметающая соръ подъ ногами эволюціи, когда она поднимается по лѣстницѣ бытія...

— Ты вѣришь во все это? — спросила я Елену, когда, послѣ почти часового изложенія, она умолкла, поблѣднѣвшая, съ засохшими губами, съ глазами, впалыми и окружившимися темными каймами.

Она пожала плечами и возразила странною фразою:

— Во что же я могла бы еще вѣрить?

— Послушай, — сказала я, — оставимъ это... Ты тутъ что-то чувствуешь и понимаешь, чего не понимаю я, что, впрочемъ, не удивительно и не трудно, такъ какъ я должна тебѣ признаться откровенно и съ полнымъ чистосердечіемъ: я ровно ничего не понимаю... Но, разъ между нами установилась искренность, и ты позволила мнѣ заглянуть въ твою жизнь и вѣру, разрѣши мнѣ еще спросить тебя о тебѣ самой...

— Пожалуйста, — согласилась она. — Что именно хочешь ты знать?

— Есть ли хоть сколько-нибудь правды въ томъ, что говорятъ о тебѣ?..

И тутъ я передала сплетни, которыхъ я о ней наслушалась и часть которыхъ я записала выше: о каменномъ идолѣ, о смугломъ ребенкѣ, выброшенномъ жалкимъ трупикомъ на бѣлую полосу Военно-Грузинской дороги...

Она подумала и отвѣчала:

— Во всемъ есть тѣнь правды, и все было не такъ и не затѣмъ, какъ и зачѣмъ мнѣ приписываютъ...

И, такъ какъ замѣтила, что я испытующе смотрю на шрамъ, пересѣкающій ея щеку, то прибавила, коснувшись его рукою:

— Это, напримѣръ, сдѣлано совсѣмъ не тою дикою рукою, какъ говорятъ... Это — отъ женщины, да еще и очень образованной утонченницы и эстетки... Обстоятельства, при которыхъ я удостоилась подобной отмѣтки, — извини, — разсказывать не хочется: не люблю... Смѣю тебя увѣрить лишь, что мистическаго въ нихъ ровно ничего не было... Самая грубая и пошлая мѣщанская ссора съ бѣшенымъ отъ эфира человѣкомъ... только и всего!

Только сѣвъ въ фіакръ, почувствовала я, какъ неожиданно — сильно взволновало меня, потрясло и разстроило это свиданіе съ Еленою... Меня всю трясло, во мнѣ все дрожало, точно я заглянула въ какую-то страшную, черную, бездонную пропасть... И всю дорогу до отеля проплакала я въ фіакрѣ горькими слезами о сестрѣ, которая живетъ такъ богато и счастливо, а между тѣмъ, почему-то представлялась она мнѣ теперь такою бѣдною и несчастною.

А судьба хотѣла, чтобы это было наше послѣднее свиданіе. Нѣсколько дней спустя, телеграмма изъ дирекціи спѣшно вызвала меня въ Петербургъ для репетицій къ коронаціонному спектаклю. Собравшись въ дорогу, я, конечно, поѣхала проститься съ хозяйками особняка въ **Neuilly**, — и не застала ихъ: объ уѣхали на нѣсколько дней къ какой-то своей пріятельницѣ въ Ножанъ... А, когда полтора года спустя, я опять была въ Парижѣ, особнякъ въ **Neuilly** стоялъ безмолвный, мрачный и заколоченный, какъ гробъ, и на рѣшеткѣ красовалась надпись: «**Avendre**» Елена Костенецкая и Эмми Фуаръ исчезли съ парижскаго горизонта уже около года тому назадъ и имена ихъ были смыты непрерывною волною великаго города — человѣческаго океана. Ихъ рѣдко вспоминали даже въ оккультныхъ кругахъ, и — гдѣ онѣ, отрясшія отъ ногъ своихъ парижскій прахъ, были теперь, оставалось неизвѣстнымъ. Изъ различныхъ слуховъ вѣроятнѣе другихъ былъ тотъ, что безумныхъ тратъ ихъ не выдержало даже колоссальное наслѣдство покойнаго Фуара, и, значительно расшатавъ свое состояніе, m-me Фуаръ оказалась вынужденной возвратиться къ первоисточнику своихъ капиталовъ, въ Тонкинъ, для личнаго наблюденія за разстроенными дѣлами; а вѣрная подруга, Елена Костенецкая, конечно, послѣдовала за нею... Въ музеѣ **Guimet** я видѣла нѣсколько знакомыхъ мнѣ истукановъ изъ особняка въ **Neuilly** съ надписями: «даръ г-жи Фуаръ». И ту же надпись — въ **Jardin des Plantes** на стеклянномъ ящикѣ, въ которомъ подогрѣвался паровымъ калориферомъ гигантскій, точно корабельный канатъ, желто-черный свертокъ боа-констрик-

тора: должно быть, тотъ самый Пиѳонъ, которымъ прельщала меня когда-то Елена, но я не соблазнилась на него взглянуть. Негръ-привратникъ въ синей ливреѣ и оливковый мертвецъ въ бѣлой чалмѣ, вводившіе меня когда-то въ обитель Елены, были узнаны мною среди статистовъ фееріи, которую я видѣла въ Folies Bergères. А въ Moulin Rouge танцовала «танецъ со змѣями» какая то Khirtschmé la belle Indiennè, о которой мнѣ говорили, что это одна изъ непожелавшихъ вернуться подъ тропики мѣднолицыхъ горничныхъ Елены Костенецкой. Я хотѣла посмотрѣть ее, но, къ сожалѣнію, затормошилась визитами и магазинами,—и не собралась... Очевидно, особнякъ въ Neuilly былъ ликвидированъ въ чистую. Какая судьба при этомъ постигла демона Мбунгу, узнать было не у кого. Быть можетъ, и его m-me Фуаръ,—«за отъѣздомъ», какъ публикуютъ въ газетныхъ объявленіяхъ, — пожертвовала какому-нибудь кружку оккультистовъ?

Живы ли Елена Костенецкая и Эмми Фуаръ или уже смерть поставила ихъ на высшую ступень эволюціи тварей и, превратясь въ демоническія существа, онѣ идутъ теперь вверхъ къ сліянію съ совершенствомъ божества, — не знаю... Вотъ уже четырнадцатый годъ, какъ мнѣ не приходилось ни слышать о нихъ, ни о нихъ говорить.

Разгонъ

Когда я въ послѣдній разъ видѣлась съ сестрою Наташею, и перебирали мы съ нею людей и дѣла нашего дѣвичьяго прошлаго, и заспорили, въ которомъ году вышла замужъ одна наша бывшая сосѣдка, — Наташа возразила мнѣ:

— Ну, какъ, право, ты не помнишь? Вѣдь это же было въ самый разгонъ...

И я сразу ясно вспомнила и годъ, и мѣсяцъ, и даже число, и людей, и обстоятельства, и обстановку. Такъ много значило это семейное условное слово — «разгонъ» — въ жизни нашей: «среднюшекъ», дѣвушекъ-дочерей Марьи Михайловны Крѣпышевой, урожденной Урошичъ, имѣвшихъ удовольствіе, по смерти ея, узнать, что мы — внѣбрачныя, какъ говорятъ теперь, а тогда говорилось: незаконнорожденныя.

Открытіе это всѣмъ намъ далось недешево, а двѣ — Даша и Лиза — даже попробовали отравиться. Сговорились умирать вмѣстѣ, ночью, — спальня у нихъ была общая. Скрали въ кладовкѣ яду для крысъ и сдѣлали болтушку. Даша наглоталась отравы добросовѣстно и едва не отдала Богу душу. Лиза, въ рѣшительный моментъ, струсила и едва пригубила. Больше отъ во-

ображенія, — однако, стало ее мутить и корчить, и она завопила на весь домъ. Только отъ нея узнали о Дашѣ. Эта, наоборотъ, тѣмъ временемъ, свернулась на своей постели калачикомъ, носомъ къ стѣнѣ, будто спитъ, и — подушку изгрызла, чтобы не кричать отъ страшныхъ болей, сожигавшихъ ея внутренности. Такъ, гордая, стыдилась, что спасутъ. Къ счастью, наканунѣ, прикащица Маланья Сергѣевна справляла именины своей дочери Лялички, и, въ числѣ гостей, пировалъ уѣздный нашъ врачъ Андрей Васильевичъ Масловъ. Онъ, конечно, по обыкновенію своему, упился до невозможности возвратиться въ городъ и остался ночевать. Если бы не это, быть бы Дарьѣ въ гробу — въ догонъ за маменькой.

Разсказывая о маменькиныхъ похоронахъ, я не упомянула объ одной непріятной ихъ подробности, при выносѣ въ церковь. Покойницу уже вынесли за ворота усадьбы, какъ кто-то спохватился: гдѣ же крышка отъ гроба? Нести ее, какъ водится, впереди хода взялся одинъ изъ приживаловъ Павла Петровича Крѣпышева — старичекъ, правда, тоже пьяный, но богобоязненный и много лучшій другихъ въ той же компаніи. Покойная маменька, едва выносившая прочую крѣпышевскую опричину, къ этому старичку, однако, была снисходительна и почти благоволила. Не помню, какъ онъ былъ по фамиліи, но кличка въ дому была ему — «Гусь»: по необычайному, въ самомъ дѣлѣ, сходству съ этою почтенною птицею. Такъ какъ и въ дому — сперва въ сѣняхъ, потомъ на крыльцѣ, — и въ воротахъ усадьбы, съ гробомъ, громоздкимъ и нарядным, было трудно управиться и, отъ заминокъ, сильно замѣшка-

лись, то подумали: не ушагалъ ли прыткій Гусь впередъ? Но дорога отъ Барыша къ Никольскому — ровная и гладкая, какъ полотенце, видно по ней почти до самой церкви, — и нѣтъ на ней Гуся. Пришлось остановить шествіе и искать...

Нашли — подъ высокимъ параднымъ крыльцомъ, по которому вынесли покойницу. Сидитъ Гусь на старыхъ кирпичикахъ, обнявши гробовую крышку, и спитъ сладкимъ сномъ. Оказалось: когда съ гробомъ въ сѣняхъ замялись, старикашка Гусь, бывшій уже во дворѣ, усталъ стоять съ крышкою на солнечномъ припекѣ и присѣлъ въ тѣнь. А, какъ былъ онъ съ утра порядочно выпивши, то, едва сѣлъ, сію же минуту заснулъ. Да такъ крѣпко, что еле очнулся даже, когда обозленный кучеръ Никифоръ, буквально, на воздухъ поднялъ его за воротъ. Думали,—задушитъ. До того озвѣрился.

Да и было, отъ чего. Въ нашихъ мѣстахъ это — забыть въ дому, при выносѣ покойника, крышку отъ гроба — считается очень нехорошею примѣтою. На семью, въ которой приключилось подобное несчастіе, сосѣди такъ ужъ и смотрятъ, какъ на обреченную: значитъ, смерть вернется въ нее за кѣмъ-нибудь еще — и скоро. Бѣдному Гусю несвоевременный сонъ его обошелся очень дорого. Мало было полученной отъ Никифора трепки. Послѣ поминокъ, Соломонида Степановна безжалостно выгнала Гуся вонъ изъ Барыша, грозя затравить собаками, если только онъ осмѣлится когда-нибудь показать въ усадьбу свою длинную шею и долгій носъ. Гусь ушелъ въ Никифоровъ, окончательно спился тамъ и, въ слѣдующую зиму, замерзъ, пьяный,

ночью, на соборной площади, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крыльца своей квартиры. И любопытно, что совсѣмъ не въ большой морозъ; а къ утру, когда его нашли и подобрали, даже вѣяло оттепелью. Стыдно сказать, но — когда это приключилось, мы въ Барышѣ — едва ли не всѣ, отъ вольтеріанца Павла Петровича Крѣпышева и ученой и, слѣдовательно, вольнодумной Наташи до послѣдней чумазой дѣвченки на посылкахъ въ дѣвичьей, — почувствовали большое облегченіе. Надѣялись, что теперь гробовая крышка отмстила за себя, смерть удовлетворена и не потребуетъ новой жертвы...

Тѣмъ болѣе, что и эта жертва была не первою. Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ маменьки, опустили, вблизи ея могилы, въ землю Никольскаго кладбища, родителя ея, нашего дѣдушку — протопопа отца Михаила Урошича. Разбитый параличемъ, когда услыхалъ, что дочь смертельно заболѣла, онъ съ того времени такъ ужъ и не пришелъ въ себя. О кончинѣ Марьи Михайловны и о похоронахъ ея онъ не узналъ на этомъ свѣтѣ. Но, умирая, бредилъ Машенькиною свадьбою и все — то ссорился съ дочерью, то мирился. Да такъ живо и явственно, что сидѣлки при смертной постели его даже робѣли: совсѣмъ — будто покойница тутъ же стоитъ или сидитъ, незримая ни для кого, кромѣ отходящаго, и отвѣчаетъ на каждый его лепетъ своимъ неслышнымъ словомъ. Смерть о. Михаила произвела большое впечатлѣніе во всей губерніи, а нашъ никифоровскій уѣздъ даже осиротила — будто оставила безъ хозяина. Сколько остановилось производствъ и предпріятій, въ которыхъ онъ участвовалъ, сколько разорилось людей, которыхъ онъ кредитовалъ! Однако, были

и такіе, которые вздохнули свободнѣе: Въ томъ числѣ — въ Никифоровѣ — купеческая семья Карягиныхъ, въ которую потомъ вошла сестра Наташа, выйдя замужъ за молодого главу фирмы, Михайла Михайловича. При жизни о. Михаила, этой свадьбѣ не бывать бы. Онъ ненавидѣлъ всѣхъ Карягиныхъ, а въ особенности, Михайла Михайловича, за образованіе и передовое направленіе, которыя почиталъ несогласными съ купеческимъ званіемъ. Любопытно, что самъ о. Михаилъ былъ весьма большимъ вольнодумцемъ — и политическимъ, и религіознымъ. Правда, политика его кончалась лѣтъ за пятьдесятъ до нашего времени, но, зато, отличалась необыкновенною рѣшительностью — до террора включительно. Весьма одобрялъ убіеніе Павла Перваго и ругалъ декабристовъ «бабами». Но къ Александру II горѣлъ любовью и — при каждомъ покушеніи на него — приходилъ въ негодованіе до неистовства и обязательно ругался съ Павломъ Петровичемъ Крѣпышевымъ, который къ этому царю былъ довольно равнодушенъ:

— Это все вы, все вы, дворянишки, пакостите. Стало вамъ поперекъ горла 19 февраля!

Послѣ 1 марта 1881 года о. Михаилъ, служа панихиду, обливался горькими слезами — чуть ли не впервые въ жизни. Обстоятельства кончины Александра II онъ изучилъ очень подробно, но — такъ и не повѣрилъ, что Царь-Освободитель палъ отъ бомбъ революціи...

— Какіе тамъ у насъ революціонеры! Откуда имъ быть? Враки! Все вы, дворянишки, пакостите!... Вы, да Костька, интриганъ... Какъ же! «Ты, говоритъ, Саша

отъ великаго князя, а я отъ царя, — стало быть, хоть ты и старшій братъ, но законный наслѣдникъ — я!»... У! звѣриная кровь! Павловъ внучекъ!

А Павелъ Петровичъ дразнилъ сердитаго попа «Павлоубійцею», увѣряя, будто сочувствіе тестя Палену и Зубовымъ вдохновляется исключительно тѣмъ, что покойный императоръ Павелъ Петровичъ былъ тезка ему Павлу Петровичу Крѣпышеву.

— Это, сударь мой, тебѣ меня удавить хочется, — потому ты и на тезку того...

О. Михаилъ противъ этого предположенія возражалъ не слишкомъ усердно. Отношенія между ними были престранныя, которыя, право, только между русскими возможны. Потому что оба они другъ друга не уважали, разсказывали другъ о другѣ и въ глаза, и за глаза такія повѣсти, — и настоящія, и выдуманныя, — послѣ которыхъ, казалось бы, и встрѣтиться стыдно. А между тѣмъ, несомнѣнно, были пріятели, скучали, если долго не видались, хотя встрѣчались только для того, чтобы шпынять другъ друга, и нѣсколько разъ доругивались до громкаго рѣшенія съ обѣихъ сторонъ:

— Ноги моей больше у тебя не будетъ!

— На порогъ тебя не пущу!

Но, — пройдетъ недѣля, много, если другая, — о. Михаилъ терзается у себя въ Звонаревкѣ:

— Съѣздить, что ли ужъ, къ этому оголтѣлому пьяницѣ?

А Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ въ Барышѣ уже проглядѣлъ всѣ окна:

— Неужели такъ таки и не пріѣдетъ долгогривый песъ?

Въ религіозномъ вольнодумствѣ они лучше ладили, хотя Павелъ Петровичъ клялся, будто, когда о. Михаилъ служитъ молебенъ Миколѣ, то чудотворецъ на иконѣ не знаетъ, куда дѣвать глаза: до того ему совѣстно!

Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли о. Михаилъ хоть сколько-нибудь вѣрилъ въ таинства, обряды и службы, которыя правилъ. Отъ совершенія требъ этотъ медвѣдеобразный купецъ въ рясѣ рѣшительно уклонялся, сдавъ ихъ однажды навсегда о. Алексѣю Миротворцеву. Особенно не любилъ крестить и хоронить. Въ первомъ случаѣ, кажется, только для насъ, Крѣпышевыхъ, и дѣлалъ исключеніе — ради секрета метрической записи. Что же касается погребенія, онъ, просто, боялся покойниковъ, ненавидя смерть всею мощью своего на диво жизнеспособнаго грѣшнаго тѣла. Такъ что — когда о. Алексѣй бывалъ въ отсутствіи или болѣлъ, а въ приходѣ случался покойникъ — на о. Михаила прямо жаль было глядѣть: въ такое приходилъ онъ унынie и, чѣмъ старше и сѣдѣе дѣлался, тѣмъ откровеннѣе являлъ свое одолѣніе смертнымъ страхомъ. Такъ что, подъ конецъ жизни, не выдержалъ: не смотря на свою денежную жадность и скупость, нанялъ и поселилъ въ Никольскомъ еще одного заштатнаго попика изъ дальней родни — нарочно на случай похоронъ. Съ крестьянствомъ онъ тѣмъ и обошелся, но бывали именитые покойники, отъ которыхъ о. Михаилу никакъ не удавалось увернуться. За мученія во время похоронъ, ему, навѣрное, много грѣховъ простилось бы, еслибы, опустивъ отпѣтое тѣло въ могилу, не разражался онъ потомъ, у себя

дома, такими яростными ругательствами противъ несчастнаго мертвеца, что и смѣшно, и страшно было слушать...

— Вамъ ничего, — оправдывался онъ предъ домашними, — а вѣдь я теперь его, тухлаго подлеца, цѣлую недѣлю чуять буду. И, чтобы отогнать, долженъ пить водку. А мнѣ всякій алкоголь — ядъ, отъ рюмки крымскаго больной дѣлаюсь, водочный же вкусъ противенъ до обморока...

Павелъ Петровичъ говорилъ о немъ:

— Двухъ чудаковъ знавалъ я, судари мои, которые всю жизнь преуспѣвали въ своемъ званіи наперекоръ своей натурѣ. Адмирала Лазарева, который всѣ моря на земномъ шарѣ обошелъ, русскій флотъ преобразовалъ и не сосчитать, что морскихъ сраженій выигралъ, а морской болѣзни такъ и не избылъ — дѣлался самъ не свой при малѣйшей качкѣ. Да вотъ еще любезнаго тестюшку, о. Михаила. Ну, — какъ попу бояться покойниковъ, когда попъ кладбищемъ живетъ? «Черезъ сорокъ семь могилъ, ухватили одинъ блинъ, — подай, Господи!» А онъ на каждаго покойника смотритъ, будто тотъ, прости Господи, — вурдалакъ, который сейчасъ вскочитъ и его загрызетъ... «Трррусоватъ былъ Миша бѣдный!...» На зло ему, въ завѣщаніе впишу, чтобы, когда помру, непремѣнно онъ меня отпѣвалъ и послѣднее цѣлованіе при всѣхъ бы отдалъ... Вотъ рожу то скорчитъ, судари мои! Потому что въ гробу-то судари мои, я буду лежать пья-а-а-аный, че-е-е-ерный, нехоро-о-о-ошій ... .

— Да будетъ тебѣ, Павелъ Петровичъ! — унимаютъ его собутыльники, — завелъ тоже шарманку... Нашелъ о чемъ! Веселая музыка!

— А чего не завести-то? — равнодушно возражалъ онъ. — Всѣ, друзья мои, помремъ, только не въ одно время! Боюсь я, что ли, ея, курносой-то?... Напротивъ того, судари мои, — очень мнѣ на васъ удивительно, до чего всѣ вы робѣете предъ этою почтенною дамою... А —по мнѣ — премилая особа, только что развѣ костлява, носа нѣтъ и юбокъ не носитъ, шастаетъ по свѣту въ голой кости... И характера чудеснѣйшаго, и благодѣтельница роду человѣческому... Вы только подумайте, судари мои: не будь ея на свѣтѣ, сколько бы расплодилось дурьей породы, подобной вамъ... А вѣдь это скандалъ для человѣчества, судари мои!

Какъ человѣкъ, родившійся въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія и проведшій дѣтство подъ надзоромъ воспитателя-француза изъ плѣнниковъ Великой Арміи, Павелъ Петровичъ былъ вольтеріанецъ и очень гордился тѣмъ. Что, впрочемъ, не мѣшало ему быть прилежнымъ къ церкви, дружить съ духовенствомъ, съ которымъ, вонъ, онъ даже не побрезговалъ породниться черезъ Марью Михайловну Урошичъ, и превосходно знать церковныя службы.

Вольтеріанство зятя-дворянина о. Михаилъ любилъ и даже самъ охотно поддерживалъ. Но свободомыслящій купецъ возмущалъ вольнодумца-попа до глубины души.

— Спиноза какой! Знай свой аршинъ! — рычалъ онъ, — еще того не доставало, чтобы мужичье по селамъ принялось изыскивать причину всѣхъ причинъ!... Что же тогда нашему-то брату, попу? Класть зубы на полку?...

И вредилъ никифоровскому Спинозѣ всѣми зависѣвшими отъ него способами. Между прочимъ, едва не разорилъ Карягиныхъ, конкурируя съ ними по лѣсному дѣлу, безъ всякой надобности и выгоды для себя, пожалуй, даже себѣ въ убытокъ, — единственно со злости. Завѣтною мечтою его было — выжить изъ уѣзда карягинскій духъ. Пожалуй, и успѣлъ бы, да померъ, а дѣти и внуки не унаслѣдовали его ненависти и даже начали съ Карягиными родниться.

Отецъ Михаилъ оставилъ громадное состояніе, вокругъ котораго сейчасъ же закипѣла родственная свара, куда худшая, чѣмъ у насъ — изъ-за наслѣдства послѣ маменьки. А главное, несравненно болѣе долгая. Потому что сцѣпились между собою уже не бабье, которое, хоть и строптиво, да не дѣловито, а — напротивъ — какъ разъ самые первые дѣляги и рвачи на всю губернію. Я думаю, что совпаденіе въ семьѣ Урошичей сразу двухъ наслѣдственныхъ раздѣловъ было для насъ, дочерей Марьи Михайловны, очень счастливо. Если бы дяденька Неофитъ Михайловичъ съ братцами и сестрицами не были поглощены спорами о капиталахъ о. Михаила, сравнительно съ которыми маменькино наслѣдство было добычею второго сорта, врядъ ли они выпустили бы и сестринъ кусокъ изо рта такъ легко и хоть чѣмъ-нибудь поступились бы въ нашу пользу. Изъ великихъ дѣдушкиныхъ капиталовъ мы, крѣпышевскія «среднюшки», не увидали даже мѣднаго грошика. А сыновья и дочери о. Михаила, наши дяди и тетки, дѣлились что-то лѣтъ пять, съ судами, процессами, драками и всякими каверзами, ставшими по всей губерніи притчею во языцѣхъ. Перехитрилъ прочихъ и высудилъ Не-

офитъ Михайловичъ Урошичъ. Ужъ такой уродился продѣлистый Искаріотъ! Когда я впослѣдствіи прочитала «Господъ Головлевыхъ», то мужъ мой, Дмитрій Аѳанасьевичъ Эриваовскій, долго не могъ меня разувѣрить, что Іудушка писанъ не съ дяденьки Неофита Михайловича. Да мнѣ и теперь хочется думать, что Салтыковъ могъ знать дяденьку, когда служилъ въ Вяткѣ: губернія, недалекая отъ нашихъ мѣстъ; съ Вяткою наши Урошичи общались, даже родню тамъ имѣли — и не малую. А Іудушкѣ для полнаго сходства съ Неофитомъ Михайловичемъ, право, только и не доставало — консисторской службы *).

Въ то сантиментальное путешествіе къ роднымъ мѣстамъ, о которомъ я уже не разъ упоминала, я застала этого почтеннаго своего родственника не только живымъ и здоровымъ, но и весьма процвѣтающимъ. Консисторію онъ давно оставилъ и жилъ большимъ паномъ въ Звонаревкѣ на старомъ отцовскомъ пепелищѣ, но уже въ великолѣпномъ новомъ домѣ, даже не безъ архитектурныхъ затѣй, и слылъ первымъ магнатомъ на весь Никифоровскій уѣздъ. Противнѣйшую супругу свою, Анну Ивановну, дядюшка потерялъ лѣтъ десять тому назадъ.Дѣти перемерли еще раньше. Вторично жениться дядя нашелъ себя старымъ, хотя, именно въ преклонные-то годы, и сдѣлался великимъ франтомъ и поклонникомъ прекраснаго пола. Въ качествѣ хозяекъ,

*) М. П. Урошичъ ошибается. Въ настоящее время хорошо извѣстно, что М. Е. Салтыковъ писалъ Іудушку съ одного изъ ближайшихъ своихъ родственниковъ въ Тверской губ. Но какъ многіе раздѣляли ея ошибку для другихъ губерній! И какой же всероссійскій типъ Іудушка!

Ал. Амф.

онъ отрекомендовалъ мнѣ, съ самодовольствомъ стараго фокусника, приготовившаго эффектный сюрпризъ, двухъ нарядныхъ барышенъ, которыя привѣтствовали меня объятьями и радостнымъ визгомъ:

— Здравствуйте, сестрица! Добро пожаловать! Ахъ, какъ мы рады съ вами познакомиться!

Оказались—дѣйствительно, сестры мои, изъ «меньшенькихъ», Евлампія и Харитина. За двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, покидая родныя мѣста, я оставила этихъ моихъ кровныхъ малютками въ ангельскомъ возрастѣ. Теперь предо мною трещали и суетились двѣ бойкія молодыя особы — обѣ прекрасивыя, надо имъ отдать справедливость, только ужъ черезчуръ полновѣсныя и слишкомъ аляповато-нарядныя. Видно было, что на туалеты денегъ не жалѣютъ, но фасоны и вкусъ заимствуютъ изъ модныхъ приложеній — хорошо еще, если къ «Нивѣ», а то и къ «Родинѣ». Дядя взялъ ихъ къ себѣ послѣ того, какъ овдовѣлъ, для хозяйства, а, главное, чтобы не скучно было одному въ пустомъ домѣ. Не пожалѣлъ дать кое-какое воспитаніе и даже слегка образовалъ. Играли на фортепіано, пѣли романсы. Два года дядя держалъ для нихъ компаньонку-гувернантку, но потомъ прогналъ — по его словамъ — за то, что:

— Представь себѣ, Машенька: дура вообразила, что я на ней женюсь. А у самой рожа — въ чистый четвергъ взглянуть совѣстно, и годами — ровесница моей покойницѣ...

Признаюсь, я никакъ не ожидала отъ нашего фамильнаго Іудушки подобной родственной теплоты, — чтобы онъ пригрѣлъ сиротокъ-племянницъ, — и была

тронута. Но сестра Наташа, которой я выразила свое восторженное удивленіе, желчно усмѣхнулась и возразила:

— Ихъ-то воспиталъ, а вотъ дѣтей, которыхъ онѣ ему нарожали, воспитывать не хочетъ—спустилъ невѣсть куда, да — такъ ловко, что и слѣда не оставилъ... Еще бы! Этакая особа, патріотъ, столпъ вѣры и благочестія, самый нравственный человѣкъ въ губерніи, моральный авторитетъ, призываемый разбирать семейныя неурядицы, словомъ, просто мѣстный нашъ судія израильскій, — и, вдругъ, въ домѣ у него такія игрушки: младенцы, прижитые отъ родныхъ племянницъ... Нехорошо!

— Да сколько же ему лѣтъ? — воскликнула я въ изумленіи.

— Говоритъ, будто шестьдесятъ семь. Вретъ: уже порядочно за семьдесятъ... Сейчасъ и мамѣ покойной было бы около того, а она много младшая...

— Послушай, но, вѣдь, это даже невѣроятно, что ты разсказываешь о подобномъ старикѣ...

— Да не сейчасъ и началось. Съ Харитиной онъ девятый годъ живетъ, съ Евлампіей восьмой. А — что старикъ — ты посмотри, каковъ черный жучекъ: сѣдого волоса нѣтъ.

— Потому что парикъ или красится....

— Нѣтъ, ужъ такой уродился двужильный!... Да развѣ онѣ однѣ у него? Онъ, на старости лѣтъ, совсѣмъ сбѣсился: ни одной смазливой бабенки не пропуститъ, чтобы не попытать счастья.... Только, что тѣ двѣ наслѣдства ждутъ, такъ очень слѣдятъ за нимъ. А онъ —

хоть и командуетъ ими, какъ султанъ одалисками, но и побаивается — особенно Харитины. Она — не про сестру сказать — разбойная личность, за скандаломъ не постоитъ: мастерица, — чуть что не по ней, — стекла бить, караулъ кричать. А то недорого возьметъ и побѣжать въ станъ — просить защиты отъ дяди, который де ея, съ сестрою, дѣвичій погубитель и насильно держитъ ихъ при себѣ въ беззаконіи. Уже пробованное дѣло. Однажды онъ ее нагналъ уже у самой становой квартиры, за два шага отъ крыльца, и только со слезами укланялъ, чтобы простила, воротилась и не срамила бы его старую голову. Если бы не эта узда, то онъ бы набѣдокурилъ!... Къ тебѣ еще не приставалъ?

— Матушка! въ умѣ ли ты? Кому я нужна? Мнѣ сорокъ третій годъ!

— Мнѣ, моя милая, даже сорокъ седьмой, да и то я отъ него однажды половою щеткою отбивалась, а въ другой разъ одѣла ему на голову ведро съ углями, — только тѣмъ и отсталъ... Да, вотъ, пріѣдетъ онъ отдавать тебѣ визитъ, — сама убѣдишься, каковъ сталъ Донъ-Жуанъ!

И, дѣйствительно, во время дядина визита, я, вопреки своему солидному возрасту, нѣсколько разъ чувствовала себя Аннинькою, которую Іудушкѣ «Боженька велѣлъ взять за полненькую тальицу и прижать къ своему сердцу». И когда оборвала:

— Дядя, стыдно!

Онъ — дословно — возразилъ съ восхитительной наивностью:

— Чего же тебѣ стыдно? Вѣдь, ты актриса!

Боже мой, Боже мой! Сколько разъ въ жизни своей слыхала я этотъ проклятый «аргументъ!» Слыхала робкою дебютанткою на выходахъ, слыхала европейскою звѣздою на верху славы, — молодою и старою, — отъ шелопаевъ и солидныхъ людей, — отъ дураковъ и умныхъ, — отъ юношей и старцевъ,—въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ, — въ столицахъ и захолустьяхъ, — на всѣхъ языкахъ, которыми владѣетъ общество... это милое образованное общество, увѣряющее, будто его облагораживаетъ наше искусство!... Одни, вотъ, какъ дядя Неофитъ Михайловичъ, «ляпали» напрямикъ, другіе преподносили пилюлю, засахаренною въ душистыя фразы, завернутою въ золотую пленку. Но — «какъ розу ты ни назови, она все розой пахнетъ»... «Чего же тебѣ стыдно? Вѣдь, ты актриса»!... Во истину, неувядаемо и безсмертно! Измѣнится ли когда-нибудь? Не знаю.. не думаю... хотѣла бы вѣрить,—уже не вѣрю... По крайней мѣрѣ, моя дочь слышитъ этотъ аргументъ, какъ слышала я. И если ея дочь окажется настолько несчастною, что унаслѣдуетъ голосъ и артистическій талантъ, конечно, и она услышитъ...

Дядя Неофитъ Михайловичъ умеръ только въ 1908 году. Сестра Наташа писала: конецъ его былъ скоропостижный и странный. Настолько, что по уѣзду пошли было слухи, будто объ его племянницы-хозяйки арестованы, а дядю выроютъ изъ могилы, чтобы анатомировать, по желанію племянниковъ съ другой стороны, которые увѣрены, что Неофитъ Михайловичъ умеръ отравленнымъ. Но дѣло обошлось. Во всякомъ случаѣ, если Харитина и Евлампія, обезпечившись дядинымъ за-

вѣщаніемъ и затѣмъ наскучивъ ждать кончины долговѣчнаго старика, въ самомъ дѣлѣ, помогли ему отправиться на тотъ свѣтъ, то весьма ошиблись въ расчетахъ.

Давнее свое завѣщаніе въ ихъ пользу, которымъ дядюшка Неофитъ продержалъ ихъ, какъ на цѣпи, въ пятнадцатилѣтнемъ рабствѣ, оказалось ничего нестоющимъ. Незадолго до смерти, онъ, по примѣру покойной сестры своей, Марьи Михайловны Крѣпышевой, оформилъ, въ строжайшей тайнѣ, другое завѣщаніе, которымъ почти все свое состояніе расписалъ на разные монастыри, а Харитинѣ съ Евлампіей оставилъ, въ награду за уходъ, всего лишь одной семь тысячъ, другой пять, да плохонькій домишко въ нашемъ губернскомъ городѣ, да кое-какую утварь.

Проклявъ коварнаго старика, такъ задешево заѣвшаго ихъ молодость, сестры, что называется, завили горе веревочкою и, поселившись въ губернскомъ городѣ, прокутили свое жалкое наслѣдство съ быстротою, по истинѣ достопримѣчательною. Наташа писала мнѣ, что по губерніи до сихъ поръ плывутъ эпопеи объ ихъ удивительномъ поведеніи. Затѣмъ, уже совсѣмъ прогорѣлыя, однажды явились въ Петербургъ. Нашли меня и, сперва, смиренно просили, потомъ, въ самомъ нагломъ тонѣ, требовали, чтобы я ихъ устроила въ императорскую оперу или, пожалуй, т а к ъ и б ы т ь, въ Народный домъ, хоть на выхода. Только бы молъ попасть да начать, а тамъ ужъ мы устроимся. Посмотрѣла я: бабищи — каждая пудовъ по восьми вѣсу, одной 35 лѣтъ, другой 36... недурны начинающія! Попробовала голоса:

можетъ быть, и были когда-нибудь, да сплыли. Одна визжитъ, будто съ нея снимаютъ кожу, другая, желая притвориться контральтомъ, хрипитъ, какъ фаготъ, съ какимъ-то носовымъ присвистомъ. Я разсмѣялась и посовѣтовала имъ оставить всякую мысль о сценической дѣятельности. Онѣ страшно обидѣлись, наговорили мнѣ дерзостей и даже дали понять, что я боюсь ихъ соперничества — если не для себя, то для дочери моей, Евпраксіи Владимировны. Это было очень смѣшно. Двѣ провинціальныя любительницы, уже не первой молодости, воображаютъ быть опасными первоклассной европейской пѣвицѣ! Я успокоила ихъ, что Евпраксія Владимировна не то, что ихъ, но Саломеи Крушельницкой не боится и Феліи Литвинъ: она дѣлаетъ карьеру гораздо быстрѣе и лучше, чѣмъ я въ свое время, и, какъ разъ вотъ теперь, поетъ русскіе спектакли у Гинцбурга въ Монтекарло, а затѣмъ приглашена въ Мадридъ, Барцелону и Буэносъ-Айресъ... Двѣ красавицы ушли надутыя, проклиная мою гордость и отсутствіе во мнѣ родственныхъ чувствъ.

Но — что же затѣмъ? Мѣсяца три или четыре спустя, мужъ мой, піанистъ Де-Марней, концертируя въ одномъ южномъ городѣ, вдругъ, видитъ на всѣхъ столбахъ и кіоскахъ фамилію «Е. Урошичъ» — огромнѣйшими буквами — колоссальныя цвѣтныя афиши. Очень изумленный, такъ какъ зналъ, что Евпраксія только вчера пѣла въ Барцелонѣ и не по телеграфу же сюда перелетѣла, Пьеръ вглядывается въ афишу: оказывается, — кинематографъ. Это показалось ему не менѣе страннымъ, потому что Евпраксія питаетъ антипатію

къ кинематографу и никогда не соглашалась играть для него. Уже сколько предложеній отклонила — отъ богатѣйшихъ и первоклассныхъ фирмъ. А тутъ—вдругъ — извольте видѣть — въ почти глухомъ городкѣ ее показываютъ фильмы какой-то едва извѣстной фабрики... Невозможно!... Тѣмъ не менѣе кинематографъ категорически обѣщалъ показать неисчислимое количество метровъ удивительнѣйшей кинемо-драмы «Рыцарь Венерина Грота или Преступное паденіе и доблестное возрожденіе извѣстнаго нѣмецкаго пѣвца-художника Генриха Фонъ-Тангейзера», при чемъ въ роли Венеры явится знаменитая оперная артистка Е. Урошичъ. Въ кинематографѣ Де-Марней былъ окончательно пораженъ, когда на экранѣ появился, предпосланный представленію, портретъ «знаменитой артистки». Она оказалась дебелою дамою, которая, конечно, никакъ не могла быть нашей Евпраксіей, но — Пьеръ съ удивленіемъ долженъ былъ признать — имѣла съ нею что-то общее, родственное. Драма, конечно, оказалась лубочною передѣлкою Вагнерова либретто, а кинематографическая Е. Урошичъ — чудовищемъ сценической бездарности и соотвѣтственнаго безстыдства. Сцена Тангейзера съ Венерой, по словамъ Пьера, была поставлена совсѣмъ порнографически. Приведенный въ негодованіе, Пьеръ потребовалъ отъ содержателя кинематографа объясненія, что значитъ этотъ гнусный подлогъ. Тотъ, очень смиренный пожилой еврей, возразилъ, что онъ знать ничего не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Онъ бѣдный промышленникъ: показываетъ тѣ фильмы, какія присылаетъ ему фирма, которой онъ состоитъ кліэнтомъ, а — какъ и съ кого воспроизводились эти филь-

мы, его не касается. Его дѣло — были бы они разрѣшены къ представленію да привлекли бы публику... Де-Марней немедленно отписалъ мнѣ все это, совѣтуя притянуть наглую фирму къ суду. Я послала къ этимъ господамъ своего повѣреннаго. Онъ возвратился, нѣсколько смущенный, и сообщилъ мнѣ, что мы имѣемъ дѣло съ очень ловкими и спокойными жуликами, которые такъ увѣрены въ своей правотѣ, что даже — вѣжливы. На нашу претензію они возражаютъ, что никогда и не думали объявлять фильмы многоуважаемой Евпраксіи Владимировны Урошичъ. Развѣ позволили бы они себѣ такъ недостойно шутить съ гордостью русской лирической сцены?... Для ихъ фильмовъ Венеру играла нѣкая Евлампія Павловна Урошичъ. Она, конечно, менѣе извѣстна, чѣмъ Евпраксія Владимировна, однако, тоже знаменитая артистка...

— Какъ знаменитая артистка? — воскликнула я въ негодующемъ изумленіи. — Я ее знаю. Это моя родная сестра. Какая она пѣвица? Она не въ состояніи сказать двухъ нотъ...

Адвокатъ пожалъ плечами и возразилъ мнѣ:

— Да, вѣдь для «великаго нѣмого» это безразлично: тамъ не нужна ни одна нота... А считать свою артистку знаменитою или нѣтъ — это личный вкусъ и дѣло антрепренера, что и было мнѣ изъяснено съ отмѣнною любезностью и сверхъ-европейскимъ учтивствомъ...

— Но они пишутъ на фильмахъ: «Е. Урошичъ» — это ужъ явная поддѣлка подъ Евпраксію...

— Извините: Евлампія тоже начинается съ Е...

— Такъ пусть и печатаютъ цѣликомъ свою Евлампію! Къ этому-то принудить ихъ мы, я полагаю, въ состояніи?..

— О, да! Уже былъ о томъ разговоръ, и они пошли на эту уступку гораздо охотнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Очевидно, она была у нихъ обдумана и приготовлена заранѣе — навстрѣчу возможности нашего протеста...

— Ну, что же? Хоть это... Все-таки, цѣль будетъ достигнута и злоупотребленіе именемъ Евпраксіи прекратится...

— Не думаю.

— Почему?

— Да потому, что они хорошіе психологи и знаютъ свою толпу. Слишкомъ близкія имена. Кто будетъ помнить ихъ разницу въ четыре буквы? Есть знаменитая пѣвица Е. Урошичъ, а которая она, Евлампія или Евпраксія, надъ этимъ задумается изъ тысячи одинъ... Публика знаетъ фамиліи артистовъ, а не имена... Какъ будто вы не знаете, что даже васъ еще очень часто смѣшиваютъ съ вашею дочерью? Между тѣмъ, помимо разницы лѣтъ и срока карьеры, даже ваши имена гораздо болѣе разнозвучны: она Евпраксія Владимировна, а вы Марья Павловна...

— Если такъ, пускай они и эту госпожу, мою сестрицу, объявляютъ полнымъ именемъ... Владимировну съ Павловной, все-таки, труднѣе смѣшать!

— Да, но тогда начнутъ смѣшивать васъ, двухъ Павловнъ...

Я разсердилась и прогнала его, бѣднаго, въ совершенной къ нему немилости. А на дѣло, погорячившись дня три, махнула рукою: разсудила, что въ этомъ под-

логѣ больше смѣшной наглости, чѣмъ вредной. Для Евпраксіи нѣтъ большого ущерба, если имя ея рекламируется такъ или иначе кинематографомъ въ какомъ-нибудь Армавирѣ или Черкасахъ, гдѣ она сама никогда пѣть не будетъ. А въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и т. п., гдѣ Евпраксію видѣли и знаютъ, кинематографщики, — конечно, не осмѣлятся ставить своего удивительнаго «художника-пѣвца Генриха Фонъ-Тангейзера», — съ подложною Венерою. Это и представители фирмы дали понять моему адвокату.

Послѣдствіемъ этой исторіи, я получила ругательное посланіе, подписанное обѣими сестрами, съ упреками, что я своею черною завистью хочу лишить ихъ послѣдняго куска хлѣба... Я, конечно, не отвѣчала...

Изъ Петербурга онѣ исчезли. Однажды, пробѣгая хронику въ «Театрѣ и Искусствѣ», я нашла корреспонденцію изъ Барнаула, о продѣлкахъ нѣкоего Струйскаго-Бруйскаго, который де развозитъ по второстепеннымъ сибирскимъ городамъ какихъ-то двухъ невѣдомыхъ госпожъ Урошичъ, выдавая ихъ за извѣстныхъ оперныхъ артистокъ, имъ однофамильныхъ. Но въ Барнаулѣ обманъ былъ обнаруженъ и концертъ закончился грандіознымъ скандаломъ, съ побоищемъ и вторженіемъ полиціи. И, наконецъ, прошлою осенью, въ Крыму, на винограднѣ, я неожиданно получила долго гонявшійся за мною по Россіи, исчерченный надписями, изстуканный штемпелями, открытый конвертъ со свадебнымъ билетомъ. Я приглашалась почтить своимъ присутствіемъ бракосочетаніе совершенно неизвѣстнаго мнѣ Измаила Хабибуловича Измирлъ-Али — и еще какъ-то — Бека съ Харитиной Павловной Крѣпышевой-Уро-

шичъ, имѣющее быть въ городѣ Заравшанѣ такого-то числа, конечно, давно уже минувшаго, когда я получила билетъ... Объ Евлампіи я слышала, что она мелькала этою весною на великопостной актерской биржѣ въ Москвѣ — тоже, повидимому, замужняя, такъ какъ уже не называла себя ни Урошичъ, ни Крѣпышевой, а носила новую двойную фамилію, которую предпочитаю пройти молчаніемъ. Въ бюро являлась въ сопровожденіи восточнаго человѣка, аршинъ трехъ роста и съ огромнѣйшими брильянтами всюду, гдѣ надо и не надо. Очень богато одѣвалась, располагала большими деньгами и вербовала для какого-то окраиннаго захолустья, не лучше Заравшана, труппу столь страннаго подбора въ персоналѣ мужскомъ и женскомъ, что одинъ изъ театральныхъ остряковъ даже сочинилъ на нее эпиграмму:

Беретъ актеровъ — по годамъ,
По бюстамъ — дамскія свѣтила...
Играть не много будутъ тамъ
И не въ игрѣ тамъ будетъ сила*)...

Такихъ-то двухъ ангеловъ завѣщалъ міру, отлетая изъ него въ горнія, благочестивый воспитатель и хранитель юности, — дяденька Неофитъ Михайловичъ Урошичъ. Собственныхъ дѣтей не оставилъ, — по крайней мѣрѣ, законныхъ. И — какъ сообразишь эту парочку єхиднъ, его и покойную тетушку, Анну Ивановну, — не-

*) Эпиграмма эта—подлинная. Я получилъ ее въ 1912 году изъ Москвы, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ, направленныхъ артистами великопостнаго рынка противъ разныхъ формировавшихся тогда антрепризъ и товариществъ. Однако, два первые стиха пришлось смягчить—во имя приличія, но, увы, не къ выгодѣ ихъ злой соли. Ал. Амф.

вольно воскликнешь: слава Богу! Потому что — вотъ ужъ правду-то сказать: антихристъ потерялъ удобный случай родиться...

Такъ какъ дядя Неофитъ Михайловичъ въ дальнѣйшей моей жизни не игралъ никакой роли и отнынѣ почти исчезаетъ со страницъ моей лѣтописи, доскажу о немъ еще одно послѣднее сказанье. Оно любопытно.

Обездоливъ своимъ завѣщаніемъ наиболѣе близкихъ къ себѣ родныхъ, Неофитъ Михайловичъ, тѣмъ не менѣе, вспомнилъ въ томъ же завѣщаніи рѣшительно всю свою родню. Устроилъ настоящую перепись всѣхъ Урошичей и Крѣпышевыхъ со всѣмъ свойствомъ, какіе только живы были тогда на этомъ свѣтѣ. И каждой и каждому что-нибудь оставилъ, но такое ничтожное, что, право, трудно рѣшить, являлись ли эти двусмысленные дары неловкимъ и скупымъ знакомъ уваженія къ родовымъ традиціямъ, или же, съ преднамѣренною язвительностью, глумились надъ всѣми, кто пресмыкался предъ старою консисторскою крысою, въ расчетѣ на ея капиталъ. Между прочимъ, и я получила четыре вещи: очень хорошую испанскую гитару съ перламутровой инкрустаціей, книгу «Подражаніе Христу» Ѳомы Кэмпійскаго въ переводѣ Сперанскаго, серебряную ступку съ пестикомъ для толченія миндаля и старинный парикмахерскій болванъ для париковъ и шляпокъ. Наташа писала, что это еще ничего: увядшихъ безъ замужества, некрасивыхъ дочерей одной изъ своихъ сестеръ, исправничихи въ Салотопѣ, сильно имъ нелюбимой, Неофитъ Михайловичъ наградилъ такими памятками, что бѣдныя старыя дѣвы, сгоряча и по не-

вѣжеству, не догадавшись о характерѣ наслѣдства, ославились посмѣшищемъ на цѣлую губернію. Въ числѣ прочей движимости, достался имъ предметъ, который въ инвентарѣ обозначенъ былъ съ коварною скромностью: «французскій судокъ для мѣрной рыбы, фаянсъ съ цвѣточками, на металлическихъ ножкахъ съ колесиками». Удивительное сооруженіе это долго стояло у наслѣдницъ въ кладовой безъ всякаго употребленія. Но, однажды, на ихъ бѣду, случилось имъ принимать у себя въ дому объѣзжавшаго епархію архіерея. И — вотъ — ради торжественнаго случая и почетнаго гостя, «французскій судокъ» былъ извлеченъ изъ фамильной сокровищницы, чтобы принять въ свои нѣдра колоссальную заливную стерлядь... Къ счастью для старыхъ дѣвъ, архіерейскій поваръ, приглашенный готовить обѣдъ, былъ менѣе невиненъ, чѣмъ онѣ, бѣдныя весталки медвѣжьяго угла, и, будучи достаточно развращенъ культурою, призналъ въ «французскомъ судкѣ» сосудъ, предназначенный для совсѣмъ иного употребленія. Само собою разумѣется, что послѣ того скабрезный «фаянсъ съ цвѣточками» на столъ владыки уже поданъ не былъ. Но исторія огласилась, и уѣздные насмѣшники, конечно, божились, будто сестры такъ таки и выволокли свой судокъ на владычный столъ, къ великому изумленію его преосвященства, который, смолоду служивъ въ гусарахъ, всякіе виды видывалъ и, значитъ, могъ оцѣнить «фаянсъ съ цвѣточками» по достоинству.

Съ Наташею, къ которой этотъ дяденька всегда благоволилъ за ея солидность и немножко ея потрухивалъ за образованіе, Неофитъ Михайловичъ поступилъ

сравнительно порядочно: завѣшалъ ей тысячу рублей деньгами и клочекъ земли съ домомъ-избою въ Никифоровѣ, гдѣ и прозябаетъ теперь безрадостною и одинокою старухою наша когда-то первая умница и самая блестящая надежда семьи.

Въ теченіе моей артистической карьеры, жила я, грѣхъ таить, довольно бурно, хотя оклеветана сторицею противъ того, что, дѣйствительно, было и за что я достойна суда и осужденія. И вотъ, въ этой бурной жизни моей, не разъ мнѣ случалось получать горькіе упреки за слишкомъ недовѣрчивое, подозрительное и даже иногда, можетъ быть, черезчуръ презрительное отношеніе къ владыкамъ нашимъ, господамъ мужчинамъ, «сильному полу». Не берусь отвѣчать за себя, насколько властна во мнѣ эта черта. Должно быть, въ достаточной степени, если она такъ прозрачна для постороннихъ. Отрицать ея наличность въ себѣ не смѣю. А вотъ, чтобы она была моя прирожденная и составляла органическую часть моего характера, этого я не скажу. Напротивъ: я, по натурѣ, довѣрчива, влюбчива, привязчива, люблю любить и быть любимой, люблю искренній и смѣлый союзъ, защищенный крѣпкою мужскою рукою, люблю возможность вѣрить и счастливо вѣрю, когда могу. Каждый разъ, когда мнѣ казалось, что судьба посылаетъ мнѣ навстрѣчу любовь порядочнаго человѣка, я бросалась подъ ея убѣжище съ восторгомъ пылкой надежды, что — наконецъ-то нашла, кого мнѣ надо было, и съ нимъ успокоюсь... И этой уповающей мечты не разбили и не утомили даже всѣ ошибки и разочарованія, которыя я пережила по ми-

лости тѣхъ, кого любила. Я уже пожилая женщина, но сердце мое молодо, и воспоминанія его ласковоюны и благородны. Это не сантиментальность, не «мармеладничанье». Я отчетливо и жутко знаю исторію своей многогранной любви и на многихъ граняхъ обидно и жалко краснѣю. При нѣкоторыхъ именахъ, вотъ ужъ точно-то — «я содрогаюсь сердцу больно, мнѣ стыдно идоловъ моихъ!» Но сохранила память сердца нѣсколько и такихъ мужскихъ именъ, которыя тоже связаны съ горечью пережитыхъ обмановъ, измѣнъ и обидъ, а, все-таки, всегда скажу: носили ихъ люди честные и хорошіе, и близость ихъ для меня была счастьемъ, и благослови ихъ Богъ за то, что были ко мнѣ близки, и спасибо, спасибо, спасибо имъ за общее наше, давно отлетѣвшее, прошлое! Такъ что предубѣжденіемъ противъ «злой породы» мужчинъ вообще— я нисколько не страдаю. Мнительность же и осторожность свою къ каждому приближающемуся мужчинѣ я наслоила на душу въ своей дѣвичьей молодости, постояннымъ, изо дня въ день, наблюденіемъ за удивительными представителями сильнаго пола, наполнявшими нашъ домъ. Болѣе отвратительныхъ двуногихъ скотовъ, чѣмъ шайка Павла Петровича Крѣпышева, я впослѣдствіи уже не встрѣчала нигдѣ, даже за нашими оперными кулисами, гдѣ мужская этика далеко не ароматна. Если я, по чистой совѣсти, должна признать вотъ этотъ консисторскій сколокъ съ Іудушки Головлева, дядю Неофита Михайловича, еще, сравнительно, изъ лучшихъ мужчинъ, которыхъ видѣла моя молодость, этимъ, пожалуй, будетъ все сказано. А прибавь-

те, что противнѣйшими изъ противныхъ въ этой грязной кучѣ были два господина Крѣпышевы: старый Павелъ Петровичъ и молодой Петръ Павловичъ. Тотъ, кого я долго считала своимъ отцомъ . . . и, признаюсь, хотя была озадачена, — но безъ малѣйшей горечи и почти съ удовольствіемъ приняла извѣстіе, что онъ нисколько не виновенъ въ моемъ рожденіи, — несмотря на всѣ житейскія непріятности и безправіе, которыя мнѣ это открытіе принесло. И тотъ, отъ кого я, къ сожалѣнію, не могу отречься съ такою же легкостью, потому что онъ мнѣ былъ единоутробный братъ . . . А приживалы ихъ! а наши сосѣди!.. Съ глубокою искренностью скажу — и безъ единаго исключенія — что, до восемнадцати лѣтъ, я не видала въ своемъ сословіи ни одного мужчины, который былъ бы отмѣченъ хоть слабымъ отпечаткомъ порядочности и могъ бы внушить къ себѣ хоть тѣнь уваженія. И, признаюсь, не нахожу въ себѣ осуждающей мысли для покойной мамы за то, что она, въ женской жизни своей, грубо отгородилась отъ этихъ пьяныхъ и зловредныхъ гадовъ своими простонародными друзьями. Если бы первый мужъ мой, Дмитрій Аѳанасьевичъ Эриванскій, не вырвалъ меня изъ Барыша, — къ сожалѣнію, единственная, имъ оказанная мнѣ, услуга! — я, — даю слово, что не преувеличиваю, — тоже предпочла бы выйти за любого изъ нашихъ конюховъ, за мужика изъ деревни, за псаломщика изъ Никольскаго, чѣмъ связать свою молодость — хотя бы со сватавшимъ меня сосѣдомъ-собутыльникомъ Павла Петровича, г. Я. Онъ уже упоминался въ моемъ разсказѣ. О баринѣ этомъ было досто-

вѣрно извѣстно, что мальчикъ, воспитывающійся въ его усадьбѣ на положеніи пріемыша, приходится ему одновременно и внукомъ, и сыномъ... И, когда, на сватовство его, Соломонида Степановна, безъ церемоніи, отвѣтила:

— Тебѣ ли, батюшка, свататься къ чистой дѣвушкѣ, когда у тебя въ дому Лотово беззаконіе? —

г. Я. очень весело засмѣялся, щелкнулъ пальцами и заявилъ:

— И охота тебѣ, кума, вѣрить сплетнямъ... Выдавай, небось!.. не артачься! Если только это тебѣ першитъ, то Людмилку спровадить — минутное дѣло. Къ ней учителишко изъ города примазывается. Три тысячи въ зубы — и подъ вѣнецъ . . .

Соломонида Степановна жестоко обругала его и получила хладнокровную отповѣдь:

— А ты, кума, не чванься. Ты не герцогиня. Машенька твоя не принцесса. Незаконнорожденная дѣвица неизвѣстнаго званія, — и тоже, кого хочешь, въ уѣздѣ спроси, всякій знаетъ: Романки повара дочь. Потому и сватаюсь. Правильную дѣвицу за меня, пожалуй, дѣйствительно, выдадутъ развѣ лишь совсѣмъ отчаянные родители, потому что обо мнѣ вралями пущенъ скандалъ. А — какъ у васъ скандалъ, у меня скандалъ, то намъ конфузиться другъ друга нѣтъ причины: мы даже очень подъ пару и рука руку моетъ . . .

И — что же? По справедливости, я, дѣйствительно, не смѣю даже осудить этого стараго нахала, какъ онъ заслуживаетъ. Потому что у насъ въ Барышѣ, по смерти мамы, стало нисколько не лучше. Если Павелъ Пе-

тровичъ не дошелъ до «Лотова беззаконія», какъ Я., то отнюдь не по своей сдержанности, а потому, что, при всей своей словесной наглости — отъ водки, онъ былъ трусъ передъ всякою женщиною, кромѣ продажныхъ. Если начиналъ забываться, переходя отъ дрянныхъ словъ къ дряннымъ поступкамъ, то — на что смирная овца была моя дружка-служанка Маша, — и та умѣла его осадить и пугнуть такъ, что онъ поджималъ хвостъ. При томъ же Соломонида Степановна наблюдала за нимъ и его компаніей, какъ суровый Аргусъ. А насъ, взрослыхъ дѣвицъ, быстро направила — какъ мы тогда говорили и, вотъ, даже хронологическую эру изъ этого слова сдѣлали, — въ «разгонъ».

Въ самомъ началѣ все было очень хорошо. Растроганный смертью жены и обозленный надменнымъ поведеніемъ замужнихъ старшихъ дочерей, Павелъ Петровичъ рыцарствовалъ и великодушничалъ. Окончательный раздѣлъ наслѣдницъ по завѣщанію съ наслѣдниками по закону дядя Неофитъ Михайловичъ — послѣ первыхъ, описанныхъ мною, бурь — провелъ весьма искусно, конечно, сильно пощипавъ въ свою пользу обѣ стороны, а, въ особенности, ту, которой нашелъ выгоднѣе благопріятствовать: няню Алену и Соломониду Степановну. Достоинство ихъ, какъ новыхъ хозяекъ и распорядительницъ дома, не было отмѣчено никакими особыми знаками отличія, кромѣ того, что няня Алена обитала теперь не въ дѣтской, а въ той угловой комнатѣ, гдѣ мама прожила много лѣтъ послѣ разрыва своего съ мужемъ. Въ этой комнатѣ, съ странными старинными обоями — черными завитушками въ перемежку съ золотыми язычками по лиловому вылинявшему полю,

— родились почти всѣ мы, «среднюшки» и «меньшенькія». Въ ней же и умерла мама. Няня Алена очень спокойно переселилась въ ея обитель, когда по мамѣ отошли сороковины, безъ всякаго страха къ недавно лежавшему здѣсь трупу.

Опять таки, съ нѣкоторымъ смущеніемъ предъ тѣнью матери, должна я сознаться, что, — какъ скоро улеглось первое горе потери и острое волненіе печальныхъ открытій нашей законной беззаконности, — я считаю три мѣсяца, въ которые домомъ правила няня Алена, самымъ спокойнымъ и, несмотря на двойной трауръ, — по мамѣ и по о. Михаилу — лучшимъ временемъ своей безрадостной юности. Если бы оно продолжилось, то, конечно, судьбы большинства изъ насъ не сложились бы такъ несчастно и нелѣпо, какъ почти каждую покарало будущее. Няня Алена искренно любила насъ и—съ глубокою внимательностью, съ тою сердечною деликатностью, которую, право,нигдѣ не встрѣтишь въ такой теплой полнотѣ, какъ у хорошихъ пожилыхъ женщинъ русскаго простонародья, — обдумывала и устраивала нашу будущую судьбу.. Уже рѣшено было, что осенью Наташа поѣдетъ въ Петербургъ продолжать свое образованіе на Бестужевскихъ курсахъ и возьметъ съ собою Лизу, чтобы готовить ее къ экзамену при университетѣ на домашнюю учительницу. Изъ «меньшенькихъ» двоихъ отвезли въ губернскій городъ и помѣстили въ частный пансіонъ съ гимназическими правами. Туда же помѣстила Соломонида Степановна свою собственную дочку,золотокудрую Аленку,которой въ это время было лѣтъ тринадцать. Для меня съ Агашею и Сонею пригласили изъ города учителя, чтобы го-

товилъ насъ въ гимназію — прямо въ старшіе классы, потому что для среднихъ мы, увы, были уже великовозрастны, а знали еще такъ мало, что, безъ подготовки, едва ли сдали бы экзаменъ и въ младшіе. Остальныя ждали своихъ очередей, чтобы тоже быть направленными на какую-либо образовательную линію. Дарьѣ, которая для гимназіи вышла изъ лѣтъ и, по анархической строптивости своей, презирала всякое образованіе и дисциплину, смышляли хорошаго жениха. Няня Алена громко говорила, что наслѣдства, ею полученнаго, она своимъ не считаетъ. Барыня оставила ей капиталъ и недвижимость исключительно затѣмъ, чтобы имущество не было пропито и проиграно, до нашего совершеннолѣтія, Павломъ Петровичемъ, или не оказалось прибрано къ рукамъ дядюшками и тетушками. Все, ей доставшееся, наше и вернется къ намъ — каждой, въ видѣ приданаго при выходѣ замужъ или выдѣломъ при совершеннолѣтіи. Все это, оказывается, было ими, тремя женщинами — мамою, нянею Аленою и Соломонидою Степановною, — давнымъ давно обдумано и условлено до мельчайшихъ подробностей.

Когда я познакомилась съ «Нашимъ общимъ другомъ» Диккенса и плакала отъ умиленія къ трогательнымъ фигурамъ безкорыстныхъ мистера и мистриссъ Боффинъ, какъ они, подъ видомъ своего мнимаго богатства, сберегали для пропавшаго безъ вѣсти и лишеннаго наслѣдства Джона Гармона милліоны «золотого мусорщика», — мужъ мой, Д. А. Эриванскій, смѣялся, что это сантиментальная выдумка, такихъ людей не бываетъ. Неправда! Я знала няню Алену. Она была

лучше Боффиновъ! Тѣ вдвоемъ упасли одного Джона Гармона, а для нея мы всѣ, среднюшки и меньшенькія, были горемычные, безправные Джоны Гармоны, и у нея, одной, на всѣхъ насъ хватало ея широкаго, спокойно любящаго сердца, обо всѣхъ насъ она успѣвала подумать и всѣхъ пригрѣть и пожалѣть.

Словомъ, было хорошо, а ждали мы, что будетъ еще лучше. Дѣло въ томъ, что дошли къ намъ въ Барышъ слухи, будто законная супруга Павла Петровича, блистательная Маргарита Карловна, живя за-границею, очень болѣетъ. Едва ли у нея не чахотка, и можно въ скоромъ времени ожидать извѣстія о ея кончинѣ. Въ такомъ случаѣ, Павелъ Петровичъ оказался бы, наконецъ, круглымъ вдовцомъ. Между тѣмъ онъ самъ не разъ заявлялъ очень громко, что покойная Марья Михайловна, на смертномъ одрѣ, взяла съ него честное дворянское слово: въ случаѣ, если-бы онъ освободился отъ узъ Маргариты Карловны, не брать въ домъ молодой хозяйки со стороны.

— Если же ты хочешь, чтобы тѣнь моя была вполнѣ умиротворена и спокойна за дѣтскую будущность, женись тогда на Аленѣ. А, покуда, прошу, молю и заклинаю тебя, Павелъ Петровичъ, быть съ Аленою въ мирѣ, согласіи и слушаться ея — по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касается дѣтей. Алена все равно, что я, и ея голосъ, все равно, что мой голосъ. Тридцать лѣтъ мы прожили вмѣстѣ и ни разу не разногласили, вмѣстѣ чувствовали, вмѣстѣ думали. Аленѣ извѣстно каждое мое намѣреніе о дѣтяхъ, и я знаю, что всѣ мои намѣренія будутъ выполнены свято и ненарушимо и даже гораздо лучше, чѣмъ сумѣла бы я сама.

Павелъ Петровичъ обѣшалъ очень охотно. Онъ и самъ чрезвычайно уважалъ няню Алену. Она была чуть ли не единственнымъ въ домѣ человѣкомъ, способнымъ унять его среди самаго лютаго безобразія, не прибѣгая къ силѣ, только спокойнымъ своимъ уговоромъ. Возрастомъ няня Алена была на три года моложе своей обожаемой барыни, значитъ, при смерти Марьи Михайловны, ей пошелъ всего сорокъ пятый годъ. Но она, бѣлолицая и свѣтлоглазая женщина-кубышка, со всѣми зубами и алымъ мѣщанскимъ ротикомъ-бутончикомъ, была еще такъ свѣжа, что ей не давали и тридцати пяти. А наружностью цвѣла — самою привлекательною и, хотя чрезмѣрная полнота, при сравнительно небольшомъ ростѣ, придавала ей нѣкоторую комическую шаровидность, на нее и теперь еще заглядывались разные добрые молодцы.

Такимъ образомъ, жертву Павелъ Петровичъ обѣщалъ — во всѣхъ отношеніяхъ — не великую. Честное же дворянское слово свое онъ, надо отдать ему справедливость, умѣлъ держать, если только не пропивалъ ума и памяти.

Итакъ, няня Алена была на волосокъ отъ того, чтобы сдѣлаться госпожею Крѣпышевою, чего мы всѣ ждали съ радостнымъ нетерпѣніемъ и искреннѣйшимъ удовольствіемъ. Были настолько въ томъ увѣрены, что иногда — то я, то Лиза, то Соня, — бывало, обмолвимся и зовемъ ее «мамою». А она намъ только пальчикомъ грозитъ: я васъ, козы! Прислуга уже льстила и, вмѣсто Алены Яковлевны, тоже обмолвкою, ввертывала, «барыню», на что, впрочемъ, няня Алена очень сердилась

и строго запрещала это. Но судьба играетъ шутки удивительныя и — кому не везетъ, такъ ужъ не везетъ. Ненавистная Маргарита Карловна, которую мы такъ усердно хоронили, прожила еще болѣе десяти лѣтъ и пережила своего супруга, столько желавшаго отъ нея освободиться. А няню Алену, однажды осеннимъ вечеркомъ, притащили изъ бани волокомъ, безъ чувствъ, разбитую параличемъ, отнявшимъ у нея ноги. Это была страшная катастрофа. Она перевернула вверхъ дномъ всю, наладившуюся было, жизнь въ домѣ. Въ дополненіе несчастія, когда стряслась бѣда, Соломониды Степановны не было въ Барышѣ. Она уѣхала въ Москву для переговоровъ по одному, задуманному ею, торгово-промышленному дѣлу, изъ котораго потомъ выросли для насъ, Крѣпышевыхъ, большія и, во многихъ отношеніяхъ, неожиданныя послѣдствія, какъ хорошія, такъ и очень дурныя. Но объ этомъ послѣ. Сейчасъ важно только, что ни письмами, ни телеграммами ее не могли найти цѣлыя три недѣли. А между тѣмъ, няня Алена лежала почти безчувственнымъ пластомъ въ угловой комнатѣ, которая какъ бы пожирала своею лиловою пастью уже второго дорогого намъ человѣка. Болѣзнь вырвала вожжи изъ рукъ няни Алены, и домъ зашатался, заметался, какъ сорвавшійся съ узды, норовистый конь... Андрей Васильевичъ Масловъ, осмотрѣвъ больную, сказалъ, что прожить она можетъ еще долго — и годъ, и два, и три, но не оправится никогда, а напротивъ, параличъ будетъ все распространяться повторными ударчиками. Они сперва доведутъ больную до идіотизма, а потомъ который-нибудь изъ нихъ однажды и вовсе покончитъ съ нею.

Въ первый же вечеръ, когда приключилось несчастіе, Павелъ Петровичъ выразилъ свое горе — можетъ быть, и искреннее — тѣмъ, что напился до положенія ризъ, — впервые послѣ довольно продолжительнаго, почти трезваго, промежутка. А на завтра въ домъ ворвалась вся его безобразная компанія, мужская и женская, и загудѣла старая, знакомая пѣсня, только еще нѣсколькими тонами выше и несноснѣе, чѣмъ бывало. Описывать этого чудовищнаго времени не хочу: перо не поднимается изложить, чего мы насмотрѣлись и наслушались, какъ бывали унижены и оскорблены, сколько накраснѣлись и наплакались отъ стыда, сколько натряслись отъ страха. Довольно сказать, что всѣ мы терпѣть не могли дяденьку Неофита Михайловича, но тутъ написали ему отчаянное письмо, чтобы пріѣхалъ, и, когда онъ явился, встрѣтили его, какъ избавителя. Потому что наканунѣ утромъ, часу въ девятомъ, Павелъ Петровичъ, успѣвшій уже неоднократно спасти своего Пѣтьку-пѣтуха отъ водочнаго потопленія, явился въ комнату Наташи, одѣтый во фракъ, но на исподнее бѣлье. Наташа, зря подобное чучело, обомлѣла отъ испуга. А Павелъ Петровичъ, еле ворочая путаннымъ языкомъ, принялся ей изъяснять, что вотъ, молъ, каковы мои несчастія, сударыня ты моя:

— Одна жена померла, другая помираетъ, Алену разбилъ кондрашка и она теперь не годится не то, что подъ вѣнецъ, а просто можно сказать —ни къ черту на рога. Только свалить ее, какъ старый хламъ, въ чуланъ и ждать, скоро ли поколѣетъ... И выхожу я, сударыня ты моя, троекратный вдовецъ, а женатъ ни разу не былъ.

Онъ плакалъ горькими слезами.

Наташа, оправясь отъ перваго страха, вскричала:

— Взгляните на себя, папаша: на что вы похожи? Зачѣмъ вы одѣли фракъ?

Павелъ Петровичъ объяснилъ съ немалою гордостью, что идетъ дѣлать предложеніе.

Новый ужасъ. Что еще такое? Кому?

А вотъ объ этомъ-то Павелъ Петровичъ и пришелъ совѣтоваться съ дочерью, потому что:

— Ты у насъ ученая и умнѣе всѣхъ... Кому прикажешь, той и сдѣлаю... Потому что я очень хорошо понимаю все, сударыня ты моя, и я не подлецъ... Что обѣщалъ, свято . . . Противъ васъ — никогда!.. ничего!.. ни за что!.. Не подлецъ!.. Но если судьба не милосердна и чортъ крутитъ меня за носъ? Entendons nous: противъ рожна не попрешь, сударыня ты моя!.. Не можетъ же Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ жениться на безногой бабѣ! А, между тѣмъ, я еще человѣкъ, полный силъ, желаю наслаждаться жизнью и жажду потомства . . .

Изъ ворчанья, бормотанья, фырканья, кашля, мычанья, икоты и всѣхъ прелестныхъ звуковъ, слагавшихъ прелестную рѣчь прелестнаго родителя, Наташа поняла, наконецъ, что ему взбрела мысль, показавшаяся его пьяной головѣ необычайно благородною и великодушною. А именно: предоставить своимъ названнымъ дочерямъ, чтобы онѣ выбрали для него ту будущую жену, а себѣ мачеху, которою не можетъ быть няня Алена. Наташа, какъ ни была напугана и обозлена, чуть не расхохоталась ему въ лицо, но

—съ пьянымъ человѣкомъ шутки плохи. Сдѣлавъ серьезное лицо, она кое-какъ выпроводила Павла Петровича, обѣщавъ, что сейчасъ же переговоритъ со всѣми нами. Маскарадное чучело удовлетворилось и ушло, обязуясь страшными клятвами принять, въ память покойницы, безъ спора всякій выборъ, какой мы укажемъ...

— Велите, сударыни вы мои, — хоть на дурочкѣ съ ярмарки, — слушаюсь и женюсь!

При всей тревожности нашего положенія въ дому, гдѣ хозяинъ-родитель начинаетъ ловить чертиковъ, а дюжина добрыхъ друзей ему въ этой охотѣ помогаетъ и соревнуетъ, мы, среднюшки, на разсказъ Наташи, обхохотались до слезъ и цѣлый день провели въ томъ, что пріискивали и сватали — конечно, заглазно — Павлу Петровичу нашихъ усадебныхъ и уѣздныхъ невѣстъ, каждая предлагая своихъ кандидатокъ и ставя имъ отмѣтки за красоту и поведеніе... Но ввечеру стало не до смѣха. Павелъ Петровичъ, чего раньше никогда не бывало, вломился со своими пьяницами въ дѣтскую, перепугалъ меньшенькихъ, а отъ насъ, взрослыхъ, требовалъ, чтобы мы шли въ залъ — танцовать балетъ и представлять живыя картины... Уговорить и унять его не было никакой возможности. Пьяница оралъ, что мы ему не дочери, что, ежели онъ кормитъ и поитъ подобныхъ дармоѣдокъ, то мы должны ему угождать. А не то плевать онъ хотѣлъ на всякія тамъ завѣщанія и обѣщанія.

— Я въ дому своемъ хозяинъ, никого не боюсь и всѣхъ васъ скручу въ бараній рогъ, сударыни вы мои!

Всѣ эти любезности мы получили, конечно, въ сопровожденіи кабацкихъ ругательствъ и милыхъ угрозъ:

— Ноги мои заставлю мыть и воду пить, сударыни вы мои!

Наташу едва не ударилъ. Лизѣ торжественно объявилъ, что просваталъ ее за пріятеля — старшаго брата того Я., о прекрасныхъ нравахъ котораго я уже разсказывала. Объ этомъ старомъ холостякѣ слухи ходили не лучше, чѣмъ о меньшемъ братѣ, — только въ другомъ родѣ. Лиза рыдала, крича, что скорѣе удавится, чѣмъ пойдетъ за такого ославленнаго стараго негодяя, а Павелъ Петровичъ оралъ, что заставитъ уважать своихъ друзей, топалъ ногами, неистовствовалъ... Богъ знаетъ, какъ разыгралась бы сцена, если бы Соня не сбѣгала потихоньку къ Никифору, который, не подозрѣвая происходящаго, мирно спалъ на сѣновалѣ, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе ночевать и лѣто и зиму. Онъ сію же минуту явился, подхватилъ Павла Петровича за локотки, стремительно вывелъ его въ кабинетъ, плюхнулъ барина на софу, приказалъ спать и заперъ. А пьяной ордѣ объявилъ, что, если черезъ пять минутъ увидитъ кого-либо изъ нихъ въ нашемъ этажѣ, тотъ пусть на себя пеняетъ:

— Вышвырну на дворъ, не разбирая, кто баринъ, кто не баринъ, а во дворѣ собаки спущены...

Эту ночь Никифоръ всю просидѣлъ безсоннымъ сторожемъ на лѣстницѣ передъ дѣтскою, а поутру, слава Богу, подъѣхалъ дядя Неофитъ Михайловичъ. Безобразій Павла Петровича онъ, конечно, унять не могъ: старикъ его ненавидѣлъ и, еще на зло ему, сталъ бы пить и дурить вдвое. Но дядѣ, по крайней мѣрѣ, удалось

выманить пьяный дебошъ изъ дома въ другой притонъ, за ворота усадьбы. Таборъ перекочевалъ въ гостепріимный хуторокъ Маланьи Сергѣевны и прекрасныхъ ея образованныхъ дочерей. Тамъ и бушевалъ Павелъ Петровичъ со своими мерзавцами, возвращаясь домой только за полночь и едва не на четверенькахъ. Намъ стало спокойнѣе, тѣмъ болѣе, что Никифоръ остался въ домѣ охранять насъ, покуда пріѣдетъ Соломонида Степановна, которую мы неустанно искали телеграммами въ Москвѣ, Твери, Вологдѣ — и, какъ потомъ, оказалось, всюду опаздывали на самые малые сроки. Но мѣсто и компанія, въ которой теперь бражничалъ нашъ названный родитель, смущали насъ жестокимъ страхомъ: чего-то ждать? Эта желтоглазая вѣдьма, Маланья Сергѣевна, уже знакома читателямъ моихъ записокъ. Она была злѣйшимъ врагомъ нашей матери и, въ равной мѣрѣ, ненавидѣла всѣхъ насъ, дочерей, а еще пуще няню Алену и Соломониду Степановну, которыхъ, однако, боялась: онѣ знали про нее что-то очень скверное.

— Кабы не мое молчанье, ты бы давно на Сахалинъ уплыла! — отрѣзала ей однажды Соломонида Степановна, не подозрѣвая, что я слышу. И великолѣпная бѣлотѣлая наша Маланья Сергѣевна смолчала, поджалась и пошла прочь, робкая и жалкая, какъ побитая злая собака.

Въ чемъ тамъ было дѣло, я такъ никогда и не узнала. Шептали разное. Кто говорилъ, будто Маланья Сергѣевна, выпытавъ у Павла Петровича секретъ «перетятьки», сообразила, что — стоитъ этому горемычному старику умереть, и барыня Марья Михайловна Крѣпышева превращается въ беззаконную вдову съ не-

законнорожденнымъ потомствомъ, — и, по ненависти къ Марьѣ Михайловнѣ , подсыпала бѣдному «перетяткѣ» чего-то такого, отъ чего именно, а вовсе не отъ апоплексическаго удара, и отправился онъ на тотъ свѣтъ. Но продѣлала это злодѣйство Маланья Сергѣевна неловко, такъ что оно стало извѣстно, съ уликами, Соломонидѣ Степановнѣ и ея пріятельницѣ, знахаркѣ изъ Воздвиженскаго, черемискѣ Чучѣ, и съ тѣхъ поръ онѣ ее держатъ на крѣпкой уздѣ. Этимъ и объяснялось, что, завѣдомо владѣя секретомъ Марьи Михайловны, Маланья Сергѣевна, при всей своей къ ней ненависти, молчала о немъ, какъ рыба, и, что называется, даже на ночь запирала губы на замокъ, чтобы не проболтаться нечаянно въ сонномъ бреду. Подъ тѣмъ лишь условіемъ и пощадили ее Соломонида съ Чучей. Другіе говорили, что Маланья Сергѣевна какъ-то причастна къ загадочной смерти Клеопатры Крѣпышевой, — этому, какъ англичане говорятъ, «скелету въ домѣ» барышевскихъ владѣльцевъ. И опять таки — никто не знаетъ дѣла лучше Соломониды Степановны, которая давно отправила бы Маланью Сергѣевну за Уральскій хребетъ, если бы не замѣшанъ былъ вмѣстѣ съ нею Павелъ Петровичъ: его Соломонида Степановна не хотѣла тронуть: — не ради его самого, а ради жены и безвинныхъ дѣтей. Это ли, то ли, третье ли что, — я знаю одно: впослѣдствіи, въ весьма печальный періодъ моей жизни, я была въ большой близости съ этой Маланьей Сергѣевной, а она любила поговорить, имѣя языкъ, что называется, съ дыркой, была охотница позлословить, расписать свои добродѣтели за счетъ чужихъ грѣховъ и, въ особенности, поплакаться на кле-

веты враговъ, которыми преслѣдуется ея безупречная репутація. Увлекаясь, разсказывала она про себя иногда вещи удивительныя, съ откровенностью, наивною до наглости, но никогда ни однимъ словомъ не обмолвилась она про тайну, зарытую между ней и Соломонидою Степановною, и молчаніе это было настолько выразительно, что и я никогда не рѣшалась ее спросить. Правда, что въ срокъ нашей близости и боялась же я ее, любезнаго друга моего, Маланью Сергѣевну, съ ея желтыми глазами ласковой вѣдьмы, которая не то только что прилетѣла съ шабаша, не то еще собирается на него летѣть и — предвкушаетъ... Знала я лишь — и испытала, и иногда, при разладахъ, пользовалась, — что имя Соломониды Степановны и угроза ей нажаловаться дѣйствовали на Маланью Сергѣевну, какъ на бѣса ладанъ: сколько бы ни была зла, сію же минуту, стихнетъ и постарается свести ссору на нѣтъ.

Но Соломониды Степановны не было дома. Няня Алена лежала безсильною грудою, не сознавая почти ничего, кромѣ своего страдающаго тѣла, и мы старались оберегать ее отъ всѣхъ, хотя бы малыхъ, волненій, — настолько она была слаба... Маланьѣ Сергѣевнѣ привалило счастье, и она разгулялась во всю, спѣша использовать обстоятельства въ свою выгоду какъ можно быстрѣе и шире, пока поле дѣйствія остается такъ заманчиво свободнымъ... Вѣсти, плывшія къ намъ изъ ея дома, приносили новости отвратительныя и опасныя. Красивыми дочерями своими — Ляличкою и Ланичкою — она прямо таки сводничала, расчитывая женить на которой-нибудь изъ нихъ любезнаго нашего

братца, Петра Павловича. Самъ старикъ Павелъ Петровичъ изъ жениховъ, слава Богу, опять уже вышелъ, — такъ же трагикомически, какъ вообразилъ себя имъ. Дядя Неофитъ привезъ ему несомнѣнную справку, что слухъ о смертельной болѣзни Маргариты Карловны не имѣетъ никакого основанія. Московскій дядя Платонъ Михайловичъ, провожавшій своего важнаго патрона въ заграничный вояжъ, видѣлъ ее на Ривьерѣ: живетъ въ Каннѣ и здоровехонька. Но отъ женитьбы нашего брата Петра на которой-либо изъ враждебныхъ намъ дѣвицъ, дочерей Маланьи Сергѣевны, мы ожидали не лучшихъ послѣдствій. Этотъ дрянной мальчишка, болѣзненный сколокъ съ отца, только безъ его желѣзнаго здоровья, полуидіотъ отъ ранняго пьянства и разврата, безвольный, шалый, сластолюбивый, — былъ, кажется, единственнымъ въ потомствѣ Марьи Михайловны Крѣпышевой, кто искренно не любилъ ее, свою мать, и обожалъ отца, Павла Петровича Отъ послѣдняго злополучный Петръ унаслѣдовалъ всѣ его скверные пороки и — ни одного изъ маленькихъ достоинствъ, которыми Павелъ Петровичъ, хоть и въ скромномъ количествѣ, все-таки, обладалъ. Петръ рабски подражалъ отцу. Павла Петровича это обстоятельство весьма забавляло, но любилъ онъ сына ничуть не больше другихъ дѣтей, то-есть не любилъ вовсе — и, при каждомъ удобномъ случаѣ, издѣвался надъ нимъ жестоко, малочѣмъ отличая сына отъ остальныхъ своихъ шутовъ и шутовокъ. Петръ этого не то не понималъ, не то не хотѣлъ замѣчать, слишкомъ дорожа близостью къ отцу и зная, что Павелъ Петровичъ обижать охотникъ, а обидчивыхъ не любитъ.

Стремленіе быть въ отцовской компаніи и тянуться за отцомъ погубило этого горемычнаго. Говорятъ, будто маленькимъ мальчикомъ онъ былъ хорошъ, какъ бѣлокурый ангелъ, но я его такимъ не помню. Но повѣрить могу, потому что вспоминаю одно масляничное ряженье, когда Петръ одѣлся въ шелковое платье Маланьи Сергѣевны, устроилъ себѣ льняной парикъ съ локонами, напудрилъ лицо, вычернилъ рѣсницы, навелъ брови, подрумянилъ щеки и губы, — и оказался совсѣмъ прелестною дамою, съ изящнымъ тонкимъ профилемъ и темными глазами, обнаруживъ поразительное сходство съ сестрою Евгеніей, но — красивѣе. Вообще же въ моей памяти онъ остался ужъ куда какъ непривлекательнымъ: длиннымъ и тонкимъ, какъ хлыстъ, бѣлобрысымъ и жидковолосымъ парнемъ, почему-то всегда въ охотничьей бурой курткѣ, хотя на охотѣ онъ никогда не бывалъ, потому что, кажется, даже зайцевъ — и тѣхъ боялся, — и съ испитымъ зеленымъ лицомъ, по которому разсыпаны угри и играютъ подозрительныя красныя пятна. Я не выносила этого мальчишки всего цѣликомъ, а въ особенности его запаха: онъ былъ прокуренъ табакомъ, какъ старый чубукъ, и положительно отравлялъ комнату, въ которой находился. Изъ сестеръ онъ тоже уважалъ только старшихъ—«настоящую крѣпышевскую кровь». Намъ, средюшкамъ, платилъ за антипатію антипатіей, а отъ меньшенькихъ няня Алена, при всей своей добротѣ, гоняла его, при первомъ приближеніи, потому что онъ училъ ихъ самымъ дряннымъ шалостямъ и прямо-таки гадостямъ. Не знаю, любилъ ли этого несчастнаго малаго хоть кто-нибудь въ домѣ. Многіе считали его жалкимъ

и ограниченнымъ, но добрымъ. На самомъ дѣлѣ, онъ былъ только безграничный трусъ. Отецъ былъ трусъ передъ женщинами, а сынъ — трусъ вообще: мелкій человѣчишка, несмѣющій дать волю своей безмолвной крохотной злости противъ мало-мальски способнаго огрызнуться существа. Но Никифоръ однажды засталъ его, уже взрослаго, лѣтъ восемнадцати, какъ онъ распиналъ кролика на заборѣ, — и, безъ долгой проволочки, оттрепалъ юнаго мучителя за уши. Петръ оттерпѣлъ и словечка противъ не пикнулъ! Но никогда не забылъ и, десять лѣтъ спустя, отомстилъ большою подлостью... Онъ былъ за панибрата съ самыми дрянными людишками нашей дворни, хотя и тамъ надъ нимъ издѣвались и въ глаза звали его «Катька-Враль». «Катькою» — за то, что онъ любилъ рядиться въ женское платье и въ доморощенныхъ святочныхъ и масляничныхъ маскарадахъ барышевской дворни разъѣзжалъ по всему уѣзду во образѣ то цыганки, то пастушки, то турчанки, то, просто, барыни или барышни. Несмотря на всю нелѣпость подобныхъ маскарадовъ, мы искренно желали бы, чтобы они продолжались вѣчно, потому что, вмѣстѣ съ женскимъ платьемъ, на Петра какъ бы нисходилъ кроткій, женскій характеръ. Онъ сразу дѣлался мягкимъ, спокойнымъ, дружелюбнымъ, былъ очень вѣжливъ, даже нѣженъ, не говорилъ гадостей, не безстыдничалъ: словомъ, велъ себя барышнею — хоть куда, и намъ оставалось лишь жалѣть, что Богъ не далъ намъ столь милой сестры взамѣнъ столь гнуснаго брата... Вторая половина клички «Враль» тоже была ему по шерсти. Лгалъ Петръ, въ самомъ дѣлѣ, еще необузданнѣе нашей Дарьи Павловны, столько же

безъ надобности, но далеко не такъ безобидно. За мелкія клеветы и доносцы бывалъ не разъ битъ даже слугами, но исправлялся мало. Теперь этого человѣка почли бы несчастнымъ вырожденцемъ-психопатомъ, но въ то время еще и словъ-то этихъ не было, и Петра считали просто сквернымъ мальчишкою, изъ котораго отцовскій примѣръ и дикое воспитаніе формируютъ взрослаго негодяя. Любопытно, что, при всѣхъ своихъ отрицательныхъ качествахъ, Петръ писалъ очень недурные стихи, а небылицы свои разсказывалъ такъ занимательно и вдохновенно, что, бывало, нехотя заслушаешься, а у него даже глаза его оловянные, вдругъ, станутъ голубыми и красивыми... Кто знаетъ, въ другомъ мѣстѣ и въ иныхъ условіяхъ изъ Петра, можетъ быть, вышелъ бы замѣчательный поэтъ, но Барышъ сдѣлалъ изъ него болотную жабу...

Къ великому нашему благополучію, Ланичка съ Ляличкой соперничали за честь сдѣлаться madame Крѣпышевой до ярости. Весь дипломатическій талантъ ихъ матери не могъ примирить ихъ съ мыслью, что нельзя же имъ обѣимъ выйти за Петра и которая - нибудь да должна же уступить другой. Поэтому обѣ,—каждая отчаянно завлекая молодого человѣка, — еще усерднѣе того слѣдили — Ланичка, чтобы Петръ не остался наединѣ съ Ляличкой, а Ляличка соблюдала такою же стражею Ланичку. Мать злилась, ругалась, но ничего не могла подѣлать съ дочерьми и возлагала надежды только на то, что до поста еще много времени, а обстоятельства, авось, не измѣнятся. Главный врагъ, котораго она опасалась, Соломонида Степановна нашлась, но отвѣчала на наши телеграммы, что, при всемъ желаніи,

не можетъ вернуться раньше, чѣмъ къ Николѣ, т. е. къ 6 декабря. Мы отъ этой отсрочки пришли въ великое отчаяніе и не понимали, почему Никифоръ, привезшій намъ письмо Соломониды Степановны съ городской почты, принимаетъ наше горе безъ обычной ему отзывчивости. На хуторѣ у приказчицы, конечно, напротивъ того, возликовали. Пьянство шло пуще прежняго. Павелъ Петровичъ и Петръ запутались въ сѣтяхъ своихъ прелестницъ безвылазно. И мы, съ трепетомъ, только того и ждали, что—вотъ—отворятся двери, и нашъ зеленолицый Петръ введетъ, подъ ручку, молодую супругу, а за ними—богоданная теща, душечка-свояченица и умиленный, не вяжущій лыка, родитель... И устроятъ они намъ такое веселое житье, что и гнать насъ изъ дома не придется: сами завоемъ по волчьи, да и побѣжимъ, куда глаза глядятъ. И ужъ тогда никакая Соломонида Степановна не поможетъ: поздно! Впрочемъ, не всѣ изъ насъ дѣлили эти опасенія. Нашлись перебѣжчицы. Даша и, въ особенности, Лиза соглашались съ общимъ мнѣніемъ, что дочери Маланьи Сергѣевны — дѣйствительно, дрянь: наглыя, важничаютъ своимъ дряннымъ образованіемъ въ какомъ-то пансіонишкѣ, сплетницы, завистницы, ненавистницы. Но къ самой Маланьѣ Сергѣевнѣ мы несправедливы: она женщина почтенная, добрая, ласковая и искренно желаетъ намъ всѣмъ добра. Что же изъ того, что она не ладила съ маменькой и не ладитъ съ Соломонидою Степановною? Это ихъ давніе счеты. Какое намъ дѣло? Была бы къ намъ хороша. А ужъ къ намъ она сейчасъ была такъ хороша, такъ добра, что—хоть бы родной матери: и совѣтомъ, и привѣтомъ, и гостинцами, и зазывами. Мы

— Агаша, я, Соня — не очень-то подавались на эти запоздалыя нѣжности, помнили прошлое и дичились. Тѣмъ болѣе, что Наташа, которой мы, по обыкновенію, внимали, какъ авторитету, не переставала насъ предостерегать и настраивать противъ желтоглазой обманщицы. Но Лиза, даже и теперь, когда Павелъ Петровичъ съ сердою своею сумасшествовалъ въ гостяхъ у приказчицы, украдкой видалась съ Маланьей Сергѣевной. Черезъ нее мы узнавали многое, что творятъ на хуторѣ названный родитель и почтенный братецъ. Однако, между Лизою и приказчицею, кромѣ того, завелись и какіе-то свои особые секреты. Мы не знали, о чемъ онѣ шушукаются, но очень сердились на Лизу за ея очевидную измѣну нашему общему нерасположенію. Имѣло такой видъ, будто Лиза предчувствуетъ явственнѣе другихъ, кто будетъ истинною хозяйкою въ нашемъ домѣ, и уже подлизывается... Но бѣдная дѣвушка — послѣ нелѣпой угрозы Павла Петровича выдать ее за старшаго Я. — совсѣмъ растерялась и ходила сама не своя, вся поглощенная мыслью, какъ избыть эту бѣду и у кого искать помощи... Въ такомъ страхѣ немудрено броситься за совѣтомъ и защитою даже и къ врагу, если онъ ласково улыбнется и пожалѣетъ добрымъ словомъ. Лиза именно такъ и поступила. Ну, и поплатилась же!

Послѣ письма отъ Соломониды Степановны прошла недѣля. Обстоятельства не измѣнились.

Однажды, въ весьма вьюжную, но мутно-свѣтлую ноябрьскую ночь, Павелъ Петровичъ, пируя у Маланьи Сергѣевны, увидалъ въ окно знакомый силуэтъ кибитки доктора Андрея Васильевича Маслова, который дважды въ недѣлю наѣзжалъ изъ Никифорова навѣщать няню

Алену. Павелъ Петровичъ вышелъ на крыльцо и окликнулъ:

— Эй, Эскулапіусъ! Куда тебя чортъ несетъ, сударь мой? Заѣзжай, мы здѣсь безчинствуемъ у Малахи...

Докторъ, не останавливаясь, высунулся изъ кибитки и прокричалъ, что—великолѣпное дѣло, только онъ сперва провѣдаетъ больную, а затѣмъ — ждите! — сейчасъ же придетъ...

Однако, не пришелъ ни черезъ часъ, ни черезъ два. Павлу Петровичу, который доктора любилъ и охочъ былъ съ нимъ выпить, наскучило ждать.

— Петька, айда домой, сударь мой! — скомандовалъ онъ сыну. — Что-то Эскулапіусъ нашъ застрялъ. Желаю состязаться съ нимъ о прививаніи оспы.

Это была его излюбленная тема. Онъ никогда ничего не читалъ — даже газеты мы не выписывали, лишь изрѣдка заимствуясь «Сыномъ Отечества» и «Нивою» изъ Никольскаго отъ о. Алексѣя Миротворцева. Но вдругъ попадетъ въ руки Павлу Петровичу какой нибудь случайный печатный клочекъ, и, невѣсть почему, онъ заинтересуется пятью-шестью прочитанными невзначай строками и носится потомъ съ ними, какъ курица съ яйцомъ, и всѣмъ надоѣдаетъ до смерти, какъ послѣднею новостью. Такъ, вотъ, вычиталъ онъ однажды въ какомъ-то газетномъ обрывкѣ чей-то медицинскій парадоксъ, будто оспопрививаніе скорѣе вредно, чѣмъ полезно, потому что не гарантируетъ человѣка отъ зараженія безусловно, а, между тѣмъ, будто притупляетъ и понижаетъ интеллектъ. Мысль эта подарила его несказаннымъ восхищеніемъ:

— Вѣдь вѣрно, судари мои!—ликовалъ онъ.—Возьмите въ примѣръ хотя бы мое почтенное потомство. Старшимъ дочерямъ—Евлаліи, Евгеніи—оспа не была привита: вышли шельмы, но умницы. Еленѣ привили: вышла съ придурью. Петрушѣ два раза прививали: младенцемъ и по десятому году, потому что тогда, судари мои, кругомъ гуляла повальная оспа, — вышелъ совсѣмъ дуракъ!

На что дѣдъ нашъ, о. Михаилъ, возражалъ:

— Аргументъ разительный, но недостаточно обоснованный.

— Ну, отче, ежели тебя Петруха не удовлетворяетъ, то ужъ и не знаю, сударь мой, какого тебѣ дурака еще надобно! Ты только вглядись, каково сокровище: вѣдь, что же, сударь мой, кретинъ—на выставку!

— Согласенъ признать, хотя и прискорбно о родномъ внукѣ. Но, можетъ быть, сіе не отъ оспы?

— А отъ чего же?

— Напримѣръ, отъ родителей.

— Ври еще! Мать-то умная, — твоя же дочь!

— Это деликатно, что ты съ матери начинаешь, но, вѣдь, онъ не въ Машеньку удался, а вылитый твой портретъ.

Павелъ Петровичъ, озадаченный, въ безмолвіи лупитъ на тестя оловянные буркалы — и, оцѣнивъ, разражается оглушительнымъ хохотомъ:

— Отче! ты меня поддѣлъ!

Маланья Сергѣевна, хотя время было еще не очень позднее, не удерживала гостей, такъ какъ завтра былъ большой праздникъ въ ближнемъ сельцѣ Введенскомъ, и она съ дочерьми думала поѣхать къ ранней обѣднѣ.

Оба, отецъ и сынъ, вышли, конечно, весьма нетрезвые, а, по дорогѣ, Петръ совсѣмъ осовѣлъ и сталъ засыпать на ходу, что, конечно, подавало Павлу Петровичу поводъ къ разнымъ остроумнымъ замѣчаніямъ... Несчастный! Онъ не подозрѣвалъ, какая шутка ему-то самому готовится впереди!

Отворившій ворота и впустившій господъ въ домъ, Никифоръ подхватилъ молодого барина на руки и, какъ ребенка, понесъ по лѣстницѣ на верхъ. Павелъ Петровичъ спросилъ его, въ догонку, о докторѣ и получилъ отвѣтъ:

— Пожалуйте въ кабинетъ, давно васъ ожидаютъ...

Павелъ Петровичъ искренно вознегодовалъ, что за одурь нашла на Андрея Васильевича — ждать его въ одиночку, когда они могли бы отлично посидѣть вмѣстѣ еще часъ-другой въ компаніи, пирующей у приказчицы. Если бы онъ не былъ пьянъ и оглядывался по сторонамъ, то увидѣлъ бы, что изъ каждой двери, мимо которой онъ проходилъ, высовываются, будто ныряютъ, женскія головы и слѣдятъ за нимъ любопытные и трепетные глаза. Повернулъ въ кабинетъ: странно! освѣщено, а доктора нѣтъ. Глянулъ вправо — и обомлѣлъ: бредитъ онъ, что ли? Двадцать лѣтъ забитая дверь изъ кабинета въ супружескую опочивальню, покинутую Марьей Михайловной послѣ разрыва съ нимъ, сіяла открытая настежь, въ ней былъ тоже свѣтъ, слышно было, какъ трещитъ и мигаетъ жаромъ затопленная печка, кто-то умывается, что ли, плещетъ водою. А пока Павелъ Петровичъ ощупывалъ глаза свои, точно ли они на мѣстѣ, въ двери показалась крупная женская фигура, вся въ бѣломъ. При зрѣлищѣ этомъ

подкосились рѣзвыя ноженьки господина Крѣпышева. На мгновеніе ему искренно померещилось, что предъ нимъ — привидѣніе покойной жены. Привидѣніе смотрѣло на него, качая головою, на крупномъ цыганскомъ лицѣ которой темнѣли надъ алыми губами черные женскіе усики, и, не здороваясь, отчеканило густымъ голосомъ:

— А, вотъ, и ты, соколъ ясный! Хорошъ, батюшка, очень хорошъ! Откуда молодца, прости Господи, чортъ несетъ объ эту пору?

— Ты-то откуда взялась? — пролепеталъ Павелъ Петровичъ, убѣждаясь, что видитъ совсѣмъ не призракъ Марьи Михайловны, но — только — Соломониду Степановну въ ночномъ одѣяніи, однако, оттого ничуть не менѣе озадаченный.

— Да ужъ откуда бы ни взялась, а видишь: здѣсь.

— Но, вѣдь, ты же въ Твери... въ Москвѣ?

— Что же, мнѣ въ Москвѣ ждать было, пока ты усадьбу пропьешь, а сына на скверной дѣвкѣ женишь? Наслышана уже о твоихъ отличіяхъ, ангелъ милый... Слухомъ земля полнится... Ну, здравствуй, что ли... Ахъ, ты, с... с... !!!

Павелъ Петровичъ дико хлопнулъ глазами... Его поразило не столько то, что она грубо обругала его, сколько—точно онъ это лишь сію минуту замѣтилъ:

— Какъ... какъ... какъ ты смѣешь говорить мнѣ— ты?

— А вотъ этакъ, — возразила она, задувая свѣчу на столѣ... Увѣренною, могучею дланью повернула Павла Петровича и, хлопнувъ по лопаткамъ, направила къ двери въ спальню.

И звонко крикнула, приказывая изъ кабинета въ залъ:

— Гаси огни, Никифоръ. Постучи барышнямъ, спали бы, нечего свѣчи жечь. Къ Аленѣ Яковлевнѣ загляни середь ночи: ежели спать не будетъ, докторъ велѣлъ его разбудить. А дѣвчонку, которая при ней, Марья Садовница придетъ смѣнить съ вторыми пѣтухами. А ежели до смѣны спать посмѣетъ, я ей завтра уши оболтаю. А барина Петра Павловича комнату запри, а къ двери положи Михайлу, столяра. Ежели Петру Павловичу по нездоровью что понадобится, такъ пускай выпуститъ, проводитъ и назадъ приведетъ и на ключъ замкнетъ. А завтра — до меня — его не будить: пусть проспится. Да и самъ ты ложился бы. Небось, усталъ. Время.

Никифоръ, изъ зала, отвѣчалъ на каждое распоряженіе:

— Слушаю.

И бодрый, солдатски-подтянутый звукъ его голоса несомнѣнно убѣждалъ Павла Петровича, — пока онъ, почти въ гипнозѣ, озирался по, двадцать лѣтъ имъ не виданной, спальнѣ, — что въ Барышъ возвратилась настоящая хозяйка и уже командуетъ. Не только надъ домомъ, но и надъ нимъ, хозяиномъ. Кто и какъ ее жаловалъ въ хозяйки, — темно и загадочно, но хозяйка — несомнѣнная: спальня открыта... вещи разложены... печь топится... и... и вона какъ Никифоръ-то ей отвѣчаетъ... Никифоръ!!!

— Послу... послушай,—обратился онъ къ своей завоевательницѣ въ послѣдней попыткѣ слабѣющаго протеста, тыча рукою въ воздухъ по направленію то зер-

кала, то кровати, то кресла, то умывальника въ столь неожиданной для него спальнѣ.—Послушай, почему же ты, собственно говоря... какъ же такъ... я не понимаю, на какомъ основаніи... сударыня ты...

— Завтра поговоримъ,—перебила она.—Сейчасъ время къ полночи: ложись, спи. Да умой на ночь ликъ то... сокровище! Экъ, отъ тебя—и водчищей, и табачищемъ... А еще невѣстъ ищешь... женишокъ!.. Вотъ тебѣ мыло, вотъ тебѣ утирка, вотъ тебѣ вода... Живо!.. Ухъ, и устала же съ дороги, всю поясницу отбило ухабами...

Машинально повинуясь и самъ не понимая, какая сила имъ движетъ — повиноваться, Павелъ Петровичъ умылся, утерся — и съ глубокомысліемъ произнесъ, очень хорошо чувствуя, что говоритъ совсѣмъ не то, что надо и что хочетъ сказать:

— Да, дорога сбитая... не похвалишь...

Соломонида Степановна, уже въ постели, отвѣчала:

— И не говори... У Звонаревки, на поворотѣ, ужъ колтыхало насъ, колтыхало... Думала: душу вытрясетъ... Не жегъ бы напрасно свѣчу-то: сбрую снять можешь и при лампадкѣ.

Павелъ Петровичъ раздѣлся, сѣлъ на кровать. При мерцающемъ огонькѣ лампадки, спальня показалась ему такою знакомою, что какъ-то сразу погасла необыкновенность положенія и стало оно самымъ простымъ и привычнымъ: будто онъ не въ первый разъ послѣ двадцати лѣтъ ложится въ этой спальнѣ, честь честью, на неожиданный супружескій одръ свой, а, напротивъ, во всѣ двадцать лѣтъ, иначе и въ другомъ мѣстѣ и не спалъ...

— Чортъ, ногу намялъ, — произнесъ онъ, ложась. — Должно быть, гвоздь въ сапогѣ...

— Завтра посмотрю,—обѣщала Соломонида Степановна полусоннымъ голосомъ.

По усадьбѣ прекликнулись кочеты.

— Ты съ докторомъ, что ли, въ возкѣ пріѣхала?— полюбопытствовалъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, на помелѣ въ трубу прилетѣла. Спи.

Павелъ Петровичъ почти готовъ былъ вѣрить!

Всю эту сцену я знаю со словъ самой Соломониды Степановны, которая любила разсказывать ее тѣмъ немногимъ, кого она любила. А меня она любила очень —гораздо больше, чѣмъ я это заслуживала, то-есть— понимала, цѣнила и отвѣчала ей. И многое потомъ въ судьбѣ моей наказало меня за пренебреженіе женщиною, которая питала ко мнѣ искреннее хорошее расположеніе, а я на нее, что называется, фыркала безъ всякаго смысла и надобности.

Разсказывать, какъ Соломонида Степановна утвердилась на взятой ею штурмомъ позиціи, значило бы написать цѣлую повѣсть, которая не относится къ предмету и цѣли моихъ сказаній. Важно то, что, на завтра же по ея пріѣздѣ, мы увидѣли ее на мѣстѣ покойной мамы за чайнымъ и обѣденнымъ столомъ, а въ Барышѣ начались крутыя перемѣны. Домашнія возжи она натянула смѣлою и крѣпкою рукою. Сконфуженный Павелъ Петровичъ нѣсколько дней не показывался изъ кабинета и спальни, потому что болѣлъ, то-есть, попросту говоря, медленно вытрезвлялся отъ долгаго буйнаго запоя, выпивая лишь помаленьку, чтобы въ самомъ дѣлѣ не заболѣть отъ рѣзкаго перерыва. А, когда

вышелъ, дѣлалъ достаточно искусно видъ, будто все, что произошло и происходитъ, оправдываетъ его собственныя желанія и намѣренія. Соломонида Степановна, щадя его самолюбіе или ведя хитрую игру, съ апломбомъ лгала во всеуслышаніе, будто пріѣхала изъ Москвы исключительно по его, Павла Петровича, приказу и вызову, — такъ какъ ему, дескать, ужъ очень опостылѣла хозяйственная безурядица, кипѣвшая въ Барышѣ. Хорошо ли притворялся Павелъ Петровичъ, дѣйствительно ли успѣлъ въ томъ себя увѣрить, но поддакивалъ очень твердо и съ большою важностью. И только на Андрея Васильевича Маслова долго дулся, а потомъ, когда помирились, часто попрекалъ его подъ веселую руку:

— Ну, какой ты Андрей? ну, какой ты Первозванный? Іудою тебѣ быть, предалъ бо мя еси, яко самый продувной Искаріотъ, сударь мой!

— Ладно! — отбивался врачъ, — чѣмъ Іудою-то ругаться, ты лучше запиши меня въ поминанье, за здравіе раба Божія Андрея... Не предай я тебя, какъ ты изволишь выражаться, давно бы высадила тебя Маланья свѣтъ Сергѣевна изъ Барыша нагишомъ въ сугробъ, а дочери на ярмаркахъ шарманку вертѣли бы...

— И подумать только,—жаловался Павелъ Петровичъ,—что—не полѣнись я сойти съ крыльца да заглянуть къ вамъ въ кибитку...

— А мы бы тебя и втянули бы въ кибитку за уши: не угодно ли дальше слѣдовать вмѣстѣ съ нами... вродѣ пойманнаго волка... хо-хо-хо! за уши!..

— Ну, и выходишь ты, послѣ того, сударь мой, ба-

бій прислужникъ и прихвостень, а своему благородному полу—измѣнщикъ!

— Да—благородный ли?

— Чего?

— Говорю: сомнѣваюсь,—благородный ли полъ-то нашъ?

— А еще Эскулапіусъ! И чему только учатъ вашего брата? Коли въ твоемъ медицинскомъ чернокнижіи умныхъ словъ нѣтъ, посмотри, сударь мой, въ письмовникѣ Курганова... книжица, сударь мой, удивительная и на всѣ случаи жизни и ей—сто лѣтъ...

— Знаю, слыхалъ.

— Что слыхалъ! Это, сударь мой, видѣть надо.

— Да—что видѣть-то?

— А вотъ—напримѣръ—тамъ такъ и обозначено: женскій полъ—прекрасный, а мужской—благородный, ихній полъ—слабый, а нашъ—сильный... Ну, что заржалъ, Эскулапъ?

— Веселюсь, что вижу столь достойнаго представителя благороднаго и сильнаго пола...

— Ну, и дуракъ!

— Смотри, Павелъ Петровичъ, ты Соломониду-то береги—не обидь какъ-нибудь невзначай: полъ ея слабый, женщина она хрупкая,—долго ли до бѣды? Тронешь пальцемъ—она и разсыпется.

— Дурракъ!!!

Съ Маланьей Сергѣевной у Соломониды Степановны произошло краткое, но выразительное объясненіе, въ которомъ ей было просто таки приказано закрыть свой домъ для цѣлаго ряда приживаловъ и сопьяницъ Павла Петровича, подъ страхомъ, что, въ против-

номъ случаѣ, мужъ ея, Софронъ Игнатьевъ, будетъ немедленно подсчитанъ и расчитанъ.

— А ежели такъ много наворовали, что это не страшно, то на тебя, Маланья Сергѣевна, у меня найдется другая гроза. Смотри!

Отъ дома никому изъ пріятелей Павла Петровича отказано не было, но многіе сами догадались больше не стучаться въ Барышъ. А иныхъ Соломонида Степановна умѣла принять такъ, что обидѣться было не за что, но ѣздить впередъ стало не по что. Тутъ-то вотъ и произошло у нея столкновеніе съ г. Я. изъ-за сдѣланнаго имъ мнѣ брачнаго предложенія. Любопытны противорѣчія нашей женской логики. Сватовство ко мнѣ младшаго г. Я., вдовца, Соломонида Степановна приняла, какъ непростительную дерзость, а сватовство его старшаго брата, холостяка, къ Лизѣ находила въ порядкѣ вещей и сердилась, что Лиза «ломается» — не идетъ за такого богатаго и удобнаго жениха...

— Но, вѣдь, онъ же негодяй, Соломонида Степановна, — говорила ей сестра Наташа, — можетъ быть, еще хуже своего брата...

— Ну, какъ хуже! У того Лотово беззаконіе въ дому, а этотъ—кромѣ, что лютъ пить да дѣвушникъ, да на руку тяжелъ, да взаймы деньги даетъ за несносные проценты, о немъ ничего худого не слышно... А что мальчишку, своего казачка, онъ будто бы убилъ и потомъ въ овинѣ сжегъ,—такъ, поди, сплетня. Не въ безсудной странѣ живемъ. Слѣдствіе было, а отъ суда освобожденъ — значитъ, глупости... Да и когда это было. Съ тѣхъ поръ и суды перемѣнились, и всѣ давности прошли!

— Когда бы ни было, вы насчитали довольно, чтобы видѣть, каковъ человѣкъ . . .

— Э, мать моя! Всѣ мужчинишки кроены на одну колодку. Одинъ подлецъ больше, другой подлецъ меньше,—вся разница. Если принимать къ сердцу всѣ мужчинскія подлости, какая бы дура пошла замужъ?

— Однако, младшему-то братцу вы отказали же въ Машиной рукѣ?

— Еще бы я Машеньку выдала за пятидесятилѣтняго дѣтнаго вдовца съ этакимъ срамомъ!

— А Лизы не жаль?

— И Лизы вдовому не отдала бы.

— Стало быть, если бы былъ холостой, то, не смотря на Лотово беззаконіе...

— У холостого, любезная моя, Лотова беззаконія быть не можетъ!

— Да, если считать, что жертвами Лотова беззаконія могутъ быть только тѣ, которыя происходятъ отъ законнаго брака...

— Родства съ лѣвой руки, моя миленькая, и попъ не помнитъ. А холостой человѣкъ — онъ никогда не конченный. Сегодня одинъ, завтра другой. Сказано стариками: женится—перемѣнится! И правда. Инсй дурень до шестидесяти лѣтъ живетъ, а все еще самъ себя не знаетъ, что изъ него будетъ, когда жена повернетъ его на свою руку...

Подобныя бесѣды очень волновали бѣдную Лизу, потому что Павелъ Петровичъ дулся на нее за отказъ старшему Я., и она боялась, что—въ случаѣ, если бы послѣдній повторилъ предложеніе, — названный роди-

тель опять станетъ ее понуждать, а Соломонида Степановна не пожелаетъ защитить.

И въ домѣ, и по усадьбѣ шла рѣшительная чистка людей. Безпощадною рукою выбрасывала Соломонида Степановна дармоѣдовъ и пьяницъ, присосавшихся къ хозяйству Барыша уже за послѣдніе годы, когда маменька часто отъѣзжала и, вообще, была какъ бы въ упадкѣ, но, въ особенности, за «междуцарствіе» по ея смерти. Отъ мужской дворни, разросшейся чуть не въ десятки, осталось всего семь человѣкъ по дому, двору и службамъ, да тѣ, которые вели отдѣльныя хозяйства на далекихъ лѣсныхъ участкахъ. Наоборотъ, дѣвичья даже умножилась, но получила совсѣмъ новый видъ и назначеніе. Соломонида Степановна недаромъ пропадала такъ долго и не спѣшила вернуться даже ради болящей дружки своей, няни Алены. Счастливый случай свелъ ее въ Москвѣ съ извѣстными купцами-милліонерами, М. и Щ., энтузіастами стариннаго русскаго художества и, поэтому, покровителями кустарныхъ промысловъ. Интересъ къ нимъ тогда только что пробуждался и земства за нихъ еще не брались. Началось это знакомство съ стариннаго полотенца, которое Соломонида Степановна, по завѣщанію покойной Марьи Михайловны, должна была свезти, какъ жертвенный даръ, въ часовню св. Пантелеймона. Духовенство этого святилища показало даръ г. Щ., для оцѣнки эпохи и стоимости. Щ. очень заинтересовался шитьемъ и пожелалъ поговорить съ жертвовательницей. А, поговоривъ, свелъ ее съ М. уже не для стариннаго, а для современнаго дѣла. Отъ М. Соломонида Степановна узнала, что на всѣхъ кустарныхъ выставкахъ и база-

рахъ узорное шитье и кружевныя работы изъ нашихъ мѣстъ имѣютъ наибольшій успѣхъ, но, къ сожалѣнію, поступаютъ въ очень маломъ количествѣ, приходится искать и цѣнить ихъ, какъ рѣдкость. Если бы Москва могла быть обслужена постоянною и правильною постановкою такого товара, онъ получилъ бы широкій сбытъ. Образчики, которыми М. похвасталъ Соломонидѣ Степановнѣ, она нашла плохими и грубыми:

— Не на что взглянуть, и нитка мохнатая, бумажная! Шито на пяльцахъ наборомъ. У насъ наборное узорочье только бѣдныя дѣвки шьютъ, которымъ отъ труднаго хозяйства нѣтъ времени работать на себя. А вотъ—не угодно ли вамъ видѣть шитье, которое я ношу? Благоволите пожаловать ко мнѣ въ Кокоревскую гостинницу съ вашею супругою: она-то ужъ оцѣнитъ, потому что это наше женское дѣло.

Супруги М. нашли шитое бѣлье Соломониды Степановны «художественнымъ произведеніемъ». Спросили цѣну. Соломонида Степановна сказала втрое больше настоящей и—прошиблась. Супруги только переглянулись и г-жа М. заявила, что если по этой цѣнѣ, то она сейчасъ же заказала бы для себя нѣсколько дюжинъ всякаго предмета и такое же приданое для старшихъ дочерей. Этотъ богатый заказъ и сопровождавшіе его разговоры открыли Соломонидѣ Степановнѣ, что она до сихъ поръ сидѣла на золотой розсыпи, совсѣмъ того не подозрѣвая. Она загорѣлась мыслью заняться посредничествомъ между нашими туземными швеями и кружевницами и московскимъ рынкомъ. М. она показалась женщиною толковою и дѣловитою, успѣла понравиться и внушить довѣріе. Они дали Соломонидѣ Степановнѣ свое

представительство для нашей губерніи,съ обязательными цѣнами, по которымъ должны принимать отъ нея товаръ. По цѣнамъ этимъ сами М. расчитывали нажить сто на сто противъ Соломониды Степановны, а Соломонида Степановна расчитывала нажить впятеро противъ дѣйствительной стоимости матеріала и рабочихъ рукъ. Носовой платокъ, который въ Барышѣ обходился въ гривенникъ, въ Москву сдавался за полтинникъ, а въ Москвѣ продавался за рубль. И пуолика находила это дешевымъ, и М. серьезно почитались не только практическими купцами, но еще и меценатами народнаго художества. Да, пожалуй, и дѣйствительно, были, потому что—кто же препятствовалъ бы имъ пустить на рынокъ тотъ же самый платокъ даже и по пяти рублей, пока на подобное шитье стоялъ спросъ? Мода все съѣла бы. Особенно, когда никифоровское шитье попало въ Парижъ произвело тамъ фуроръ и вызвало большіе заказы за границу. Такъ что, довольствуясь лишь рублемъ на рубль, московскіе мануфактурщики, дѣйствительно, приносили нѣкоторую жертву на алтарь отечества. Могли драть съ покупателя семь шкуръ, а снимали только одну.

Соломонида Степановна никакихъ жертвъ не приносила и не намѣрена была приносить, а, просто, сообразивъ случай быстраго и большого барыша, набросилась на него съ твердымъ планомъ—извлечь—какъ можно скорѣе—какъ можно больше денегъ—при какъ можно меньшихъ затратахъ. Озабочивала ее только одна сторона предпріятія. Показывая свои образчики М., она немного схитрила: выдала ихъ за хорошее, но, все же, обыкновенное, заурядное шитье нашихъ мѣстъ,

тогда какъ это была работа любительская — очень исключительной мастерицы, нѣкой Ѳени Мордовки, или—ее же звали—Ѳени Чернички. Она приходилась Соломонидѣ Степановнѣ дальнею родственницею. Эта богомольная смирная старая дѣва, узкая всѣми чертами лица и частями тѣла, точно она была сложена изъ перочинныхъ ножей въ черныхъ черенкахъ, была живою энциклопедіей вышивного и кружевного дѣла, — въ особенности, вышивного. Она хранила узоры шитья, дошедшіе отъ бабушекъ и прабабушекъ, изъ XVIII вѣка, можетъ быть, даже «изъ-за царя Петра», и, что еще рѣже, обладала воспитаннымъ этими образцами талантомъ и вкусомъ творить новый стильный орнаментъ. Копировать ея рисунки любительницы пріѣзжали или присылали изъ-за многихъ десятковъ верстъ и даже платили за это порядочныя деньги. Старовѣрка въ своемъ искусствѣ, Ѳеня Мордовка никогда не оскверняла артистическихъ рукъ своихъ новшествомъ грубаго и искажающаго рисунки шитья по тамбуру и даже къ болѣе высшимъ пялечнымъ способамъ — верхошову и брани—относилась только съ терпимостью. Сама она шила исключительно на рукахъ, двустороннимъ шитьемъ, котораго всѣми видами владѣла артистически, — и въ крупную клѣтку, и въ мелкопись, и въ косую стежку. Такъ были шиты и плѣнившіе М. образчики Соломониды Степановны. Но Ѳеня Мордовка умерла уже нѣсколько лѣтъ назадъ и равной себѣ наслѣдницы не оставила. Старинное художество узорнаго шитья когда-то особенно счастливо процвѣтало въ нашей мѣстности, потому что великорусскіе нитяные и шелковые способы и рисунки встрѣтились у насъ съ шерстяны-

ми мордовскимги, черемисскими, чувашскими и вотяцкими, а потемкинскіе переселенцы, хохлы и сербы, внесли въ общую кошницу свои южнославянскіе цвѣточки и тоненькія гирляндочки. Но старина пала съ крѣпостнымъ правомъ и, еще болѣе, съ распространеніемъ ситцевъ, печатающихъ въ нѣсколько минутъ—дешевымъ подражаніемъ—тотъ узоръ, надъ которымъ прежде, мѣсяцами и годами, трудились руки съ иглою. Традиціи мастерства забылись. Пяльцы почти повывелись, а, гдѣ и работали еще,—то исключительно тамбурнымъ шитьемъ на невзыскательный повседнёвный спросъ. Ѳеня, бывало, шила и всякій инородческій узоръ, и русскій, гладью, и крестомъ, по бѣлому холсту, золотыми и серебряными нитями и разными шелками—краснымъ, чернымъ, зеленымъ, синимъ. Знала тамбовскіе и шацкіе узоры, похожіе на заставки въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ, съ птицами и звѣрями, обращенными головами другъ къ другу и страннымъ, фантастическимъ, между ними, деревомъ. Знала калужское головное шитье бисеромъ и цвѣтными стеклышками по кумачу, стальною или золотою блесткою по холстинѣ. И «крестовикъ», и «калиновые листья», и «яблоки», и «ручеекъ», и «мышиныя тропки», и «витой ключъ»,—всѣ узорные типы знала и умѣла переплести ихъ въ остроумнѣйшія соединенія. Теперь же никифоровскія женщины работали только спѣшную крестовку, либо «петля въ петлю», на прямоугольное мордовское или черемисское шитье шерстями, которое дѣлаетъ женщину похожею—будто на ней разноцвѣтными карандашами доказывали геометрическія теоремы. Любительское шитье—въ забросѣ безъ спроса—почти совсѣмъ

исчезло. Увидавъ, какъ высоко оно цѣнится, Соломонида Степановна рѣшила его воскресить и поднять. Съ этою цѣлью, она, не долго думая, отправилась въ мѣстности подобныхъ же промысловъ — поучиться, какъ въ нихъ работаютъ тоже самое, и, возможно, переманить оттуда умѣйницъ. Дѣло она понимала хорошо, потому что и сама смолоду шила недурно. Въ Вологодской губерніи присмотрѣла искусную бабенку на двустороннее шитье, съ богатымъ запасомъ узоровъ, изображающихъ деревья, людей и звѣрье. Въ Ярославской — такую же мастерицу шерстью и шелкомъ на городки,—квадратики, ромбики и треугольники. Побывала у амченокъ (въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи), чтобы присмотрѣться къ работѣ кружева съ цвѣтною прошивкою, и на озерѣ Самрѣ, чтобы усвоить знаменитую «самерку»...

Наши письма и телеграммы прервали путешествіе Соломониды Степановны. Какъ она вернулась, я разсказала, но надо объяснить, что вернулась-то она, собственно говоря, еще за три дня передъ тѣмъ, какъ показалась въ Барышѣ. Пославъ намъ письмо, будто бы откладывавшее пріѣздъ ея до Николы, она, уже въ тотъ же день, выѣхала изъ Москвы, на четвертый день была въ Никифоровѣ и здѣсь трое сутокъ жила тайно у одной своей пріятельницы, о чемъ, изъ барышевскихъ, зналъ одинъ лишь Никифоръ. Собравъ точныя свѣдѣнія о всѣхъ интригахъ, гадостяхъ и буйствахъ, творящихся въ Барышѣ, она нагрянула врасплохъ — такъ, что никто не успѣлъ спрятать отъ нея своихъ грѣховъ: всѣхъ застала съ поличнымъ и произвела жестокій разгромъ.

Подвальнымъ дѣвицамъ нашимъ было объявлено, что, за исключеніемъ необходимыхъ по дому, кухнѣ, прачешной и дѣтской, а также по скотному двору и птичнику, всѣ онѣ не нужны и могутъ уходить на всѣ четыре стороны. Но если желаютъ работать шитье, то Соломонида Степановна не только оставитъ ихъ, но и готова платить, глядя по способностямъ и умѣнью работницы—отъ гривенника до двугривеннаго въ день, а неумѣйныхъ, пока выучатся вровень съ другими, согласна держать за харчи. Остались почти всѣ; пресловутый подвалъ нашъ — «адъ» — превратился въ мастерскую. Къ Николѣ подъѣхали мастерицы, законтрактованныя Соломонидою Степановною въ ея недавнихъ путешествіяхъ, чтобы обучить нашихъ дѣвицъ шитью и кружевному дѣлу—торжковскому, вологодскому, владимирскому, ярославскому, шацкому. И завертѣлось въ подвалѣ большое трудовое колесо...

Я уже говорила, что раньше наша дѣвичья была на подборъ красивая. Поэтому странный видъ имѣли въ ней новыя пришелицы—тверскія и вологодскія корявыя бабенки, мелкорослыя, сутулыя, невзрачныя, сѣролицыя, истощенныя. Всѣ дурнозубыя и съ лягушечьими глазами либо воспаленными глядѣлками-щелками, всѣ съ мочалою, вмѣсто волосъ, всѣ—кто въ рябинахъ, кто въ веснушкахъ. Всѣ—великія франтихи въ томъ, что надѣто сверху и вообще носится или дѣлается для людей, и такія нищія и чудовищныя неряхи во всемъ своемъ личномъ обиходѣ, что наши дѣвицы, щеголихи и чистюльки-бѣлотѣлушки, прозвали ихъ судомойками. Одна изъ этихъ пріѣзжихъ красавицъ имѣла золотые часы съ цѣпочкою, но только одну смѣну чулокъ: пара

носится, пара моется. Другая хвасталась щегольскими ботинками, имѣла перчатки, зонтикъ и шляпу, но спала, не раздѣваясь, избѣгала ходить въ баню вмѣстѣ съ товарками, а, чтобы перемѣнить на себѣ рубаху, улучала время ночью, когда вся дѣвичья спала, либо забиралась въ какія-нибудь уединенныя мѣста: боялась, — засмѣютъ, увидавъ лохмотья, которыя на ней болтаются. Но руки у всѣхъ были золотыя, особено у одной, Пелагеи, тверички, не помню, какого уѣзда. Несмотря на свои рябины, лягушечьи глаза и постоянную окруженность какимъ-то прѣснымъ рыбьимъ запахомъ, эта Пелагея была, все-таки, привлекательнѣе другихъ и веселаго характера, почему вскорѣ пріобрѣла въ дѣвичьей большое вліяніе. Она была большая мастерица въ самыхъ старыхъ и трудныхъ способахъ шитья — по-вырѣзи и по-перевити мережкою. Искусницы на это сейчасъ рѣдки, и Пелагеей Соломонида Степановна дорожила, несмотря на ея возмутительную неопрятность и великое распутство при довольно безпокойномъ характерѣ и безтолковой бабьей способности обижаться по пустякамъ, которые она вѣчно сама же воображала и придумывала. А, вообразивъ и придумавъ, сейчасъ же начинала мстить—мелочно,ехидно, съ наслажденіемъ, какъ вотъ только такія захудалыя бабенки умѣютъ: ужъ если вредитъ человѣку, то всю душу въ это вложитъ и не успокоится, покуда не убѣдится, что напакостила основательно и — «будутъ меня помнить». Работу свою она всегда сдавала черною, какъ сажа, но подъ налетомъ грязи, когда его смывали, таилась — ну, чисто, паутина! Изъ насъ, барышень, тоже нѣкоторыя стали учиться рукодѣлію, а Даша съ Агашею даже

очень пристрастились къ дѣлу, и оно у нихъ шло. Наибольшій талантъ проявила Соня, но Соломонида Степановна скоро выдала ее замужъ — младшую изъ насъ— первую изъ насъ.

Несмотря на то, что Соломонида Степановна вывела насъ, среднюшекъ, изъ опасности попасть въ когтистыя лапы нашихъ здѣшнихъ непріятельницъ, ея воцареніе въ Барышѣ было принято нами далеко не съ такимъ единодушнымъ энтузіазмомъ, какъ раньше отнеслись мы къ нянѣ Аленѣ. А многія изъ насъ — Агаша, Даша, Соня — стали относиться къ новой «беззаконной мачехѣ», какъ прозвала ее Соня, прямо таки вызывающе и враждебно. Мы три — Наташа, Лиза и я — тоже не согрѣвали чувствъ своихъ къ Соломонидѣ Степановнѣ теплѣе сдержаннаго нейтралитета. Господствующимъ нашимъ чувствомъ къ этой суровой и насмѣшливой властницѣ и раньше былъ страхъ, а не любовь. Каждая изъ насъ имѣла противъ нея какой либо памятливый зубъ, потому что въ удивительное воспитаніе наше она вмѣшивалась много и до поздняго возраста, а воспитывать въ нашемъ домѣ называлось ругать и бить. И, конечно, каждая изъ насъ была знакома и съ ея хладнокровно-бранчивымъ языкомъ, и съ ея тяжелою рукою. Я уже говорила, что удостоилась получить отъ нея пощечину — будучи по шестнадцатому году... Такія вещи не очень-то прощаются даже и любящимъ, и любимымъ, а мы не любили Соломониду Степановну и не вѣрили — не понимали, не чувствовали, что она насъ любитъ... Теперь же страхъ обросъ еще ревнивымъ негодованіемъ. Соломонида Степановна представлялась намъ не только наглою холопкою, без-

правно захватившею мѣсто и положеніе нашей покойной матери, но и какъ бы узурпаторшею по отношенію къ нашей общей любимицѣ, нянѣ Аленѣ, которая, хотя и тяжело больна, но не умерла же еще и, можетъ быть, хоть чудомъ, она поправится. Возмущало насъ, что Соломонида Степановна поселилась въ маминой спальнѣ, чего няня Алена себѣ не позволила. Хотя, по правдѣ-то сказать, Соломонида Степановна заняла ту комнату, въ которой мама двадцать лѣтъ не жила, тогда какъ няня Алена и теперь лежала въ комнатѣ, гдѣ мама и прожила эти двадцать лѣтъ и скончалась. Соломонида Степановна предложила намъ раздѣлить между собою мамины платья и кое-какія украшенія. Вещи мы взяли, но великодушіе ея осмѣяли, негодуя: какъ она смѣетъ дарить намъ то, что принадлежитъ намъ и безъ ея милостей? И ни одной не пришло въ голову, что, безъ Соломониды Степановны, мы этихъ вещей не получили бы. Если бы она сама не предложила ихъ намъ, то ни одна изъ насъ не осмѣлилась бы о нихъ даже и заикнуться предъ Павломъ Петровичемъ. Послѣдній же, къ слову сказать, успѣлъ было уже обѣщать обѣимъ дочкамъ Маланьи Сергѣевны — Ланичкѣ рубиновую брошь покойной Марьи Михайловны, Ляличкѣ изумрудную, — и не подарилъ только потому, что не сумѣлъ открыть стальной шкатулки, въ которой хранились цѣнности покойницы. А ключъ Соломонида Степановна, уѣзжая, хотя побоялась взять съ собою, но предусмотрительно ввѣрила не благодушной нянѣ Аленѣ, у которой было бы легко его выманить, но Никифору, а къ этому не очень-то подступишься. Не надо было обладать большою премудростью, чтобы понимать,

что Барышъ не въ состояніи больше выдерживать безобразно многолюднаго хозяйства, которое въ немъ велось. Но, когда нашихъ сверстницъ-служанокъ, — по совѣсти говоря, нисколько намъ не нужныхъ, но съ которыми вмѣстѣ мы выросли, и крѣпко дружили — Соломонида Степановна отобрала отъ насъ, чтобы обратить ихъ въ швей, вышивальщицъ и вязальщицъ, мы всѣ хоромъ почли это злобною несправедливостью и желаніемъ насъ унизить. Въ озлобленіи, мы увѣряли, будто ничего не выиграли отъ того, что въ домѣ владычествуетъ Соломонида Степановна, а не Маланья Сергѣевна. И эта послѣдняя пріобрѣла между нами даже сожалѣвшую о ней партію.

— Что же, если даже она, въ самомъ дѣлѣ, хотѣла посадить намъ на шею Ляличку съ Ланичкою? — восклицала Даша. — Каждая мать хочетъ, чтобы ея дѣтямъ было лучше. Хрѣнъ рѣдьки не слаще. У Маланьи Сергѣевны есть Ланичка съ Ляличкой, а у Соломониды Степановны растетъ Аленка. Вы думаете, что она не посадитъ намъ Аленку на шею? Дайте срокъ: натерпимся отъ хамокъ...

И указывала намъ зловѣщія предвѣстія грядущаго на насъ несчастія. Соломонида Степановна привезла съ собою изъ Москвы множество обоевъ и оклеивала весь домъ заново. На время этой работы больную няню Алену перенесли изъ угловой, гдѣ она лежала, въ «перетятькинъ» флигель, тоже отдѣланный заново, — потомъ случилось какъ-то такъ, что она тамъ уже и осталась. А угловую, ободравъ ея мрачныя, ливловыя съ черными разводами, стѣны, Соломонида Степановна оклеила такимъ веселенькимъ розовымъ

узорчикомъ, что совершенно ясно было: комната предназначается для барышни. Ну, и, конечно, для кого же еще, если не для Аленки? Я была очень пристыжена, когда Соломонида Степановна неожиданно предложила ее мнѣ, но даже такое очевидное опроверженіе нашихъ злыхъ подозрѣній не переубѣдило насъ. Рѣшили, что—сконфузилась и подалась на попятный дворъ, хитритъ. Переселеніемъ няни Алены мы возмущались, какъ самымъ чернымъ злодѣйствомъ, хотя знали, что няня сама просила убрать ее отъ шума въ большомъ домѣ, наполненномъ людьми, какъ улей пчелами,—и докторъ Андрей Васильевичъ Масловъ требовалъ того же.

Любопытно, что наиболѣе озлоблены противъ Соломониды Степановны были изъ насъ наиболѣе демократическія по симпатіямъ и быту. А между ними самою ярою аристократкою оказалась Даша, якшавшаяся съ обитательницами дѣвичьей въ неразрывной дружбѣ и совершенно откачнувшаяся отъ всякаго другого общества. Въ подвалѣ ей давнымъ давно всѣ говорили «ты» и обращались съ нею, какъ съ своею. На «вы» тамъ она даже обижалась. Въ «скачкахъ», одной изъ нелѣпыхъ игръ, которыми нашъ «адъ» развлекалъ скуку своего затворничества, Даша, если падалъ на нее жребій изображать скаковую лошадь, нисколько не смущалась очередью возить по подвалу на хребтѣ своемъ какую нибудь Пелагею-Кружевницу или Стешку-Чердынку, какъ, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, онѣ ее тоже возили. Но для Соломониды Степановны она теперь не находила другихъ словъ, какъ «хамка», «холопка», «мужичка», смердья кровь». Опять скажу: удивительны наши противорѣчія!

Наши обвиненія противъ «беззаконной мачехи» были несправедливы по фактамъ. Но была въ нихъ и нѣкоторая инстинктивная правда. Соломонида Степановна пріѣхала изъ Москвы не тою по отношенію къ намъ, какъ уѣхала. По дорогѣ, она побывала въ нашемъ губернскомъ городѣ, навѣстила въ пансіонѣ «меньшенькихъ» сестеръ нашихъ, Тонечку, Акулю и Ванѳичку (Евванѳію), и свое собственное дѣтище — Аленку.

Въ стройной, золотоволосой, опрятной, синеглазой воспитанницѣ Еленѣ Павловой, она едва узнала недавнюю шелудивую дѣвчонку, которая, еще недавно, была бичемъ усадьбы, пуще всѣхъ дворовыхъ мальчишекъ. И — хоть ты объ нее ремень обхлещи, она, въ слѣдующую минуту, уже строитъ новую пакость, очевидно, подъ ремнемъ же ее и обдумавъ!.. Директрисса пансіона хвалила Елену, какъ дѣвочку, вооруженную громаднымъ самолюбіемъ и выдающеюся работоспособностью..Учится она блистательно, ведетъ себя безукоризненно, способностями одарена чуть ли не геніальными; среди товарокъ поставила себя такъ хорошо, что ее всѣ обожаютъ и даже слушаются, точно старшей. Въ довершеніе всего, Елена встрѣтила мать съ большою сердечностью, чего Соломонида Степановна, по правдѣ, не ожидала, памятуя жестокіе побои, которыми она свою «каторжную Аленку» учила, чтобы не сказать — истязала. Соломонида Степановна уѣхала изъ губернскаго города, растроганная и влюбленная въ дочь. Аленка, о которой она до сихъ поръ очень мало заботилась, сдѣлалась отнынѣ главнымъ помышленіемъ ея жизни. И, ради Аленкина счастья и богатства, сложился у нея, уже на пути къ Никифорову, широкій, но нельзя ска-

зать, чтобы чистый, планъ, который она и стала проводить въ исполненіе, со свойственною ей желѣзною настойчивостью, энергіей и послѣдовательностью.

Мы, крѣпышевскія «среднюшки», въ этомъ планѣ попали на мѣсто очень страдательное. Можетъ быть, оно не было бы такъ, если бы мы встрѣтили Соломониду Степановну лучше и удѣлили бы ей хоть нѣсколько ласки, которой она искала и отъ насъ заслуживала. Но мы были охвачены эпидеміей несправедливости и неблагодарности. Чѣмъ больше Соломонида Степановна для насъ дѣлала, чѣмъ мягче была съ нами, тѣмъ упрямѣе оказывали мы ей отпоръ и недоброжелательство. Я была смирнѣе другихъ — не столько потому, что не дѣлила враждебности сестеръ моихъ, сколько благодаря добрымъ совѣтамъ пожилого человѣка, который говорилъ мнѣ «барышня» и «вы», а я ему «Романъ Осиповичъ» и «ты», но мы оба знали, онъ — всегда, я — съ недавняго времени, что онъ мнѣ отецъ, а я ему дочь. Онъ — послѣ похоронъ Марьи Михайловны — уже не жилъ у насъ въ усадьбѣ. Купилъ себѣ въ Никольскомъ хатку и доживалъ вѣкъ одинокимъ бобылемъ, страдая профессіональною для поваровъ болѣзнью печени и почти обезноженный ревматизмами. Я довольно часто навѣщала его. Онъ умолялъ меня не сердить Соломониду Степановну, потому что она насъ любитъ, хотя и сурова, и искренно желаетъ устроить насъ въ жизни, какъ можно, хорошо. Во враждѣ же она человѣкъ страшный и безжалостный. Звѣрь, а не баба. Онъ-то ужъ ее, за тридцать лѣтъ, вызналъ довольно хорошо.

— А главное, барышня, не цѣпляйте вы ее за эту струну — остерегайтесь задѣвать Аленку... Она на

этомъ мѣстѣ стала, какъ сумасшедшая. Тутъ такое, что она разорветъ...

Я-то приняла этотъ совѣтъ къ свѣдѣнію, Наташа и отчасти Лиза тоже. Но три наши удальца — Агаша, Даша и Соня — воспользовались имъ только для того, чтобы, открывъ больное мѣсто Соломониды Степановны, язвить ее, какъ могли, больнѣе. Цѣли достигли. Женщина, раненная вглубь проснувшагося материнскаго чувства, оскорбилась. И, такъ какъ она была не изъ тѣхъ, что кричатъ, то оскорбилась молча. До дѣятельной мести намъ она не унизилась, но самою злою местью, какая могла поразить насъ въ то время, было — покинуть насъ безъ опеки, предоставить насъ самимъ себѣ. Она была достаточно благоразумна, чтобы, видя наше злобное отношеніе къ Аленкѣ, не брать ее изъ губернскаго города не только на Рождество и Пасху, но даже на лѣтнія вакаціи. Но не брала и трехъ, учившихся въ томъ же пансіонѣ, нашихъ сестеръ. И, когда Никифоръ попрекнулъ ее этимъ, отвѣчала:

— Извини, Никифоръ Артемьевичъ, но — довольно мнѣ враговъ въ Барышѣ. Не хочу, чтобы наши красавицы еще и дѣвочекъ вооружили противъ меня. Съ этими, видно, будь, что будетъ, — хоть меньшенькихъ то сберечь...

Выше я упоминала, что всѣ мы, кромѣ Даши, были предназначены ѣхать за образованіемъ: Наташа съ Лизою въ Петербургъ, я, Агаша и Соня — въ губернскую гимназію. Но болѣзнь няни Алены разрушила эти планы, задержавъ Наташу и Лизу въ Барышѣ, и остановила нашу подготовку. Учитель изъ Никифорова пересталъ

пріѣзжать. Соломонида Степановна придавала нашимъ образовательнымъ сборамъ меньше важности, чѣмъ няня Алена, и, занятая устройствомъ своей мастерской, не спѣшила возстановить наши занятія. Мы съ Агашею, обѣ лѣнтяйки, были рады, а Соня, изобрѣтательный и язвительный бѣсенокъ, хотя любила учиться, но теперь такъ вошла въ азартъ подпольной и мелочной войны съ Соломонидою Степановною, что ей было не до того. Наташа, опоздавъ къ осеннему семестру, зазимовала въ Барышѣ безъ большого огорченія, такъ какъ встрѣтилась въ Никифоровѣ съ будущимъ мужемъ своимъ, Михайломъ Михайловичемъ Карягинымъ, и между ними началось уже то, что теперь назвали бы серьезнымъ флиртомъ, а въ то время звали идейнымъ романомъ. Лиза, которая въ планахъ зависѣла всецѣло отъ Наташи, жила, по обыкновенію, пассивно и только все чаще и чаще бѣгала шептаться съ Маланьей Сергѣевной, что раньше Соломониду Степановну возмущало, а теперь она совершенно перестала это замѣчать...

Забѣгу впередъ. Изъ шушуканья этого вышло нехорошее дѣло. При всемъ своемъ невысокомъ мнѣніи о нравственныхъ качествахъ Маланьи Сергѣевны, я не думаю, чтобы она присовѣтывала его Лизѣ не только нарочно, какъ впослѣдствіи настаивала уѣздная молва, но даже — хоть сознательно. Для этого надо было бы родиться не женщиною, а дьяволомъ. Замѣтивъ, что Лиза совершенно подавлена страхомъ, что ее заставятъ выйти за старшаго Я., Маланья Сергѣевна навела дѣвушку на мысль оградить себя отъ ненавистнаго брака бракомъ, болѣе пріятнымъ — по личному выбору. Женихомъ оказался уѣздный нашъ землемѣръ, моло-

дой человѣкъ, недурной изъ себя, неглупый и даже кое что читавшій. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ, типическій уѣздный хлыщъ-кутила, допущенный и въ всепьянѣйшую компанію Павла Петровича. Однако, за нимъ не числилось никакихъ исключительныхъ «художествъ», которыя, по мѣстнымъ условіямъ, порочили бы его, какъ жениха, и, слѣдовательно, дѣлали бы недобросовѣстнымъ покровительство, которое Маланья Сергѣевна оказывала его ухаживанію за Лизою. Что она не знала о главномъ недостаткѣ своего протеже, въ томъ Маланья Сергѣевна клялась мнѣ впослѣдствіи со слезами и такимъ волненіемъ, которое не могло быть притворнымъ. Въ другое время Лиза, можетъ быть, и не взглянула бы на этого вздыхателя, но, сравнительно съ Я., онъ показался ей прямо рыцаремъ-избавителемъ какимъ-то. Бѣдность и незначительное положеніе жениха не подавали надежды, чтобы за него выдали невѣсту съ хорошимъ приданымъ. Тогда Лиза не побоялась сойтись съ нимъ добрачно. Это было еще до возвращенія Соломониды Степановны. Она, по пріѣздѣ, когда поогляделась, замѣтила романъ Лизы, но не подозрѣвала, что онъ зашелъ такъ далеко, и только предостерегла Лизу, что господинъ этотъ ей очень не нравится и Лизѣ онъ ни въ коемъ случаѣ не женихъ. При враждебномъ и пугливомъ настроеніи Лизы, предостереженіе, конечно, только подлило масла въ огонь. Въ зимній мясоѣдъ, въ началѣ февраля, несмотря на длящійся трауръ, мы отпировали свадьбу сестры Сони съ Иваномъ Ѳедотовичемъ Копыловымъ. На третій день послѣ того, господинъ землемѣръ явился въ Барышъ просить руки Елизаветы Павловны. Получилъ рѣзкій отказъ,

однако, уѣхалъ, явно показывая, что нисколько не огорченъ, и даже съ усмѣшечкой, чѣмъ очень озадачилъ Соломониду Степановну:

— Съ чего это онъ — я его въ шею гоню, а онъ, словно именинникъ?

По отъѣздѣ жениха, Лиза прибѣжала къ Соломонидѣ Степановнѣ, повалилась ей въ ноги и, разливаясь въ слезахъ, умоляла непремѣнно выдать ее за землемѣра, да и свадьбою-то поспѣшить, потому что она въ интересномъ положеніи. Соломонида Степановна ее избила, но, несмотря на печальное признаніе, стояла на сдѣланномъ отказѣ. И — тѣмъ тверже, что, допрашивая Лизу, пришла къ убѣжденію, что дѣвушка въ предметѣ своего увлеченія уже значительно разочаровалась, и, хотя не враждебна, но и страстной любви къ нему не питаетъ, а скорѣе опаску и боязнь. Обвѣнчать же ее съ нимъ проситъ только потому, что считаетъ себя къ тому необходимо обязанною, — заговорена имъ, заучена, запугана и не видитъ другого пути выйти изъ своей бѣды. Соломонида Степановна заставила Лизу разсказать весь свой романъ, ужаснулась его нелѣпости и горько упрекала дѣвушку за глупое недовѣріе: у нея и въ мысляхъ никогда не было настаивать на Лизиной свадьбѣ съ старшимъ Я. Что касается землемѣра, его, по мнѣнію Соломониды Степановны, надо, все-таки, постараться «отшить».

— А что ты въ такомъ положеніи, въ томъ хорошаго, конечно, ничего нѣтъ, однако, и въ отчаяніе приходить не отъ чего. Спрячемъ. Не ты первая, не ты послѣдняя родишь тайно. Благо собиралась ѣхать въ Петербургъ, — ну, и поѣдешь. А Петербургъ — что

море. Землемѣришка же твой подлецъ. То-то онъ ухмылялся побѣдителемъ! Эту манеру подобныхъ проходимцевъ ловить хорошихъ невѣстъ мы знаемъ. Да подожди, не на таковскую напалъ. Родить этакъ — горе, но крута гора, да забывчива. А мужъ — довѣчное ожерелье: сунула голову въ жерновъ, — какъ потомъ ни верти шеей, онъ все на тебѣ. Незаконный ребенокъ — тяжелые кандалы, но муженекъ вродѣ архаровца, котораго ты подцѣпила, это — каменный мѣшокъ на всю жизнь. А сейчасъ одѣвайся-ка, Лизавета, прежде всего ѣдемъ въ Воздвиженское....

Въ селѣ Воздвиженскомъ жила знахарка, черемиска Чуча, хорошая старуха, большая пріятельница и покойной мамы и Соломониды Степановны, довѣренный и вѣрный ихъ человѣкъ. Да и вообще — непроницаемое хранилище тайнъ, я думаю, доброй половины Никифоровскаго уѣзда, ни разу, за тридцать лѣтъ практики, не выдавшее запертыхъ въ немъ секретовъ никому, кромѣ тѣхъ, кто сдалъ ихъ подъ замокъ. Старуха, осмотрѣвъ Лизу и выславъ ее вонъ, подтвердила, что да, несомнѣнно, она беременна уже на четвертомъ мѣсяцѣ. Можно сдѣлать выкидышъ, но не стоитъ, потому что она ребенка, все равно, не доноситъ.... Значитъ, достаточно дѣвушку только припрятать на этотъ срокъ — до выкидыша-то.

— Почему не доноситъ?! — изумилась Соломонида Степановна. — Этакая-то здоровенная?!

Чуча, со всѣми извиненіями и оговорками, сказала, что считаетъ Лизу зараженною дурною болѣзнью и въ очень острой степени.

Когда Соломонида Степановна вышла отъ Чучи, лицо у нея было бѣлѣе платка, усы стали черные, какъ чернила, и казались мужскими, а губы — синѣе, чѣмъ у мертвеца. Лизѣ она ничего не сказала, но, чѣмъ ѣхать домой, поскакали прямо изъ Воздвиженскаго въ Никифоровъ — къ другому другу, доктору Андрею Васильевичу Маслову. Ученый врачъ подтвердилъ все, что сказала простая знахарка, согласился и съ тѣмъ, что врядъ ли Лиза доноситъ младенца, и настаивалъ, чтобы больную сейчасъ же отдѣлили отъ сестеръ и прислуги, иначе она перезаразитъ весь домъ черезъ постельное бѣлье и посуду... Разспрашивая Лизу, Соломонида Степановна легко убѣдилась, что бѣдняжка даже не подозрѣваетъ, что съ нею, и искренно считаетъ признаки болѣзни естественными признаками беременности, а убѣдилъ ее въ этомъ опять таки женихъ....

— Онъ сказалъ, что это бываетъ у всѣхъ въ такомъ положеніи, и если я кому-нибудь покажу сыпь, то всѣ догадаются обо мнѣ...

Бываютъ же такіе мерзавцы на свѣтѣ!

Андрей Васильевичъ Масловъ далъ понять, что считаетъ Лизу совершенно пропащимъ человѣкомъ. Именно потому, что организмъ ужъ очень здоровый и нисколько не приспособленный къ борьбѣ съ неожиданно вторгшимся въ него ядомъ: болѣзнь, уже запущенная, свирѣпствуетъ въ немъ съ страшною быстротою.

— Это, — сказалъ онъ, — какъ на дикихъ островахъ. Живутъ туземцы, припѣваючи, ничѣмъ не болѣютъ. Завезъ какой-нибудь матросишка изъ Европы эту прелесть — и, глядь, онъ-то поѣхалъ, какъ ни въ

чемъ не бывалъ, дальше, а у дикарей, въ какіе-нибудь два три года, вымираетъ цѣлое племя...

— Андрей Васильевичъ! да неужели и Лиза помретъ?!

Масловъ сказалъ, что скорой опасности нѣтъ, да и быть не можетъ по свойству болѣзни, но лѣчиться надо очень серьезно, а серьезно лѣчиться въ нашей уѣздной обстановкѣ трудно. Тѣмъ болѣе, что долго этого шила въ мѣшкѣ не утаишь, а знаете, какъ у насъ смотрятъ на подобныхъ больныхъ: прокаженные, посмѣшища, паріи...

Присовѣтовалъ весною отправить Лизу на воды. Соломонида Степановна все выслушала, записала, запомнила, но спросила, можетъ ли Лиза когда-нибудь быть здорова.

— Нѣтъ. Это неизлѣчимо.

— А дѣти у нея тоже будутъ больны?

— Если вообще будутъ, то да....

— Тогда и лѣчить не къ чему, — угрюмо рѣшила Соломонида Степановна. — Долой со свѣта. Что на землѣ гнилье разводить?

Посмотрѣлъ на нее Андрей Васильевичъ, встрѣтилъ въ глазахъ ея то же загадочное выраженіе, съ которымъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, упрашивала она его не затягивать предсмертную агонію барыни Марьи Михайловны, и — съ тою же жуткою неловкостью какъ тогда, — произнесъ вѣско и рѣзко:

— Такихъ несчастныхъ, какъ она, милліоны, Соломонида Степановна.

— То-то и говорю: много гнили развелось, — возразила Соломонида Степановна, какъ бы и простодушно.

Врачъ нахмурился и примолкъ.

— Во всякомъ случаѣ, — заговорилъ онъ, нервно покуривая, съ толстыми подчеркиваніями словъ, — болѣзнь Елизаветы Павловны долгая, можетъ тянуться годами и годами и, пока ей придетъ естественная очередь сойти «долой со свѣта», утечетъ много воды.... Наша же обязанность, медиковъ, — покуда въ человѣкѣ теплится искра жизни, поддерживать ее и раздувать, а не гасить...

— А я что же говорю? Извѣстно: пока человѣкъ въ силахъ жить, пусть живетъ въ свое удовольствіе.

Соломонида Степановна, какъ ни была храбра, не нашла въ себѣ духа открыть несчастной дѣвушкѣ ужасную истину.

— Кто напакостилъ, тотъ пусть и говоритъ!

Благородный рыцарь-землемѣръ побѣдилъ. Такая Лиза не годилась въ жены никому, кромѣ него. Ему дано было знать, чтобы онъ повторилъ предложеніе. Окрутили ихъ спѣшно и безъ всякой торжественности — въ послѣдній вѣнчальный день передъ Масляницей. А на первой недѣлѣ поста Лиза едва не умерла отъ предсказаннаго выкидыша. Соломонида Степановна дала Лизѣ всѣ средства для излѣченія, посылала ее съ мужемъ и въ Пятигорскъ, и въ Аахенъ. Но съ водъ возвращался поправившимся онъ, а не она. Съ развитіемъ болѣзни, Лиза и сама стала избѣгать людей, да и люди, конечно, ея чуждались и дичились. Страшное и противное зрѣлище разрушающійся заживо человѣкъ! Со-

ломонида Степановна — едва ли не единственная изъ близкихъ — не оставила Лизу въ ея одиночествѣ. Для того, чтобы имѣть ее всегда вблизи себя, Соломонида Степановна даже взяла Лизина мужа, хотя ненавидѣла и презирала его, управляющимъ, на мѣсто скончавшагося Софрона Игнатьева, мужа Маланьи Сергѣевны. Опускаю занавѣсъ на дальнѣйшую жизнь нашей невинной страдалицы. Судьба ея свелась къ тремъ словамъ: беременѣла, выкидывала, гнила. Въ 23 года заживо разложившуюся женщину опустили наконецъ мертвецомъ въ могилу. Я, въ это время, была далеко отъ родныхъ мѣстъ. Но Наташа разсказывала мнѣ впослѣдствіи, что, когда — вблизи могилъ мамы, о. Михаила и няни Алены — поднялся надъ Лизою земляной бугоръ, неунывающій вдовецъ подлетѣлъ было къ Соломонидѣ Степановнѣ съ развязными словами утѣшенія... Она — угрюмая, какъ полночь, — посмотрѣла ему въ глаза и — при всемъ народѣ — черезъ могилу — плюнула прямо въ лицо..

Все это, вмѣстѣ съ наглядымъ ужасомъ Лизиной смерти, не помѣшало мерзавцу вторично жениться въ томъ же году. Онъ пережилъ первую жену еще семью годами. А потомъ въ Петербургѣ приходила ко мнѣ время отъ времени просить помощи отвратительная старуха въ черныхъ очкахъ и съ черною повязкою поперекъ лица по самыя губы. Это была 27-лѣтняя вдова бывшаго Лизина мужа.

Что похороны, что свадьбы, въ большихъ семьяхъ какъ бы эпидемичны. Мало по малу запахъ ладана и надгробное рыданіе смѣнились въ Барышѣ звуками эпиталамы. Въ теченіе двухъ съ небольшимъ лѣтъ по

смерти маменьки, вышли замужъ Соня, Лиза, Наташа и я, а изъ близкихъ намъ лицъ — моя Маша, да еще погулялъ городъ Никифоровъ у переселившейся туда Маланьи Сергѣевны на свадьбахъ ея Ланички и Лялички. И, если въ числѣ этихъ свадебъ, Лизина была больше похожа на похороны, за то остальныя вышли превеселыя. Соню взялъ Иванъ Ѳедотовичъ Копыловъ, очень богатый купецъ-землевладѣлецъ, трактирщикъ въ торговомъ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ этотъ любопытнѣйшій человѣкъ жилъ какимъ-то магнатомъ въ черномъ тѣлѣ, не брезгуя въ базарные дни самъ стоять за стойкой и наливать водку мужикамъ, а, между тѣмъ, ворочая всею округою и въ усъ никому не дуя. Онъ былъ давно къ намъ вхожъ, мы его любили и уважали, но никому изъ насъ и въ мысли не приходило, что этотъ сорокалѣтній коренастый человѣкъ въ черной щетинистой бородѣ сужденъ въ мужья которой-либо изъ насъ. Между тѣмъ, супружество съ Копыловымъ выпало на долю не одной, а двумъ изъ моихъ сестеръ, такъ какъ, послѣ тринадцати лѣтъ благополучнаго брака, потерявъ Соню, Иванъ Ѳедотовичъ пригласилъ къ себѣ жить, для хозяйства и воспитанія дѣтей, Наташу. Она, за полтора года передъ тѣмъ, тоже овдовѣла и родственники мужа обращались съ нею очень нехорошо. Изъ этого переселенія возникло благополучное сожительство, которое длилось лѣтъ десять, до самой смерти Ивана Ѳедотовича. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы свои онъ почти разорился, а главное, умеръ безъ завѣщанія, почему бѣдная Наташа и осталась на старости лѣтъ почти безъ всякихъ средствъ, — хоть ступай по міру.

Странное, право дѣло, и великая несправедливость судьбы! Самой умной, образованной, интересной, благовоспитанной, самой честной изъ насъ, «среднюшекъ», выпалъ на долю самый сѣрый и скучный житейскій жребій.

— Мечтала я, — говорила мнѣ Наташа въ послѣднее наше свиданіе, — быть вродѣ Софьи Ковалевской, а, вмѣсто того, застряла въ никифоровской глуши заурядною уѣздною барынею-интеллигенткою, очень гордою тѣмъ, что одна въ городѣ выписывала толстые журналы. Кипѣла борьбою за женскія права, а только и было мнѣ хорошей жизни, пока стояла за мужними плечами и мужнимъ капиталомъ. Надѣялась гремѣть съ каѳедры или трибуны предъ восхищенными аудиторіями, — и, къ пятому десятку лѣтъ, почла за счастіе, что нашла мѣстишко вродѣ няньки при малолѣтнихъ племянникахъ — носы утирать! Стремилась просвѣщать и облагораживать народъ — и десять лѣтъ простояла продавщицею за стойкою деревенскаго трактира. Дышала мечтою красивой, чистой, дѣятельной любви, грезила найти въ мужѣ товарища по идеаламъ, — и сперва одиннадцать лѣтъ разливала чай на журфиксахъ либеральнаго земца, а потомъ перешла на десять лѣтъ въ объятія чудака, который свои чувства ко мнѣ выражалъ словами:

— Главное, сватья, что у тебя тѣло бѣлое....

Свои дѣти у нея, частію, попримерли маленькими, частію поразбросались, въ женитьбахъ и замужествахъ, по далекимъ окраинамъ и какъ-то совершенно забыли про мать, — безъ ссоръ, безъ драмъ, просто забыли — временемъ — по взаимной ненужности. Племянники и

племянницы видѣли въ ней мачеху, мало ее любили. пока живъ былъ отецъ, и оказались вовсе неблагодарными, когда онъ умеръ. Да и — главное — тоже разбрелись по свѣту....

— Если хочешь понять слово «оброшенность», — смотри на меня! — сказала мнѣ Наташа.

Мнѣ было жаль ее, старую, одинокую. Я звала ее къ себѣ въ Петербургъ, жить вмѣстѣ. Отказалась.

— Почему, Наташа? Боишься, можетъ быть, стѣснить?

— Увѣрена, что нѣтъ!

— Тогда не обижай меня! Поѣдемъ!

— Нѣтъ. Спасибо, нѣтъ!

— Почему?

— Одичала.

— Пустяки! Встряхнемъ тебя — и дикость стряхнемъ...

— Нѣтъ, Маша, не такъ просто. Чувствую, что корнями въ эту землю вросла и — кромѣ Никифоровскаго уѣзда — нѣтъ мнѣ больше мѣста на свѣтѣ...

— Такъ любишь?

— А какъ тебѣ сказать, много ли люблю? Можетъ быть, и вовсе не люблю, а, напротивъ, ненавижу... Что здѣсь любить-то, по совѣсти говоря? Но — здѣшняя я... понимаешь?.. Здѣшняя — и вся судьба моя здѣшняя... Ну, а здѣшней здѣсь и быть... И — куда ты меня ни увези, знаю, измучусь тоской и вернусь сюда околѣвать... Здѣшняя была жизнь, здѣшняя будетъ и смерть..

Иванъ Ѳедотовичъ Копыловъ вспоминается мнѣ мужчиною небольшого роста, но почти квадратнымъ, настолько широкимъ въ плечахъ. Онъ любилъ одѣваться по-русски и вообще немножко щеголялъ своимъ мужичествомъ. Это шло къ его энергичному, смуглому лицу, имѣвшему, страннымъ образомъ, какое-то отдаленное сходство съ цыганскимъ обликомъ Соломониды Степановны, хотя между ними не было никакого родства. Павелъ Петровичъ Крѣпышевъ, который этого зятя своего весьма не долюбливалъ, хотя усердно занималъ у него деньги, говорилъ о немъ:

— Конокрадъ, судари вы мои. Цыганскій батька. Только серьги въ ухѣ не достаетъ!

Большая дѣловитость и сложныя хозяйственныя заботы наложили на черты Ивана Ѳедотовича отпечатокъ нѣкоторой суровости, а, между тѣмъ, онъ былъ весельчакъ, любилъ людей, умѣлъ съ ними ладить и нравился женщинамъ. Между нимъ и Соломонидой Степановной, когда-то въ давней молодости, что-то было — и прошло, оставивъ слѣдомъ закадычную и нѣсколько насмѣшливую дружбу. Женитьба его на Сонѣ сладилась очень неожиданно. Копыловъ былъ бездѣтный вдовецъ, потерявшій жену послѣ очень недолгаго брака. Жениться вторично какъ будто не собирался, всѣ окрестныя маменьки давно махнули на него рукою, какъ на безнадежнаго. Соломонида Степановна даже растерялась, когда онъ посватался къ Сонѣ.

— Иванъ! Да вѣдь ей же даже года еще не вышли: шестнадцать безъ шести недѣль...

— За года, кума, не безпокойся: не билетъ второго займа, — выйдутъ!

— Скажи, пожалуй! На дѣвченку льстится! Ахъ, ты, грѣшный демонъ!

— Да старушки-то всѣ за молодыхъ повыходили такъ, по неволѣ, и нашъ братъ — къ молоденькимъ.

— А я было, признаться, прочила за тебя Дарью...

— Ну, вотъ, — безъ церемоніи возразилъ женихъ, — выдумала! куда мнѣ ее? О двухъ головахъ я, что ли?

— Да, вѣдь, красавица, ужъ не похаешь, что нехороша. А Софья, не взыщи, удалась какъ-то не въ материну породу, а словно бы въ дяденькину, Неофита Михайловича. Чернявенькая козявочка: и фигурою мелка, и личикомъ противъ сестеръ не вышла....

— За то умна и хозяйка будетъ.

— Умна-то умна, — согласилась Соломонида Степановна, — но и бѣсъ изрядный. Я, Иванъ Ѳедотовичъ, не похулю ея ни въ чемъ, но люблю продать товаръ лицомъ, чтобы потомъ — безъ обиды на обѣ стороны. Дѣвица — звѣзда, но характеромъ растетъ... именно — говорю тебѣ — бѣсъ въ нее посаженъ! Мнѣ отъ нея въ домѣ ни минуты покоя нѣтъ. Возненавидѣла меня дѣвченка невѣсть съ чего, и только и думы у нея, какъ бы мнѣ напакостить... Да, вѣдь, какъ ловко и ехидно вьется — змѣенышъ этакій черноглазый! И смѣхъ, и грѣхъ съ нею... Во истину ужъ дядюшкина племянница, поповичей Урошичей кровь.

— Такъ, вотъ, ты и отдай ее мнѣ,—возразилъ Копыловъ. — Обоимъ расчетъ. Ты избавишься отъ бѣса въ домѣ, а я — мнѣ это ничего, я даже люблю повозиться съ бѣсомъ, когда онъ засѣлъ въ бабу. Театровъ у насъ въ Воздвиженскомъ нѣтъ, развлеченія самыя глупыя, такъ — хоть жену дресировать, и то занятіе

— Охъ, ты, дрессировщикъ! Туда же! Смотри, чтобы самого не вырядила дуракомъ...

— А я ее тогда — кулакомъ!

— А она въ прорубь. Нѣтъ, если ты берешь жену для подобнаго времяпровожденія, то Дашка удобнѣе... Съ нею и подерешься въ свое удовольствіе, и помиришься сладко. Она тебѣ и рожу расцарапаетъ, и на миръ сказку скажетъ. Мастерица сочинять... Истинно тебѣ говорю: бери Дашку, Дашка для тебя проще...

— Такъ-то она такъ, — призналъ Иванъ Ѳедотовичъ, — но ты смотри на нее, кумушка, какова она есть коломенская верста. Вѣдь — если подобная сбѣсится, то, покуда ее облокотишь, на кулакѣ мозоли вырастутъ, а ее надо въ чахотку вогнать... Нѣтъ, ужъ, если милость будетъ, пожалуйте намъ Сонечку.

— Да, по мнѣ, бери, когда пойдетъ... Но не много ли надѣешься на себя? Не старенекъ ли ты для Софьи? Черезъ пять лѣтъ она только войдетъ въ правильные женскіе годы, а тебя уже начнетъ позывать сѣдая старость.

— Пущай позываетъ, а я разсержусь и не пойду!

— Ишь какой упрямый! Ну, да ужъ ладно. Я свое сказала, а ты — какъ хочешь. Коли будешь отъ женыдѣвченки съ рогами, не мнѣ бодаться-то...

— Кумушка! Велико ли дѣло рога? Олень, вонъ, каждую весну рога мѣняетъ, такъ хуже ли ему оттого?

— Скажите: филозовъ! Слыхали! Всѣ вы на словахъ-то — какъ на гусляхъ... Посмотримъ, что запоешь, когда, въ самомъ дѣлѣ, лобъ зачешется....

Но Соломонида Степановна только грубо шутила. Очень хорошо понимая Соню во всѣхъ ея достоин-

ствахъ и зная твердый, но въ высшей степени ласковый, характеръ Копылова и, въ особенности, цѣня въ немъ то, что онъ былъ безусловно трезвый человѣкъ, а это въ нашихъ мѣстахъ рѣже бѣлаго волка, — наша «беззаконная мачеха» сладила эту свадьбу съ особеннымъ удовольствіемъ. И бракъ вышелъ на славу. Супруги Копыловы прожили тринадцать лѣтъ душа въ душу, кажется, ни разу не то, что не подравшись, а даже не поссорившись, и наплодили обильное и весьма хорошее потомство. Однако, слишкомъ частые роды рано истощили Соню. Послѣ чуть ли не десятаго ребенка у нея сдѣлалось страшное кровотеченіе, послѣдствіемъ котораго развилось острое малокровіе. Въ такомъ слабомъ состояніи схватила она воспаленіе легкихъ и, въ какіе-нибудь два мѣсяца, сгорѣла отъ скоротечной чахотки. Память Софьи Павловны Копыловой до сихъ поръ пользуется въ Никифоровскомъ уѣздѣ большимъ уваженіемъ, и даже мраморный ангелъ съ крестомъ, котораго Иванъ Ѳедотовичъ поставилъ надъ могилою жены, содержится на воздвиженскомъ кладбищѣ очень опрятно, что не совсѣмъ то обыкновенно на Руси. У насъ вѣдь покойника забываютъ, какъ скоро перестанъ звонить по немъ колоколъ, а засаривать его могилу начинаютъ еще раньше.

Сестра Наташа, конечно, ни на какіе курсы не поѣхала, а преспокойно вышла слѣдующею осенью замужъ за своего Михаила Михайловича Карягина и сдѣлалась первою въ Никифоровскомъ «свѣтѣ» дамою — хозяйкою уѣзднаго салона, въ которомъ собирались всѣ наши мѣстные либералы. Незадолго до ея свадьбы уѣхалъ отъ насъ—будто бы на частную службу въ Ка-

зань—и уже никогда не возвратилась сестра Даша. Такимъ образомъ, пятнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Марьи Михайловны Крѣпышевой-Урошичъ, «разгонъ» ея дочерей изъ Барыша почти завершился. Изъ всѣхъ «среднюшекъ» непристроенными оставались только двѣ — писанная красавица наша, Агаша, да я, которая почиталась любимицею Соломониды Степановны и которую поэтому она приберегала для лучшихъ жениховъ, чѣмъ достались моимъ сестрамъ, хотя бы даже и Наташѣ Карягиной. Она часто говаривала:

— Изъ всѣхъ нашихъ «среднюшекъ» Машенька больше всѣхъ барышня, значитъ, и мужъ ей нуженъ настоящій большой баринъ...

Барство мое она стерегла настолько ревниво, что, напримѣръ, — въ то время, какъ Агаша и Даша были постоянными гостьями въ дѣвичьей, и Соломонида Степановна имъ ни словомъ не запрещала, — на мои визиты туда она косилась очень сердито, каждый разъ дѣлала мнѣ строгіе выговоры и даже не лѣнилась иногда сама спускаться въ «адъ», чтобы извлекать меня изъ веселаго общества своихъ кружевницъ и швей.

Впослѣдствіи я оцѣнила ея заботы, добросовѣстныя и безкорыстныя, но тогда онѣ меня ужасно злили. Съ выходомъ замужъ Сони и Лизы, домъ нашъ страшно поскучнѣлъ. Мы съ Агашею пропадали съ тоски, потому что ученая Наташа намъ была не компанія, да и вѣчно гостила теперь у своихъ никифоровскихъ знакомыхъ, «романсуя», какъ у насъ это называлось, съ будущимъ своимъ супругомъ, а тогда еще даже и не женихомъ. М. М. Карягинымъ. А Даша, какъ я уже разсказала, отошла отъ насъ еще при маменькѣ и те-

перь дневала и ночевала въ своей любезной дѣвичьей, неразрывно сдружившись съ одною изъ новенькихъ кружевницъ, привезенныхъ Соломонидою Степановною: тою самою тверичкою Пелагеею, которую я уже не разъ помнила не очень то ласковыми словами. Эта жирная неряха съ лягушечьими глазами была глупа-глупа, а прехитрая. Лестью да наговорами она, дрянь-бабенка, умѣла забрать довѣрчивую Дашу въ свои грязныя лапы до безпримѣрнаго подчиненія, любила хвастать своей властью и ревниво ее охраняла. Такъ что промозглый, вонючій подвальный чуланъ этой Пелагеи, — штабъ-квартира всѣхъ сплетницъ и безстыжихъ зубоскалокъ «ада», — совсѣмъ отнялъ нашу присяжную и излюбленную увеселительницу у господскаго верха. — Господи! и поврать то съ нами даже некому! восклицала, со злобною зѣвотою, сильно пріунывшая сестра Агаша. Скука томила такая, что, право, мы начали сожалѣть даже о временахъ, когда дрожали, какъ осиновый листъ, при отдаленномъ шумѣ пьяныхъ попоекъ Павла Петровича: все-таки, тогда видѣли хоть изрѣдка и хоть какихъ-нибудь людей. Теперь — никого. Не домъ, а пустыня.

Дѣвичья, съ ея новою дѣятельностью, оставалась теперь въ Барышѣ не только единственнымъ настоящее живымъ мѣстомъ, но и стала какъ бы центромъ и существомъ всей жизни. Затѣянное Соломонидою Степановною предпріятіе процвѣтало, встрѣтивъ въ Москвѣ благожелательный пріемъ, щедрую оплату и неистощимые заказы. Теперь Соломонида Степановна заботилась только объ одномъ: какъ бы ей гарантировать себя отъ конкуренціи по дѣлу, которое оказа-

лось такимъ спорымъ въ спросѣ и, конечно, какъ только огласилось, немедленно нашло много охотниковъ и охотницъ подражать. Соломонида Степановна дѣйствовала умно и смѣло. Она не побоялась рискнуть большими затратами, чтобы законтрактовать подъ свои заказы всѣхъ, мало мальски хорошихъ и извѣстныхъ, швей и кружевницъ верстъ на сто въ окружности. И настолько завалила ихъ работою, оградивъ сроки неустойками, что сторонніхъ заказовъ эти умѣйницы уже не въ состояніи были брать, если-бы даже и хотѣли. А, тѣмъ временемъ, Соломонида Степановна спѣшила поставить на ноги и развить свою собственную мастерскую въ Барышѣ. Къ концу перваго года существованія, наша мастерская считала въ себѣ до 30 женщинъ, преимущественно одинокихъ — вдовъ и дѣвушекъ. Немногочисленныхъ семейныхъ и пожилыхъ мастерицъ Соломонида Степановна селила во дворѣ, по флигелькамъ и службамъ, которыми усадьба была богата до множества. Одиночки жили и работали въ томъ обширномъ, тянувшемся почти подъ всѣмъ домомъ, «адѣ» — подвалѣ, гдѣ и раньше помѣщалась дѣвичья. Но теперь онъ былъ расширенъ черезъ то, что сломали поперечную капитальную стѣну, и раздѣленъ деревянною перегородкою на двѣ половины. Одна, свѣтлая, предназначалась для работы, а другая, потемнѣе, была обращена въ дортуаръ. Для послѣдняго опросталась громадная зала, обстроенная по стѣнамъ чуланчиками, которые получили въ свое распоряженіе мастерицы и нѣкоторыя привилегированныя изъ работницъ. Остальныя спали въ общей — кто на нарахъ, кто на собственныхъ сундукахъ, а иныя сдѣлали себѣ

складныя койки изъ парусины на рожнахъ. Дортуаръ выходилъ въ длинныя и узкія, почти подземныя сѣни, также обстроенныя чуланчиками. Изъ послѣднихъ одинъ — обширнѣе другихъ и у самыхъ дверей дортуара — предназначался для женщины, наблюдавшей за порядкомъ въ этомъ бабьемъ и дѣвьемъ стадѣ. Ее звали кто «главною», кто «старшею». Работали въ «аду» много. Садились по мѣстамъ въ шесть часовъ утра, въ лѣтніе мѣсяцы даже въ пять, кончали въ восемь вечера, съ двумя перерывами въ полдень для обѣда и въ четыре часа для чаепитія. Но, такъ какъ Соломонида Степановна была очень щедра на харчи, не понуждала работать больныхъ и усталыхъ и съ полнымъ равнодушіемъ относилась къ внутренней механикѣ и дисциплинѣ своего «ада»: лишь былъ бы хорошо сработанъ урокъ, а кто, когда и въ какомъ порядкѣ работалъ, ей все равно, — то въ подвалѣ жилось не худо, бодро и даже весело. Къ восьми часамъ вечера мастерицы отбирали у швей ихъ дневные уроки. Стряпки приносили въ корчагахъ ужинъ, горячій, плотный, и жирный, куда лучшій, чѣмъ ѣла не только дѣвичья, но даже мы, барышни, въ былое время, при маменькѣ. Затѣмъ работницы были свободны до утра. Полагалось, что въ десять часовъ всѣ должны обязательно ложиться спать. Главная тушила въ дортуарѣ огни, кромѣ одного ночника, и уходила въ свой привратный чуланчикъ. Но этотъ порядокъ не былъ взыскателенъ. Запрещалось только жечь хозяйскія свѣчи и керосинъ, а со своимъ огнемъ — сиди, пожалуй, хоть до утра. Хочешь, — работай на себя, хочешь — такъ, просто полуночничай, гуляй и то-

чи лясы, если найдешь товарокъ, которымъ тоже не въ охоту ранній сонъ. Поэтому, именно съ десяти-то часовъ и становилось въ подвалѣ оживленно и весело. Насытившись и успѣвъ уже нѣсколько отдохнуть отъ дневного труда, швеи не спѣшили къ постелямъ. Хотѣлось расправиться: поболтать, порѣзвиться, пѣсенъ попѣть и въ игры поиграть. Такъ что дѣвичья, обыкновенно, успокаивалась сномъ только къ полуночи. Въ теплые мѣсяцы, конечно, проводили это время на волѣ, подъ открытымъ небомъ, во дворѣ и въ саду, но холода запирали пташекъ въ клѣткѣ. На всѣ забавы, которыми подвальныя жительницы гнали отъ себя осеннюю и зимнюю скуку, Соломонида Степановна смотрѣла очень снисходительно. Строго запрещалось только одно: пускать въ подвалъ мужчинъ. Запретъ преслѣдовалъ отнюдь не интересы цѣломудрія. На романы, которые работницы неугомонно заводили на волѣ, Соломонида Степановна смотрѣла сквозь пальцы — вѣрнѣе даже — вовсе не смотрѣла. Она только желала уберечь свою мастерскую отъ мужского безобразія, ночныхъ скандаловъ, пьянства и воровства. А, такъ какъ держалась того мнѣнія, что — если кто куда привыкъ шастать днемъ, то найдетъ туда дорогу и ночью, — то и обратила подвалъ въ гинекей, непроницаемый для мужчинъ во всѣ часы сутокъ и времена года. За нарушенія карала виновныхъ немедленнымъ расчетомъ, не жалѣя разставаться даже съ лучшими и, казалось бы, необходимыми ей мастерицами. Двухъ-трехъ примѣровъ было достаточно, чтобы «адъ» совершенно опустѣлъ отъ чертей и остался съ однѣми вѣдьмами, которыя въ немъ преизрядно бѣсновались. Обиліе моло-

дыхъ женщинъ, само собою разумѣется, тянуло въ Барышъ мужскую молодежь едва ли не со всего Никифоровскаго уѣзда, и, въ гулевые часы, на волѣ, романовъ разыгрывалось — не сосчитать. Отъ драмъ и трагедій, однако, Богъ миловалъ. За то, увы, добрыя двѣ трети швей не выходили изъ интереснаго положенія. Это былъ сущій бичъ и постоянный тормазъ дѣла Соломониды Степановны. На десять работницъ едва ли три оставались на мѣстахъ круглый годъ. Остальныя, проработавъ нѣсколько мѣсяцевъ, исчезали — эта рожать, та выкидывать. На мѣсто ихъ, уже привычныхъ и умѣлыхъ, приходилось брать новыхъ, неопытныхъ, требующихъ наученія. Онѣ, конечно, долгое время работали худо, много портили, а, когда, наконецъ, пріобрѣтали навыкъ и входили въ мастерство, — глядишь, — приходила очередь исчезать и имъ. Такъ какъ Соломонида Степановна ревниво слѣдила за тѣмъ, чтобы по близости къ Барышу не открылось другое заведеніе художественнаго шитья, то она была особенно, даже преувеличенно, жадна на обученныхъ у насъ работницъ. Поэтому, когда временно исчезавшія возвращались, она принимала всѣхъ ихъ обратно, хотя бы онѣ были давно замѣнены и нисколько не нужны въ это время. Брала исключительно по опаскѣ, чтобы не достались какой-нибудь конкуренткѣ или сами не надумались конкурировать. Благодаря такой захватной системѣ, мастерская разрослась гораздо шире своихъ потребностей. Чтобы занять всѣхъ хоть видимостью работы, — не сидѣли бы, сложа руки и не ѣли бы хлѣба даромъ, — пришлось слишкомъ дробить трудъ. Это, конечно, было только полумѣрою и не спасло мастер-

скую отъ праздныхъ минутъ, которымъ очень обрадовались многія праздныя натуры. Шалостей и проказъ — отъ невинныхъ полудѣтскихъ рѣзвостей до весьма серьезныхъ проступковъ, грѣховъ и пороковъ — развелось въ быту подвала столько, что, если-бы разбирать всѣ эти дѣла и дѣлишки, то надо было бы посадить въ «адъ», по крайней мѣрѣ, трехъ судей, какъ, впрочемъ, и полагается въ аду.

Молодежь мастерской — простыя работницы и ученицы — была вся мѣстная, по большей части изъ никифоровскаго же уѣзда. Но между старшими мастерицами, которыхъ собрала Соломонида Степановна, чтобы учить и давать примѣры, нашлось много бывалыхъ по большимъ и далекимъ городамъ. Не мало было и чужачекъ, пріѣзжавшихъ въ Барышъ, по вызову, кто на мѣсяцъ, кто на нѣсколько недѣль, а кто и навсегда, чтобы обогатить мастерскую какимъ-нибудь новшествомъ промысла, на которое, по соображечію Соломониды Степановны, могъ найтись въ Москвѣ спросъ. Типовъ у русскаго шитьевого художества, какъ извѣстно, два — сѣверный и восточный: нитка и шерсть, — древній великорусскій орнаментъ и инородческій, отъ мордвы, черемисовъ и т. п. И центровъ для типовъ тоже два: для сѣвернаго шитья Петербургская губернія, куда оно наплываетъ и товаромъ, и образцами изъ губерній Новгородской, Вологодской и Архангельской; а для восточнаго шитья — губернія Рязанская. Изъ этихъ мѣстъ, главнымъ образомъ, выписывались и наши умѣйницы. Но перебывали у насъ всякія: и изъ Кеми, и изъ Тотьмы, и съ Оки и Волги, и воронежскія, и орловскія, и устюжанки, и даже одна зырянка съ Печоры. Для

этнографа подвалъ нашъ дорого стоилъ по смѣшенію русскихъ говоровъ. А за пѣсни и сказки, которыя я вынесла изъ Барыша, мнѣ впослѣдствіи говорили спасибо П. В. Шейнъ и С. В. Максимовъ; напѣвами, которые запомнила тамъ же, служила я и Н. А. Римскому-Корсакову, и А. С. Аренскому, и бѣдному, такъ рано погибшему, безъ расцвѣта отцвѣтшему, Калинникову. новенными играми въ кошку и мышку, въ жмурки, въ И, наконецъ, видала я въ Барышѣ — на ряду съ обыкпохоронки, въ фанты, въ камушекъ — игры, которыхъ потомъ уже нигдѣ не встрѣчала, а иныхъ не знали даже знакомые мнѣ этнографы: игры, походившія на театральныя представленія, цѣлыя пьесы — оперы и драмы. Такъ, дѣвицы наши представляли «Аскольдову Могилу» по толстой тетрадкѣ, которую привезла въ Барышъ одна калужская кокошница, работавшая шитье по холсту блесткой. Тетрадка содержала упрощенное и курьезно перевранное либретто извѣстной оперы, смѣшанное съ общерусскими играми въ «лодку» и «царя Максимильяна». Этой игры, къ сожалѣнію, мы не догадались въ то время списать. Помню только начальную пѣсню, которая пѣлась хоромъ.

Ахъ, подруженьки, какъ грустно,
Ахъ, подруженьки, какъ скучно,
Ахъ, тошно,
Ахъ, невозможно,
Ахъ, безъ милого жить не можно!

И — появленіе героини:

— Пѣтухи давно пропѣли, и къ заутрени звонятъ, а любезный мой Буслай все не приходитъ. Сегодня на-

ша свадьба и онъ уведетъ меня изъ сей родительской хижины.

(Плачетъ и поетъ).

Отцовскій домъ покину я,
Травою заростетъ,
Собачка вѣрная моя
Залаетъ у воротъ,
На кровлѣ филинъ закричалъ:
Любезная, прости!
Не вѣрьте парнямъ, дѣвушки,
Нѣту въ нихъ пути!

Эта игра была очень чувствительная и трогательная. Когда ее представляли, многія даже плакали. Ее очень любила Соломонида Степановна и охотно отпускала смотрѣть «Аскольдову Могилу» даже меня, при всей своей нелюбви, чтобы я бывала въ дѣвичьей.

Но у меня, — будто чудомъ, — сохранилась другая тетрадка, тощая, пожелтѣлая отъ времени, на скверной сѣрой бумагѣ и блѣднорыжими чернилами; въ нее списана рукою которой-то изъ сестеръ, — кажется, Агаши, — одна изъ игръ нашего «ада» совсѣмъ въ другомъ родѣ. Цѣликомъ ее привести невозможно. Называется она:

Мадамъ Мавруха.

Ее разыгрывали:

Мавруxъ.
Мадамъ Мавруха.
Попъ.
Мусье Адьютанъ.
Дьякъ.
Четыре офицера.

Игра открывалась общимъ вытьемъ всѣхъ присутствующихъ, — будто по покойнику. Подъ вой и причитанія, четыре дѣвушки, одѣтыя офицерами, — то-есть, заколовъ на себѣ юбки, такъ, чтобы было вродѣ панталонъ, и съ соломенными и бумажными эполетами на кофточкахъ, а на головы вздѣвъ треуголки изъ сахарной бумаги, украшенныя пѣтушьими или гусиными перьями, въ видѣ султановъ, — вносили въ дѣвичью изъ сѣней скамью, на которой лежалъ, будто бы въ гробу, — предполагаемый мертвымъ — нѣкто, по имени Мавруxъ.

Роль Мавруха всегда исполняла одна и та же актриса, Стешка Чардынка: уже тридцатилѣтняя дѣвица — весьма отчаяннаго поведенія и пребезобразная лицомъ, отчего особа эта, впрочемъ, нисколько не унывала, такъ какъ поклонниковъ имѣла великое множество и за нее даже дрались. Когда она — длинная, какъ телеграфный столбъ, и тощая, какъ скелетъ, черная, длиннозубая, женщина-кляча, — лежала на скамьѣ, въ одной рубахѣ, покрытая простынею, голова обвязана полотенцемъ, руки на груди связаны платкомъ, — видъ получался, дѣйствительно, самый покойницкій и довольно таки ужасающій. Хотя роль Мавруха — первая въ пьесѣ, но играть ее не соглашалась ни одна изъ дѣвушекъ, кромѣ отчаянной Стешки: боялись.

Ну, вотъ, несутъ Мавруха... Впереди идетъ, повѣся голову, Мусье Адьютанъ. Тоже хорошая роль. На немъ черные мужскіе брюки, украденные у брата Петра Павловича, и чья-нибудь черная же кофта. Въ рукахъ палка, которой Мусье машетъ, крича:

— Сторонись, дѣвушки! Убью!

Потомъ кланяется на всѣ четыре стороны и сообщаетъ:

— Маврухъ въ походъ уѣхалъ!..

Всѣ присутствующія отвѣчаютъ хоромъ, подражая колокольному звону:

Мирондонъ, донъ, донъ,
Мирондонъ, донъ, донъ,
Миронъ-день!

Мусье Адъютанъ. Маврухъ въ походѣ померъ!

Хоръ.

Мирондонъ, донъ, донъ,
Мирондонъ, донъ, донъ,
Миронъ-день!

Мусье Адъютанъ. И вотъ черти лѣзутъ за нимъ черезъ плетень!

Выбѣгаютъ черти. Для этой роли брали, обыкновенно, учениць-дѣвченокъ: снимали съ нихъ всѣ длинныя одежды и, оставивъ ихъ въ возможно куцомъ видѣ, мазали имъ лица и руки сажею. Черти бросаются къ Мавруху, хотятъ его похитить, рычатъ. Офицеры не допускаютъ. Появляется Мадамъ Маврука. Черти отступаютъ.

Мадамъ Маврука *(плачетъ)*.

Адъютанъ мой преполезный,
О чемъ мнѣ знать даешь?

Мусье Адъютанъ.

О чемъ знать даю,
Того не потаю,
Заплачешь ты, мадамъ, услышавъ пѣсню мою.
Маврухъ въ походѣ померъ...

Хоръ.

Мирондонъ, донъ, донъ,
Мирондонъ, донъ, донъ,
Миронъ-день!

Мусье Адъютанъ. Не будетъ Маврухъ назадъ!

Мадамъ совершенно неожиданно отвѣчаетъ ему предложеніемъ поцѣлуйной награды, о направленіи которой лучше умолчать. Начинается отпѣваніе Мавруха. Офицеры носятъ скамью съ нимъ вокругъ подвала и время отъ времени сильно встряхиваютъ, причемъ Маврухъ каждый разъ, высоко вскидываетъ ноги подъ простынею, и кричитъ:

— Растрясете мертвое тѣло, то будете отвѣчать начальству!

Хоръ.

Четыре офицера
Покойника несли...

Слѣдующіе два стиха нельзя напечатать.

Выступаетъ попъ: въ одѣялѣ, сшитомъ изъ лоскутковъ, на головѣ цвѣтная наволочка, якобы скуфья, въ одной рукѣ книга, въ другой кадило, т. е. черепокъ на веревочкахъ, въ которомъ дымятся и коптятъ подобранные въ барскихъ комнатахъ папиросные окурки.

Попъ.

Со святыми упокой,
Нынче день не такой!
Вѣчная память!

Хоръ. Вѣчная память! Давайте попа мять! Вѣчная память.

Попъ *(къ мертвому Мавруху)*. Государь ты мой батюшка, государь Сидоръ Карповичъ, живъ ли ты, свѣтъ, али померъ?

Мавруховъ *(изъ гроба)*. Померъ.

Хоръ.

Померъ, бабушка, померъ,
Померъ, Пахомовна, померъ!

Попъ. Государь ты мой батюшка, государь Сидоръ Карповичъ, сколько тебѣ было лѣтъ?

Мавруховъ. Семьдесятъ.

Хоръ.

Семьдесятъ, бабушка, семьдесятъ,
Семьдесятъ, Пахомовна, семьдесятъ...

Попъ. Государь ты мой батюшка, государь Сидоръ Карповичъ, много ли оставилъ сиротъ?

Мавруховъ. Семеро...

Попъ. А какъ ихъ звать?

Мавруховъ. Жена!

Мадамъ Мавруха. Что прикажешь?

Маврухъ.

Покличь нашихъ дѣтей,
Косыхъ чертей!

Мадамъ Мавруха *(визжитъ на самыхъ высокихъ нотахъ).*

Дашка, Сашка,
Пашка, Наташка,
Арина, Акулина,
Да седьмая Катерина,
Душа Катенька!

Хоръ *(повторяетъ):*

Душа Катенька!

Попъ. Вотъ я васъ кадиломъ въ лобъ, чтобы не плодили дѣвченокъ! Дьякъ, читай отпускную.

Дьякъ *(съ косицею, въ мужскомъ халатѣ).*

Неизвѣстнаго прихода
Былъ сердитый попъ,
Четыре года
Колотилъ дьячка кадиломъ въ лобъ.
На морѣ, на окіянѣ,
На островѣ на Буянѣ
Стоитъ быкъ печеный,
Въ боку ножъ точеный,
Въ брюхѣ чеснокъ толченый.
Наши дѣвки узнали,
Къ этому бычку похаживали,
Въ этотъ чеснокъ помакивали,

Кушали, похваливали:
Ахъ ты, свѣтъ, сладкое кушанье,
И хвацка, и бурлацка,
Кому не нравится,
Пусть подавится...
Ѣсть хорошо,
Да ходить..... далеко —
За сорокъ верстъ,
Одинъ какъ перстъ,
Костей не соберешь.

. . . . . .

Маврухъ *(въ совершенномъ удовольствіи).*

Ай, люли, ай, люли!
Журавлики-журавли!

Попъ. Прощайтесь, дѣвки, съ Маврухомъ. Зароемъ его въ сырую землю.

Каждой подходящей прощаться Маврухъ строитъ страшную рожу, скрежещетъ зубами, говоритъ какое-нибудь ругательство или сальности, норовитъ укусить или ущипнуть, — вообще, ведетъ себя вампиромъ самаго предосудительнаго поведенія.

Мадамъ Маврухa подходитъ послѣднею, плачетъ и поетъ:

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ,
Сколько горести напрасной
Я въ разлукѣ должна снесть!

Одѣну черно платье
И въ монастырь пойду
И буду тѣмъ счастлива,
Что милаго люблю!

Наклоняется, чтобы поцѣловать Мавруха, но онъ — хвать ее за волосы, вскочилъ со скамьи и начинаетъ таскать жену, вопія:

— Я тебѣ дамъ, какъ хоронить живого мужа. Я тебѣ дамъ, какъ живого мужа хоронить!

Мадамъ Мавруха. Батюшка, прости! Никогда больше не буду!

Хоръ, тѣмъ временемъ, поетъ на церковный ладъ:

Чудакъ покойникъ!
Умеръ во вторникъ:
Въ середу хоронить,
А въ четвергъ пошелъ боронить!

Оттаскавши Мадамъ Мавруху, Мавруховъ подхватываетъ ее подъ руку, и — онъ, она, Попъ, Дьякъ, Мусье Адъютанъ, Офицеры, Черти — всѣ дѣйствующія лица становятся въ пары и танцуютъ французскую кадриль. А зрители подыгрываютъ на губахъ пальцами или на гребенкахъ, съ заложенною въ зубья бумажкою, и поютъ:

— Многая лѣта! Многая лѣта! Многая лѣта!

Года три спустя, уже обучившись французскому языку, услыхала я знаменитую пѣсенку:

Malborough s'en va-t-en guerre,
Mironton, mironton, mirontaine,
Malborough s'en va-t-en guerre,
Dieu sait, quand reviendra...

И съ изумленіемъ узнала въ ней старую знакомую. Какимъ путемъ храбрый англичанинъ Мальбругъ пробрался въ нашу пріуральскую глушь и превратился въ драматическое представленіе о «Мадамъ Маврухѣ», — этому я, конечно, не судья. Пусть скажетъ, кто знаетъ.[1])

Еще больше — и больше всего — любили играть въ «свадьбу». Но это удовольствіе выпадало рѣдко, такъ какъ требовало большихъ расходовъ на свѣчи и гостинцы, которыми женихъ и невѣста должны были одарять поѣзжанъ. Поэтому къ игрѣ въ «свадьбу» готовились, какъ къ нѣкоторому торжеству, недѣлями, а то и мѣсяцами, накопляя за этотъ срокъ карамель, пряники, шоколадъ, наливки, вина, пива, заѣдки, бублики—для свадебнаго пира, а также ленты, бантики, разную мишуру—для даровъ. Когда подобныхъ сокровищъ набирались изрядныя кучи, метали жребій, кому быть женихомъ, кому невѣстою, а они выбирали себѣ, честь честью, посаженыхъ отца съ матерью, дружекъ,

---

[1]) О народной игрѣ въ «Мавруху» или «Мавруха», я слышалъ впервые еще 20 лѣтъ тому назадъ въ Казани, отъ корридорнаго слуги гостиницы, въ которой проживалъ, но къ сожалѣнію. тогда не записалъ ее, такъ какъ еще не интерессовался фольклоромъ, а потомъ совершенно забылъ и ее и о ней. Затѣмъ, въ Вологдѣ (1903 г.) одинъ священникъ, пріѣзжій изъ дальняго уѣзда — не вспомню сейчасъ, Никольскаго или Сольвичегодскаго, жаловался при мнѣ, что на масляницѣ у нихъ все село бѣснуется: парни и дѣвушки играютъ въ «веселаго покойника». По содержанію, какъ онъ излагалъ, это та же «Мавруха», только безъ имени. Тетрадку съ «Мадамъ Маврухой» я получилъ три года тому назадъ и, къ сожалѣнію, списавъ, долженъ былъ возвратить ее собственнику, который добылъ ее подъ Екатеринбургомъ отъ пожилой женщины, уроженки г. Верхотурья. По ея словамъ, «Мадамъ Мавру-

поѣзжанъ. Впрочемъ, женихъ съ невѣстою могли выбирать другъ друга и безъ жребія, по симпатіи и дружбѣ, но въ такомъ случаѣ, угощеніе и вся обстановка справлялась уже не на общественный счетъ, а падала на нихъ, какъ приглашающихъ. Подобно тому, какъ «Мадамъ Мавруха» пародировала погребальный сбрядъ, такъ суть игры въ «свадьбу» сводилась, конечно, къ пародіи на обрядъ вѣнчальный. А, затѣмъ, садились за браный столъ, ѣли, пили и чествовали «молодыхъ» деревенскими свадебными пѣснями и плясками. Роли попа, какъ въ «Мадамъ Маврухѣ», такъ и въ «свадьбѣ», безсмѣнно исполняла Катя-прачка, замѣчательная красавица, южно-русскаго обличья, нѣкогда найденная подкидышемъ въ Звонаревкѣ у дома нашего дѣдушки-протопопа, о. Михаила Урошича, взрощенная на его кухнѣ и потому слывшая за его незаконную дочь. Врядъ ли это было такъ. О. Михаилъ былъ изрядный грѣшникъ противъ всѣхъ заповѣдей, воспрещающихъ корысть и любостяжаніе, но развратникомъ не слылъ. Рано овдовѣвъ, онъ избралъ себѣ постоянную сожительницу въ лицѣ свой свояченицы,

---

ху» представляютъ, какъ мужчины, такъ и женщины, по обязательно порознь. На сколько это справедливо, не знаю, но мнѣ показалось умѣстнымъ ввести «Мадамъ Мавруху» въ игры, о которыхъ разсказываетъ та, чьи записки лежатъ въ основѣ этой повѣсти. Тетрадка съ «Мадамъ Маврухою» была краснаго писарскаго почерка и, по бумагѣ, не старше шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь я воспроизвелъ все ея содержаніе и около ¾ точнаго текста. Нѣсколько стиховъ смягчено и строкъ сорокъ вовсе выброшено. Мнѣ не случалось видѣть эту игру въ сборникахъ русскаго фольклора. Если она была напечатана, я былъ бы очень благодаренъ за сообщеніе, кѣмъ и гдѣ.

Ал. Амф.

Ѳеоктисты Андреевны, съ которою затѣмъ и прожилъ четверть вѣка въ совершенномъ дружествѣ и согласіи, хотя ссорились они не менѣе семи разъ въ недѣлю. Привычка къ этой воинственной дружбѣ была у стариковъ настолько сильна, что Ѳеоктиста Андреевна не пережила о. Михаила даже годомъ и зачахла, какъ положительно утверждалъ докторъ Масловъ, исключительно съ тоски по своемъ протопопѣ. Дѣтей у нихъ не было. Это я знаю навѣрное, потому что о. Михаилъ откровенно и искренно жаловался на неплодность своей внѣбрачной супруги и Маслову, и Павлу Петровичу Крѣпышеву, и многимъ другимъ... На него удивлялись:

Ты бы, о. протопопъ, лучше Бога благодарилъ, что жалѣетъ онъ тебя, беззаконнаго, не выводитъ наружу твоего соблазна... Ну, что бы ты сталъ дѣлать съ дѣтьми, если бы Ѳеоктиста Андреевна на самомъ дѣлѣ вздумала рожать?

— Ужъ я зналъ бы, что, — задумчиво возражалъ опечаленный о. Михаилъ.

— Да, вѣдь, разстригутъ?

— Меня-то? Врешь, братъ. Не дуракомъ родился. Скорѣе половина архіереевъ безъ клобуковъ останется, чѣмъ я безъ моей скуфьи.

Внѣшнее сходство подтверждало кровную близость Кати къ Урошичамъ. Когда, бывало, у корыта, нахмуренная, она стираетъ голыми мускулистыми руками, чуть не по плечо въ мылѣ, съ суровою энергіей, будто треплетъ кого виноватаго,—Катя походила на покойную нашу маму гораздо больше, чѣмъ всѣ признанные

Урошичи, мамины братья и сестры. А изъ насъ, «среднюшекъ», она настолько напоминала, въ нѣкоторыхъ поворотахъ, Агашу и Дашу, что, когда первая изъ нихъ бѣжала изъ дома, то знакомый, столкнувшійся съ нею въ Никифоровѣ, не задержалъ ея только потому, что, по простотѣ костюма, принялъ за прачку Катю. По всей вѣроятности, Катя была дочерью не о. Михаила, а дядюшки Неофита Михайловича. Думаю, что этою тайною близостью, которую она, про себя, инстинктивно подозрѣвала, а онъ, вѣроятно, хорошо зналъ, объясняется ихъ глубочайшая антипатія другъ къ другу, даже до ненависти. Наоборотъ, покойная мама была къ Катѣ чрезвычайно ласкова и, какъ бы косвенно признавая и щадя въ ней кровь Урошичей, снисходительно извиняла этой странной дѣвушкѣ причуды, за которыя всякая другая служанка, въ пять минутъ, вылетѣла бы за ворота. Натура ли была такая, двусмысленное ли положеніе въ домѣ помогло, но выросла Катя существомъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что была ужъ очень хороша собой. Ея анархической дури и властности боялись всѣ въ домѣ, за исключеніемъ Соломониды Степановны, которой, наоборотъ, Катя была предана съ послушаніемъ почти влюбленнымъ — какъ-будто видя въ ней свой житейской идеалъ. Да еще нѣкоторое вліяніе имѣла на нее моя служанка-дружка Маша, о которой я разсказывала. Надъ скромностью этой прелестной дѣвушки, кроткой и красивой, какъ тихій ангелъ, Катя издѣвалась жестоко и часто доводила ее до слезъ. Въ дѣвичьей у насъ, зимами, довольно много читали вслухъ, но все какія-то удивительныя книги, на синей корявой бумагѣ, печатью XVIII вѣка, най-

денныя въ старомъ хламѣ по ларямъ на чердакахъ и погребицахъ и оставленныя, должно быть, еще прежнимъ, до Павла Петровича, владѣльцемъ Барыша, откупщикомъ Чувязевымъ. Чтицею, обыкновенно, бывала—хорошо грамотная и съ пріятнымъ голосомъ—Маша. Въ одной изъ своихъ книжонокъ вычитали наши дѣвицы, будто бы нѣкій французскій король, заботясь о нравственности своихъ подданныхъ, велѣлъ собрать въ своемъ королевствѣ всѣхъ женщинъ вольнаго поведенія, посадить ихъ на большой корабль, вывезти въ открытое море и—вмѣстѣ съ кораблемъ—пустить ко дну... Покуда однѣ изъ слушательницъ ахали, возмущаясь подобнымъ звѣрствомъ, а другія одобряли, что такъ и надо, Катя принесла со двора огромный булыжникъ и положила передъ чтицею:

— Вотъ тебѣ, Марья. Когда выйдетъ указъ топить лицемѣрокъ, привяжи себѣ на шею.

Таковъ былъ характерецъ!

А въ то же время, при Машѣ эта бѣдовая дѣвка-вольница не только сама сдерживала свой распущенный языкъ, но и на другихъ прикрикивала, если у кого срывалось грязное словцо. Съ грустью должна отмѣтить, что изъ насъ, барышень, чести такого же береженія удостоивались только Наташа да Лиза. При остальныхъ нисколько не стѣснялись, — лишь бы не слыхала Соломонида Степановна. Я уже говорила и повторяю: считаю великимъ счастьемъ для себя, что, въ дѣтствѣ, служанкою—подружкою, съ которою потомъ такъ и выросла, какъ съ сверстницею, получила, по выбору маменьки, именно Машу. Сестрѣ Агатѣ, къ несчастью, выпало на долю товарищество вотъ этой

дикой Кати. Она, еще при жизни маменьки, покорила Агашу своему вліянію и вертѣла ею, какъ куклою, а ужъ затѣмъ сдѣлалась для нея совсѣмъ непреложнымъ оракуломъ и примѣромъ... Да и всѣ мы, хотя не въ такой степени, увлекались удалою дѣвицею, которую, по справедливости, не слѣдовало бы на версту подпускать къ дому, гдѣ есть подростающее молодое поколѣніе, а еще лучше было бы, именно отправить ее въ дырявой баркѣ вдоль по морю, морю синему, морю синему Хвалынскому...

На игрища «свадьбы» Маша тоже не допускалась, потому что при ней Катя конфузилась «попить». За дьяка ей безсмѣнно помогала швея Аграфена, обладавшая низкимъ и толстымъ голосомъ и съ грѣхомъ пополамъ помнившая кое-какіе обрывки вѣнчальной службы. Ихъ роли были самыя главныя и трудныя, потому что требовали умѣнья «говорить въ риѳму», т.-е. отвѣчать на каждый вспоминавшійся стихъ своимъ собственнымъ.

— Исаія ликуй!—баситъ Аграфена.

— А ты со мной не толкуй!—отвѣчаетъ Катя.

— Жена да боится своего мужа!

— Поди, попей квасу изъ лужи!

Публика, вокругъ жениха и невѣсты, стоящихъ въ махоткахъ изъ-подъ молока вмѣсто вѣнцовъ на головахъ и съ стеариновыми огарками въ рукахъ, помираетъ со смѣху, слушая перекличку риѳмъ. Катя и Аграфена, поощряемыя, входятъ въ азартъ и, мало-помалу, достигаютъ такой виртуозности, что слушательницы, сохранившія нѣкоторый стыдъ, начинаютъ отплевываться и требуютъ прекращенія... Церемонія кончена, — принимаются за пряники, пиво, пѣсни и плясъ.

Роли жениха и невѣсты были трудны тѣмъ, что отъ нихъ требовалась невозмутимая серьезность. Какія бы шутовскія рожи ни корчили попъ съ дьякомъ, какія бы словечки ни загинали, брачущіеся не имѣли права улыбнуться. Иначе—женихъ долженъ былъ наказать невѣсту, или невѣста жениха, смотря по тому, кто провинился, нѣсколькими ударами жгута, туго свитаго изъ полотенца. Били безъ жалости, а если крикнешь, то пуще. Но, зато, роль жениха привлекала возможностью вырядиться въ мужской костюмъ, что всѣмъ очень нравилось, а инымъ и шло.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Катя была не лищена такъ называемой «каторжной совѣсти». Ужъ если что пообѣщала, то свято. При маменькѣ игра въ «свадьбу» была запрещена и ею шалили лишь втихомолку и съ робкою оглядкою. Соломонида Степановна смотрѣла на эти забавы добрѣе, только запретила приглашать къ нимъ насъ, барышень. Запрещеніе врядъ ли исполнялось бы, если бы сестра Наташа, узнавъ, что въ дѣвичьей по вечерамъ играютъ въ «свадьбу» и что такое представляетъ эта игра, не взяла съ Кати обѣщанія, что она никогда не покажетъ «свадьбу» сестрѣ Агашѣ. Катя, польщенная просьбою ученой барышни, дала слово и сдержала его. Какъ ни старалась наша первая красавица присоединиться къ запретному удовольствію, Катя ее выпроваживала. А безъ Агаши было неловко приглашать и меня. Такъ что ни я, ни другія сестры, кромѣ Даши, никогда не видали «свадьбы» и знали о ней только то, что разсказывала намъ Даша. Эта-то, конечно, присутствовала при всѣхъ «свадьбахъ» и на одной изъ нихъ сама изображала невѣсту.

И, такъ какъ была по природѣ хохотлива, то съ недѣлю послѣ того ходила въ синякахъ отъ наказующаго смѣшливость жгута, которымъ нещадно изстегала ее игравшая роль жениха, кружевница Пелагея.

Мы, сестры, Даши теперь почти что никогда не видали. Рѣдко-рѣдко показывалась она къ намъ на верхъ, совсѣмъ превратившись въ жительницу «ада». Соломонида Степановна, которая ее никогда особенно не любила, а теперь еще ужъ очень наскучила ея взбалмошными выходками, не препятствовала,—говорила съ презрѣніемъ:

— Тамъ и мѣсто.

Управлять дѣвичьей Соломонида Степановна поставила нѣкую вдовицу, по имени Марью Тимофеевну, по кличкѣ Марью Садовницу, веселую и бравую женщину, очень честную, но характера миролюбиваго и не сильнаго. Распущенность «ада» дошла, подъ ея слабою рукою, до того, что, съ наступленіемъ весны, дѣвичья каждый вечеръ почти совершенно пустѣла. На нарахъ оставались или откровенно пустыя мѣста, или чурбашки, обернутыя въ одежду и покрытыя одѣялами. А обладательницъ этой рухляди надо было искать въ дальнихъ уголкахъ сада, либо на сѣновалахъ и въ амбарушкахъ, либо даже внѣ усадьбы, на деревнѣ, въ компаніи кавалеровъ. Соломонида Степановна мало интересовалась нравственностью своихъ бѣглянокъ, но, проскитавшись ночь напролетъ, онѣ — не выспанныя — плохо работали днемъ. А, главное, одна веселая компанія такого рода, подгулявши, устроила маленькій пожаръ—къ счастію, въ отдаленной отъ жилья садовой бесѣдкѣ. Сами сейчасъ же и затушили, такъ что, по-

куда горѣло, никто и не видалъ. Но слѣдовъ скрыть не удалось, а убѣжавшія отъ испуга дѣвицы растеряли кто гребенку, кто ленточку, по которымъ Соломонида Степановна, поутру произведя слѣдствіе, легко добралась до виновныхъ. Наказать она никого въ отдѣльности не наказала, но для дѣвичьей ввела новый — довольно таки тюремный — законъ. Полтора часа спустя послѣ ужина, въ десять часовъ вечера, производилась повѣрка, всѣ ли на мѣстахъ. А затѣмъ Марья Садовница обязана была замыкать подвалъ на ключъ и уже ни подъ какимъ видомъ не впускать новыхъ пришелицъ. Взысканій за отсутствіе никакихъ не дѣлалось, но опоздавшая къ повѣркѣ должна была скитаться остальную ночь до шести часовъ утра, гдѣ ей угодно, а въ шесть часовъ — пожалуйте уже садиться за работу? Пока стояла хорошая погода, надъ этою мѣрою смѣялись. Но дожди у насъ чаще, чѣмъ ясное небо, и, когда зарядили ливни, ненастье восторжествовало надъ романическими страстями, а тамъ, мало по малу, ябилась и привычка къ дисциплинѣ. Но, конечно. гдѣ дисциплина, тамъ и заговоръ. Отчаянныя дѣвицы стали искать, нельзя ли устроить выходъ изъ подвала, помимо двери, у которой сторожитъ Марья Садовница, и недосягаемыхъ оконъ съ рѣшетками. И, дѣйствительно, нашли въ стѣнѣ подъ штукатуркою какую-то старую дверь, заложенную кирпичемъ, въ которой поспѣшили продѣлать лазейку. На волю, какъ онѣ ожидали, лазейка не вывела,—зато открыла доступъ въ другой подвалъ, съ рядомъ кладовокъ, хранившихъ всѣ годовые запасы нашего хозяйства. Этому кладу дѣвицы обрадовались не меньше, чѣмъ волѣ. Замаскировавъ под-

копъ—отъ себя—сундуками, а въ томъ подвалѣ, гдѣ кладовки, сперва старыми оконными рамами, а потомъ деревянною закладкою, пригнанною по мѣркѣ отверстія и оштукатуренною подъ цвѣтъ стѣны, плутовки стали навѣщать кладовки каждую ночь. Подобрали ключи ко всѣмъ замкамъ и — питались и лакомились чѣмъ кому нравилось. Сперва понемножку, потомъ все больше и смѣлѣе, и, наконецъ, дошли до такой наглости, что даже начали поторговывать краденными яствами и питіями на сторону. Женщина, которая замѣнила Соломониду Степановну въ ключахъ, замѣтила убыль. Пока исчезали колбасы, сыры, конфекты, пряники, можно было думать на крысъ и мышей, хотя припасы были отъ нихъ охранены очень тщательно. Но крысы не могли сожрать безъ слѣда, съ костями, нѣсколько подвѣшенныхъ къ потолку окороковъ, а тѣмъ болѣе уносить бутылки съ виномъ, наливками, пивомъ, портеромъ и элемъ. Ключница, въ ужасномъ испугѣ и горѣ, донесла Соломонидѣ Степановнѣ о своихъ ущербахъ. Соломонида Степановна приняла докладъ ея холодно и подозрительно.—Подвалъ, молъ, непроницаемый, ключи у тебя; если изъ подвала, все-таки, пропадаютъ запасы, значитъ, воровка—ты; а съ жалобою забѣжала впередъ, только струсивъ, чтобы я сама тебя не уличила... Ключница—Ольга Офицерша,—въ самомъ дѣлѣ вдова военнаго, выслужившагося въ русско-турецкую войну изъ рядовыхъ до офицерскаго чина, — женщина безупречной честности и съ амбиціей,—очень обидѣлась. Она попросила у Соломониды Степановны срока на три дня—о жалобѣ ея никому не говорить, а она ужъ, тѣмъ временемъ, вора откроетъ и напраслину съ себя

сниметъ. Затѣмъ, воспользовавшись праздничнымъ днемъ, сказалась, будто ушла въ Никольское въ гости, а сама заперлась въ подвалѣ и изслѣдовала стѣны, ползая и щупая, вглядываясь и припадая ухомъ, пядь за пядью, вершокъ за вершкомъ. Конечно, нашла отдушину, легко сообразила ея происхожденіе и возликовала. Но Ольга была женщина не только обидчивая, а и мстительная и скрытная. Поэтому отдушину она возстановила въ тотъ видъ, какъ нашла, объ открытіи своемъ ничего никому не сказала, а только—на завтра —потихоньку пронесла въ подвалъ и укрѣпила въ кладовкѣ, наиболѣе пострадавшей отъ таинственныхъ хищеній, охотничій капканъ на лису...

Съ вечера, какъ только стемнѣло, она, взявъ съ собою дѣвченку-племянницу, прокралась и слушала. Еще задолго до полуночи въ подвалѣ раздался дикій вой пойманнаго звѣря. Ольга Офицерша послала племянницу взбудить Соломониду Степановну, а сама—скокъ въ подвалъ! Первымъ дѣломъ,—мимо воющаго плѣннаго тѣла,—задвинула отдушину кадкою съ огурцами, чтобы сообщницы не могли помочь пойманной двуногой лисѣ. Тѣмъ временемъ, входитъ Соломонида Степановна съ дѣвченкою. Освѣтили плѣнницу фонаремъ —и ахнули: лиса-то въ капканѣ—никто другая, какъ милѣйшая наша сестрица, барышня, Дарья Павловна!

Скандалъ вышелъ ужасный и немыслимый къ сокрытію. Ольга Офицерша блистательно оправдалась въ взводимыхъ на нее подозрѣніяхъ, но—все равно: поймавъ въ капканъ хозяйскую дочь, въ домѣ оставаться невозможно. Конечно, она никакъ не расчитывала поймать именно Дашу, но уже то обстоятельство, что она

поставила не хорьковый какой-нибудь капканъ, а на крупнаго звѣря, показывало, что мстительная баба надѣялась таки переломать кому-нибудь ноги. Въ дѣвичьей это сообразили и такъ обозлились на Ольгу Офицершу, что три дня, которые она еще прожила въ Барышѣ, она не рѣшалась ѣсть ничего, кромѣ яицъ и молока: боясь, что окормятъ.

Долго пролежала Даша съ ногою въ лубкахъ. Встала—не то, чтобы вовсе хромою, но съ какою-то новою ныряющею походкою. По уѣзду, конечно, гремѣлъ сосѣдскій хохотъ. Еще-бы! Лиса-воровка, барышня въ капканѣ... Къ стыду нашему, и мы-то, сестры, — я и Агаша,—жалѣли ее черезъ смѣхъ. Понимаемъ, что она пострадала жестоко и наказана гораздо больнѣе, чѣмъ заслужила. Но—какъ вспомнимъ: лиса въ капканѣ!—мочи нѣтъ, хохочемъ... Наташа унимаетъ насъ, стыдитъ, а сама губы покусываетъ и въ голубыхъ ея глазахъ прыгаютъ веселыя золотыя искры.

Даша, конечно, все видѣла, — понимала, что стала смѣшна,—изнывала отъ стыда и гнѣва... И, накопляя ихъ въ безмолвіи, такъ озлобилась, такъ отчудилась отъ насъ, что уже никого не хотѣла видѣть. Что ни войдешь къ ней, повернется лицомъ въ стѣну, лежитъ и молчитъ. А, чуть встала, еще совсѣмъ хроменькая, поплелась провѣдать своихъ подвальныхъ пріятельницъ. Но мало кого изъ нихъ нашла. Соломонида Степановна, до ярости разгнѣванная ночью съ капканомъ, разогнала чуть не половину мастерской, не разбирая правыхъ и виноватыхъ. Въ число осужденныхъ на изгнаніе попала было даже и Катя-прачка. Но она такъ спокойно и серьезно просила простить ее, такъ твердо

обѣщала исправиться, что Соломонида Степановна призадумалась... А Катя твердила:

— Я вамъ пригожусь, Соломонида Степановна, — вы меня пожалѣйте, а я вамъ пригожусь...

— Мнѣ самой жаль отпускать тебя, Катерина,—откровенно возразила хозяйка,—и руки у тебя золотыя, и человѣкъ ты мнѣ по душѣ, но ведешь себя, какъ самый нестерпимый дьяволъ... Вѣдь сознайся: всю эту мерзость съ кладовкою ты придумала?

— Что же? Дѣло прошлое: я...

— Вотъ, видишь: какъ же тебя оставить? Ты весь домъ перемутила...

— А вы меня сдѣлайте главною, — озадачила ее Катя.

— Тебя? это вмѣсто того, чтобы выгнать?—расхохоталась Соломонида Степановна.—Да—что я—не въ своемъ разумѣ или себѣ врагъ?

— А вы попробуйте,—настаивала Катя.—Все равно: Марью Садовницу вы смѣните, она не годится, слабая.Вы ее лучше на ключи переведите, вмѣсто Ольги. А другой на примѣтѣ у васъ нѣтъ...

— Да вѣдь ты молоденькая. Какая ты старшая? Тебѣ есть ли двадцать лѣтъ?

— Что вы, помилуйте, давно совершеннолѣтняя. Попробуйте, Соломонида Степановна: ужъ я—что обѣщаю, то обѣщаю. Ни сама не сшалю, ни другимъ не позволю.

Повѣрила ли Соломонида Степановна, любопытство ли взяло, но—попробовала... И—въ одну недѣлю—не узнать было «ада». Настолько, безъ всякихъ запоровъ

и затворовъ, дисциплинировала его новая старшая, сумѣвъ заставить работать самыхъ лѣнивыхъ, обуздавъ самыхъ дерзкихъ, поладивъ съ самыми строптивыми и запугавъ самыхъ смѣлыхъ до того, что—скажетъ дѣвица словцо не къ мѣсту, да сію же минуту и обомретъ сердцемъ, и озирается: батюшки, не услыхала бы Катерина Харитоновна?

Дашу Катя встрѣтила, точно никогда не были дружны:

— Что вамъ угодно, барышня? — спросила она съ суровостью.—Извините, но вамъ здѣсь совсѣмъ не мѣсто. Дѣвушки работаютъ, съ нихъ спрашиваютъ, а вы приходите имъ мѣшать...

Бѣдную Дашу — какъ громомъ ошеломило... Катя это или не Катя? Ей говоритъ или не ей?..

Постояла, уничтоженная... повернулась... заплакала... ушла...

Въ числѣ дѣвицъ, изгнанныхъ Соломонидою Степановною за ночь съ капканомъ, оказалась и величайшая искусница шитья по вырѣзи, Пелагея - тверичка, съ лягушечьими глазами. Несмотря на все ея искусство, Соломонида Степановна не пожалѣла ее потерять, потому что, женщина ужъ очень зазналась, обнаглѣла, работать начала лѣниво и спустя рукава и мутила дѣвушекъ бунтовать противъ хозяйки. Даша, передъ тѣмъ, какъ попасть въ капканъ, была неразлучна съ этой Пелагеей. Настолько, что, когда играли въ «свадьбу», то она изображала невѣсту, а Пелагея жениха, безъ жребія, по собственному согласію, что считалось высшимъ доказательствомъ пріязни. И—мало того: на Семикъ онѣ посестрились—по стародавнему мѣстному

обычаю, съ мѣною натѣльныхъ крестовъ, и обѣ пустили себѣ кровь изъ большого пальца на правой рукѣ и высосали ранки—Пелагея у Даши, Даша у Пелагеи. Такое посестримство считается въ нашихъ мѣстахъ гораздо важнѣе и прочнѣе и отвѣтственнѣе настоящаго кровнаго родства. Говорятъ, что прежде посестримство было чрезвычайно распространено и мѣстный обычай считался съ нимъ, какъ съ закономъ, но къ моему времени оно уже совершенно вымерло и если вспоминалось, то лишь шутки ради забавницами, какъ Даша съ Пелагеей. Однако, съ этого времени онѣ еще тѣснѣе сдружились —и уже до того, что просто, не могли жить другъ безъ дружки: куда одна, туда и другая, какъ нитка за иголкою. А въ дружбѣ были перевнивыя — такъ и слѣдили обѣ въ четыре глаза, чтобы между ними не замѣшалась какая-нибудь третья. Бывало, сойдемся мы, сестры, въ саду, усядемся въ кружокъ, зазовемъ Дашу, попрежнему: — Поври что нибудь! разсказывай!.. Ее долго просить не надо: сейчасъ же, какъ борзый крылатый конь, полетитъ повыше лѣса стоячаго, пониже облака ходячаго, за тридевять земель въ тридесятое царство, въ ненаше государство. Но — не успѣетъ она хорошенько разойтись, а мы—развѣсить уши, какъ— уже глядь: откуда нибудь изъ-за плетня либо изъ-за дерева выглядываетъ сѣрое рябое лицо Пелагеи и нетерпѣливо дѣлаетъ лягушечьими глазами недовольные знаки: «брось, молъ, ихъ! поди, я тебѣ важное дѣло скажу! да, ну, скорѣе!» И Даша, — ужъ на что была охотница поговорить, особенно, когда ей предоставляли свободу сочинять и распускать фантазію, какъ ей угодно, — поспѣшно обрывала рѣчь и не шла

— бѣжала къ зовущей пріятельницѣ. Въ дѣвичьей серьезно толковали, что Пелагея опоила Дашу приворотнымъ зельемъ, потому что рѣшительно никакихъ достоинствъ не имѣла эта бабенка, за которыя стоило бы къ ней привязаться. Вѣдь, помимо своей физической некрасивости, она и глупа была очень — по крайней мѣрѣ, являлась такою предъ нами, когда мы, ради Даши, пробовали принимать ее въ свою компанію. Прескучно съ нею бывало, — знай, молчитъ да конфузливо ухмыляется, съ затаеннымъ лукавствомъ, будто про всѣхъ и каждую изъ насъ что-то знаетъ да не скажетъ. А, чуть осталась съ Дашей вдвоемъ, трещатъ обѣ безъ умолка, какъ сороки, хохочутъ, заливаются. И въ дѣвичьей, между мастерицами, то же самое. Разныя наши злыдни, конечно, толковали эту дружбу гадостями, которыя развела въ Барышѣ пресловутая наша учительница Аріадна Семеновна Ф. или которыя, по крайней мѣрѣ, на ея память валились. Но было мало вѣроятнаго: для подобнаго увлеченія Даша могла бы сдѣлать выборъ, гораздо лучшій этой невзрачной тверички съ ея лягушечьими глазами, противною неопрятностью и неразлучнымъ рыбнымъ запахомъ. Потому что обвиняемыхъ и подозрѣваемыхъ въ этомъ грѣхѣ было много, и, къ стыду новыхъ порядковъ въ Барышѣ, онъ Соломонидою Степановною не то, чтобы не преслѣдовался, но умышленно не замѣчался. По причинѣ чисто практической: сдружатся двѣ мастерички между собою — работаютъ у станковъ круглый годъ, гуляютъ двѣ мастерички съ парнями — обѣ, мѣсяцевъ черезъ семь-восемь, должны покинуть мастерскую, потому что въ тягости и скоро рожать. Хозяйкѣ, такимъ образомъ, была пря-

мая выгода предпочитать безплодный порокъ пороку плодовитому, тѣмъ болѣе, что ни нравственный, ни физическій вредъ его ея понятіямъ были недоступны. Въ глубинѣ души, она, какъ и едва ли не всѣ прочія женщины Барыша, считала все это не болѣе, какъ баловствомъ, которое, конечно, непохвально, но и худа отъ него никому нѣтъ. А потому, оно — для насъ, барышень, напримѣръ, недозволительно — не само по себѣ недозволительно, а только потому именно, что мы барышни, и должны соблюдать себя по нѣсколько высшимъ требованіямъ морали, — но для обитательницъ дѣвичьей, если и грѣхъ, то столь малый, что не стоитъ въ немъ и попу на духу каяться. Сверхъ того, слыхала я, читывала и наблюдала, что для тѣхъ, кого эта бѣда посѣтила, другой полъ уже какъ бы не существуетъ. А постояннымъ сердечнымъ состояніемъ Даши была пылкая заочная влюбленность въ кого-либо изъ молодыхъ людей, появлявшихся — подобно рѣдкимъ метеорамъ — въ скучномъ быту Барыша, Воздвиженскаго, Никольскаго. Это былъ для нея какъ бы непремѣнный фонъ мысли и жизни, на которомъ ея фантазія плела самые удивительные сказочные узоры, но, опять таки — всегда съ чувствами, обращенными къ царевичамъ, а не къ царевнамъ. Впрочемъ, надо и ту правду отмѣтить, что ни одинъ ея, столь страстно воображаемый, романъ не переходилъ изъ области фантастическихъ мечтаній въ дѣйствительность, и предъ настоящими ухаживателями своими она, такая смѣлая и бойкая за глаза, всегда дѣлалась застѣнчива до дикости, робка до угрюмости. По крайней мѣрѣ, такъ бывало, покуда она жила у насъ на глазахъ, въ Барышѣ.

Ну, да, словомъ, что бы и какъ бы тамъ ни было, — Дашу съ ея пріятельницею, просто, какъ говорится, чортъ веревочкой связалъ. И связалъ крѣпко. Гораздо крѣпче, чѣмъ даже мы понимали и ожидали. Особенно послѣ того, какъ Даша, лежа больною, нахитрила: даже не попыталась просить Соломониду Степановну за изгнанную пріятельницу и когда та уѣзжала, простилась съ нею довольно холодно.

И вотъ теперь, вдругъ, получаетъ Даша письмо отъ Пелагеи, что та живетъ на мѣстѣ въ Казани, швеею, у очень богатыхъ купцовъ, изъ нѣмцевъ, людей хорошихъ и ласковыхъ. Торгуютъ они всякимъ модньмъ и галантерейнымъ товаромъ, магазинъ ихъ на главной улицѣ и пребольшой, и ищутъ они въ магазинъ продавщицу, чтобы была дѣвушка сообразительная, бойкая и красивая. Пелагея показала хозяйкѣ фотографическую карточку Даши, и Даша хозяйкѣ очень понравилась, и хозяину тоже. И, если бы Даша желала, то мѣсто въ казанскомъ магазинѣ она можетъ занять — хоть сейчасъ. А жалованье 50 рублей въ мѣсяцъ, а Казань городъ прекрасный и жить въ немъ дешево. А она, Пелагея, тогда бы отъ мѣста отошла и сняла бы квартиру — держать нахлѣбниковъ, и Даша, стало быть, могла бы поселиться у нея.

Сегодня Даша получила это письмо, а завтра уже ѣхала въ Казань. Соломонида Степановна ее не задерживала. Во-первыхъ, потому, что ея не любила и рада была отъ нея прилично отдѣлаться. Во-вторыхъ, потому, что предложеніе было опредѣленное, магазинъ очень извѣстный и даже нѣсколько знакомый самой Соломонидѣ Степановнѣ, которая дѣлала въ немъ

крупныя закупки для Барыша, когда была въ Казани съ покойною Марьею Михайловною. Въ третьихъ и главное, — потому что и сама Даша, и Соломонида Степановна, и всѣ въ Барышѣ понимали, что Дашѣ, послѣ капкана, въ Никифоровскомъ уѣздѣ не житье. Кто ни вспомнитъ лису въ капканѣ, — осмѣетъ. Да не только, что ее, а Соломонида Степановна очень боялась, какъ бы зазорная Дашина исторія не отозвалась дурною насмѣшливою молвою и на насъ, сестрахъ. И — на что уже вольнодумка была наша Наташа, а, кажется, Михаилъ Михайловичъ Карягинъ именно тѣмъ и покорилъ ея сердце, что, какъ слѣдовало истинному интеллигенту, не придалъ капканному анекдоту никакого значенія и не охладѣлъ къ Наташѣ только за то, что у нея есть смѣшная, необразованная и взбалмошная сестра. Словомъ, всѣ были согласны, что Дашѣ, полезно покинуть родныя мѣста, хотя бы лишь на нѣкоторое время, покуда о ней забудутъ вообще, а о послѣднемъ ея приключеніи въ особенности...

Какъ сейчасъ, вижу холодный, почти морозный, ясный день и облачко пыли вокругъ стучащаго тарантаса, съ котораго Даша прощально машетъ бѣлымъ платочкомъ намъ, стоящимъ у воротъ усадьбы, съ поворота къ Звонаревкѣ, гдѣ дорога уже уходитъ съ равнины, за ощетинившійся елями холмъ...

Уѣхала она, простившись со всѣми очень холодно и — откровенно никого не любя. А намъ, когда она скрылась за Звонаревкою, всѣмъ безъ исключенія, стало тяжело — грустно и совѣстно, точно, отпустивъ ее, мы совершили какой-то безсознательный, но нехоро-

шій грѣхъ. Будущее не замедлило показать, что такъ оно и было.

Изъ Казани Даша коротенькою открыткою извѣстила, что прибыла благополучно, успѣвъ еще захватить въ Перми осеннюю навигацію; Пелагея встрѣтила ее на пристани и завтра уже поведетъ ее на мѣсто...

А затѣмъ замолкла...

Прошелъ мѣсяцъ, другой — молчитъ. Написали ей на адресъ магазина, что, вотъ, Наташа выходитъ замужъ, не отпуститъ ли тебя хозяинъ на свадьбу сестры. Молчитъ. Сыграли свадьбу. Наступилъ филипповскій постъ, приблизилось Рождество. О Дашѣ все ни слуха, ни духа.

Безпокоились о ней мало, потому что знали ея безграничную лѣнь и безпечность, а больше сердились, что — вотъ, молъ — устроилась тамъ какъ-то по своему и забыла родной домъ. Но вотъ, одинъ изъ родственниковъ нашего новаго зятя, М. М. Карягина, Наташина мужа, побывавъ въ Казани, привезъ намъ смущающее извѣстіе, что въ магазинѣ, который пригласилъ Дашу на службу, онъ ея не нашелъ. А, когда сталъ распрашивать о Дашѣ, хозяинъ выслушалъ съ искреннимъ удивленіемъ и отвѣчалъ, что такая у него никогда не служила и онъ не имѣетъ о ней никакого понятія. Служащія въ магазинѣ — всѣ давнія, уже года три безъ всякихъ перемѣнъ въ персоналѣ, и, пока что, онъ вполнѣ обходился ими и новыхъ брать не собирался и не собирается, такъ какъ времена стоятъ тугія и дѣло идетъ не на прибыль, а къ убыли.

Дашино исчезновеніе отозвалось въ Барышѣ гораздо слабѣйшимъ впечатлѣніемъ, чѣмъ — казалось бы

— требовалъ фактъ... Странно, но мы почти ожидали чего-нибудь подобнаго. Конечно, было послано заявленіе въ казанскую полицію, были сдѣланы публикаціи въ газетахъ... Безплодно!.. До тѣхъ поръ, какъ Даша сошла съ парохода и была встрѣчена на пристани женщиною, въ которой по описанію, мы признали, дѣйствительно, Пелагею, — бѣглянка была прослѣжена. Дальше — точно темная ночь ихъ накрыла, обѣихъ этихъ женщинъ: ни слѣда, ни слуха. Выяснилось, что Пелагея въ швеяхъ у нѣмца-магазинщика никогда не служила и имя ея ему неизвѣстно. Слѣдовательно, письмо отъ Пелагеи, съ приглашеніемъ на мѣсто, было или ловушкою, разставленною Дашѣ для какой-то нечистой и темной цѣли, или комедіей, которую Пелагея продѣлала по соглашенію съ Дашею. Это второе предположеніе было не лишено вѣроятности. Опросъ въ дѣвичьей установилъ, что Пелагея не разъ уговаривала Дашу уѣхать изъ Барыша, увѣряя, что такой красивой и бойкой барышнѣ — на свѣтѣ всюду будетъ добрый пріемъ и широкая дорога, а не вѣкъ же гнить въ лѣсной трущобѣ, среди нелюбимыхъ людей. А по изгнаніи своемъ приходила прощаться съ Дашею и долго говорила съ нею наединѣ. Очевидно, тутъ-то онѣ и условились. По заявленію Соломониды Степановны, наша полиція искала Пелагею по мѣсту родины въ Тверской губерніи, а оттуда, тверская, искала ее въ Казани и у насъ,—одинаково напрасно. Весною, съ открытіемъ навигаціи, Соломонида Степановна сама съѣздила въ Казань и провела много часовъ въ тамошнемъ сыскномъ отдѣленіи. Ей объяснили, что, конечно, Дашу ищутъ и будутъ искать — на то и сыскное отдѣленіе.

Но — въ подобныхъ случаяхъ, поиски идутъ гораздо удачнѣе, если снабжены средствами, въ частномъ порядкѣ, со стороны заинтересованныхъ лицъ...

— Сколько могли бы вы ассигновать на разысканіе вашей родственницы?

Соломонида Степановна подумала, посчитала и сказала:

— Да, рублей триста, пожалуй, дамъ.

Ей разсмѣялись въ глаза, съ возраженіемъ, что вдесятеро — и то не будетъ довольно:

— По Персіи-то рыскать не дешево...

— Развѣ она въ Персіи? — удивилась Соломонида Степановна.

Объяснили. Тамъ ли, нѣтъ ли, но — разъ Даша не откликается на поиски по Россіи, — значитъ, или она умерла, или ея въ Россіи нѣту, или она не хочетъ, чтобы ее нашли, или она находится въ условіяхъ, которыя не позволяютъ ей откликнуться... По мнѣнію завѣдующаго сыскомъ, Даша — почти несомнѣнно попала въ руки торговцевъ живымъ товаромъ, которые сплавили ее въ Азію, или даже дальше. Очень можетъ быть, что она теперь гдѣ-нибудь въ Мельбурнѣ или Сингапурѣ или въ одномъ изъ портовыхъ городовъ Тихаго океана. Но, гдѣбы ни была, она должна была пройти изъ Казани персидскимъ караваномъ внизъ по Волгѣ на Каспій: это непремѣнный трактъ промысла. И, стало быть, ключа къ ея нахожденію надо искать именно тамъ... Но поиски требуютъ денегъ, денегъ и денегъ.

— Нѣтъ, я больше трехсотъ рублей истратить не въ состояніи, — угрюмо отказалась Соломонида Сте-

пановна. А про себя, поди, думала, какъ про Лизу, когда та заразилась:

— Что я буду дѣлать съ нею, т а к о ю, если найдется? Куда намъ ее?

Завѣдующій пожалъ плечами, развелъ руками.

— Какъ вамъ угодно... Не наша вина!..

Такъ — пожалѣла Соломонида Степановна денегъ — и пропала Даша, словно ея вовсе не было на свѣтѣ... Мы видѣли и знали ее, какъ буйный сонъ въ ночи, который разсѣялся съ первымъ свѣтомъ утра, оставивъ на грядущій день лишь блѣднѣющее, съ минуты на минуту, впечатлѣніе жалкаго и дикаго призрака — «не къ добру»... Зачѣмъ онъ приходилъ, какъ ушелъ,—кто его знаетъ. А вспоминается непріятно: недоумѣнно и будто совѣстно, и будто съ предчувствіемъ, что, вотъ, за это когда-нибудь придется отвѣчать какимъ-нибудь наказующимъ стыдомъ...

Слабый слѣдъ Даши, какъ будто, однажды показался другой сестрѣ нашей, тоже избравшей себѣ жребій бѣглянки и странницы, но съ болѣе счастливымъ конечнымъ исходомъ: сестрѣ Агашѣ. Въ то время она, уже выбившись изъ бродячей нужды, но еще скрываясь, служила кассиршею въ одномъ странствующемъ, хотя и первоклассномъ, циркѣ, скитаясь съ нимъ изъ одного большого города въ другой по всей Россіи. И вотъ, въ Ростовѣ на Дону встрѣтила она двухъ женщинъ, которыя когда-то работали въ нашей мастерской и, послѣ приключенія лисы, пойманной въ капканъ, были выгнаны Соломонидою Степановною, въ числѣ прочихъ, тогда ликвидированныхъ, грѣшницъ. Женщины эти, въ моментъ встрѣчи съ Агашею, были уже не такъ-

то молоды: со времени ихъ изгнанія прошло около десяти лѣтъ. Обѣ онѣ принадлежали теперь къ числу той неопредѣленной человѣческой толпы, что всегда гнѣздится по большимъ городамъ около мѣстъ развлеченій: театровъ, концертныхъ залъ, кафешантановъ, цирковъ. Чѣмъ, собственно, она отъ нихъ питается, — трудно понять, а въ то же время никакихъ другихъ заработковъ или средствъ прокормленія у этихъ паразитовъ зрѣлищнаго дѣла какъ будто нѣту и живутъ онѣ буквально отъ наѣзда одной труппы до другой, безъ разбора — какая, точно кошки,которыя приживаются къ дому, а не къ людямъ. Женщины сразу узнали Агашу и очень ей обрадовались. Начались взаимные разспросы, какъ кто жилъ и что гдѣ видѣлъ за истекшіе годы. Дошла рѣчь до побѣга Даши, о чемъ женщины, будучи изгнаны изъ Барыша раньше, казалось бы, не должны были знать. Но онѣ, переглянувшись, сказали, послѣ нѣкотораго колебанія, будто — жаль, не знали онѣ, что въ то время Дашу разыскивали; имѣли такое убѣжденіе, что барышня свихнулась, и семья отъ нея отреклась; а то откликнулись бы на поиски: вѣдь, тогда довести ихъ до конца было совсѣмъ не трудно. Любопытствуя, Агаша, мало по малу, выпытала изъ нихъ показанія, болѣе опредѣленныя. Со всѣми предосторожностями и послѣ клятвенныхъ обязательствъ ея въ томъ, что она никогда ихъ не выдастъ въ новомъ городѣ, гдѣ онѣ обжились по хорошему, имѣютъ постоянныхъ сожителей и даже собираются обзакониться, женщины признались, что нѣкоторое время промышляли въ Саратовѣ, а затѣмъ въ одномъ уѣздномъ приволжскомъ городѣ, тайною проституціею. При

этомъ снимали онѣ квартиру не у кого другой, какъ именно у той тверички Пелагеи, съ которою было связано исчезновеніе сестры Даши. Однако Даши тогда при Пелагеѣ уже не было — и, гдѣ она, женщины не знали. Пелагея также увѣряла, будто не знаетъ, хотя проговаривалась, что онѣ нѣкоторое время жили вмѣстѣ въ Казани и Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ барышня Даша пѣла на ярмарочныхъ «самокатахъ». Но вскорѣ ей выпала большая фортуна — только ужъ очень далеко, такъ что Пелагея не рѣшилась за нею послѣдовать, будучи въ то время влюблена въ одного нижегородскаго почтальона и не желая разстаться съ предметомъ своей нѣжной страсти. Проговаривалась она и — что получала отъ Даши изъ ея безвѣстнаго далека письма. Если Агаѳьѣ Павловнѣ угодно, то Пелагею найти не трудно, хотя она перемѣнила имя, фамилію и паспортъ, почему и были безрезультатны ея полицейскіе поиски. Еще два года назадъ она промышляла въ томъ же городѣ тѣмъ же дѣломъ, т.-е. содержала квартиру, сдаваемую по комнатамъ тайнымъ проституткамъ. Агаша, глубоко заинтересованная, просила женщинъ, если возможно, снестись со старою знакомою. Женщины обѣщали и, дѣйствительно, навели справки. Но результаты получили печальные, такъ какъ оказалось, что Пелагея — уже съ годъ тому назадъ — была убита шальною пулею, во время усмиренія холернаго бунта... Во всякомъ случаѣ, профессія этой женщины и ея слова о томъ, что Даша сдѣлала фортуну гдѣ-то далеко, вполнѣ подтверждали печальное предположеніе, которое о пропажѣ Даши сдѣлала сыскная полиція. То-есть, что искать надо было бы гдѣ-либо на

персидскихъ рынкахъ живого товара или въ портахъ великаго пароходнаго пути Индійскаго и Тихаго океановъ . . .

А вѣрнѣе еще... Въ началѣ девяностыхъ годовъ я концертировала въ Баку. Осматривала Черный городокъ, видѣла мазутныя ямы. Спутникъ мой, мѣстный инженеръ-желѣзнодорожникъ, разсказывалъ мнѣ, какъ часто въ этихъ вмѣстилищахъ исчезаютъ тѣла несчастныхъ женщинъ, завезенныхъ влюбчивыми «персюками», какъ онъ выразился, съ Нижегородской ярмарки и съ Волги... Я вспомнила Дашу... Подумала, что, можетъ быть, и ея косточки успокоились нѣкогда гдѣнибудь здѣсь — въ черной густой пучинѣ... Глаза загорѣлись слезами... А какая отъ нихъ польза?

Конецъ романа

«ГНѢЗДО»,

перваго въ хроникѣ «Сестры».

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

Медвѣжій уголъ 15

Сестра Елена 153

Разгонъ 287

ГРАНИ

BINDING NOV 4 1968

PG
3451
A783
1922
t.1

Amfiteatrov, Aleksandr Valentinovich
Sestry 2. izd.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

[redacted]

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY